Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 9 2022 Сентябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт государства и права РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2022

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 9 2022 September

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of State and Law of the RAS, 2022
© Editorial Board of "State and Law", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 9, 2022

Президентом Российской академии наук избран академик РАН
Геннадий Яковлевич Красников

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Служение науке (К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе)
А.Н. Савенков 9

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Истина философии и идея права: проблема единства
А.И. Александров, Д.К. Богатырев 22

Конституционное Собрание Российской Федерации. Нераскрытый потенциал учредительной власти
Е.В. Виноградова 31

К вопросу о Конституционном Собрании
И.Л. Данилевская 37

Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки)
Д.А. Авдеев 47

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Трудовая миграция и человеческий капитал в условиях глобализации: проблемы конституционно-правовой политики
В.С. Хижняк 57

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества
Е.В. Михайлова, С.Ю. Чуча, Н.В. Летова, Н.И. Соловяненко 66

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества
А.В. Габов, В.А. Лаптев 75

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда
С.Б. Россинский 84

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права
Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова 94

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Э. Фромм: европейская культура и германский национал-социализм
В.Н. Жуков 105

Анализ психологии власти в работах конституционалистов советского и постсоветского этапов развития России
В.Т. Кабышев 122

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств
И.С. Жудро 128

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Захват власти в России большевиками в Октябре 1917 г. Политика «военного коммунизма» как особый сбор дани с русского (российского) крестьянства
К.С. Бельский 140

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации
Н.Д. Эриашвили 150

Об экосистемном подходе к развитию Арктики в связи с новейшим инвестиционным регулированием
М.С. Пермиловский 156

Защита прав должника при обеспечительной передаче правового титула
А.В. Пушкина 162

Отступное как способ прекращения обязательства: новые тенденции
Ю.С. Овчинникова 167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права
А.И. Каплунов, В.Ю. Ухов 174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Конституционное правосудие в исторической ретроспективе
История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9.
История конституционного правосудия в России / В.А. Кряжков, М.А. Митюков
О.В. Брежнев 187

History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9.
History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov
T.M. Khramova, A.A. Troitskaya 191

CONTENTS

Number 9, 2022

Service to science (To the 110th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.M. Chkhikvadze)
A.N. Savenkov 9

DISCUSSIONS AND DEBATES

The truth of philosophy and the idea of law: the problem of unity
A.I. Aleksandrov, D.K. Bogatyrev 22

The Constitutional Assembly of the Russian Federation. The untapped potential of constituent power
E.V. Vinogradova 31

On the question of the Constitutional Assembly
I.L. Danilevskaya 37

Constitutional reform 2020 in Russia and its political and legal consequences (some notes)
D.A. Avdeev 47

LAW AND POLICY

Labor migration and human capital in the context of globalization: problems of constitutional and legal policy
V.S. Khizhnyak 57

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the conditions of globalization and digitalization of the state and society
E.V. Mikhailova, S. Yu. Chucha, N.V. Letova, N.I. Solovyanenko 66

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Legal nature and limits of application of penalty in commission legal relations in the field of military-technical cooperation
A.V. Gabov, V.A. Laptev 75

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Inclusion of evidence in a criminal case as a form of implementation of the state-governmental powers of the preliminary investigation and court bodies
S.B. Rossinskiy 84

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

The main trends and problems of the development of the science of Information Law
T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, N.V. Krotkova 94

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

E. Fromm: European culture and German National Socialism
V.N. Zhukov 105

Analysis of the psychology of power in the works constitutionalists of the Soviet and post-Soviet stages of Russia's development
V.T. Kabyshev 122

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The practice of Canada's use of historically established titles in relation to Arctic Sea spaces
I.S. Zhudro 128

PAGES OF HISTORY

The seizure of power in Russia by the Bolsheviks in October 1917. The policy of "war communism" as a special tribute collection from the Russian (Russian) peasantry
K.S. Belsky 140

SCIENTIFIC REPORTS

Theoretical and legal foundations of the development of federalism in the conditions of centralization of state power in the Russian Federation
N.D. Eriashvili 150

On the ecosystem approach to the development of the Arctic in connection with the latest investment regulation
M.S. Permilovskiy 156

Protection of the rights of the debtor in the security transfer of title
A.V. Pushkina 162

Compensation as a way to terminate an obligation: new trends
Yu. S. Ovchinnikova 167

SCIENTIFIC LIFE

Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law
A.I. Kaplunov, V. Yu. Ukhov 174

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Constitutional justice in historical retrospective
History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov
O.V. Brezhnev 187

History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov
T.M. Khramova, A.A. Troitskaya 191

ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ИЗБРАН АКАДЕМИК РАН ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ КРАСНИКОВ

20 сентября 2022 г. на общем собрании членов РАН Президентом Российской академии наук избран академик РАН, доктор технических наук, профессор Геннадий Яковлевич Красников.

Геннадий Яковлевич Красников, крупный ученый с мировым именем в области физики полупроводниковых приборов, родился 30 апреля 1958 г. в Тамбове.

В 1981 г. окончил с отличием физико-технический факультет Московского института электронной техники (МИЭТ).

С 1981 г. – инженер НИИ молекулярной электроники (НИИМЭ) с опытным заводом «Микрон». В последующие годы занимал должности ведущего инженера, начальника модуля, начальника цеха, заместителя главного инженера, заместителя генерального директора.

В 1990 г. по окончании аспирантуры МИЭТ успешно защитил кандидатскую диссертацию.

С 1991 по 2016 г. – генеральный директор ОАО «НИИМЭ и Микрон».

В 1996 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Физико-технологические принципы и методы обеспечения качества КМОП БИС массового производства».

В 1997 г. был избран членом-корр. РАН по Отделению информатики, вычислительной техники и автоматизации (вычислительная техника и элементная база).

В 1998 г. присвоено звание профессора.

В 2008 г. был избран академиком РАН по Отделению нанотехнологий и информационных технологий (микро- и наноэлектроника).

В 2012 г. был доверенным лицом кандидата на должность Президента РФ В.В. Путина.

С 2016 г. – генеральный директор АО «НИИМЭ», председатель совета директоров ПАО «Микрон» и председатель совета директоров АО «НИИТМ» (НИИ точной механики).

В 2017 г. был избран членом Президиума РАН.

С 2019 г. – академик-секретарь Отделения нанотехнологий и информационных технологий РАН.

В 2021 г. был избран иностранным членом Национальной академии наук Беларуси.

Академик РАН Г.Я. Красников – член Консультативного научного совета Инновационного центра «Сколково», член НТС Военно-промышленной комиссии РФ, член Межведомственного совета по присуждению премий Правительства в области науки и техники, член Комиссии по

кадровым вопросам Совета при Президенте РФ по науке и образованию, председатель научного Совета РАН «Фундаментальные проблемы элементной базы информационно-вычислительных и управляющих систем и материалов для ее создания», председатель научного Совета при Президиуме РАН «Квантовые технологии», член Совета РАН по исследованиям в области обороны, член Научно-координационного совета РАН по проблемам прогнозирования и стратегического планирования в Российской Федерации, член Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства (Российская часть), член наблюдательного Совета Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Национального исследовательского университета «МИЭТ», почетный доктор Санкт-Петербургского национального исследовательского Академического университета РАН.

Сфера научной деятельности Г.Я. Красникова – физика полупроводников, полупроводниковых приборов, технологии создания сверхбольших интегральных схем.

Автор и соавтор более 460 научных работ в отечественных и зарубежных рецензируемых изданиях, восьми научных монографий и более 50 авторских свидетельств и патентов.

Академик РАН Г.Я. Красников развивает научную школу по наноэлектронным транзисторным структурам и руководит разработкой микроэлектронных технологий, критически важных для обеспечения государственной безопасности и запрещенных к экспорту в Россию. Совместно с научными коллективами академических институтов и промышленных НИИ создал консорциум «Перспективные материалы и элементная база информационных и вычислительных систем», в рамках которого осуществляются фундаментальные исследования в области электронных технологий.

Г.Я. Красников возглавляет базовую кафедру «Микро- и наноэлектроники» в Московском физико-техническом институте (МФТИ) и базовую кафедру «Субмикронная технология СБИС» в Национальном исследовательском университете «МИЭТ», руководит подготовкой специалистов высшей квалификации по актуальным и перспективным направлениям нано- и микроэлектроники.

Является главным редактором журнала «Микроэлектроника», а также членом редколлегии ряда журналов.

Г.Я. Красников – Лауреат Государственной премии РФ в области науки и технологии (2014), трех премий Правительства РФ в области науки и техники (1999, 2009, 2019). Награжден орденом Почёта (1999), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2008), орденом Дружбы (2014), орденом Александра Невского (2018), медалью «В память 850-летия Москвы» (1997).

Лауреат премии Миноборонпрома России за работы в области науки, техники и технологий, ордена «Знак Почета» Миноборонпрома России.

Лауреат Государственной премии Республики Мордовия за выдающийся вклад в развитие научно-инновационного потенциала Республики Мордовия и плодотворное сотрудничество, ордена Славы III степени Республики Мордовия, награжден медалью «За заслуги» Республики Мордовия.

Награжден медалью ЮНЕСКО «За вклад в развитие нанонауки и нанотехнологий» (2016). Отмечен благодарностями Президента РФ, Председателя Правительства РФ, мэра Москвы, руководителей федеральных органов исполнительной власти, губернаторов ряда субъектов Российской Федерации.

* * *

Поздравляем академика РАН Геннадия Яковлевича Красникова с избранием на должность Президента Российской академии наук и желаем крепкого здоровья, благополучия, новых научных свершений на благо нашей Родины!

Институт государства и права
Российской академии наук,
редакционный совет, редколлегия,
редакция журнала «Государство и право» РАН

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 9–21
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 9–21

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ
(К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе)

© 2022 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.07.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена творческому наследию члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора, государственного и общественного деятеля Виктора Михайловича Чхиквадзе, 110-летие со дня рождения которого научная общественность России отмечает в этом году. Чхиквадзе возглавлял Военно-юридическую академию, Институт государства и права АН СССР, активно занимался разработкой двух научных направлений – советского военно-уголовного права и теории прав человека, много сделал для укрепления международных связей СССР.

Ключевые слова: В.М. Чхиквадзе, член-корреспондент АН СССР, уголовное право, военное право, военно-уголовное право, права человека, теоретическое наследие, международное сотрудничество.

Цитирование: *Савенков А.Н.* Служение науке (К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе) // Государство и право. 2022. № 9. С. 9–21.

DOI: 10.31857/S102694520022219-1

SERVICE TO SCIENCE
(To the 110th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.M. Chkhikvadze)

© 2022 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@mail.ru

Received 21.07.2022

Abstract. The article is devoted to the creative legacy of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, statesman and public figure Viktor M. Chkhikvadze, the 110th anniversary of the birth of which the scientific community of Russia is celebrating this year. Chkhikvadze headed the Military Law Academy, the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, was actively engaged in the development of two scientific areas – Soviet Military Criminal Law and human rights theory, did a lot to strengthen international relations of the USSR.

Key words: Viktor M. Chkhikvadze, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Criminal Law, Military Law, Military Criminal Law, human rights, theoretical heritage, international cooperation.

For citation: *Savenkov, A.N. (2022).* Service to science (To the 110th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.M. Chkhikvadze) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 9–21.

В Большой российской энциклопедии с присущей ей лаконичностью сообщается: «Чхиквадзе Виктор Михайлович [19.12.1911(1.1.1912), с. Зоврети Шорапанского (Шаропанского) у. Кутаисской губ., ныне Зестафонского муниципалитета края Имерети, Грузия – 4.4.2006, Москва], рос. юрист, специалист по общей теории государства и права, уголовному и международному праву, гос. и обществ. деятель, чл.-корр. РАН (1964), ин. чл. Болг. АН (с 1969). Окончил Моск. ин-т сов. права (1934). В 1940–53 нач. кафедры уголовного права, в 1948–53 нач. Военно-юридич. академии. В 1947–48 директор Всесоюзного ин-та юридич. наук (по совместительству). В 1953–54 секретарь ЦК КП Грузии. С 1954 на науч. работе в Ин-те государства и права АН СССР (в 1964–1973 директор, в 1977–88 зав. сектором). В 1958–62 секретарь ВСМ. В 1962–1964 пред. Юридич. комиссии при СМ СССР. В 1964–73 президент Сов. ассоциации политич. наук. В 1968–70 вице-президент Междунар. ассоциации политич. наук. В 1968–72 президент Междунар. ассоциации юридич. наук. Участвовал в разработке ряда европ. и междунар. соглашений и конвенций по вопросам междунар. сотрудничества, прав и свобод человека. Награжден 6 орденами, а также медалями»[1].

В этих строчках вся жизнь Виктора Михайловича – государственного и общественного деятеля, ученого и педагога, жизнь, посвященная служению науке и борьбе за мир.

Научная деятельность Чхиквадзе началась в 1934 г., когда после окончания Московского института советского права он был рекомендован в аспирантуру. Первоначально поступил на кафедру земельного и колхозного права (зав. кафедрой А.А. Павлов – позднее посол, представитель СССР в ЮНЕСКО, он же был и научным руководителем по диссертации), но вскоре по совету А.А. Пионтковского перешел на кафедру уголовного права, которую в то время возглавлял Н.В. Крыленко. В 1938 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба с хулиганством» (опубликована в виде отдельной брошюры в 1939 г.[2]) и по приказу Наркома юстиции СССР должен был приступить к работе в Саратовском юридическом институте в должности заместителя директора. Но в это время был призван рядовым красноармейцем в РККА и направлен для прохождения военной службы в Военно-юридическую академию[3], где прошел путь от и.о. преподавателя военно-юридического факультета до начальника Военно-юридической академии Красной Армии.

Будучи последовательным сторонником признания военно-уголовного права самостоятельной отраслью, Чхиквадзе внес существенный вклад в разработку его концептуальных основ. В ноябре 1946 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы военно-уголовного права»[4].

По мнению автора, военно-уголовное право определяет воинские преступления как деяния, посягающие на боевую мощь Вооруженных Сил СССР, советскую воинскую дисциплину и установленный порядок несения военной службы, устанавливает соответствующие наказания, применяемые военным судом на основании советских законов в отношении военнослужащих, виновных в совершении этих преступлений[5]. «Существование советского

[1] URL: https://bigenc.ru/law/text/4689332?ysclid=l7vqtf4fi7820106884

[2] См.: *Чхиквадзе В.М.* Хулиганство / под ред. И.Т. Голякова. М., 1939 (Библиотека народного судьи и народного заседателя / Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР).

[3] См. об этом подр.: *Чхиквадзе В.М.* Записки «Зовретинского» парня. М., 2008. С. 21–30.

[4] *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 334.

[5] См.: *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 12.

военно-уголовного права, – пишет В.М. Чхиквадзе, – обусловлено существованием Красной армии, теми особенностями ее жизни и деятельности, которыми она отличается от других советских организаций. Советская воинская дисциплина в целом базируется на дисциплине всего социалистического общества, однако было бы неправильно отождествлять воинскую дисциплину с другими видами дисциплины социалистического строя, существующими, например, в различных государственных учреждениях или профессиональных союзах»[6]. Он подчеркивает, что в этом случае повиновение в Красной Армии не противопоставляется повиновению, присущему в учреждениях и предприятиях советского государства, но нельзя не заметить и существенного различия между ними: военная организация любого государства основывается на принципе абсолютного беспрекословного подчинения вышестоящему командиру, а порядок прохождения военной службы во многом отличается от порядка выполнения трудовых обязанностей в других организациях. Эти и многие другие особенности военного быта вызваны к жизни основной задачей, решаемой Красной Армией, – вооруженной защиты государства, обеспечения неприкосновенности государственных границ и независимости Советского Союза.

В вооруженных силах установлены дисциплина и правопорядок, которые налагают на военнослужащих исключительные обязанности. Их нарушение определяет сущность воинских преступлений. В силу этого в армии возможны такие деяния, которые немыслимы в гражданском обществе (например, бегство с поля сражения во время боя, самовольное отступление начальника от данных ему распоряжений, сдача неприятелю сил и средств ведения войны и т.д.). Более того, многие т.н. общеуголовные преступления, совершенные военнослужащими, приобретают особые свойства, поскольку так или иначе нарушают порядок несения военной службы, подрывают боеспособность вооруженных сил. «Необходимость... специальных военно-уголовных законов диктуется тем, что общие уголовные законы не предусматривают таких преступлений, которые могут совершаться лишь в армии, а также недостаточностью общеуголовных законов для охраны установленного в армии и флоте порядка несения военной службы, воинской дисциплины. Все это служит основанием для издания специальных военно-уголовных законов и выделения их в особое “Положение о воинских преступлениях”»[7].

При этом автор считает, что военное уголовное законодательство, будучи относительно самостоятельным, находится в неразрывном единстве с общеуголовным правом. Все основные положения и принципы уголовного права (действие уголовного закона во времени и пространстве, установления о вине и уголовной ответственности, соучастии, стадиях совершения преступления, принципы назначения наказания и т.д.) полностью распространяются и на военно-уголовное право. Иными словами, общая часть советского уголовного права является обязательным структурным элементом последнего.

Особое значение В.М. Чхиквадзе придает науке военного уголовного права, имеющей многовековую историю, развивающейся параллельно с военно-теоретической доктриной. При этом он с горечью замечает, что «если вопросы военного дела, составляющие основной предмет военной науки, разработаны основательно и всесторонне, то научная разработка военно-правовых вопросов... не получила должного развития. Достаточно сказать, что в довольно солидной юридической литературе до последнего времени нет ни одной фундаментальной монографической работы, посвященной военному праву»[8]. Основные причины этого автор видел в известной недооценке как учеными, так и соответствующими юридическими научно-исследовательскими учреждениями значения советского военно-уголовного права. Однако при этом он оптимистичен. Изменение сложившейся ситуации связывает, в частности, с тем, что создан, по сути, центр научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности в области военного права – Военно-юридическая академия РККА, единственное в мире специальное высшее военно-юридическое учебное заведение, в задачи которого входит подготовка военных юристов и теоретическая разработка проблем военного права[9].

Тематика исследований в Академии не ограничивается вопросами военного права. В литературе обоснованно подчеркивается, что «военно-правовая наука не может замыкаться только на военной проблематике, а должна включать исследование правовых аспектов всего круга оборонных вопросов, которыми ни одна другая отрасль правовых знаний не занимается. То есть ее предметом должны стать вопросы обеспечения оборонной деятельности государства... Комплексирование предмета исследования позволит

[6] *Чхиквадзе В.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 47.

[7] Там же. С. 49.

[8] *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право. С. 41, 42.

[9] А.В. Кудашкин также отмечает, что со времени первой научной дискуссии (см. подр.: Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9–11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1940) военному праву, его структуре не уделялось должного внимания. Такая работа только начинается (см.: *Кудашкин А.В.* «Структурный скелет» отрасли военного права (К вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 4).

системно решать ряд сугубо военных задач – например, комплектование войск... предупреждение преступлений и т.д.»[10]. Это очень важный вывод.

Надо особо сказать, что проблема признания военно-уголовного права самостоятельной отраслью была, есть и, вероятно, еще какое-то время будет дискуссионной. Позиция Чхиквадзе и других ученых, разрабатывавших в 1930–1950 гг. различные аспекты воинских преступлений, противодействия указанным деяниям, разделялась не всеми учеными-криминалистами. В первую очередь обращалось внимание на то, что нет ясности об объеме военно-уголовного права. Более того, высказывалось мнение, согласно которому интересы борьбы с воинскими преступлениями действительно требуют их «глубокой теоретической разработки...»[11].

По сути, об этом же говорил и М.С. Строгович. «Незадолго до войны,– писал он,– некоторыми военными юристами была выдвинута мысль о создании “военного права”, действующего наряду с “общим правом” и отличающегося от него своей “военной спецификой”. Но эта концепция сразу же встретила возражения, решительно оспаривалась. В последующем она не получила признания юридической общественности и сколько-либо значительного распространения, а затем была полностью отброшена. Действительно, концепция “военного права” неизбежно влекла признание наличия “военной законности”, в чем, собственно говоря, и был ее смысл. Но это было принципиально неверно и недопустимо, сама идея “военной законности” коренным образом противоречила сущности советской социалистической законности»[12].

На наш взгляд, М.С. Строгович неточно передал идею, отстаиваемую В.М. Чхиквадзе. Во-первых, последний считал военное право комплексным понятием, охватывающим такие отрасли права, как административное, уголовное и судебное право[13]. Во-вторых, он никогда не упоминал «военную законность», а исходил из требований соблюдения социалистической законности как таковой. По сути, «военная законность» – это допущение, предположение, сделанное М.С. Строговичем, а не констатация позиции В.М. Чхиквадзе.

Попытки обосновать военное право как отрасль права предпринимались не раз. В их разработке наряду с В.М. Чхиквадзе принимали участие такие видные ученые, как С.Н. Братусь, А.А. Герцензон, В.Н. Кудрявцев, А.Е. Лунев, В.Г. Стрекозов, С.С. Студеникин и др. Методологические и общетеоретические проблемы военного права неоднократно рассматривались на научных конференциях и сессиях совета Военно-юридической академии (1940, 1954 и 1956 гг.), обсуждались на страницах журнала «Государство и право»[14] и других изданий[15].

На современном этапе цивилизация вступила в социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба, и большинство государств уже не смогут, опираясь на известный государственно-правовой инструментарий, прогнозировать ни развитие общественно-экономической формации, ни цели социальных и политических преобразований[16].

---

[10] Военное право: состояние и перспективы развития. «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 23.

[11] *Лопухов Р.* По поводу «теории» военно-уголовного права // Соц. законность. 1954. № 10. С. 84.

[12] *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 144.

В современной литературе высказывается мнение, согласно которому «основная особенность попытки формирования специального права, в том числе военного, заключается в том, что весь этот процесс был элементом политической борьбы. Причины создания военного (военно-уголовного) права были чисто политическими: руководству страны в 1930–1953 гг. были необходимы органы специальной юстиции для проведения репрессий и контроля органов общей юстиции. Для решения этих задач и была предпринята попытка формирования военного права. Со смертью главного инициатора этого процесса (И.В. Сталина) сворачиваются репрессии и отпала необходимость в органах специальной юстиции, а следовательно, и в формировании специального права, в том числе и военного...» (см.: *Шкаревский Д.Н.* К вопросу о развитии военного права в СССР (1930-е – начало 1950-х гг.) // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 136). Ошибочность высказываний автора, на наш взгляд, очевидна. Во-первых, бездоказательным является утверждение о том, что теория военного права разрабатывалась по непосредственному указанию И.В. Сталина; во-вторых, имеет место необоснованное отождествление военного права с органами военной юстиции и с их деятельностью; в-третьих, – и это, пожалуй, главное! – к середине XIX столетия военное уголовное законодательство имело многовековую историю (см. подр.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021–2022), а военное право преподавалось в специальных учебных заведениях, выпускалось достаточно большое количество различного рода изданий; в-четвертых, в настоящее время также активно разрабатывается учение о военном праве, в том числе военно-уголовном, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Иными словами, военное право есть объективно существующая реальность, отрицать это обстоятельство нет никаких оснований.

[13] См. об этом подр.: *Чхиквадзе В.М.* Некоторые вопросы советского военного права // Сов. государство и право. 1947. № 8. С. 30.

[14] Военное право: состояние и перспективы развития. «Круглый стол» журнала «Государство и право». С. 3–42; *Кудашкин А.В., Серегин Н.С.* Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1. С. 109–121.

[15] См., напр.: *Кудашкин А.В., Кроткова Н.В.* Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142.

[16] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.

Как считает акад. РАН А.А. Дынкин, в состоянии новой (второй) холодной войны мир уже находится сегодня, так же как мир очень близок состоянию глобальной военной дестабилизации[17].

По мнению акад. РАН А.Г. Арбатова, вероятность первого применения ядерного оружия стала ныне больше, чем когда-либо за прошедшие 30 лет[18].

В этих непростых условиях требуется дальнейшее развитие военной организации Российского государства, реализации комплекса мер в области военного строительства, в т.ч. правового характера. Актуальность правовых исследований в военной сфере обусловлена потребностями государства в совершенствовании правовых основ военной деятельности государства, военных отношений, которые, будучи урегулированные правом, приобретают качество правоотношений, объединяемых понятием «военное право». Целевой задачей является доктринальное понимание военного права как системы установленных государством военно-правовых норм, в т.ч. имеющих экстерриториальный характер, утверждающих понятие войны, поводы для ее объявления, правовые основы отношения государства к войне и направления политики в целях обеспечения его военной безопасности; регулирующих порядок поддержания мобилизационной готовности Вооруженных Сил, других государственных военных организаций, органов и воинских формирований, экономики и граждан к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения победы в войне (вооруженных конфликтах); закрепляющих правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения[19].

Современные вооруженные конфликты отличает неопределенность правового статуса отдельных его участников. В вооруженных конфликтах задействованы не только регулярные вооруженные силы, личный состав которых, участвующий в боевых действиях, приобретает статус комбатантов, урегулированный как международным гуманитарным правом, так и национальным законодательством.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ В.В. Герасимов отмечает, что в современных условиях получил развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер при решающей роли Вооруженных Сил – «мы должны упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба»[20]. В то же время основное содержание войн в современности и обозримой перспективе останется прежним; их главный признак – наличие вооруженной борьбы[21].

В современных вооруженных конфликтах нередко принимают участие частные военные компании (ЧВК) – коммерческие организации, создаваемые для обеспечения или непосредственно для ведения боевых действий. ЧВК привлекаются к участию в вооруженных конфликтах для выполнения как невоенных функций (полицейские функции в зоне боевых действий, охрана военнопленных), отчасти военных (например, функции по материально-техническому обеспечению), а также могут привлекаться к ведению боевых действий. Для некоторых государств (США, Великобритания) монополия на использование вооруженных сил перестала существовать в абсолютной форме. Современные ЧВК действуют в сложной системе международных и внутренних правовых норм, договорных обязательств и мер саморегулирования. Однако общепризнанных международно-правовых основ регулирования в сфере деятельности ЧВК ныне не существует.

Перечисленные особенности характеризуют специфичный метод правового регулирования военного права как совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющих исключительно императивный характер, направленных на достижение целей и поставленных задач в условиях боевого воздействия на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), в т.ч. допускающие возможность причинения ущерба инфраструктуре противника, жизни и здоровью его личного состава, а также регулирование иных военных отношений по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию)[22].

---

[17] См.: *Дынкин А.А.* Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 43.

[18] См.: *Арбатов А.Г.* Трансформация ядерного сдерживания. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнов. М., 2018. С. 17, 18.

[19] См.: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 9, 10.

[20] *Герасимов В.* Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 2019. 4 марта.

[21] См.: *Герасимов В.* Мир на гранях войны // Военно-промышленный курьер. 2017. 15 марта.

[22] См.: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Указ. соч. С. 25, 26.

В современных геополитических условиях актуальность военно-правовых исследований неизмеримо возрастает в интересах как боевой составляющей военной организации государства (Вооруженных Сил РФ), так и всех других ее компонентов (включая оборонно-промышленный комплекс). На решение этой задачи направлена в том числе работа Комиссии по военному праву и правовому обеспечению национальной безопасности Ассоциации юристов России; созданного в 2018 г. в Академии военных наук Отделения военного права, а также Центра правового обеспечения оборонно-промышленного комплекса страны в Институте государства и права РАН.

Полагаем, что «военное право – это исторически сложившаяся отрасль российского права, регулирующая отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования в целях достижения победы в вооруженной борьбе, а в условиях мирного времени – военной безопасности Российской Федерации. В таком качестве она представляет собой систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности»[23].

Как уже отмечалось ранее, второе основное направление научной деятельности В.М. Чхиквадзе – теоретическая разработка прав человека. Развитие отечественной теории прав человека никогда не было простым[24]. Деятельность ученого пришлась на тот период, когда в доктрине права постепенно менялось отношение к правам человека, признавалась допустимость применения этой концепции к социалистической правовой системе, на первое место выдвигались общечеловеческие ценности, правовые принципы взаимодействия гражданина и государства. В отечественной общественно-политической мысли 80-х годов XX в. права человека занимали центральное положение, входили в круг вопросов, находящихся в эпицентре идеологической борьбы[25]. С этой целью в 1976 г. по инициативе В.М. Чхиквадзе в Институте государства и права АН СССР был создан сектор прав человека – первое научное подразделение, специализирующееся на рассмотрении таких вопросов в отечественной юридической науке. Он стал его заведующим и руководил сектором до 1988 г.

По сути, перед В.М. Чхиквадзе стояла крайне сложная задача – исследование темы прав человека, считавшейся в советской науке буржуазной, применительно к которой нередко использовалась формула «так называемые права человека». Западные исследователи по идеологическим основаниям также отмечали отсутствие в научном обороте указанной темы в СССР. Ученый замечал: «Буржуазные философы, социологи и юристы критикуют марксизм за то, что он, занимаясь разработкой закономерностей развития человеческого общества в целом, дескать, упустил из виду личность, ее ценности, интересы и потому не дает ответа на вопрос, в чем смысл жизни, как обеспечить расцвет каждого человека и всего человечества. Буржуазные критики видят “порок” марксизма в том, что он, рассматривая человека в неразрывной связи с общественными отношениями, будто бы подменяет изучение человека изучением общественных отношений»[26].

Решиться на изучение подобной проблемы, действительно, можно считать научной смелостью. Чхиквадзе был убежден, что вопросы демократии, прав и свобод человека стоят в центре идеологической борьбы между силами социализма и империализма; он полагал, что задача советских юристов – показать подлинный гуманизм и демократизм правового положения личности при социализме, разоблачить измышления буржуазной пропаганды о правах и свободах человека в социалистических странах. Решению этой задачи способствовала разработанная ученым социалистическая концепция прав человека, которая задумывалась как продолжение и углубление идеи правового гуманизма, трактуемого в качестве важнейшего правового принципа[27]. Такой подход в отечественном правоведении был новаторским и вызывал активное обсуждение[28].

Осложняло задачу то, что, по признанию Чхиквадзе, в литературном наследии основоположников марксизма не было отдельной работы, посвященной рассмотрению понятия гуманизма, его природы, происхождения и функций. Объяснялось

---

[23] См.: там же. С. 29.

[24] См.: Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 108–127.

[25] См.: *Чхиквадзе В.М.* Права человека и идеологическая борьба // Сов. государство и право. 1977. № 4. С. 100–108; *Его же.* Идеологическое противоборство двух социально-политических систем и права человека // Социализм и личность / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1979. С. 145–162; *Его же.* Кто препятствует развитию международного сотрудничества в области прав человека? // Сов. государство и право. 1986. № 4. С. 88–97; Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1986.

[26] *Чхиквадзе В.М.* Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М., 1978.

[27] См.: там же.

[28] См.: *Орзих М.Ф.* Рец. на: В.М. Чхиквадзе. Социалистический гуманизм и права человека (Ленинские идеи и современность). М.: Наука, 1978 // Правоведение. 1980. № 2. С. 96–98.

это историческими особенностями развития марксизма: основные усилия сосредоточивались на раскрытии значения социально-экономических условий развития общества, его закономерностей. В то же время ученому удалось преломить основные идеи классиков марксизма-ленинизма в контексте прав человека, использовав основной тезис: человек – индивидуальность, проявляющая все свои творческие способности в общественно полезном труде, наиболее полно раскрывающуюся в строительстве самого разумного общества, в котором господствуют свобода, равенство, справедливость и счастье для всех.

Уникальность разработанной концепции состояла в широте подхода, который не ограничивался лишь изучением правового статуса личности, что было свойственно западной литературе. Злободневно и провидчески звучат слова Чхиквадзе о том, что права и свободы человека – многогранная проблема, имеющая разные аспекты: экономический, политический, философский, социологический, этический, юридический; ее рассмотрение требует комплексного подхода, изучения с разных сторон и различными отраслями общественной науки.

Ученый предпринимает попытку сближения взглядов на права человека в западной и советской литературе, непримиримость которых объяснялась разными методологическими подходами к изучению проблемы. Он указывал: буржуазные идеологи пытаются решить вопрос о взаимоотношении личности и общества, исходя из примата личности, считая индивидуализм антитезой этатизма, господства государства, давления политического механизма. Автор, ссылаясь на Д. Льюиса, приводит слова английского историка, социолога, философа истории и культуролога А. Дж. Тойнби, который признавал существование величайшей дилеммы – конфликта между личностью и обществом. «Основной спорный вопрос – кто кого переборет: индивидуалистическая душа или коллективная человеческая природа»[29]. Методологической основой социалистической концепции прав и свобод граждан является марксистско-ленинская теория, раскрывающая взаимодействие человека, общества и государства, направленная на исследование социально-экономической обусловленности и классовой природы прав, свобод и обязанностей граждан.

В.М. Чхиквадзе не проходил мимо недостатков отечественной науки, занимавшейся изучением проблем правового статуса личности. К ним он относил формализм, умозрительный характер ведущейся по этим вопросам дискуссии, которая приняла характер спора о дефинициях, о тех или иных подходах к определению. По мнению ученого, слишком большое внимание уделялось обсуждению одного и того же круга вопросов: как определить субъективное право и в чем его отличие от права в объективном смысле; как возникает субъективное право – из юридического факта или иным путем; существует ли различие между субъективным правом и правомочием, может ли субъективное право существовать вне конкретного правового отношения. Он задается справедливым вопросом: не слишком ли расточительным для теории и практики будет обсуждение такого сравнительно узкого набора вопросов, которое, как показывает опыт, является малопродуктивным? Основные позиции и взгляды уже давно определились, а метод логико-юридического анализа правового материала в решении этой проблемы исчерпал свои возможности.

Социалистическая концепция прав человека Чхиквадзе базировалась на принципе гуманизма и представляла собой систему теоретических положений о путях, средствах и формах установления справедливых человеческих отношений, значении человека как свободного творческого субъекта истории, его месте и роли в практически материальной, политической, познавательной, художественной и других сферах деятельности. Возможно, сегодня такие идеи звучат утопично, однако коммунистическая идеология выдвигала на первый план идеал формирования всесторонне развитого человека, гармонически сочетающего духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство.

В.М. Чхиквадзе формулирует основной круг идей, которые затрагивались в связи с проблемой человека в работах основоположников марксизма-ленинизма:

создание условий свободного и гармоничного развития человека как высшей ценности в мире путем ликвидации всех форм эксплуатации, угнетения и насилия – экономического, политического, национального, духовного;

формирование принципиально новой экономической, политико-правовой и нравственной структуры общества, обеспечивающей постоянное укрепление и расширение социальных возможностей, прав и свобод человека и гражданина;

устранение угрозы войны, предотвращение уничтожения человечества с помощью разрушительных средств, стабилизация условий жизни людей, построение прочного мира между народами, прогрессивное развитие человечества в целом.

Он последовательно доказывает, что проблема прав человека всегда находилась в фокусе внимания ученых-марксистов. Более того, получив возможность реализовать идеи в нормотворческой деятельности, ими принимаются акты, непосредственно касающиеся прав человека. Например,

[29] *Льюис Д.* Социализм и личность. М., 1963. С. 64.

предоставление трудящимся демократических прав и свобод всегда было составной частью борьбы партии за победу социалистической революции. Уже в первой Программе РСДРП содержались положения о том, что каждый гражданин пользуется всеобщим, равным и прямым избирательным правом при тайном голосовании, неприкосновенностью личности и жилища, свободой совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, правом на 8-часовой рабочий день, на отдых, на страхование по случаю старости, полной или частичной потери трудоспособности и т.д. В Программе также провозглашалось равноправие всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности. Многие из этих идей действительно были революционными, впервые реализовывались в мировой истории. Безусловно, жизнь вносила соответствующие коррективы, однако нормативное закрепление провозглашенных прав и свобод безоговорочно необходимо признавать достижением молодого Советского государства, формально не декларировавшего концепцию прав человека как основополагающую, но последовательно внедрявшего ее в практику.

К столь же революционным можно отнести и другие приводимые автором достижения советского строя. Отметим лишь некоторые:

Кодекс законов о труде 1918 г. провозгласил, что все трудоспособные граждане имеют право па применение труда по своей специальности, закрепил принцип равной оплаты за равный труд. Он установил всеобщую обязанность трудиться и обязанность блюсти дисциплину труда, зафиксировал право на отдых и материальное обеспечение трудящихся. Кодекс содержал подробную систему охраны труда и техники безопасности;

уничтожение писаных и неписаных норм, унижающих достоинство женщины, провозглашение равноправия женщин с мужчинами; Декрет от 18 декабря 1917 г. отменил существовавший церковный порядок заключения браков и признавал лишь гражданский брак. На началах гуманизма был решен и вопрос о детях, рожденных вне брака: они были полностью уравнены в правах с детьми, родившимися в браке;

в развитие положений Конституции РСФСР 1918 г. о полном, всестороннем и бесплатном образовании высшими органами власти и управления были приняты специальные законодательные акты, закрепившие светский характер образования, соединение общего образования с политехническим, бесплатность обучения, оказание нуждающимся студентам материальной помощи со стороны государства.

Системный взгляд на концепцию прав человека потребовал исследования предпосылок реализации идеи гуманизма. В.М. Чхиквадзе подчеркивал, что принцип гуманизма действует лишь тогда, когда созданы экономические, политические, юридические и идеологические условия и предпосылки для его реализации, когда на первый план выступают соответствующие гарантии его осуществления. В этих целях социалистическое государство создает систему таких гарантий, которые в зависимости от содержания самих прав и свобод граждан, способов их обеспечения и форм реализации дифференцируются на экономические, политические, юридические и идеологические.

Экономические гарантии реализации принципа социалистического гуманизма являлись, по его мнению, определяющими. Решающим шагом на пути прогрессивного развития социалистического общества, классов, социальных групп и личности признавалось обобществление средств производства, а также такое их развитие и воспроизводство, которые создавали бы условия для достижения полного социального равенства, гармоничного развития личности. К политическим гарантиям принципа социалистического гуманизма ученый относил осуществление всей государственной власти народом, торжество его социально-политического единства; федеративное государственное устройство СССР, базирующееся на принципах самоопределения социалистических наций, добровольности их объединений, полного равенства и братского сотрудничества на базе пролетарского интернационализма; демократические принципы и формы организации и деятельности государственного аппарата и как важнейшее условие – руководство Коммунистической партией всей общественной и государственной жизнью страны. Идеологические гарантии социалистического гуманизма – это торжество марксистско-ленинского мировоззрения, повышающийся уровень науки и культуры, социалистической морали, включающей в себя высокое правосознание народа, огромная многосторонняя деятельность по коммунистическому воспитанию трудящихся, осуществляемая в условиях развитого социализма. Юридические гарантии принципа социалистического гуманизма заключались в законодательных положениях, которые обеспечивают последовательность, всеобщность и общеобязательность реализации прав и свобод личности, ее законных интересов.

Концептуальность исследований Чхиквадзе требовала обстоятельного анализа связанных с правами и свободами человека проблем убеждения, насилия, преступности, равенства, социальной активности, свободы выбора и социальной ответственности. Столь широкий спектр исследовательских задач обусловливался необходимостью раскрытия идеи гуманизма, включающей изучение проблемы человека, его сущности и назначения, положения в обществе, его свободы и социальных ценностей.

Разработка социалистической концепции прав человека не была единственной научной задачей,

решаемой Чхиквадзе. Вместе с исследовательским коллективом сектора ученый занимался разработкой проблем, связанных с охраной и защитой прав гражданина от любых посягательств – как внутренних, так и внешних, углублением представлений о правовом статусе личности, деятельности международных органов по защите прав человека. Акцент в коллективных работах сотрудников сектора, издаваемых под редакцией В.М. Чхиквадзе[30], постепенно переносился с демонстрации преимуществ социалистического подхода к правам человека на признание их универсального значения, разработку на этой основе форм мирного сосуществования различных политических систем, взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества[31]. «В Советском государстве прочно утверждается новый подход к международным аспектам проблемы прав человека, преодолеваются догматические установки в этой сфере, права человека рассматриваются в контексте общечеловеческих интересов, в неразрывной связи с обеспечением всеобщего мира», – писал он в 1990 г.[32]

Продвижению взглядов Чхиквадзе на права человека способствовала его международная общественно-политическая деятельность. Он неоднократно возглавлял советскую делегацию на сессиях Комиссии ООН по правам человека, состоял членом Специального комитета ООН по разработке проекта Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, был членом Комитета по определению агрессии, а также подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств. В 1968 г. руководил работой советской правительственной делегации на Всемирном конгрессе, посвященном 20-летию Всеобщей декларации прав человека, подписание которой считал исправлением ошибки, допущенной СССР в 1948 г., когда советская делегация воздержалась от голосования[33]. Принимал участие в подготовке Заключительного акта Совещания по безопасности в Европе (1975 г.) и выступал за разработку в рамках ООН более высоких стандартов соблюдения и защиты прав человека, а также за укрепление связей с международными организациями и движениями, даже теми, которые не разделяли позицию СССР по многим вопросам, касавшимся прав человека.

Сектор прав человека под руководством и при личном участии В.М. Чхиквадзе занимался актуальными разработками в сфере исследования правового статуса личности[34], реализации прав граждан[35], поднимал проблемы совершенствования внутригосударственных и международных механизмов защиты прав человека[36]. Это были новые темы для отечественной юридической науки, разработки ученых активно применялись в законодательной и правоприменительной практике. Сотрудники сектора принимали участие в подготовке проекта Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г., в которых был закреплен не только широкий комплекс прав и свобод граждан, но и конституционные принципы взаимоотношений государства и человека[37].

В.М. Чхиквадзе отмечал, что для международного сотрудничества в области прав человека первостепенное значение имеет ратификация заключенных договоров и соглашений по правам человека, их трансформация в национальное законодательство. Он выступал за присоединение к тем договорам, в которых на тот момент Советское государство не участвовало: Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах[38], Конвенции о статусе беженцев[39], Конвенции о сокращении безгражданн-

[30] См., напр.: *Воробьев О.В., Колесова Н.С., Ледях И.А.* Права человека в буржуазной доктрине и практике (статус, законодательство, механизм защиты). Ч. 2 / отв. за вып. Е.В. Клинова; гл. ред. В.М. Чхиквадзе М., 1991; Нарушения прав человека в странах Центральной Америки (Гватемала, Гондурас, Сальвадор) / отв. за вып. Е.В. Клинова, гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1989; *Ковальская А.С., Лазарев М.И.* Проблемы демократизации общества и защиты прав человека после ликвидации режима военной диктатуры в Аргентине (Судебная ответственность должностных лиц, нарушавших права человека) / отв. за вып. Е.В. Клинова, гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1988; и др.

[31] См.: *Чхиквадзе В.М.* О некоторых международных аспектах проблемы прав человека // Сов. государство и право. 1987. № 7. С. 85–92.

[32] См.: *Чхиквадзе В.М.* Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30.

[33] См.: *Чхиквадзе В.М.* Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) // Сов. государство и право. 1988. № 12. С. 86–94.

[34] См.: *Чхиквадзе В.М.* Демократия и правовой статус личности в социалистическом обществе. М., 1987; *Его же.* Развитие правового положения личности в СССР // XXVI съезд КПСС и развитие Советского государства и права. М., 1982. С. 248–279.

[35] См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1983.

[36] См.: *Чхиквадзе В.М.* О некоторых международных аспектах проблемы прав человека. С. 85–92.

[37] См.: *Чхиквадзе В.М.* Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 5–19.

[38] СССР присоединился к Протоколу постановлением Верховного Совета СССР от 05.07.1991 г. № 2304-I (с заявлением). Текст постановления официально опубликован не был.

[39] СССР присоединился к Конвенции постановлением Верховного Совета СССР от 13.11.1992 г. № 3876-I (с заявлением). Текст постановления официально опубликован не был.

ства[40] и др. Кроме того, он уделял много внимания приведению действующего законодательства и ведомственных нормативных актов в соответствие с международно-правовыми обязательствами страны и подвергал критике те из них, которые, на его взгляд, не соответствовали международным стандартам в области прав человека (в частности, указы Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, уличных шествий и демонстраций»[41]; от 08.04.1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР "Об уголовной ответственности за государственные преступления" и некоторые другие законодательные акты СССР»[42]).

Заслугой В.М. Чхиквадзе стали успехи в укреплении международного научного сотрудничества в сфере прав человека с учеными как из социалистических стран – Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии[43], так и из капиталистических государств[44].

Интересно вспомнить нереализованную идею В.М. Чхиквадзе – создание международного акта (кодекса) по правам человека, в котором можно было бы собрать воедино и систематизировать все положения о правах человека, содержащиеся в различных международно-правовых документах. Он считал, что разработка такого Международного кодекса прав, свобод и обязанностей может способствовать единообразному пониманию принципов, идеалов и понятий, выражающих суть прав человека[45].

* * *

И в заключение рассказа о В.М. Чхиквадзе как ученом, его научном наследии один штрих, отражающий личный момент. Мне посчастливилось встречаться с Виктором Михайловичем, подолгу говорить с ним о многом, но, пожалуй, больше о состоянии и перспективах правовой науки, современных ученых, отношении России и к России зарубежных стран. И всегда ловил себя на одной мысли: он и на пенсии не мог отстраниться от происходящего в стране и мире, жил проблемами нашего юридического сообщества... Уже будучи далеко немолодым, сохранял ясность ума и удивительную память на события и людей.

Его безусловно можно считать счастливым человеком. Прочитайте воспоминания Виктора Михайловича[46] – и вы убедитесь в этом. С какой любовью и нежностью он пишет о своей жене, «любимой спутнице, счастье и гордости – Тамаре Петровне Казанской», с которой прожил 62 года, воспитал сына и дочь. Сын Владимир – был Чрезвычайным и Полномочным послом, в настоящее время член Российского совета по международным делам, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, директор Фонда ветеранов дипломатической службы; дочь Галина – ответственный работник Конституционного Суда РФ. У него четыре внука и два правнука.

Память о Викторе Михайловиче хранят не только его родные и близкие, но и мы, его коллеги и последователи.

* * *

Основные даты учебы, служебной и научной деятельности В.М. Чхиквадзе[47]

1930–1932 гг. – Тбилиси, Институт советского строительства и права.

1932–1934 гг. – Московский институт советского права.

1934–1937 гг. – аспирантура Московского института советского права.

1937–1938 гг. – преподаватель Московского юридического института и Всесоюзной правовой академии Минюста СССР.

1938–1939 гг. – красноармеец, и.о. преподавателя военно-юридического факультета Всесоюзной правовой академии Минюста СССР.

1939–1941 гг. – старший преподаватель Военно-юридической академии Красной Армии.

1941–1948 гг. – начальник кафедры уголовного права Военно-юридической академии Красной Армии, заместитель начальника академии по научной и учебной работе.

1947–1948 гг. – директор Всесоюзного института юридических наук Минюста СССР (по совместительству).

03.1948–09.1953 гг. – начальник Военно-юридической академии РККА.

1953–1954 гг. – секретарь ЦК КП Грузии.

1954–1958 гг. – заместитель директора Института права АН СССР.

1958–1962 гг. – Секретарь Всемирного совета мира, представитель СССР в ВСМ.

1962–1964 гг. – председатель Юридической комиссии при Совете Министров СССР.

[40] Российская Федерация в Конвенции не участвует.

[41] См.: Ведомости ВС СССР. 1988. № 31, ст. 504.

[42] См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 9, ст. 203.

[43] См.: Социалистическая концепция прав человека / отв. ред. В.М. Чхиквадзе, Е.А. Лукашева. М., 1986.

[44] Пятилетнее сотрудничество российских и американских ученых, в рамках которого была проведена целая серия научных симпозиумов в Москве, Вашингтоне, Лос-Анджелесе, завершилось изданием монографии (см.: Права человека накануне XXI века. М., 1994), которая вышла в издательстве «Прогресс» и в США в издательстве «Шарп».

[45] См.: *Чхиквадзе В.М.* Международные аспекты проблем прав человека. С. 33.

[46] См.: *Чхиквадзе В.* Записки зовретинского парня.

[47] Сведения приведены по: там же. С. 148–174.

1964–1973 гг.– директор Института государства и права АН СССР.

1973–1988 гг.– заведующий сектором прав человека Института государства и права АН СССР.

1988–2002 гг.– советник Российской академии наук.

Основные опубликованные научные работы

Борьба за мир – неодолимое движение современности. М., 1969.

В.И. Ленин о социалистической законности. М., 1957.

Военно-уголовное право. Часть общая. М., 1946.

Военно-уголовное право. Часть особенная. М., 1947.

Вопросы социалистического права и законность в трудах В.И. Ленина. М., 1960.

Гарантировано Конституцией. М., 1979.

Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967.

Гуманизм, мир, личность. Вклад СССР в развитие международного сотрудничества по правам человека. М., 1981.

КПСС и Советское государство и право. М., 1984.

Права человека в СССР. Достижения и проблемы. М., 1988.

Советское военно-уголовное право. М., 1948.

Советское государство и личность. М., 1978.

Социалистическая законность в СССР. М., 1958.

Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М., 1978.

Общественно-политическая работа

1963 г. – заместитель Председателя Советского комитета защиты мира; член Президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки; вице-президент Советского общества дружбы с народами Латинской Америки.

1964 г. – президент Общества дружбы «СССР–Ливан».

1966–1974 гг. – Президент Советской ассоциации политических наук.

1967 г. – вице-президент Международной ассоциации политических наук.

1968 г. – вице-президент Международной ассоциации юридических наук.

1969 г. – иностранный член (академик) Академии наук Болгарии.

1970 г. – президент Международной ассоциации юридических наук.

1970 г. – вице-президент Международной ассоциации политических наук.

Награды

Два ордена Трудового Красного Знамени.

Два ордена Красной Звезды.

Орден Отечественной войны II степени.

Орден Дружбы народов.

Медали СССР.

Медаль Советского комитета защиты мира.

Золотая медаль Всемирного совета мира им. Фредерико Жолио Кюри.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арбатов А.Г.* Трансформация ядерного сдерживания. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнов. М., 2018. С. 17, 18.
2. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021–2022.
3. Военное право: состояние и перспективы развития. «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 3–42.
4. *Воробьев О.В., Колесова Н.С., Ледях И.А.* Права человека в буржуазной доктрине и практике (статус, законодательство, механизм защиты). Ч. 2 / отв. за вып. Е.В. Клинова; гл. ред. В.М. Чхиквадзе М., 1991.
5. *Герасимов В.* Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 2019. 4 марта.
6. *Герасимов В.* Мир на гранях войны // Военно-промышленный курьер. 2017. 15 марта.
7. *Дынкин А.А.* Стратегическая стабильность и архитектура безопасности // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 43.
8. *Ковальская А.С., Лазарев М.И.* Проблемы демократизации общества и защиты прав человека после ликвидации режима военной диктатуры в Аргентине (Судебная ответственность должностных лиц, нарушавших права человека) / отв. за вып. Е.В. Клинова, гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1988.
9. *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 334.
10. *Кудашкин А.В.* «Структурный скелет» отрасли военного права (К вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 4.
11. *Кудашкин А.В., Кроткова Н.В.* Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142.
12. *Кудашкин А.В., Серегин Н.С.* Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1. С. 109–121.
13. *Лопухов Р.* По поводу «теории» военно-уголовного права // Соц. законность. 1954. № 10. С. 84.
14. *Льюис Д.* Социализм и личность. М., 1963. С. 64.
15. Нарушения прав человека в странах Центральной Америки (Гватемала, Гондурас, Сальвадор) / отв. за вып. Е.В. Клинова, гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1989.
16. *Орзих М.Ф.* Рец. на: В.М. Чхиквадзе. Социалистический гуманизм и права человека (Ленинские идеи и современность). М.: Наука, 1978 // Правоведение. 1980. № 2. С. 96–98.
17. Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9–11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1940.
18. Права человека накануне XXI века. М., 1994.

19. Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1986.

20. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1983.

21. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 155.

22. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 9, 10, 25, 26, 29.

23. Социалистическая концепция прав человека / отв. ред. В.М. Чхиквадзе, Е.А. Лукашева. М., 1986.

24. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 144.

25. Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 108–127.

26. *Чхиквадзе В.М.* Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) // Сов. государство и право. 1988. № 12. С. 86–94.

27. *Чхиквадзе В.М.* Демократия и правовой статус личности в социалистическом обществе. М., 1987.

28. *Чхиквадзе В.М.* Записки зовретинского парня. М., 2009. С. 21–30, 148–174.

29. *Чхиквадзе В.М.* Идеологическое противоборство двух социально-политических систем и права человека // Социализм и личность / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1979. С. 145–162.

30. *Чхиквадзе В.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 47, 49.

31. *Чхиквадзе В.М.* Кто препятствует развитию международного сотрудничества в области прав человека? // Сов. государство и право. 1986. № 4. С. 88–97.

32. *Чхиквадзе В.М.* Международные аспекты проблем прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30, 33.

33. *Чхиквадзе В.М.* Некоторые вопросы советского военного права // Сов. государство и право. 1947. № 8. С. 30.

34. *Чхиквадзе В.М.* Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 5–19.

35. *Чхиквадзе В.М.* О некоторых международных аспектах проблемы прав человека // Сов. государство и право. 1987. № 7. С. 85–92.

36. *Чхиквадзе В.М.* Права человека и идеологическая борьба // Сов. государство и право. 1977. № 4. С. 100–108.

37. *Чхиквадзе В.М.* Развитие правового положения личности в СССР // XXVI съезд КПСС и развитие Советского государства и права. М., 1982. С. 248–279.

38. *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 12, 41, 42.

39. *Чхиквадзе В.М.* Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М., 1978.

40. *Чхиквадзе В.М.* Хулиганство / под ред. И.Т. Голякова. М., 1939 (Библиотека народного судьи и народного заседателя / Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР).

41. *Шкаревский Д.Н.* К вопросу о развитии военного права в СССР (1930-е – начало 1950-х гг.) // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 136.

REFERENCES

1. *Arbatov A.G.* Transformation of nuclear deterrence. Security and arms control 2017–2018: overcoming the imbalance of international stability / res. ed. A.G. Arbatov, N.I. Bubnov. M., 2018. P. 17, 18 (in Russ.).

2. Military Law: in 3 vols / under the general ed. A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021–2022 (in Russ.).

3. Military Law: the state and prospects of development. "Round Table" of the journal "State and Law" // State and Law. 1994. No. 8–9. P. 3–42 (in Russ.).

4. *Vorobyov O.V., Kolesova N.S., Ledyakh I.A.* Human rights in bourgeois doctrine and practice (status, legislation, protection mechanism). Part 2 / ed. for the issue of E.V. Klinov; Ch. Ed. V.M. Chkhikvadze M., 1991 (in Russ.).

5. *Gerasimov V.* Vectors of development of military strategy // Krasnaya Zvezda. 2019. March 4 (in Russ.).

6. *Gerasimov V.* The world on the brink of war // Military-industrial courier. 2017. March 15 (in Russ.).

7. *Dynkin A.A.* Strategic stability and security architecture // Herald of the RFBR. 2018. No. 2. P. 43 (in Russ.).

8. *Kovalskaya A.S., Lazarev M.I.* Problems of democratization of society and protection of human rights after the liquidation of the military dictatorship regime in Argentina (Judicial responsibility of officials who violated human rights) / ed. by E.V. Klinov, Ch. Ed. V.M. Chkhikvadze. M., 1988 (in Russ.).

9. *Koryakin V.M.* Military Law: anthology of dissertations: in 2 parts. M., 2011. Part 1. P. 334 (in Russ.).

10. *Kudashkin A.V.* "Structural skeleton" of the branch of Military Law (On the question of sub–branches of Military Law) // Law in the Armed Forces – Military-legal review. 2021. No. 4 (285). P. 4 (in Russ.).

11. *Kudashkin A.V., Krotkova N.V.* The current state of Military Law and its impact on the national security of the Russian Federation (Materials of the scientific and practical conference) // Law and the State: Theory and Practice. 2004. No. 1. P. 132–142 (in Russ.).

12. *Kudashkin A.V., Seregin N.S.* Materials of a scientific and practical conference held on April 21, 2004 at the Military University on the topic "The current state of Military Law and its impact on the national security of the Russian Federation" // State and Law. 2005. No. 1. P. 109–121 (in Russ.).

13. *Lopukhov R.* Concerning the "theory" of Military Criminal Law // Social legality. 1954. No. 10. P. 84 (in Russ.).

14. *Lewis D.* Socialism and personality. M., 1963. P. 64 (in Russ.).

15. Violations of human rights in the countries of Central America (Guatemala, Honduras, El Salvador) / ed. for the issue of E.V. Klinov, Ch. Ed. V.M. Chkhikvadze. M., 1989 (in Russ.).

16. *Orzikh M.F.* Review of: V.M. Chkhikvadze. Socialist humanism and human rights (Lenin's ideas and moderni-

ty). Moscow: Nauka, 1978 // Pravovedenie. 1980. No. 2. P. 96–98 (in Russ.).

17. The first scientific conference of the Military Law Academy of the Red Army. May 9–11, 1940 // Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army. M., 1940 (in Russ.).
18. Human rights on the eve of the XXI century. M., 1994 (in Russ.).
19. Problems of freedom and human rights in the modern ideological struggle / ed. V.M. Chhikvadze. M., 1986 (in Russ.).
20. Realization of citizens' rights in the conditions of developed socialism / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1983 (in Russ.).
21. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 155 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 9, 10, 25, 26, 29 (in Russ.).
23. The socialist concept of human rights / res. eds. V.M. Chkhikvadze, E.A. Lukasheva. M., 1986 (in Russ.).
24. *Strogovich M.S.* Basic issues of Soviet socialist legality. M., 1966. P. 144 (in Russ.).
25. Transformations of human rights in the modern world / res. ed. A.N. Savenkov. M., 2018. P. 108–127 (in Russ.).
26. *Chkhikvadze V.M.* The Universal Declaration of Human Rights and its historical significance (To the 40th anniversary of the adoption) // Soviet State and Law. 1988. No. 12. P. 86–94 (in Russ.).
27. *Chkhikvadze V.M.* Democracy and the legal status of the individual in a socialist society. M., 1987 (in Russ.).
28. *Chkhikvadze V.M.* Notes of the Zovretinsky guy. M., 2009. P. 21–30, 148–174 (in Russ.).
29. *Chkhikvadze V.M.* Ideological confrontation of two sociopolitical systems and human rights // Socialism and personality / res. ed. V.M. Chkhikvadze. M., 1979. P. 145–162 (in Russ.).
30. *Chkhikvadze V.* To the question of the subject of Soviet Military Criminal Law // Soviet State and Law. 1940. No. 12. P. 47, 49 (in Russ.).
31. *Chkhikvadze V.M.* Who hinders the development of international cooperation in the field of human rights? // Soviet State and Law. 1986. No. 4. P. 88–97 (in Russ.).
32. *Chkhikvadze V.M.* International aspects of human rights problems // Human rights: problems and prospects. M., 1990. P. 30, 33 (in Russ.).
33. *Chkhikvadze V.M.* Some issues of Soviet Military Law // Soviet State and Law. 1947. No. 8. P. 30 (in Russ.).
34. *Chkhikvadze V.M.* The new Constitution of the USSR – the creative embodiment of the Marxist-Leninist concept of personality // The Constitution of the USSR and the legal status of personality. M., 1979. P. 5–19 (in Russ.).
35. *Chkhikvadze V.M.* On some international aspects of the human rights problem // Soviet State and Law. 1987. No. 7. P. 85–92 (in Russ.).
36. *Chkhikvadze V.M.* Human rights and ideological struggle // Soviet State and Law. 1977. No. 4. P. 100–108 (in Russ.).
37. *Chkhikvadze V.M.* Development of the legal status of the individual in the USSR // XXVI Congress of the CPSU and the development of the Soviet state and law. M., 1982. P. 248–279 (in Russ.).
38. *Chkhikvadze V.M.* Soviet Military Criminal Law. M., 1948. P. 12, 41, 42 (in Russ.).
39. *Chkhikvadze V.M.* Socialist humanism and human rights. Lenin's ideas and modernity. M., 1978 (in Russ.).
40. *Chkhikvadze V.M.* Hooliganism / ed. by I.T. Golyakova. M., 1939 (Library of the People's Judge and People's Assessor / All-Union Institute of Legal Sciences of the NKYU of the USSR) (in Russ.).
41. *Shkarevsky D.N.* On the question of the development of Military Law in the USSR (1930s – early 1950s) // Military Law. 2017. No. 5 (45). P. 136 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 22–30
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 22–30

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИСТИНА ФИЛОСОФИИ И ИДЕЯ ПРАВА: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА[1]

© 2022 г. А. И. Александров[1, *], Д. К. Богатырев[2, **]

[1]Ассоциация юристов России, г. Санкт-Петербург
[2]Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург

**E-mail: A1eksandrov@council.gov.ru*
***E-mail: rectog@rhga.ru*

Поступила в реакцию 04.07.2022 г.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» 2019 г. и ее английское издание 2021 г. В процессе анализа данной работы раскрывается особенность понимания ее авторами предмета и метода философии как науки о всеобщем единстве мышления и бытия, реализующейся во взаимодополнительности исторической и логической формы. Исходя из этого, авторы монографии в значительной мере восполняют пробел, существующий в философско-правовом знании. А именно: раскрывают теоретическое содержание процесса опосредствования общей философии и философии права. В этом контексте анализируются философские и философско-правовые учения Парменида, Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Фихте, Гегеля, Достоевского как необходимые ступени единого процесса познания сущности и смысла правового бытия. В итоге авторами монографии дается современная интерпретация основных проблем философии права: проблемы абсолюта в праве, ценностного измерения в праве, отношения исторического и логического начал права и правового мышления, времени и вечности, и других, а также закладываются основы правовой христологии, обосновывается модель компрехендной теории права.

Ключевые слова: философия права, метафизика права, логика, история, Парменид, Гегель, Достоевский, мышление, бытие, абсолют, ценность, государство, право.

Цитирование: *Александров А.И., Богатырев Д.К.* Истина философии и идея права: проблема единства // Государство и право. 2022. № 9. С. 22–30.

DOI: 10.31857/S102694520022222-5

THE TRUTH OF PHILOSOPHY AND THE IDEA OF LAW: THE PROBLEM OF UNITY[2]

© 2022 A. I. Aleksandrov[1, *], D. K. Bogatyrev[2, **]

[1]Association of Lawyers of Russia, St. Petersburg
[2]Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

**E-mail: A1eksandrov@council.gov.ru*
***E-mail: rector@rhga.ru*

Received 04.07.2022

[1] См.: *Захарцев С.И., Масленников Д.В,. Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI: 10.17513/np.467; *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of The Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. – 446 pp. DOI: 10.17513/np.490

[2] See: *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law. Moscow: Yurlitinform, 2019. – 376 pp. DOI: 10.17513/np.467; *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of The Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. – 446 pp. DOI: 10.17513/np.490

Abstract. The article is a review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov "Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-logical foundations of the Metaphysics of Law" 2019 and its English edition 2021 In the process of analyzing this work, the peculiarity of its authors' understanding of the subject and method of philosophy as a science of the universal unity of thinking and being, realized in the complementarity of historical and logical forms, is revealed. Based on this, the authors of the monograph largely fill the gap that exists in philosophical and legal knowledge. Namely: they reveal the theoretical content of the process of mediation of general philosophy and Philosophy of Law. In this context, the philosophical and philosophical-legal teachings of Parmenides, Plato, Aristotle, Descartes, Kant, Fichte, Hegel, Dostoevsky are analyzed as necessary steps in the unified process of cognition of the essence and meaning of legal existence. As a result, the authors of the monograph give a modern interpretation of the main problems of the Philosophy of Law: the problems of the absolute in law, the value dimension in law, the relationship of the historical and logical principles of law and legal thinking, time and eternity, and others, as well as lay the foundations of legal Christology, substantiate the model of the comprehensive theory of law.

Key words: Philosophy of Law, metaphysics of law, logic, history, Parmenides, Hegel, Dostoevsky, thinking, being, absolute, value, state, law.

For citation: *Aleksandrov, A.I., Bogatyrev, D.K. (2022).* The truth of philosophy and the idea of law: the problem of unity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 22–30.

Работа известных петербургских ученых С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» может рассматриваться как одно из наиболее оригинальных и значительных философско-правовых произведений последних лет, выделяющееся как многообразием анализируемых коренных мировоззренческих понятий, связанных с правовой реальностью, так и глубиной их научного синтеза. Главной особенностью рецензируемой монографии является, на наш взгляд, высокий уровень цельности изложения, подчиненности его единой логике, что, собственно, и составляет суть научного доказательства.

Возрастающее внимание к вопросам философии права в России первой четверти XXI в. не случайно и вызвано не одним лишь академическим интересом. Прежде всего оно связано с необходимостью переосмыслить, а во многом и заново определить всеобщие основания правового бытия в нашей стране и ценностные основания ее суверенитета, связано с необходимостью преодоления разрывов в историческом сознании, с поиском путей национальной идентификации, осмысления своего места в многополярном мире, своего всемирно-исторического предназначения. Не случайно и то, что именно право, его основные нормы, его ценностное содержание становятся сегодня формой консенсуса по этим актуальным вопросам.

В условиях трансформации векторов социально-экономического и политического развития российского общества и государства юридическая наука особенно остро нуждается в философско-правовом знании[3]. Подлинная философия права – это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи. Поэтому глубоко созвучен социально-политическим процессам последних лет вызов, стоящий перед сообществом российских философов и правоведов. Авторы «Логоса права» определяют его так: «действительный суверенитет государства имеет место лишь тогда, когда государство является субъектом мировой истории. Но это невозможно, если правовая система суверенного государства основана на принципах заимствованной философии права» (с. 334).

С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться. Вряд ли может быть создана национальная правовая система и выработана суверенная правовая политика на заимствованных философско-правовых основаниях, не связанных с коренными нравственно-правовыми ценностями народов России, с их правовой культурой, с традициями образования и научного мышления. Очевидно также и то, что эти основания не могут быть чем-то постоянно данным, а скорее представляют собой процесс – процесс рефлексии над основами правового бытия, процесс достижения консенсуса в научном сообществе философов и правоведов, по-своему отражающий динамику складывающегося национального согласия.

Ключом к разработке такой философии права С.И. Захарцев, Д.В. Масленников и В.П. Сальников считают опыт актуализации современным мышлением наследия классической философии. Особенностью их подхода является понимание истории философии как целостного процесса, обладающего внутренней логикой. Согласно этой позиции, именно внутренняя логика историко-философского процесса может и должна раскрыть себя как форма мысли, связующая философское мышление абсолютного с рефлексией правового бытия.

[3] См.: *Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др.* Пути развития философии права в России // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 9–49.

При таком подходе авторы надеются, во-первых, задействовав опыт мировой философской и политико-правовой мысли, избежать апологетики какой-либо одной формы философии, как исторической, так и современной; а во-вторых, удержать в фокусе внимания современную проблематику мышления права, поскольку «актуализировать» логику историко-философского процесса можно только в дискурсе современного мышления, ориентированного на общенациональные ценности. Без подобной же актуализации логика мирового историко-философского процесса будет логикой мышления лишь потенциально.

Такое понимание метода философско-правового исследования напрямую вытекает из авторской трактовки предмета философии права и той задачи, которую, по их мнению, философская наука о праве должна решить прежде всего, а именно: показать, каким образом в правовой действительности присутствует абсолютное содержание. Хотя современная правовая мысль, особенно на Западе, стремится максимально дистанцироваться от проблематики абсолютного и истинного[4], авторы последовательно отстаивают ту позицию, что идея абсолютного непосредственно присуща праву. В этом их точка зрения близка подходу выдающегося русского правоведа начала XX столетия И.В. Михайловского: «Как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» (с. 18).

Исходное, еще совершенно абстрактное, представление о внутренней связи права и идеи абсолютного авторы устанавливают, опосредуя его идеей свободы. Эта идея, будучи неразрывно связанной с правом, имплицитно включает в себя и идею абсолютного: «В противном случае человек, подчиняясь нормам права, терял бы свою свободу. Ведь, подчиняясь чему-то неабсолютному, а значит, обусловленному чем-либо, человек сам неизбежно обуславливается какими-то внешними ему обстоятельствами: волей государства, социальными условиями, общественной или собственной психологией, деятельностью практического или “коммуникативного” разума и т.п. Право нельзя вывести ни из воли государства, ни из воли класса, ни из логики коммуникации... В любом из этих вариантов дедукции права (и многих других возможных объяснений) не будет удерживаться его абсолютно ценностная природа, а значит, для правосознания человека ценности права останутся немы» (с. 17).

Нужно заметить, что, по-видимому, здесь содержится скрытая полемика с трактовкой права как насилия, сохранившей свое влияние в XX и в XXI вв. преимущественно в силу авторитета Г. Кельзена. Согласно мнению авторов, право содержит в себе момент насилия лишь потенциально (если использовать понятия «потенциальности» и «актуальности» в их аристотелевском значении). Но в своей актуальности, считают авторы, право предполагает преимущественно свободное подчинение своим нормам, прежде всего в силу их ценностного значения для человека. Поэтому насилие в действительном праве имеет возможность получить форму актуальности, однако, в отличие от свободы, возможность актуализации для насилия не сопряжена с необходимостью. Таким образом, авторы доказывают, что без свободы нет права, а без абсолюта нет свободы.

Установив достоверность связи этих трех понятий, авторы формирует абстрактный исходный пункт логики изложения своего понимания сути дела. Стоит заметить, что итоговым результатом этого изложения станет развернутая интерпретация парадигмы правового мышления, заданной немецкой классической философии именно в качестве парадигмы абсолютной свободы. Таким образом, авторы реально, а не декларативно, следуют диалектическому методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Философия (в той своей части, которую авторы вслед за Аристотелем называют *philosopia prima* – «первая философия») раскрывает понятие абсолютного прежде всего как абсолютного единства мира, формирующего гармонию его многообразных элементов. Именно философия должна ответить на принципиально важный для человека вопрос о том, есть ли в том мире, в котором он живет, единство, внутренняя гармония и какой смысл заключает в себе эта гармония для жизни человека. Эта тема является доминирующей во всей книге и получает свое различное преломление и интерпретацию при обращении ее авторов к античной философии, к полемике христианства и гностицизма, а также к философии Ф.М. Достоевского.

В свою очередь, задачу философии права авторы видят в том, что «философия права, если она хочет быть философией, должна показать, как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она, далее, должна суметь спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства. Таким образом, содержание философии права

[4] См.: *Деникина З.Д.* Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. С. 196, 197.

включает в себя дискурс перехода от *philosophia prima* (первой философии), изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права. Поэтому оставаясь строго в рамках своего предмета, философия права имеет предельно ограниченное содержание. Ограниченное именно задачами теоретического опосредствования учения о всеобщем единстве мышления и бытия, с одной стороны, и основополагающих проблем онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики и права, праксиологии права, правосознания, с другой стороны» (с. 4).

В этом можно было бы усмотреть неоправданное сужение предмета философии права, который в последние годы стал объектом всесторонней дискуссии в отечественной юридической литературе. Авторы монографии, однако, предпочитают не вступать в эту дискуссию (в которой ранее они принимали активное участие[5]) и ограничиваются указанием на то, что философия права, как бы ни понимали ее задачи различные ученые, предполагает существование особой дисциплины, связывающей ее с «первой философией». Эту опосредствующую дисциплину авторы, следуя традиции, называют «метафизикой права». Вопрос о том, следует ли здесь говорить об отдельной философско-правовой науке или эту проблематику можно закрепить за философией права в ее широком понимании, мы оставляем открытым. Важно прежде всего то, что авторы рецензируемой монографии впервые обращают внимание на то, что связь права и философии является связью многоступенчатой и задача состоит в том, чтобы теоретически раскрыть конкретное содержание этой связи.

Очевидно, что если бы этот процесс перехода от метафизического мышления «первой философии» к правовой рефлексии не осуществился бы реально в исторической действительности, то философия права давно бы уже потеряла всякие ориентиры и полностью слилась бы с эмпирическим знанием, а «первая философия» замкнулась бы в бесплодных абстракциях. Отталкиваясь от факта этой историчности, авторы как раз и стремятся воспроизвести в теоретической форме содержание внутренней связи философского знания с наукой о праве, введя в дискурсивное пространство такой теории внутреннюю логику историко-философского процесса. Чтобы отличить последнюю от традиционной формальной логики, авторы используют термин «спекулятивное», трактуя его примерно в том значении, как он понимался в немецкой классической философии.

Однако эта спекулятивная логика связи всеобщей гармонии бытия и ценностного мира человека, логика связи абсолютности всеобщего и единичности свободы также нуждается, со своей стороны, в особой актуализации на основе соответствующей интерпретации содержания и смысла истории философии. Разработке предпосылок для решения этой во всех смыслах непростой задачи посвящены первая («Сущность и смысл всеобщего единства мышления и бытия») и вторая («Логическая форма философии как метафизическое основание теории права») части монографии. Начав с обоснования основного категориального аппарата и демонстрации методологического инструментария исследования (гл. 1.), авторы переходят к анализу основных этапов историко-философского процесса, который они трактуют как единство начала, процесса и результата, как единство непосредственности и опосредования, логики и истории (гл. 2.).

В качестве исходного момента этого процесса ими принимается учение Парменида, «первого философа в собственном смысле слова», как его называл Гегель. В качестве результата развития классической философии авторы вслед за М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером (в России – А.В. Гулыга, Е.С. Линьков) принимают учение Г.В.Ф. Гегеля. Речь не идет о том, что после Гегеля философия не имела продолжения, но о том, что с Гегелем заканчивается развитие мышления, вектор которого отмечен узловыми моментами, связанными с именами Парменида, Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Фихте. Сформулированные ими вопросы во многом находят свои ответы, а история философии обретает ту целостность, которая означает обретение ею собственной формы и раскрытие своего внутреннего смысла.

В учении элеатов авторы находят интеллектуальный опыт полагания в форме тождества мышления и бытия всеобщего единства мира, его гармонии. Это полагание осуществляется не посредством «пары фокуснических фраз», а тем объективным движением чистой мысли, которое зафиксировал Парменид. Анализируя отношение бытия и рефлексии в учении Парменида, авторы монографии переходят к платоновскому пониманию сущности бытия как всеобщего мышления. Путем скрупулезного анализа они выделяют в учении Сократа, Платона и Аристотеля те моменты, которые в итоге развития философии раскроются в гегелевском синтезе идеи логики и понятия духа, в «логике Логоса».

В подтверждение своих слов авторы монографии приводят удачное высказывание Х.-Г. Гадамера: «Гегелевское понятие духа, которое преодолевает субъективные формы самосознания, восходит к метафизике Логоса и Ума

[5] *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

(Logos-Nous-Metaphysik) платоновско-аристотелевской традиции, которая положена еще до всякой проблематики самосознания. Гегель тем самым разрешает для себя задачу нового обоснования греческого Логоса на почве современного, самого себя знающего духа» (с. 22). Для авторов гегелевская логика Логоса -это форма философии, раскрывающая конкретное понятие духовной свободы. В этом, собственно, и заключен смысл заглавия монографии – «Логос...», получивший в результате философского развития форму идеи, сам, в свою очередь, формирует правопонимание.

Однако обрести такое духовное измерение философия смогла только в итоге христианизации философской мысли. Авторы монографии показывают, как с приходом христианства логические категории философов, описывающие диалектику единого и многого, получают этическое, духовное, наполнение. Античный вопрос о том, един ли мир в своем многообразии или он представляет собой распадающийся хаос, заостряется до вопроса о том, несет ли его гармония в себе благо. Или другими словами: есть ли единство мира также и абсолютное добро для человека? Тем самым философия делает еще один шаг, приближающий мысль к пониманию сущности права.

Вопрос о единстве мира в аспекте проблемы отношения абсолютного добра и зла авторы конкретизируют, обратившись к полемике Отцов Церкви с гностическими учениями, которые трактовались ими как скрытая форма апологетики зла и небытия (гл. 3.). Пожалуй, именно в рецензируемой монографии впервые в истории философии столь последовательно проводится линия от аргументов Парменида о немыслимости небытия к аргументам Отцов Церкви о небытии зла. Теперь философская мысль должна раскрыть не только внутреннее единство всеобщего бытия и абсолютного добра (это знала уже и античная философия), но и раскрыть значение этого единства для человека, его смысл.

Единство мира, взятое в его духовном измерении (или этическом измерении, если несколько снизить уровень исследования проблемы), должно быть понято как абсолютное добро, а значит нужно понять и логически выразить невозможность и немыслимость зла. Христианское философское мышление, как известно, предлагает здесь аргументацию теодицеи: доказательство того, что вина за зло в мире лежит на человеке, наделенном способностью к различению добра и зла и свободой воли для следования истинному выбору. Другими словами: через постижение сущности своей свободы человек должен понять смысл всеобщей гармонии бытия и значение форм реализации этой гармонии в обществе, т.е. значение справедливости, морали и права.

Наиболее точные средства для экспликации проблемы взаимосвязи личности и мировой гармонии авторы монографии находят у Ф.М. Достоевского, предварительно обосновав необходимость обращения к наследию русского писателя именно на данном этапе своего исследования (гл. 4). Они выделяют два аспекта этой проблемы в ее интерпретации Достоевским. Первый: нерешенность вопроса о сущности и смысле гармонии бытия означает смерть человека, вплоть до буквального импульса к его самоубийству. Второй: проблема единого и многого решается человеком в плоскости признания им свободы и равенства других людей, а значит, в конечном итоге, в морально-правовом измерении.

Сама постановка этих вопросов и их решение в творчестве Достоевского сделала писателя действительным основоположником русской философии права, на что указывал в свое время П.И. Новгородцев. Эта тема получает в рецензируемой монографии лишь частичное разрешение. Однако она более подробно исследуется в других работах М.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова, посвященных философии права Ф.М. Достоевского[6]. Именно Достоевский с исключительной глубиной раскрывает смысл всеобщей гармонии мироздания как внутреннего стержня личности. Ведь, по мнению Достоевского, «моральный выбор человека – это не только его личное дело, он затрагивает самую суть мироздания, отражается во всех его гранях»[7]. Этот смысл всеобщей гармонии одновременно и абсолютен для человека, и незримо связан с самыми потаенными глубинами его индивидуального бытия. И именно в этом единстве, опосредованном, по Достоевскому, опытом христианской жизни русского народа, синтезируется комплекс его нравственных и правовых ценностей. Представляется, что с подобной интерпретацией Достоевского и с выстраиванием для этой интерпретации соответствующих философско-правовых контекстов; ранее не

[6] См., напр.: *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4–7; *Их же.* Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 17–24; *Их же.* Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–171; *Сальников В.П., Масленников Д.В.* Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.): в 2 ч. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2018. Ч. 1. С. 72–79.

[7] *Бастрыкин А.И., Сальников В.П.* Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник Института права Башкирского гос. ун-та. 2021. № 4. С. 10.

приходилось встречаться ни в российской, ни в зарубежной философской или правовой литературе. Видимо, это – результат переосмысления классики с учетом опыта минувшего столетия и с учетом тех задач, которые встают перед наукой сегодня. Предшествующее время все же высвечивало в классическом наследии несколько иные аспекты.

В процессе анализа философии Достоевского авторами монографии определяется этическое содержание учения о всеобщем единстве бытия. Это содержание имеет ключевое значение для всего исследования, поскольку именно благодаря его актуализация оказывается возможным обосновать переход от общей философии к философии права. Углубленное понимание человека, подобное тому, которое мы находим у Отцов Церкви, а позже у русских христианских философов, видевших в свободе высший и неотъемлемый дар Бога, позволяет мыслить свободу как синтетическую форму для выражения единства бытия и абсолютного добра. Для своего философского выражения это мышление требует прежде всего сосредоточения на проблеме субъективности как возможности свободного самоопределения, самополагания, самоосуществления.

Новый этап своего пути, связанный с решением этой задачи, философия начинает с Р. Декарта (гл. 5.). Страницы, посвященные философии Р. Декарта, на наш взгляд,– одни из наиболее интересных в монографии. Авторы подробно анализируют онтологические аспекты учения Декарта о субъекте, что создает необходимые опорные точки той интерпретации трансцендентальной философии, которая необходима им для раскрытия роли классической философии в познании сущности права. Но предварительно требуется своего рода «фокусировка» интерпретации трансцендентальной философии И. Канта и И.Г. Фихте, а параллельно с этим и философии абсолютного идеализма Г.В.Ф. Гегеля (гл. 6–8).

Дело в том, что немецкая классическая философия сама себя позиционировала как науку о самовыражении единства мышления и бытия, как науку о «субстанции-субъекте». Здесь субстанция-субъект понималась как активная, самоосуществляющаяся свобода, при одновременной экспликации христианской идеи абсолютной свободы в качестве высшего дара Бога человеку. Но в обычном, «школьном», изложении немецкой классики понятие «субстанции-субъекта», по-прежнему, трактуют как своего рода внешний «объект» познания. При этом упускается из виду, что метод работы с учением о «субстанции-субъекте» должен быть адекватен методу самого этого учения. Ни мышление исследователя, ни сам объект этого мышления (немецкая философия) не могут оставаться в своем первоначальном, непосредственном, состоянии после того, как они вступают во «взаимодействие» друг с другом.

Давая соответствующий интерпретирующий анализ спекулятивной логики немецких классиков и одновременно «настраивая инструмент» такого анализа, авторы исследуют целый ряд вопросов, представляющих несомненный интерес для истории философии и для философии права. А именно: сравнительный анализ спекулятивно-логического содержания в философии Фихте и Гегеля, анализ соотношения логического и исторического (в двух моментах его понимания Гегелем: как *Historie* и как *Geschichte)*, понятия логического и духовного в их философском и богословском значении (гл. 9.) и др. Думается, что этот анализ имеет самостоятельную научную ценность, но для авторов монографии он важен прежде всего как опыт разработки теоретико-методологических предпосылок метафизики права, позволяющей удержать понятие абсолютного в дискурсе правового мышления.

На основе полученных результатов авторы рецензируемой монографии дают собственную интерпретацию трактовки вопросов права в немецкой классической философии (гл. 10, 11). В первую очередь они хотят подчеркнуть оригинальный характер философии права немецких классиков, которые ни продолжали традицию философии естественного права, выродившуюся к тому времени в односторонний рационализм, склонный к построению ходульных, далеких от жизни метафизических конструкций, ни развивали идеи теории общественного договора, господствовавшей в эпоху Просвещения, но выдвинули принципиально новую парадигму правового мышления, основанную на идее абсолютной свободы, предложив адекватные средства логической экспликации духовного содержания этой идеи.

Особо важной в рамках заявленной темы оказывается гегелевская трактовка идеи права, основанная на понимании субъекта свободы как исторического процесса, а исторического процесса как действия субъекта свободы[8]. У Гегеля субъект свободы (дух) и процесс объективной реализации этого субъекта в истории немыслимы друг без друга: без духовного субъекта свободы история не является действительной историей, оставаясь лишь эмпирической последовательностью фактов; без истории субъект не является действительным субъектом свободы, так как свобода без мощи своей самореализации является таковой только по названию. В этом контексте авторы трактуют

[8] Ср.: «Государство как всемирная история раскрывается Гегелем исходя из его понимания свободы» (см.: *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учеб. М., 2020. С. 296).

гегелевское понятие «суда истории», завершающее «Философию права». Показано, что здесь мы имеем дело не с эффектной аллегорией философа, а с точной научной категорией, которая позволяет ученому более полно раскрыть суть своей концепции государственного суверенитета, сохраняющей, по мнению авторов, актуальность в XXI в.

Важнейшие положения правового учения Гегеля раскрываются авторами монографии также на материале его «Лекций по философии религии», к которым в пределах философско-правовой проблематики, обычно, обращаются редко[9]. Содержание, формирующееся на стыке философии права и философии религии (нужно сказать, более привычное правоведам в контексте русской культуры рубежа XIX – XX вв.), позволяет обозначить новые направления развития современной философской науки о праве. При этом становятся более понятными философско-правовые смыслы, которые были лишь намечены в гл. 3 «Свобода как бытие Абсолютного Добра».

В монографии анализируется учение Гегеля об этапах развития государства, как оно излагается в философии религии, а также впервые раскрывается философско-правовое содержание учения Гегеля о Христе (в т.н. христологии, давно ставшей самостоятельным направлением гегелеведения). Речь здесь идет не только о связанном с христологической проблематикой понятием личности, но прежде всего о богословском и одновременно философско-правовом толковании Гегелем значения Христа для преображения всемирной истории и для обретения историей нового качества, что особенно важно в аспекте гегелевского правового историзма. При этом особое внимание уделяется вопросам гегелевской философской интерпретации смерти и Воскресения Христа, которую авторы монографии используют для достижения метафизического понимания основ права. Эта тема органично вплетается ими в ткань анализа проблемы отношения времени и вечности, что позволяет выйти на актуальную для философии права XX – XXI вв. тему – «право и время».

Общим итогом выстроенной авторами концепции исторического развития спекулятивно-логических оснований метафизики права является конкретизация первоначально данных абстрактных понятий, согласно которым «свобода может быть определена как процесс различения добра и зла, право – как форма достигнутого различения, нравственность – как содержание этого различения» (с. 7). В заключительной главе намечаются каналы перехода от спекулятивно-логической метафизики права к философии права и далее к позитивной теории права. Этапом этого пути авторам видится компрехендная теория права, которая давно и успешно разрабатывается С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым[10]. В процессе своего развития, по мере конкретизации и оформления содержания спекулятивно-логической метафизики права эта теория, согласно их замыслу, должна стремиться ко все более конкретному и содержательному синтезу правового знания.

* * *

Можно только пожелать С.И. Захарцеву, Д.В. Масленникову и В.П. Сальникову не останавливаться на достигнутом результате. Не сомневаемся, что представленная ими на суд научной общественности работа, ставшая итогом многолетней исследовательской деятельности, будет востребована как источник новых, актуальных идей для философии и теории права. Свидетельство тому – ее публикация достаточно большим тиражом в Лондоне в 2021 г., а также готовящиеся сейчас переводы на немецкий, китайский и таджикский языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П.* Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник Института права Башкирского гос. ун-та. 2021. № 4. С. 10.

[9] См.: *Гусев О.В., Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Церковь и духовный смысл права // Юрид. мысль. 2017. № 1. С. 8–14; *Масленников Д.В.* Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–173; *Его же.* Право как форма различения добра и зла // Юрид. мысль. 2015. № 6. С. 42–47.

[10] См., напр.: *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юрид. наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26; *Их же.* О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 83–88; *Их же.* Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 2. С. 39–47; *Их же.* Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1 (47). С. 13–30; *Их же.* Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39–58; *Их же.* Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189–194; *Их же.* Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 4–13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13; *Их же.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105; *Их же.* Что есть компрехендная теория права? // Юрид. наука. 2016. № 3. С. 5–9; *Их же.* Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. 2016. № 5 (28). С. 375–379; *Zakhartsev S., Salnikov V.* Philosophical and Legal Foundations of the Comprehensive Theory of Law // Wisdom – special Issue. 1(1), 2021. Philosophy of Law. P. 223–231. DOI: 10.24234/wisdom.vlil.665

2. *Гусев О.В., Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Церковь и духовный смысл права // Юрид. мысль. 2017. № 1. С. 8–14.

3. *Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др.* Пути развития философии права в России // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 9–49.

4. *Деникина З.Д.* Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. С. 196, 197.

5. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–171.

6. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019. Р. 4, 7, 17, 18, 22. DOI: 10.17513/np.467

7. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4–7.

8. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 17–24.

9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. 2016. № 5 (28). С. 375–379.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 4–13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юрид. наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 83–88.

13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 2. С. 39–47.

14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39–58.

15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189–194.

16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1 (47). С. 13–30.

18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что есть компрехендная теория права? // Юрид. наука. 2016. № 3. С. 5–9.

20. *Масленников Д.В.* Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–173.

21. *Масленников Д.В.* Право как форма различения добра и зла // Юрид. мысль. 2015. № 6. С. 42–47.

22. *Сальников В.П., Масленников Д.В.* Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.): в 2 ч. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2018. Ч. 1. С. 72–79.

23. *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учеб. М., 2020. С. 296.

24. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of The Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. – 446 pp. DOI: 10.17513/np.490

25. *Zakhartsev S., Salnikov V.* Philosophical and Legal Foundations of the Comprehensive Theory of Law // Wisdom – special Issue. 1(1), 2021. Philosophy of Law. P. 223–231. DOI: 10.24234/wisdom.vlil.665

26. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

REFERENCES

1. *Bastrykin A.I., Salnikov V.P.* The idea of man in F.M. Dostoevsky's teaching about law and the state // Herald of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4. P. 10 (in Russ.).

2. *Gusev O.V., Maslennikov D.V., Revnova M.B.* Church and the spiritual meaning of law // Legal thought. 2017. No. 1. P. 8–14 (in Russ.).

3. *Guseynov A.A., Stepin V.S., Smirnov A.V. et al.* Ways of development of the philosophy of law in Russia // Ross. Journal of Legal Studies. 2017. No. 1 (10). P. 9–49 (in Russ.).

4. *Denikina Z.D.* The formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times: dis. ... Dr. Philos. M., 2005. P. 196, 197 (in Russ.).

5. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Being and reflection: ontological foundations of law in the philosophy of F.M. Dostoevsky // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 12. P. 157–171 (in Russ.).

6. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law. M., 2019. P. 4, 7, 17, 18, 22. DOI: 10.17513/np.467 (in Russ.).

7. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Freedom as concreteness of the idea of absolute goodness in Dostoevsky's Philosophy of Law // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 1 (34). P. 4–7 (in Russ.).

8. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Theoretical and methodological foundations of F.M. Dostoevsky's Philosophy of Law as an ideologist of

"pre-Eurasianism" // The Rule of Law: theory and practice. 2019. No. 2 (56). P. 17–24 (in Russ.).

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Meet: comprehensive theory of law // Library of Criminalist. 2016. No. 5 (28). P. 375–379 (in Russ.).
10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehensive theory of cognition of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4. P. 4–13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13 (in Russ.).
11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehensive theory of knowledge of law // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 11–26 (in Russ.).
12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* About misconceptions in understanding the law and the importance of a comprehensive approach for its cognition // The legal field of the modern economy. 2016. No. 5. P. 83–88 (in Russ.).
13. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On integrative legal understanding in the context of a comprehensive theory of law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. P. 39–47 (in Russ.).
14. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the justification of a comprehensive approach for the knowledge of law // Theory of state and law. 2016. No. 2. P. 39–58 (in Russ.).
15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Programming the life of society and individuals as a facet of law in the context of the comprehensive doctrine // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. P. 189–194 (in Russ.).
16. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the comprehensive theory of law // Education and Law. 2021. No. 5. P. 98–105. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105 (in Russ.).
17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Thinking about the essence of law: a comprehensive approach // The Rule of Law: theory and practice. 2017. No. 1 (47). P. 13–30 (in Russ.).
18. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M., 2015 (in Russ.).
19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* What is a comprehensive theory of law? // Legal science. 2016. No. 3. P. 5–9 (in Russ.).
20. *Maslennikov D.V.* The God-man and the idea of law // The world of politics and sociology. 2015. No. 12. P. 167–173 (in Russ.).
21. *Maslennikov D.V.* Law as a form of distinguishing good and evil // Legal thought. 2015. No. 6. P. 42–47 (in Russ.).
22. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V.* F.M. Dostoevsky's Philosophy of Law as a source of development of the theory of the Russian state and law // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, April 5–6, 2018): in 2 parts / ed. by F.H. Galiev. Ufa, 2018. Part 1. P. 72–79 (in Russ.).
23. *Frolova E.A.* History of political and legal doctrines: textbook. M., 2020. P. 296 (in Russ.).
24. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of The Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021.– 446 pp. DOI: 10.17513/np.490
25. *Zakhartsev S., Salnikov V.* Philosophical and Legal Foundations of the Comprehensive Theory of Law // Wisdom – special Issue. 1(1), 2021. Philosophy of Law. P. 223–231. DOI: 10.24234/wisdom.vlil.665
26. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

Сведения об авторах

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, член Президиума
Ассоциации юристов России; 191123 г.
Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 28

БОГАТЫРЕВ Дмитрий Кириллович –
доктор философских наук, профессор, ректор
Русской христианской гуманитарной академии;
191011 г. Санкт-Петербург, набережная реки
Фонтанки, д. 15

Authors' information

ALEKSANDROV Alexey I. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Member of the Presidium of
the Association of Lawyers of Russia;
28 Chaykovskogo str., 191123 St. Petersburg, Russia

BOGATYREV Dmitry K. –
Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the
Russian Christian Humanitarian Academy;
15 Fontanka River embankment, 191011
St. Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 31–36
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 31–36

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. НЕРАСКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

© 2022 г. Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: evigpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 14.06.2022 г.

Аннотация. Актуализация процессов совершенствования конституционных предписаний в современной России обусловливает необходимость поиска теоретических основ конституционных преобразований. В статье анализируются процедуры пересмотра Конституции РФ в целом или отдельных ее частей в аспекте ретроспективного и сравнительно-правового анализа, что контекстно предопределено исследованиями правовой природы учредительной власти, как самостоятельного конституционно-правового института.

Ключевые слова: пересмотр конституции, учредительная власть, Конституционное Собрание.

Цитирование: *Виноградова Е.В.* Конституционное Собрание Российской Федерации. Нераскрытый потенциал учредительной власти // Государство и право. 2022. № 9. С. 31–36.

DOI: 10.31857/S102694520022199-9

THE CONSTITUTIONAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION. THE UNTAPPED POTENTIAL OF CONSTITUENT POWER

© 2022 E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: evigpran@igpran.ru

Received 14.06.2022

Abstract. The actualization of the processes of improving constitutional prescriptions determines the need to search for the theoretical foundations of constitutional reforms. In the article, the author analyzes the procedures for revising the Constitution of the Russian Federation as a whole or her individual parts in the aspect of retrospective and comparative legal analysis, which is contextually predetermined by studies of the legal nature of the constituent power as an independent constitutional legal institution.

Key words: revision of the Constitution, constituent power, Constitutional Assembly.

For citation: *Vinogradova, E.V. (2022).* The Constitutional Assembly of the Russian Federation. The untapped potential of constituent power // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 31–36.

Инкорпорирование в 2020 г. в текст Конституции РФ элементов нового формата власти, определенной как «публичная», обусловило научный интерес к исследованиям конституционно-правовых институтов, оформляющих власть. Получил новый импульс для осмысления поиск внутреннего единства государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) и органов местного самоуправления. Кроме того, актуализировался теоретический дискурс определения учредительной власти как основы института конституционных преобразований. Действительно, учредительная власть связана с принятием и изменением нормативных правовых актов с наивысшей юридической силой того или иного государства.

Предусмотренный Конституцией РФ орган государственной власти со специальными учредительными полномочиями – Конституционное Собрание – относится к такому типу учредительных органов, которые действуют на основе уже сложившейся системы органов государственной власти на основе действующей Конституции. Вместе с тем отсутствие этого органа в конституционно-правовом пространстве современной России остается поводом для дискуссий о его правовой природе. Вместе с тем легитимация Конституционного Собрания в формате принятия федерального конституционного закона, будет означать потенциальную готовность российского общества к конституционной реформе. Именно отсутствие такого общественного запроса не способствует принятию этого нормативного правового акта, несмотря на большое (не менее 11) количество внесенных законопроектов и еще большее числе теоретических моделей, предлагаемых и ведущими учеными-конституционалистами[1], и соискателями ученых степеней доктора и кандидата юридических наук[2], и общественными деятелями. Поэтому, рассматривая принятие федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании» в качестве своеобразного индикатора, можно предположить, что до его принятия все необходимые перемены, созвучные политико-правовым реалиям, будут устанавливаться на конституционном уровне в формате поправок, а в качестве аргумента будет использоваться тезис, что Конституция РФ еще не исчерпала свой потенциал.

Использование формата поправок при необходимости преобразовывать текст Конституции РФ применен, в частности, в 2020 г., когда поправками был внесен ряд изменений в порядок организации и функционирования публичной власти. Алгоритм изменения в функционировании органов, осуществляющих в Российской Федерации властные полномочия, был заложен предложенными конституционными поправками в главы Конституции о федеративном устройстве и государственной власти. Эти поправки в положения гл. 3–8 Конституции РФ не изменили положения гл. 1, устанавливающей основы конституционного строя Российской Федерации, гл. 2, определяющей права и свободы человека и гражданина, и гл. 9, предусматривающей возможность внесения поправок и пересмотр Конституции РФ. Целесообразность объединения всех изменений в одном тексте была обусловлена необходимостью системного комплексного подхода к вопросам повышения качества и уровня жизни, для чего необходимо было создать механизмы усиления подотчетности основных государственных институтов обществу, эффективности государственного управления, открытости и прозрачности процедур наделения властными полномочиями лиц и органов.

Процесс принятия в 2020 г. конституционных поправок детерминировал перемены в отечественном политико-правовом пространстве и актуализировал интерес к вопросам реформирования Конституции РФ, так как происходящие во всем мире и в стране перемены обусловливают необходимость переосмысления правовой природы отечественного конституционного устройства и гарантий прав личности, закрепленных в статьях т.н. жесткой части Конституции РФ. Для изменения текста этой части возможно использовать только формат пересмотра[3], не предполагающего его реализацию Федеральным Собранием РФ. Если буквально следовать конституционным предписаниям, то воплощение в жизнь этой задачи, если она будет поставлена, предполагает несколько этапов весьма непростой работы, которая помимо юридико-технических процедур обусловлена политическими решениями, имеющими поддержку в обществе. Теоретически на первом этапе должен быть принят федеральный конституционный закон «О Конституционном Собрании Российской Федерации», после начала работы которого предполагается внесение инициативы и одобрение ее палатами российского парламента. После подготовки проекта нового текста может быть принята новая российская Конституция.

[1] См.: *Авакьян С.А.* Проект и концепция Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации». URL: www.law.msu.su

[2] См., напр.: *Киреев В.В.* Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации»: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010; *Шишкина О.Е.* Конституционное Собрание Российской Федерации как орган учредительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

[3] Статьей 135 Конституции РФ установлен порядок пересмотра положений гл. 1, 2 и 9.

Преобразование конституционных положений в теории конституционного права может происходить в разных формах. В некоторых странах для пересмотра положений основных законов, например, Статута королевства короля Карла Альберта (Италия) 1848 г., конституций Монако 1911 г., Ганы 1960 г., достаточно принятия нового закона, изменяющего ранее действовавший, либо устанавливающего новые положения. В любом случае Конституция считается гибкой, если для изменения ее положений не установлено никаких специальных требований, кроме парламентских процедур для законов «особого» вида.

Если для конституционных преобразований требуется применение особой процедуры с обязательными более жесткими условиями, чем требуемые для принятия ординарного закона, это указывает на степень трудности процедуры пересмотра. Обращаясь к примерам очень «жестких» конституций, как правило, упоминают французские конституции. Это и Конституция Франции 1791 г., в которой был установлен запрет на любой пересмотр в течение первых трех лет первых легислатур. Эта традиция сохранилась и в XX в. Конституции Франции 1946 и 1958 гг. содержат указание, что их положения не могут быть пересмотрены в то время, когда национальная территория оккупирована[4], а также в период вакантности поста Президента республики[5]. Положения о том, что республиканская форма правления не может служить предметом предложений о пересмотре, содержатся в конституциях Франции, Греции, Италии, Португалии. Конституция Бельгии 1831 г. содержит положение (ст. 131) о том, что полный пересмотр этого акта невозможен.

Вместе с тем любые конституции подвергаются преобразованиям. Например, традиционно считающаяся «жесткой» Конституция Японии трансформировалась в весьма любопытном формате[6]. Основой правовой системы этого государства являются Конституция Мэйдзи 1889 г., представляющая собой рецепцию французского и германского законодательства. Сильное политико-правовое влияние США обусловило уникальность современной конституционной модели Японии. Принятие в 1947 г. Конституции Японии фактически происходило по инициативе императора, в соответствии с положениями Конституции Японии 1889 г., в которой была установлена такая процедура. Исследователи полагают, что новая Конституция, разрабатываемая сотрудниками Госдепартамента США, должна была укрепиться в правовой и политической жизни Японии, вобрав в себя все особенности и специфику ее политико-правовой культуры[7]. Поэтому справедливо считать, что Конституция Японии 1947 г. формально представляет собой серию поправок к Конституции Мэйдзи. Сложность изменений в «жесткую» Конституцию Японии на протяжении многих десятилетий порождает дискуссии относительно изменений в одну из наиболее чувствительных для современной Японии проблему – невозможность иметь собственные вооруженный силы. Это положение Конституции существует как отголосок борьбы с милитаристической агрессивностью государственной политики японского государства, проводимой им вплоть до окончания Второй мировой войны. Однако в 2020 г. в Японии планировалось проведение конституционного референдума по вопросу легитимации вооруженных сил страны. Таким образом, внесение тех или иных изменений в конституции, даже «очень жесткие», процесс перманентный, отвечающий требованиям времени, обеспечивающий актуализацию модели устройства общества.

Жесткость конституций, как правило, объясняется тем, что они рассматриваются в качестве фундаментального акта, отражающего согласие граждан относительно характера и функционирования государственной системы, поэтому для ее преобразования видится необходимым наличие всеобщего согласия, достижение которого – процесс весьма непростой, учитывая, что «именно в основном законе государство обозначает свои базовые ценности, фундаментальные цели, планы и программы развития»[8].

Компромисс, который достигается сочетанием в Основном законе страны «гибких» и «жестких» предписаний, позволяет находить консенсус между чрезмерной жесткостью, парализующей возможность пересмотра конституции, побуждением прибегнуть к экстраконституционным способам и недостаточной жесткостью, в силу которой конституционная стабильность подвергается испытанию со стороны обстоятельств без достаточных оснований.

Конституции т.н. смешанного типа содержат предписания, устанавливающие разные процедуры для преобразования их структурных элементов. В любом случае даже для изменения «гибкой»

---

[4] Введение таких положений явилось реакцией на ситуацию невозможности выражения национальной воли в период оккупации в 1940 г. страны Германией.

[5] См.: *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 110, 111.

[6] См. подр.: *Виноградова Е.В., Виноградова С.А.* Влияние европейского права на Конституцию как источник права в современной Японии // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 71, 72.

[7] См.: *Ночвина Б.А.* Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. С. 303.

[8] *Данилевская И.Л.* О программных положениях отечественных конституций периода советского конституционализма // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 18.

части требуется квалифицированное большинство при голосовании. Как уже отмечалось ранее, Конституция РФ также содержит «гибкую» и «жесткую» части. При этом преобразования положений «гибкой» части предусматривает необходимость проголосовать за них квалифицированным большинством. В этой связи представляется нелишним остановиться на вопросе, определения большинства при голосовании в палатах Федерального Собрания. Как отмечает В.Е. Чиркин[9], конституционная терминология по вопросам большинства и меньшинства, как любая конституционная конструкция, предполагает тщательность и обоснованность правилами юридической техники. Вместе с тем, какое количество голосов парламентариев считать большинством – не определено. Понятие конституционного большинства без объективных рамок не может не искажать восприятие реалий. В конституционных нормах (ст. 105, 108 Конституции РФ) закреплено, что оно определяется от общего числа членов палаты Федерального Собрания. Этот же термин используется и в ст. 135 в связи с возможностью пересмотра Конституции РФ Конституционным Собранием, в толковании Конституционного Суда РФ это – то самое число, которое предусмотрено Конституцией РФ. Однако, что считать «общим числом членов палаты» – реальное их количество или предусмотренное конституционной нормой? Для верхней палаты, для которой теперь Конституцией РФ не установлена абсолютная цифра сенаторов, формирующих палату субъектов Российской Федерации, этот вопрос также остается открытым. Еще более сложным, исходя из выше обозначенной неопределенности, является вопрос определения квалифицированного большинства. Оно определяется как $^{2}/_{3}$ (например, при преодолении «вето» Президента РФ или при одобрении поправки к Конституции РФ), $^{3}/_{4}$ голосов требуется для одобрения в Совете Федерации федерального конституционного закона, $^{3}/_{5}$ – в каждой из палат парламента для поддержки предложения о пересмотре положений гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ. Наряду с разным конституционным большинством есть и другие конституционные числа, в том числе «конституционное меньшинство». Например, по вопросам о соответствии Конституции РФ в Конституционный Суд РФ могут обращаться не менее $^{1}/_{5}$ сенаторов или депутатов. Такая конституционная арифметика создает потенциал для сомнения в легитимности принятого решения. А это недопустимо, учитывая важность решений, для которых она требуется.

Для установления наличия согласованного интереса к форме и объему конституционных перемен в теории конституционного права, как правило, апеллируют к потенциалу учредительной власти, которая может быть реализована в формате специально создаваемого для этих целей органа.

Рассуждая о правовой природе учредительной власти, остановимся на предположении, возникшем при анализе Заключения Правового управления Государственной Думы ФС РФ на один из законопроектов о Конституционном Собрании, в котором отмечается, что согласно положениям предложенного законопроекта «Конституционное Собрание является учредительным органом государственной власти Российской Федерации. Однако статьей 10 Конституции Российской Федерации установлено, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации»[10]. Точка зрения, на наш взгляд, небесспорная, тем более что конституционные положения изложены в весьма вольной трактовке. Из заключения экспертов, которые отмечают, что, исходя из конституционного положения о том, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, и предполагая, что законодательную власть в Российской Федерации осуществляет Федеральное Собрание РФ, следует, что такой орган, как Конституционное Собрание не может быть отнесен к органам государственной власти. Думается, что в таком подходе кроется весьма вольное толкование правовой природы учредительной власти – власти, учреждающей Основной Закон страны, определяющей форму государственного устройства, политического режима, принципов на которых осуществляется власть в государстве. Теория осуществления учредительной власти относится к ценностям более высокого порядка, чем теория разделения властей. Учредительная власть может быть интегрирующим элементом в системе сдержек и противовесов, так как она призвана обеспечивать принцип принадлежности власти всему народу страны, поэтому при формировании органа учредительной власти – учредительного собрания применяются модели вхождения в ее состав наряду с депутатами парламента и представителей исполнительной и судебной власти, других представителей, в том числе главы государства.

[9] См.: *Чиркин В.Е.* О конституционном большинстве // Государство и право. 2012. № 6. С. 116–118.

[10] См.: Заключение Правового управления Государственной Думы по проекту федерального конституционного закона № 1046036–7 «О Конституционном Собрании Российской Федерации», внесенному депутатами Государственной Думы Г.А. Зюгановым, И.И. Мельниковым, В.И. Кашиным и др. // Официальный сайт Государственной Думы // http://sozd.duma.gov.ru

Занимая в конституционном нормотворчестве особое место, учредительные органы создаются для разработки и принятия Основного закона или внесения в него изменений. Период большой популярности идеи учредительной власти приходится на XIX в., когда конституции принимались учредительными собраниями[11]. В XX в. многие государства сохранили эту традицию[12].

Для российского правопонимания долгий период сама теория учредительной власти не была предметом исследования. Вместе с тем следует напомнить, что русское государственное право дореволюционного периода уделяло проблеме учредительного собрания значительное внимание при рассмотрении вопросов организации верховной власти[13].

Историческая развилка, позволяющая строить альтернативные версии развития государственного устройства России, вопреки мнению Гейдельбергского профессора К. Хампе, утверждавшего, что «история не знает слова «если»...», была обусловлена созывом Всероссийского Учредительного собрания. Как известно, 2 марта 1917 г. император Николай II подписал Манифест об отречении от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти в пользу своего брата – Великого Князя Михаила, который на следующий день, 3 марта 1917 г., в Акте, который хранится в Государственном архиве РФ[14], провозгласил: «Принял Я твердое решение в том лишь случае восприять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»[15].

Потенциал учредительной власти не был использован в России на протяжении практически всего XX в. Появившийся интерес к поиску новых форм государственного устройства позволил вернуться к идее учредительной власти. Так, согласно проекту Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии А.Д. Сахарова[16] высшей законодательной властью в стране обладал Съезд народных депутатов. Она была реализована летом 1993 г. в формате Конституционного совещания, созыв которого стал первым шагом России на пути к реальному конституционализму, одной из основных идей которого является учредительная власть. По существу, Конституционное совещание, по мнению М.А. Митюкова, который одним из первых предложил для института трансформации Конституции РФ термин «преобразование», представляло собой подобие Учредительного собрания, выражавшего все спектры политической жизни общества[17].

* * *

Закрепление в Конституции РФ органа, наделенного полномочиями по ее пересмотру,– Конституционного Собрания, несмотря на отсутствие федерального конституционного закона[18], создает возможность для реализации учредительной власти. Исследования теоретических основ учредительной власти, основанной на праве народа как ее субъекта утверждать форму правления, государственного устройства, гарантий прав и свобод, исходя из собственных традиций и мирового опыта, актуализировались в стране в связи с формирующимся в последние годы институтом конституционных преобразований. Несмотря на то что вопросы созыва, организации и деятельности органа учредительной власти остаются без необходимого законодательного регулирования, следует отметить, что именно такой орган может способствовать сохранению базовых конституционных положений, обеспечивая стабильность конституционного устройства Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Проект и концепция Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации». URL: www.law.msu.su
2. *Виноградова Е.В., Виноградова С.А.* Влияние европейского права на Конституцию как источник права в современной Японии // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 71, 72.

[11] Таким органом принимались конституции Соединенных Штатов (1787 г.), Франции (1791, 1793, 1795, 1848, 1875 гг.), Норвегии (1814 г.), Испании (1820 г.), Португалии (1822 г.), Бельгии (1831 г.) и др.

[12] Конституции Франции 1946 г., Италии 1947 г., Индии 1950 г., Боливии 1967 г., Бангладеш 1972 г., Болгарии 1991 г.

[13] Это отражено в: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. 4.1. Общее государственное право. М., 1884; *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т.I. Конституционное право. 2-е изд. СПб., 1910; и др.

[14] См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 7.

[15] URL: htttp://romanovy.rusarhives.ru (дата обращения: 01.06.2022).

[16] Академик, лауреат Нобелевской премии Мира, народный депутат СССР А.Д. Сахаров был членом Конституционной комиссии Съезда народных депутатов СССР (см. подр.: *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Конституция, которой не было // Образование и право. 2019. № 7. С. 18–23).

[17] См.: *Митюков М.А.* Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документа, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014. С. 7, 14.

[18] Который должен быть принят согласно ст. 135 Конституции РФ.

3. *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Конституция, которой не было // Образование и право. 2019. № 7. С. 18–23.

4. *Данилевская И.Л.* О программных положениях отечественных конституций периода советского конституционализма // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 18.

5. *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 110, 111.

6. *Киреев В.В.* Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010.

7. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т.I. Конституционное право. 2-е изд. СПб., 1910.

8. *Митюков М.А.* Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документа, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014. С. 7, 14.

9. *Ночвина Б.А.* Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. С. 303.

10. *Чиркин В.Е.* О конституционном большинстве // Государство и право. 2012. № 6. С. 116–118.

11. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. 4.1. Общее государственное право. М., 1884.

12. *Шишкина О.Е.* Конституционное Собрание Российской Федерации как орган учредительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Draft and concept of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Assembly of the Russian Federation”. URL: www.law.msu.su (in Russ.).

2. *Vinogradova E.V., Vinogradova S.A.* The influence of European law on the Constitution as a source of law in modern Japan // Law and the State: Theory and Practice. 2019. No. 11 (179). P. 71, 72 (in Russ.).

3. *Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L.* Constitution, which was not // Education and Law. 2019. No. 7. P. 18–23 (in Russ.).

4. *Danilevskaya I.L.* On the programmatic provisions of domestic constitutions of the period of Soviet constitutionalism // Eurasian Advocacy. 2022. No. 1 (56). P. 18 (in Russ.).

5. *Zhakke J.-P.* Constitutional Law and Political institutions. M., 2002. P. 110, 111 (in Russ.).

6. *Kireev V.V.* Theoretical problems of reforming the Constitution of the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. Chelyabinsk, 2010 (in Russ.).

7. *Lazarevsky N.I.* Lectures on Russian State Law. Vol. I. Constitutional Law. 2nd ed. St. Petersburg, 1910 (in Russ.).

8. *Mityukov M.A.* Constitutional conference of 1993: the birth of the Constitution of Russia: articles, speeches, interviews, documents, diary and notebook entries (1993–2012). M., 2014. P. 7, 14 (in Russ.).

9. *Nochvina B.A.* Transformation of the Constitutional Law of Germany and Japan after the Second World War // Teacher XXI century. 2017. No. 2. P. 303 (in Russ.).

10. *Chirkin V.E.* On the constitutional majority // State and Law. 2012. No. 6. P. 116–118 (in Russ.).

11. *Chicherin B.N.* Course of state science. 4.1. General State Law. M., 1884 (in Russ.).

12. *Shishkina O.E.* The Constitutional Assembly of the Russian Federation as a constituent authority: dis. ... PhD in Law. Ekaterinburg, 2004 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, врио первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors’ information

VINOGRADOVA Elena V. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting First Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 37–46
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 37–46

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ СОБРАНИИ

© 2022 г. И. Л. Данилевская

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.07.2022 г.

Аннотация. Поиски оптимальной модели Конституционного Собрания продолжаются со времени принятия Конституции РФ 1993 г. и являются предметом дискуссий конституционалистов, теоретиков и практиков. В статье анализируются истоки и отечественное своеобразие политико-правовой природы учредительной власти, ряд основных подходов к её институционализации. Акцент делается на понимании роли народовластия в конституционно-правовом пространстве, формирующем современную российскую государственность.

Ключевые слова: Конституционное Собрание, конституция, учредительная власть, Учредительное Собрание, народ, русское государство.

Цитирование: *Данилевская И.Л.* К вопросу о Конституционном Собрании // Государство и право. 2022. № 9. С. 37–46.

DOI: 10.31857/S102694520022223-6

ON THE QUESTION OF THE CONSTITUTIONAL ASSEMBLY

© 2022 I. L. Danilevskaya

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Received 01.07.2022

Abstract. The search for the optimal model of the Constitutional Assembly has been going on since the adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993 and is the subject of discussions of constitutionalists, theorists and practitioners. The article analyzes the origins and domestic originality of the political and legal nature of constituent power, a number of basic approaches to its institutionalization. The emphasis is on understanding the role of democracy in the constitutional and legal space that forms the modern Russian statehood.

Key words: Constitutional Assembly, constitution, constituent power, Constituent Assembly, people, Russian state.

For citation: *Danilevskaya, I.L. (2022).* On the question of the Constitutional Assembly // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 37–46.

В теории современного отечественного конституционного права одной из дискуссионных тем является проблема законодательного регулирования созыва Конституционного Собрания. В поисках его российской модели прошло почти 30 лет. Закон о созыве данного органа до настоящего времени не принят. В научном и экспертном сообществах периодически обсуждается данная проблематика, необходимость принятия такого акта, а также варианты созданных за это время законопроектов[1].

В истории отечественного конституционного регулирования нормы о механизме пересмотра Конституции с участием специально созываемого органа являются по-своему уникальными. Во-первых, ни в одной из предшествующих советских конституций не содержалась аналогичная процедура полного или частичного пересмотра Конституции, не устанавливалась иерархия конституционных норм, подлежащих пересмотру в различном порядке. Во-вторых, не предусматривалось создание специального органа, задачами которого являются именно пересмотр или принятие новой конституции. Существенным является не только определение тех глав Конституции РФ, для пересмотра которых созывается Конституционное Собрание, а это базовые гл. 1, 2 и 9, устанавливающие основы конституционного строя, правовой статус личности и порядок внесения в Конституцию РФ изменений и поправок, но и наличие предложения об их пересмотре, поддержанного квалифицированным большинством – $^3/_5$ голосов от общего числа сенаторов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

Установленная правовая конструкция неизменяемости этих трех глав Конституции РФ вызывает в научных кругах определенные возражения, как превышающая порог стабильности Конституции, поскольку в них нельзя внести ни одного слова либо уточнения без принятия новой Конституции. Один из ведущих российских конституционалистов проф. С.А. Авакьян данный особый вариант специальных требований сформулировал следующим образом: «Сделано так, чтобы, как говорится, отпало само желание изменять конституцию и тем самым обеспечивалась бы её стабильность»[2].

Вместе с тем, представляется, что в этом и состоял замысел законодателя: длительность действия Конституции РФ и устойчивость содержания её основ будут сохранять закрепленные в ней же особый порядок её принятия, сложная процедура возможного пересмотра, а механизмом обеспечения этой стабильности станет специальный конституционный орган – Конституционное Собрание, созываемый в соответствии с федеральным конституционным законом.

На наш взгляд, если исходить из формальной необходимости принятия конституционного закона, прямо предусмотренного Конституцией РФ, то такой акт должен быть принят. В то же время мы не стоим перед необходимостью безотлагательной реализации учредительной власти с помощью механизма, заложенного Конституцией РФ, учитывая, что наличие названного конституционного Закона обусловлено внесением предложения от квалифицированного большинства парламента о пересмотре соответствующих глав Конституции, однако в исторической перспективе целесообразно учитывать развитие конституционного процесса или возможное осложнение политической обстановки и быть готовыми к этой реализации. Так, по мнению М.И. Клеандрова, существует объективная потребность в новой Конституции, которую можно сконструировать на качественно иной базе с ориентацией на будущее, с национальной идеей, ядром которой будет сакральная для нашего общества идея справедливости[3].

По своей политико-правовой природе и имеющейся компетенции Конституционное Собрание – орган учредительной власти в форме чрезвычайного собрания народных представителей для выработки новой конституции или изменения прежней, орган, которому принадлежит власть устанавливать основы государственного строя и оформлять основы политических прав народа. Такой же смысл закладывался в содержание этого органа и в начале прошлого столетия[4].

Анализ предложенных за это время возможных моделей порядка формирования и состава Конституционного Собрания, а эти вопросы, по нашему мнению, являются ключевыми для успешной

[1] Более 10 проектов закона о Конституционном Собрании вносились на рассмотрение Государственной Думы различными депутатами и депутатскими группами (см.: Официальный сайт Государственной Думы // http://www.duma.gov.ru (дата обращения: 01.06.2022)); проект 2005 г. разработан профессором МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Авакьяном (см.: Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2005. № 2); проект Центра проблемного анализа и гос. упр. проектирования // Пакет законодательной инициативы по учреждению в России Конституционного Собрания (проект федерального конституционного закона). М., 2012.

[2] *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 36.

[3] См.: *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267-4; № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160-7

[4] См.: *Брокгауз, Ефрон.* Малый энциклопедический словарь: в 4 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 1846.

и справедливой реализации им учредительной власти, показывает, что в них предлагаются три основные способа формирования: представительный, выборный и смешанный, каждый из которых дает, в свою очередь, варианты состава самого Собрания. Задача сбалансировать в составе Конституционного Собрания ветви власти, идейные течения и политические ориентации, выдвигаемая, в свое время, сторонниками представительного способа его формирования, представляется разумной, однако её практическая реализация требует обсуждения. Сложность в выборе варианта формирования состава Конституционного Собрания очевидна, однако, на наш взгляд, именно сочетание принципов представительности, профессионализма, неангажированности и работоспособности должны быть максимально реализованы в регламентации его деятельности[5].

В частности, одним из первых был предложен вариант избрания Конституционного Собрания в количестве 450 народных представителей на основе всеобщего равного и прямого избирательного права[6]; в другом варианте состава были представлены органы государственной власти, субъекты Российской Федерации, Общественная палата РФ, представители государственных академий наук; обсуждался вариант профессионального и многопартийного состава Конституционного Собрания, в который в том числе входят назначенные Президентом РФ 100 представителей из числа граждан Российской Федерации, имеющих высшее юридическое образование и обладающих признанной квалификации в области права, а также назначенные Государственной Думой из числа своих депутатов.

Оптимальное сочетание требований профессионализма и представительства интересов населения при подборе кадрового состава Конституционного Собрания, с точки зрения некоторых разработчиков, представляет такой его состав: члены этого органа определяются путем случайной выборки из списков граждан Российской Федерации, предложенных органами всех ветвей государственной власти и законодательными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Списки направляются в Центризбирком, которая путем случайной выборки с использованием оборудования, аналогичного лотерейному, по нормативу 1:5 (за исключением списка Совета Федерации в связи с варьируемостью численности, зависящей от количества субъектов Российской Федерации), определяет состав Конституционного Собрания. В целях обеспечения открытости и во избежание фальсификаций, прямая трансляция выборки будет осуществлена в режиме реального времени в сети Интернет[7]. По мнению авторов другого законопроекта, необходимым является вхождение в состав Конституционного Собрания по должности сенаторов, депутатов и других высших должностных лиц Российской Федерации[8].

Законопроект С.А. Авакьяна предусматривал небольшую численность состава Конституционного Собрания (300 человек) с учетом баланса интересов трех групп: по должности, по избранию и по назначению. По мысли автора законопроекта, такой состав позволил бы объективно отнестись к принятию новой Конституции: первая группа, представляющая интересы государства, подключала свои квалифицированные аппараты к разработке новой Конституции (в неё включены Президент РФ, Председатель, заместители Председателя и руководители комитетов Совета Федерации, Председатель, заместители Председателя, руководители фракций и руководители комитетов Государственной Думы, Председатель и заместители Председателя Правительства РФ, Председатели Конституционного и Верховного Судов РФ, Генеральный прокурор РФ, Председатель Центризбиркома, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации); вторая группа избранных от каждого субъекта Российской Федерации двух представителей обеспечила бы в процессе подготовки Конституции участие субъектов Федерации, а в третьей группе, назначенных Указом Президента РФ, были бы объединены ученые-юристы, кандидатуры которых предлагали юридические вузы и научные учреждения[9]. Существенно,

[5] См. подр.: Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2001. № 12 (168).

[6] См.: Законопроект № 4800–3 (проект федерального конституционного закона о Конституционном Собрании) был внесен в 2000 г. депутатом Государственной Думы от Союза правых сил С.А. Ковалевым; Законопроект № 488365–4 внесен в 2007 г. депутатами Государственной Думы В.И. Алкснисом, С.Н. Бабуриным, И.К. Викторовым, И.В. Савельевым; Законопроект № 316307-7 о Конституционном Собрании РФ внесен в 2017 г. депутатом Государственной Думы от КПРФ В.В. Бортко (см.: URL: http: //www. duma.gov.ru. (дата обращения: 01.06.2022)). Можно отметить, что идеи о целесообразности включения в состав учредительного органа, принимающего конституцию, юристов, экономистов и государствоведов, высказывались учеными ещё в период подготовки созыва Учредительного Собрания 1918 г. (см.: *Рейснер М.А.* Российское Учредительное Собрание и его задачи. Пг., 1917. С. 16).

[7] См: Пакет законодательной инициативы по учреждению в России Конституционного Собрания (проект федерального конституционного закона). М., 2012. С. 42. 43.

[8] См.: Законопроект № 1046036-7 о Конституционном Собрании Российской Федерации внесен в 2020 г. депутатами Государственной Думы Г.А. Зюгановым, И.И. Мельниковым, В.И. Кашиным, Н.В. Коломийцевым, В.С. Шурчановым, О.Н. Смолиным и др. (см.: URL: http: //www. duma.gov.ru. (дата обращения: 01.06.2022)).

[9] См.: Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2005. № 2. С. 50–52.

что в данном проекте уточнялась конституционно-правовая природа Конституционного Собрания и его статус как учредительного органа государственной власти, органа одноцелевого назначения в отличие от других органов государственной власти, осуществляющих эту власть постоянно.

Весьма обоснованными представляются высказанные рассуждения концептуального характера о необходимом уровне легитимности Конституционного Собрания с учетом конституционных положений (ст. 3 Конституции РФ), определяющих состав Конституционного Собрания именно как органа, избранного народом и невозможности вхождения в него депутатов Государственной Думы, поскольку согласно ч. 2 ст. 97 Конституции РФ депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти. Заслуживает обсуждения, по нашему мнению, идея об ограничениях для членов Конституционного Собрания баллотироваться в представительные органы власти и на выборные государственные должности в течение десяти лет по окончании действия их мандатов[10].

Полезным в практическом плане может стать опыт работы двух органов, которые занимались разработкой ныне действующей Конституции,– Конституционной комиссии, сформированной из числа депутатов I Съезда народных депутатов РСФСР, и созванного главой государства Конституционного совещания, которое, по мнению экспертов, было органом экстраординарным, но при этом политически значимым, представлявшим собой подобие Учредительного Собрания, выражающего все спектры политической жизни общества[11].

Весьма интересно, что в этот период рассматривали целый ряд идей принятия Конституции 1993 г.– Съездом народных депутатов, всероссийским референдумом, Учредительным Собранием и Конституционным Собранием. Высказывалось мнение, например, о необходимости наличия непреодолимых барьеров между Учредительным (Конституционным) Собранием и властью: если гражданин избирается членом Учредительного собрания, то в этом случае он теряет право на участие в будущих выборах в законодательные органы. Предлагалось политическими партиям и движениям выдвигать свои проекты, а места в Конституционном Собрании делить в зависимости от процентов, полученных на выборах[12], или обратиться к зарубежному опыту, в частности к варианту подготовки проекта будущей конституции – Основного закона ФРГ, который сначала готовил комитет экспертов, затем парламентский совет, который не был учредительным собранием – относительно небольшой орган (65 членов) и проект был подготовлен в отсутствие всенародного обсуждения[13].

Полагаем, что вопрос о наличии законодательного регулирования созыва и деятельности Конституционного Собрания, выбора варианта его формирования целесообразно рассматривать не только с формально-правовой точки зрения. В современных условиях особую значимость приобретает отечественный исторический опыт. Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что мы обладаем преимуществом в историческом опыте, в значительной мере опираемся на фундамент того, что сделали предыдущие поколения. Разделяем универсальные демократические принципы, но помним, что российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а не реализация стандартов, навязанных нам извне[14].

Отметим также, что эти положения нашли свое законодательное закрепление в поправках 2020 года в Конституцию РФ. Важно подчеркнуть

---

[10] См.: *Кикоть В.А., Страшун Б.А.* О статусе Конституционного Собрания // Ежегодник росс. права. М., 2000. С. 56, 57, 65.

[11] В работе Конституционного совещания принимали участие не только члены Конституционной комиссии (95 участников), но и 176 экспертов, представители субъектов, конфессий, Российской академии наук, товаропроизводителей, парламентских фракций, местного самоуправления, судов и прокуратуры, всего более 600 человек (см: Архив Президента РФ. Ф. 92. Оп. 4. Д. 461. Л. 127, 165. Цит. по: *Митюков М.А.* Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документа, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014. С. 7, 14).

[12] См.: *Попов Г.*Х. Проблемы нашего конституционного процесса. Почему Конституцию России должно принимать Учредительное Собрание // Независимая газ. 1993. 26 янв.

[13] См.: Как принимать Конституцию? «Круглый стол» в редакции // Народный депутат. 1993. № 9. С. 53–56. Отметим, что в мировой практике принятие конституций на учредительных собраниях продолжилось и после Второй мировой войны. Так, в 1947 г. Учредительное собрание выработало и утвердило конституцию Италии, отразившую идеи Сопротивления; в 1950 г. вступила в силу принятая Учредительным собранием Конституция Республики Индия. Созыв Учредительного собрания в 1946 г. инициировала внешняя власть – правительство Великобритании. Учредительное собрание состояло из 300 депутатов – представителей провинций и княжеств пропорционально своему населению (из расчета 1 место на 1 млн жителей). На выработку положений Конституции ушло три года, многовековые традиции и консервативные силы повлияли на её содержание, но в известной мере, она стала компромиссным документом, в котором основные конституционные принципы отражали идеи Дж. Неру (см.: *Ходатенко Е.Н.* Процедура принятия Индийской Конституции // Вопросы истории и экономики. М., 2000. С. 103–107); В 1976 г. Учредительным собранием принята Конституция Португальской Республики, в 1991 г. Великое Народное Собрание приняло Конституцию Болгарии (см.: Конституция Португальской Республики; Конституция Болгарии. URL: http://www.worldconstitutions.ru (дата обращения: 01.06.2022)).

[14] См.: Послание Президента РФ В.В. Путина 12.12.2012 г.; Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 г. URL: http: //www.kremlin.ru

и то, что включенная в систему политического сознания историческая память – это факт современной политической жизни. Она содержит в себе своего рода систему координат в оценке настоящего и будущего и поэтому актуальна[15].

Обратим внимание, что народность как одну из черт конституции конституционалисты связывают не только с тем, что этот документ выражает интересы народа, может им разрабатываться, но и с тем, что народ, являясь общественной силой, создает условия проведения конституционных реформ выбирает путь развития, исходя из своего национального менталитета и культурных традиций. «В государстве народ, – пишет В.О. Ключевский, – становится не только юридическим лицом, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»[16]. Эти слова можно в полной мере отнести к русскому народу как государствообразующему, входящему в многонациональный народ равноправных народов Российской Федерации, мировое значение которого сложно переоценить. Упрочение конституционной идентичности Российской Федерации предполагает необходимость высокой степени независимости страны, основанной на многовековых правовых традициях, истории, философии, культуре. Возможность сохранять то истинное и ценное, что на протяжении веков укрепляло российскую державность[17].

Приведем здесь и ряд исторических фактов из истории российской государственности, которые, на наш взгляд, иллюстрируют значимую роль учредительной власти, когда она в силу своей природы принимала жизненно необходимые решения, справляясь со своей задачей либо под влиянием конкретно-исторических обстоятельств была не в состоянии реализовать имеющиеся дискреционные полномочия. Интересы народа, необходимые для его выживания, сохранения и обеспечения жизненных пространств, обороноспособности, своих традиций и мировоззрения существовали и до появления конституций.

Как протогосударственность в национальной истории Древней Руси, по нашему мнению, можно рассматривать зарождающиеся формы учредительной власти, они выступали точками отчета новых исторических периодов. Эта власть создавалась и осуществлялась народом для того, чтобы выйти из ситуации неопределенности, достичь желаемой социальной определенности, а в конечном счете – стратегически важной стабильности[18].

Как отмечал И.А. Фроянов[19], в развитии Русского государства важную роль играл внешний фактор, поскольку на протяжении почти всей истории России военные вторжения следовали одно за другим: на юге нашим предкам не давали покоя авары, хазары, печенеги, половцы, татары, турки, а на северо-западе и западе – варяги, немцы, датчане, шведы, поляки. В результате постоянной внешней угрозы Русское государство усвоило в первую очередь функции, связанные с организацией обороны и устройством общества так, чтобы оно сохраняло способность противостоять натиску извне, а это требовало достижения известного баланса общественных сил, придания обществу устойчивости, обеспечения социального равновесия. В этом проявлялось глубокое своеобразие развития органов властвования и управления Российского государства по сравнению с государствами Западной Европы, состоящее в том, что Российское государство имело ярко выраженный, патерналистический характер, действуя как институт, опекающий общество в целом и каждого индивида в отдельности[20]. «Сторожевое и оборонительное» положение русской государственности, как называл его Н.А. Бердяев[21], именно в переломные периоды было связано с проявлениями учредительной власти, когда народ-учредитель своей властью преодолевал кризис или делал попытку его преодолеть.

По мнению исследователей, социальные традиции догосударственного периода исторического развития восточнославянских племен указывают на наличие у них тенденций формирования народоправства, общих собраний, собраний рода, создававших благоприятные возможности для развития демократических форм управления[22].

В данном контексте яркой иллюстрацией является исторический факт раннего прообраза реализации учредительной власти народным вече Великого Новгорода. Как писал Н.М. Карамзин, этот удивительный и едва ли не беспримерный

---

[15] См.: *Нифталиев И.* Историческая память: характер и формирование // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2020. № 1. С. 15.

[16] *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 82.

[17] См: *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма. М., 2021. С. 6.

[18] См: *Панкова-Козочкина Т.В.* Историко-правовая многомерность учредительной власти // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 26. С. 402, 403.

[19] Советский, российский историк, признанный специалист по истории Древнерусского государства.

[20] См: *Фроянов И.Я.* Исторический опыт русского народа и современность // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 9, 16, 17.

[21] См: *Бердяев Н.А.* Избр. произведения. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д., 1997. С. 13.

[22] См.: *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Законодательные органы России от Новгородского веча до Федерального Собрания (сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации). М., 1994. С. 33.

в летописях случай в начале российской истории, когда с общего согласия граждан в Россию были призваны править варяжские князья, получившие от славян их народное правление[23]. По мнению С.Ф. Платонова[24], полезным опытом для изучения и разрешения вековой проблемы идеального отношения власти и народа, являются русские земские соборы, многозначное и неординарное явление в истории российской государственности. Соборы формировались из старых обычаев усиливать государев совет советниками из всех людей. Носитель власти и народное собрание (собор) – одна политическая сила, боровшаяся с враждебными ей течениями как внутри государства, так и вне его, они не спорили за первенство своего авторитета, крепко держались друг за друга в одинаковой заботе о собственной безопасности и в осознании общей пользы и взаимной зависимости[25].

Способом преодоления кризиса, прообразом народной учредительной власти стал Земский собор 1613 г., политическое значение которого заключалось не только в том, что он избрал нового государя (на этом соборе было положено начало династии Романовых), но и в том, что он образовал новый государственный порядок, нашел новую жизненную формулу государственного правления, в значительной степени способствовал выходу России из гражданской войны-смуты, победил самозванство и безвластие[26].

Яркий исторический факт попытки реализации учредительной власти народом в истории отечественной государственности – созыв Всероссийского Учредительного собрания в 1918 г., на которое было возложено определение воли всего русского народа для создания нового государственного устройства (установления формы правления) и выработки конституции. В Объяснительной записке Особого совещания к Положению о выборах в Учредительное собрание говорилось: «Столь широкое осуществление начала всеобщности при выборах неизвестно доселе ни одному законодательству и Россия в этом отношении идет несомненно впереди других стран»[27], были использованы лучшие достижения науки русского и зарубежного государственного права[28]. При этом заметим, что в мировой практике развития конституционных процессов в конце XVIII – начале XIX в. целый ряд конституций в буржуазных государствах приняли учредительные собрания[29], была учтена специфика регионов и политического развития России, менталитет её граждан. В России были проведены всеобщие, прямые и равные выборы, отразившие действительное соотношение политических симпатий.

А.И. Ильин, размышляя над созывом Всероссийского Учредительного собрания, называл его «могучей и авторитетной силой», подчеркивая, что деятельного и сознательного участия народа в учреждении нового строя требует истинная демократия, при которой народ изберет новое политическое устройство, соответствующее духовным, национальным, общественным и хозяйственным задачам России[30]. П.И. Новгородцев отмечал, что по своему замыслу и существу Учредительное собрание – это свободное самоопределение народа, торжественное провозглашение народной власти, лучший путь к утверждению основных законов, отвечающих народному сознанию[31]. Выборы производились по многомандатным округам, в большинстве случаев

---

[23] См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.: в 3 кн. М., 1842. Кн. 1. Т. 1. С. 67.

[24] Выдающийся русский, советский историк, исследователь истории Московских земских соборов и Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.

[25] См.: *Платонов С.Ф.* К истории московских Земских Соборовъ. Статьи по русской истории (1883–1912) // Платонов С.Ф. Соч.: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 319.

[26] См.: там же. С. 317, 318; *Ануфриев Н.П.* Два русских Учредительных собрания: исторические параллели (1613–1917 гг.). М., 1917. С. 20, 26, 27.

[27] В принятой демократической избирательной системе, кроме установленных начал пропорционального представительства, отмены имущественного ценза, цензов грамотности, оседлости, ограничений по национальному и религиозному принципам, избирательное право предоставлялось женщинам и военнослужащим.

[28] Результат работы специально созданного Особого совещания во главе с русским ученым-государствоведом Ф.Ф. Кокошкиным см.: Российская конституанта // Родина. 1989. № 3. С. 20–30.

[29] Учредительными собраниями были приняты Конституция Норвегии в 1814 г., французские конституции 1848 и 1875 гг., Конституция Бельгии 1831 г. Большинством швейцарских кантонов (15 против 6) была принята швейцарская Конституция 1848 г. В каждом кантоне была своя процедура голосования: всенародное голосование, Большой совет или общее собрание жителей кантона «ладсгемайнде» (см.: *Кубанова М.Н.* Швейцарская союзная конституция 1848 года: история принятия и основные положения // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. 2009. № 6 (154). С. 77, 78). Федеральная конституция Соединенных штатов была выработана в 1787 г. особым учредительным конвентом, насчитывающим в своей среде самых видных государственных деятелей и юристов Северной Америки (Вашингтон, Мадисон, Гамильтон, Франклин и др.) (см.: *Цейтлин С.Я.* Учредительные и законодательные собрания в конституционных государствах. СПб., 1905. С. 28, 29).

[30] См.: *Ильин И.А.* О сроке созыва Учредительного собрания. Брошюры для народа (1917) // Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 97, 100.

[31] См.: *Новгородцев П.И.* Мечта и действительность в вопросе об Учредительном собрании // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 515–518.

совпадающим территориально с губерниями, областями, другими крупными административно-территориальными единицами страны, была создана многоуровневая система избирательных комиссий, в которые входили люди, пользующиеся авторитетом среди населения, обладающие опытом практической работы в органах местного самоуправления. Применялась пропорциональная система связанных списков – политические партии, общественные организации, группы избирателей имели право зарегистрировать списки своих кандидатов по данному округу. Всего по 73 гражданским округам было выдвинуто 5000 кандидатов (в борьбу за голоса избирателей включились все основные партии России – от кадетов до большевиков). Списки можно было объединять двумя способами: выдвигая общие кандидатские списки разных избирательных объединений либо объявляя о блокировании (не позднее 15 дней до выборов)[32].

Роспуск Учредительного собрания, просуществовавшего только 12 часов 40 минут в условиях революционного хаоса всеобщей дезорганизации жизни в масштабах страны, некоторые современные исследователи оценивают как факт огромного политического звучания, кризис и упущенный шанс русской демократии и парламентаризма[33].

В советской научной литературе отмечалось, что «советский строй не знает понятия "учредительное собрание", провозглашение деклараций, принятие актов конституционного значения и конституций, целый ряд всероссийских, республиканских, а затем всесоюзных, съездов, а также сессий ЦИК, отправляли учредительную функцию, принимая те или иные постановления конституционного значения. Конституция, как Союза ССР, так и отдельных союзных республик не устанавливали какого-либо особого органа для отправления учредительной функции»[34]. Учредительные функции по утверждению, изменению и дополнению Конституции 1918 г. предоставлялись сразу двум органам – Всероссийскому Съезду Советов и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов; утверждение и изменение основных начал Конституции СССР 1924 г. являлось полномочием Съезда Советов Союза ССР; Конституцией 1936 г. был учрежден Верховный Совет СССР – высший орган государственной власти, осуществляющий законодательную власть, а также наделенный правом своим решением, принятым большинством не менее $^2/_3$ от общего числа депутатов каждой из его палат, вносить изменения в Конституцию. Учредительные полномочия Верховного Совета сохранила и Конституция СССР 1977 г.

Основным организационным принципом советских Конституций являлся «демократический централизм», сущность которого состояла в построении всей системы власти снизу – первичные и основные ячейки «советской государственной ткани» – советы сельские и городские создавались непосредственно трудящимися путем выборов, вышестоящие создавались первоначальными ячейками путем делегации своих полномочий в волостные, уездные, губернские и, наконец, всесоюзные съезды советов. Отправной точкой в советской системе был не голосующий индивидуум, а социально-экономическая единица – деревня, волость, фабрик и её совет депутатов[35].

Отметим, что характеристику «общенародное государство» и формулировку о народе как источнике власти в широком смысле закрепила Конституция СССР 1977 г. В предшествующих советских Конституциях народ определялся как «все рабочее население», объединенное в Советах (Конституция РСФСР 1918 г.), «трудящихся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (Конституция СССР 1936 г.).

Отличительным свойством российской государственности периода советского конституционализма была руководящая роль единственной, правящей партии во всей политической и общественной жизни. При этом одной из основ советского строя, формой организации общества был советский народ. Его реальное единство, идея общего дела позволили победить в Великой Отечественной войне, освоить космос, совершить прорывы в науке.

Причины глубинного кризиса отечественной государственности, сложившегося к середине 80-х годов и завершившегося процессом фактического и юридического разрушения советской федерации требуют отдельного исследования. Реформы периода перестройки, в частности в конституционные реформы конца 80-х годов, начались с обращения к советскому опыту первых десятилетий после Октябрьской революции 1917 г. Это касается прежде всего Съездов народных депутатов СССР и съездов народных депутатов союзных и автономных республик. Эти органы осуществляли учредительную власть. Именно Съездами народных депутатов СССР был принят целый ряд изменений и дополнений в Конституцию СССР,

[32] В списки были внесены 1438 социал-демократических и 1566 народнических кандидатов. Избирательная кампания стала беспрецедентной по объему использованных агитационных материалов и освещению в газета и журналах (см.: Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. С. 15–21).

[33] См: Российская конституанта. С. 20–30.

[34] Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки: в 3 т. М., 1930. Т. 3. С. 1033, 1034.

[35] См.: там же. С. 672; *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 351.

переформатировавших советскую государственность. Отметим некоторые, наиболее значимые из них: упразднение нормы Конституции о КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества; введение демократических форм в избирательную систему; укрепление гарантий независимости судей; введение в политическую систему страны института президентства; признание многопартийности; образование Комитета конституционного надзора СССР. Работу Съезда отличали гласность, открытость, плюрализм мнений при обсуждении законопроектов[36].

«Учредительным собранием России» и «реальным практическим воплощением вековой мечты прогрессивных слоев общества о народовластии»[37] называли I Съезд народных депутатов РСФСР, на который на основе свободных демократических выборов были избраны 1067 депутатов – представителей диаметрально противоположных политических взглядов всех слоев гражданского общества. К полномочиям Съезда относились принятие Конституции РСФСР, а также внесение в неё изменений и дополнений. Учредительные полномочия этого Съезда заключались в исторических решениях – принятии в 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР и проведении конституционной реформы.

* * *

Подводя итоги исследования, отметим, что принимать закон о Конституционном Собрании целесообразно, консолидируясь вокруг нашего внутреннего исторического опыта, творчески его переосмыслив, в конкретно-исторической ситуации, не обостренной противоречиями и наличием конфликтов, учитывая, что запрос созыва Конституционного Собрания может с большой долей вероятности означать осложнение политической ситуации, а принятие закона в подобной обстановке может привести к скоропалительным решениям. В этой связи важно учитывать, что Конституция РФ 1993 г. не содержит ни временных ограничений для запуска механизма её пересмотра в определенные периоды, например, в период военного положения, ни «неприкасаемых» норм, изменение которых не может осуществить никакой орган и ни при каких условиях. Конституционное Собрание может стать ценностью, распорядиться которой возможно, подняв на новый уровень принцип реализации полновластия народа, чтобы «никакие временные смуты, восстания и вторжения не прекратили исторически-преемственное единство нашего государства»[38].

[36] В период с 1989 по 1991 г. состоялось пять Съездов народных депутатов СССР; союзные и автономные республики сами могли принимать решение о создании съездов. На практике из союзных республик только РСФСР, а из автономных – только Дагестанская АССР учредили у себя съезды народных депутатов. Все остальные – верховные советы (см.: Советский государственный строй периода перестройки (1985–1991 гг.) / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2015. С. 78, 84).

[37] Стенограмма (Материалы) Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня начала работы Первого Съезда народных депутатов РСФСР. Стенограмма, выступления, доклады, резолюции. М., 2010. С. 25–28.

[38] *Ильин И.А.* Указ. соч. С. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 36.
2. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 351.
3. *Ануфриев Н.П.* Два русских Учредительных собрания: исторические параллели (1613–1917 гг.). М., 1917. С. 20, 26, 27.
4. *Бердяев Н.А.* Избр. произведения. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д., 1997. С. 13.
5. *Брокгауз, Ефрон.* Малый энциклопедический словарь: в 4 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 1846.
6. *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма. М., 2021. С. 6.
7. *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Законодательные органы России от Новгородского веча до Федерального Собрания (сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации). М., 1994. С. 33.
8. *Ильин И.А.* О сроке созыва Учредительного собрания. Брошюры для народа (1917) // Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 62, 97, 100.
9. Как принимать Конституцию? «Круглый стол» в редакции // Народный депутат. 1993. № 9. С. 53–56.
10. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.: в 3 кн. М., 1842. Кн. 1. Т. 1. С. 67.
11. *Кикоть В.А., Страшун Б.А.* О статусе Конституционного Собрания // Ежегодник росс. права. М., 2000. С. 56, 57, 65.
12. *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267-4; № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160-7
13. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 82.
14. *Кубанова М.Н.* Швейцарская союзная конституция 1848 года: история принятия и основные положения // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. 2009. № 6 (154). С. 77, 78.
15. *Митюков М.А.* Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документа, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014. С. 7, 14.
16. *Нифталиев И.* Историческая память: характер и формирование // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2020. № 1. С. 15.

17. *Новгородцев П.И.* Мечта и действительность в вопросе об Учредительном собрании // Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 15–21, 515–518.

18. *Панкова-Козочкина Т.В.* Историко-правовая многомерность учредительной власти // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 26. С. 402, 403.

19. *Платонов С.Ф.* К истории московских Земских Соборовъ. Статьи по русской истории (1883–1912) // Платонов С.Ф. Соч.: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 317–319.

20. *Попов Г.*Х. Проблемы нашего конституционного процесса. Почему Конституцию России должно принимать Учредительное Собрание // Независимая газ. 1993. 26 янв.

21. *Рейснер М.А.* Российское Учредительное Собрание и его задачи. Пг., 1917. С. 16.

22. Российская конституанта // Родина. 1989. № 3. С. 20–30.

23. Советский государственный строй периода перестройки (1985–1991 гг.) / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2015. С. 78, 84.

24. Стенограмма (Материалы) Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня начала работы Первого Съезда народных депутатов РСФСР. Стенограмма, выступления, доклады, резолюции. М., 2010. С. 25–28.

25. *Фроянов И.Я.* Исторический опыт русского народа и современность // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 9, 16, 17.

26. *Ходатенко Е.Н.* Процедура принятия Индийской Конституции // Вопросы истории и экономики. М., 2000. С. 103–107.

27. *Цейтлин С.Я.* Учредительные и законодательные собрания в конституционных государствах. СПб., 1905. С. 28, 29.

28. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки: в 3 т. М., 1930. Т. 3. С. 672, 1033, 1034.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000. P. 36 (in Russ.).

2. *Alekseev N.N.* The Russian people and the state. M., 1998. P. 351 (in Russ.).

3. *Anufriev N.P.* Two Russian Constituent Assemblies: Historical parallels (1613–1917). M., 1917. P. 20, 26, 27 (in Russ.).

4. *Berdyaev N.A.* Selected works. The fate of Russia. Self-knowledge. Rostov n/D., 1997. P. 13 (in Russ.).

5. *Brockhaus, Efron.* Small Encyclopedic dictionary: in 4 vols. St. Petersburg, 1909. Vol. 4. P. 1846 (in Russ.).

6. *Vinogradova E.V.* Facets of modern Russian constitutionalism. M., 2021. P. 6 (in Russ.).

7. *Dmitriev Yu. A., Cherkashin E. Yu.* Legislative bodies of Russia from the Novgorod Assembly to the Federal Assembly (a difficult path from the patriarchal tradition to civilization). M., 1994. P. 33 (in Russ.).

8. *Ilyin I.A.* On the date of convocation of the Constituent Assembly. Pamphlets for the people (1917) // Motherland and we. Smolensk, 1995. P. 62, 97, 100 (in Russ.).

9. How to adopt the Constitution? "Round Table" in the editorial office // People's Deputy. 1993. No. 9. P. 53–56 (in Russ.).

10. *Karamzin N.M.* History of the Russian State. Reprint reproduction of the edition of 1842–1844: in 3 books. M., 1842. Book 1. Vol. 1. P. 67 (in Russ.).

11. *Kikot V.A., Strashun B.A.* On the status of the Constitutional Assembly // Russ. Yearbook law. M., 2000. P. 56, 57, 65 (in Russ.).

12. *Kleandrov M.I.* On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain // State and Law. 2022. No. 1. P. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267-4; No. 3. P. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160-7 (in Russ.).

13. *Klyuchevsky V.O.* Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries. M., 1993. P. 82 (in Russ.).

14. *Kubanova M.N.* The Swiss Union Constitution of 1848: the history of adoption and the main provisions // News of higher educational institutions of the North Caucasus region. 2009. No. 6 (154). P. 77, 78 (in Russ.).

15. *Mityukov M.A.* Constitutional Conference of 1993: the birth of the Constitution of Russia: articles, speeches, interviews, documents, diary and notebook entries (1993–2012). M., 2014. P. 7, 14 (in Russ.).

16. *Niftaliev I.* Historical memory: character and formation // Historical space. Problems of the history of the CIS countries. 2020. No. 1. P. 15 (in Russ.).

17. *Novgorodtsev P.I.* Dream and reality in the question of the Constituent Assembly // Elections to the All-Russian Constituent Assembly in documents and memoirs of contemporaries. M., 2009. P. 15–21, 515–518 (in Russ.).

18. *Pankova-Kozochkina T.V.* Historical and legal multidimensionality of the constituent power // Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. Moscow, 2009. Issue. 26. P. 402, 403 (in Russ.).

19. *Platonov S.F.* On the history of the Moscow Zemsky Sobors. Articles on Russian history (1883–1912) // Platonov S.F. Essays: in 2 vols. St. Petersburg, 1912. Vol. 1. P. 317–319 (in Russ.).

20. *Popov G.H.* Problems of our constitutional process. Why the Constitution of Russia should be adopted by the Constituent Assembly // Nezavisimaya gaz. 1993. January 26 (in Russ.).

21. *Reisner M.A.* The Russian Constituent Assembly and its tasks. Pg., 1917. P. 16 (in Russ.).

22. The Russian Constitution // Rodina. 1989. No. 3. P. 20–30 (in Russ.).

23. The Soviet state system of the period of perestroika (1985–1991) / res. ed. Yu.L. Shulzhenko. M., 2015. P. 78, 84 (in Russ.).

24. Transcript (Materials) of the Anniversary scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the First Congress of People's Deputies of the RSFSR. Transcript, speeches, reports, resolutions. M., 2010. P. 25–28 (in Russ.).

25. *Froyanov I. Ya.* Historical experience of the Russian people and modernity // The Romanov House in the History of Russia. St. Petersburg, 1995. P. 9, 16, 17 (in Russ.).

26. *Khodatenko E. N.* The procedure for adopting the Indian Constitution // Questions of history and economics. M., 2000. P. 103–107 (in Russ.).

27. *Tseitlin S. Ya.* Constituent and legislative assemblies in constitutional states. St. Petersburg, 1905. P. 28, 29 (in Russ.).

28. Encyclopedia of State and Law / ed. by P. Stuchki: in 3 vols, 1930. Vol. 3. P. 672, 1033, 1034 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДАНИЛЕВСКАЯ Инна Леонидовна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 6990-8150

Authors' information

DANILEVSKAYA Inna L. –
PhD in Law, senior researcher, Sector of Constitutional Law and constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 47–56
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 47–56

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 ГОДА В РОССИИ И ЕЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ)

© 2022 г. Д. А. Авдеев

Тюменский государственный университет

E-mail: ronner@mail.ru

Поступила в редакцию 21.06.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется не только процесс принятия и вступления в силу конституционных поправок 2020 года, но и исследуется их содержание, выявляется ряд их существенных особенностей, прогнозируется их влияние на дальнейшее развитие системы государственного управления. Конституционные поправки 2020 года были направлены не только на совершенствование отдельных аспектов функционирования публичной власти, но и на регламентацию отдельных сфер социально-экономической и культурно-нравственной жизни российского общества и государства. Рассматриваются особенности организации и деятельности высших органов государственной власти, обосновывается политико-правовое значение принятых поправок в Конституцию РФ и их влияние на систему публичной власти, формулируются предложения, направленные на совершенствование сложившегося порядка внесения конституционных поправок. Оценивая конституционные изменения, автор рассматривает их как начало комплексной конституционно-правовой реформы, которая имеет своим назначением дальнейшую модернизацию конституционного текста вплоть до принятия новой российской Конституции.

Ключевые слова: государственное управление, Конституция, конституционные поправки, организация публичной власти, система государственной власти, реформа, форма правления.

Цитирование: *Авдеев Д.А.* Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки) // Государство и право. 2022. № 9. С. 47–56.

DOI: 10.31857/S102694520022224-7

CONSTITUTIONAL REFORM 2020 IN RUSSIA AND ITS POLITICAL AND LEGAL CONSEQUENCES (SOME NOTES)

© 2022 D. A. Avdeev

Tyumen State University

E-mail: ronner@mail.ru

Received 21.06.2022

Abstract. The article analyzes not only the process of adoption and entry into force of the 2020 constitutional amendments, but also examines their content, identifies a number of their significant features, and predicts their impact on the further development of the public administration system. The constitutional amendments of 2020 were aimed not only at improving certain aspects of the functioning of public authority, but also at regulating certain areas of the socio-economic, cultural and moral life of Russian society and the state. The features of the organization and activities of the highest bodies of state power are considered, the political and legal significance of the adopted amendments to the Constitution of the Russian Federation and their impact on the system of public power are substantiated, proposals are formulated aimed at improving the existing procedure for introducing constitutional amendments. Assessing the constitutional changes, the author considers them as the beginning of a comprehensive constitutional and legal reform, which has as its purpose the further modernization of the constitutional text up to the adoption of a new Russian Constitution.

Key words: public administration, Constitution, constitutional amendments, organization of public power, system of state power, reform, form of government.

For citation: *Avdeev, D.A. (2022).* Constitutional reform 2020 in Russia and its political and legal consequences (some notes) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 47–56.

Введение. Принятые в 2020 г. конституционные поправки в Конституцию РФ 1993 г. неоднозначно были восприняты правовым сообществом. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[1] существенно отличался от аналогичных Законов 2008 и 2014 гг. как по количеству предлагаемых изменений и дополнений, так и по их качеству. Нельзя не отметить, что и сам процесс принятия и вступления в силу конституционных поправок претерпел некоторую корреляцию в период их внесения.

Конституционные поправки затрагивают не только регламентацию отдельных вопросов организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, но и содержат положения, касающиеся иных сфер жизнедеятельности общества и государства. По масштабу и содержанию конституционные поправки вполне можно оценивать как «конституционную реформу», так как те или иные нормы и положения Конституции РФ, которые подверглись корреляции (изменены, дополнены или изложены в новой редакции) стали основой для дальнейшей модернизации федерального законодательства. По словам В.Д. Мазаева, конституционные поправки «не обрушили базовую основу рыночной демократии, но они наметили серьезную модификацию мировоззренческого вектора российского конституционализма»[2].

В рамках данной статьи рассмотрим особенности конституционной реформы 2020 года, ее влияние на систему взаимодействия высших органов государственной власти, определяющей особенности государственного управления. Соответственно, свое исследование начнем с анализа процедуры принятия и вступления в силу конституционных поправок, рассмотрим содержание некоторых из них, в частности остановимся на корреляции некоторых аспектов организации и деятельности органов публичной власти, спрогнозируем дальнейшую направленность развития отечественного государства и права в целом.

Процедура внесения поправок в Конституцию РФ 1993 г.

2020 год вошел в мировую историю как год начала распространения коронавирусной инфекции COVID-19 и пандемии, вызванной ее последствиями, а для отечественного государственного строительства ознаменовался процессом внесения поправок в Конституцию РФ 1993 г. По верному замечанию Ю.В. Кима, «речь идет о преобразованиях институционально-правового характера, требующих фундаментальной проработанности»[3]. Обсуждения в научных кругах содержания конституционных поправок 2020 года как процесса их разработки и содержания, так и правовых последствий их принятия, дали основания говорить о «конституционно-правовой реформе», которая, по мнению Т.Я. Хабриевой, «не прервала и не нарушила конституционной стабильности, проведена в логике ее обеспечения. Она не повлекла демонтажа правовой системы.., подтвердила преемственность в ее конституционном развитии и актуализировала конституционное регулирование политических, социальных и экономических процессов согласно их позитивной динамике»[4].

Известно, что в Конституцию РФ поправки вносились в 2008 и 2014 гг.[5] Однако отличительными особенностями данных конституционных поправок является не период, через который они принимались, а содержание предлагаемых изменений. Если Законы о поправках в Конституцию 2008 и 2014 гг. носили фрагментарный (точечный) характер, то Закон о поправках к Конституции 2020 года полномасштабный (комплексный), так как изменения и дополнения касались не только некоторых аспектов функционирования органов публичной власти, но и различных сторон политико-правовой, но

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[2] *Мазаев В.Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 19.

[3] *Ким Ю.В.* А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок Конституции Российской Федерации 2020 года // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № . 1 (29). С. 139.

[4] *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 7. DOI: 10.12737/jflcl.2021.001

[5] Изменения, касающиеся переименования наименования субъекта Российской Федерации, равно как и включение нового наименования субъекта Российской Федерации в связи с образованием или принятием в состав Российской Федерации нового субъекта Федерации, не рассматриваются как конституционные поправки.

социально-экономической и духовно-культурной жизни российского общества.

30 декабря 2008 г. принимаются два Закона о поправках к Конституции РФ: Закон РФ № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы»[6] и Закон РФ № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации»[7]. Первым Законом были изменены сроки президентских и депутатских полномочий вместо четырех лет – шесть и пять соответственно. Второй Закон предусматривал, во-первых, право Государственной Думы заслушивать ежегодные отчеты о результатах деятельности Правительства РФ, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, и, во-вторых, вводил обязанность Правительства РФ разрабатывать и представлять Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивать его исполнение.

В 2014 г. было принято также два Закона о поправках к Конституции РФ. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации, который упразднял Высший арбитражный суд и изменял некоторые основы организации и деятельности органов прокуратуры[8]. Следует отметить, что данным Законом менялось и название гл. 7 Конституции РФ, вместо «Судебная власть» глава стала именоваться «Судебная власть и прокуратура». Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[9] предусматривалось право Президента РФ назначать в состав Совета Федерации не более 10% представителей Российской Федерации от общего числа членов Совета Федерации. Данным правом Президент РФ так и не воспользовался. Таким образом, четыре Закона о поправках к Конституции РФ 2008 и 2014 гг. носили фрагментарный характер и, были направлены на точечные изменения конституционного текста. Обращаем внимание на то, что каждый Закон о поправке к Конституции РФ был направлен на изменение конкретной нормы или взаимосвязанных между собой нескольких норм и носил соответствующее название.

Закон о поправках к Конституции РФ 2020 года содержал в общей сложности 206 изменений и дополнений конституционного текста положений гл. 3–8, которые затрагивали основополагающие стороны российского общества и государства, а не только отдельные вопросы организации и функционирования публичной власти, как было указано в наименовании самого Закона. Нельзя не отметить, что большинство конституционных поправок касались регламентирования тех или иных вопросов социально-экономического характера, которые в достаточной степени широко освещались в средствах массовой информации (закрепление традиционных семейных ценностей, вера в Бога, уравнивание МРОТ и прожиточного минимума, защита исторической правды, социальное партнерство и т.д.). В свою очередь, вопросы, касающиеся организации и деятельности высших органов государственной власти и местного самоуправления освещались средствами массовой информации в недостаточной степени, то есть не так полномасштабно, как поправки социально-экономического или же культурно-духовного блока.

Таким образом, считаем, что с учетом полномасштабных изменений конституционного текста принятие единого Закона о поправке, содержащего в себе разносторонние и не всегда взаимосвязанные между собой положения и нормы, не согласуется с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»[10], в соответствии с которой одним Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации должны охватываться взаимосвязанные изменения конституционного текста. Следовательно, предлагаемые поправки в Конституцию РФ должны были быть представлены в виде отдельных Законов о поправках к Конституции РФ, каждый из которых должен был содержать взаимосвязанные изменения конституционного текста, как это было осуществлено в 2008 и 2014 гг.

Нельзя не отметить, что, анализируя процесс принятия и вступления конституционных поправок в силу, вызывает недоумение сам факт принятия вышеуказанного Федерального закона, который регламентирует этот порядок. Невольно задаешься вопросом: на каком основании Федеральным законом устанавливаются правила, регламентирующие порядок внесения и вступления в силу поправок к Конституции РФ в силу? Ведь очевидно, что подобные правила должны содержаться в самой Конституции РФ, но не как в акте с меньшей юридической силой. Полагаем, что порядок изменения конституционного текста остался без должного внимания в период разработки проекта Конституции в 1993 г. Данное упущение потребовало принятия нескольких постановлений Конституционного Суда РФ о толковании ст. 136,

[6] См.: СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 1.

[7] См.: СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 2.

[8] См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4202.

[9] См.: СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 548.

[10] См.: СЗ РФ. 1998. № 10, ст. 1146.

ч. 2 ст. 135 и ч. 2 ст. 137 Конституции РФ[11], которые прояснили ряд моментов процедуры изменения конституционного текста и то, только в рамках поставленных вопросов о толковании.

Тем не менее, несмотря на положения Федерального закона, Закон о поправке к Конституции РФ 2020 года ввел новый этап в процедуру принятия конституционных поправок – проведение общероссийского голосования. Данное обстоятельство не может не обращать на себя внимание и требует ответа на очередной вопрос: может ли Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации содержать нормы, изменяющие сам порядок принятия и вступления в силу конституционных поправок? Думается, что нет. Иначе, возможно представить ситуацию, когда новый Закон о поправке будет предусматривать новые особенности в процедуре принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ, что, на наш взгляд, недопустимо. Убеждены, что порядок изменения Конституции РФ должен быть прописан в ее тексте и, конечно же, без лишней юридической загруженности. Считаем, что порядок внесения поправок, как и процесс пересмотра Конституции, должны стать объектом пристального внимания в случае принятия новой российской Конституции. Это, в свою очередь, позволит избегать соблазна каждый раз коррелировать порядок изменения Конституции РФ, который должен быть непоколебим.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что процедура принятия поправок и вступления их в силу, как показал предшествующий опыт, нуждается в совершенствовании, а это возможно, как известно, только в случае внесения изменений в гл. 9 Конституции РФ 1993 г., что, в свою очередь, требует пересмотра Конституции. В случае разработки и принятия новой российской Конституции необходимо предусмотреть в ее тексте одну из статей следующего содержания:

«1. Изменение положений глав (необходимо указать каких именно) Конституции, за исключением наименования субъекта Российской Федерации, возможно только в случае принятия Закона о конституционной поправке, который не может изменять порядок внесения поправок, установленный настоящей Конституцией.

2. Закон о конституционной поправке принимается не менее чем двумя третями от общего числа депутатов Государственной Думы и не менее двух третей сенаторов Российской Федерации. Председатель Сената в течение семи дней направляет Закон о конституционной поправке на рассмотрение законодательным органам субъектов Федерации.

3. Законодательный орган субъекта Федерации рассматривает Закон о конституционной поправке в срок не позднее одного года со дня его получения. Закон о конституционной поправке считается одобренным, если за него проголосовало не менее чем двух третей законодательных органов субъектов Федерации.

4. Закон о конституционной поправке подлежит подписанию Президентом в течение четырнадцати дней после его одобрения законодательными органами субъектов Федерации и вступает в силу с момента, предусмотренного Законом о конституционной поправке».

Как вариант, можно предусмотреть возможность проведения общероссийского голосования (референдума), только при этом нужно регламентировать процесс его проведения для принятия конституционных поправок по отдельным вопросам, перечень которых будет установлен в тексте Конституции РФ. Возможно использование двойного вотума – голосование по поправке дважды с определенным временным промежутком между первым и вторым голосованием. Проведение общероссийского голосования, по замечанию И.А. Кравца, в порядке (ad hoc), который не предусмотрен ни Конституцией РФ, ни действующим законодательством, обозначает «проблему конституционной легитимности самой процедуры, которая соединяется с отсутствием возможности конституционного выбора для голосования по содержанию отдельных поправок»[12]. По словам А.А. Кондрашева, вся эта изобретенная конструкция (создание «рабочей группы», проведение общероссийского голосования) «нужна была для придания легитимности этому поправочному конвейеру»[13]. Полагаем, что регламентирование изменения конституционного текста требует самостоятельного аналитического рассмотрения, что возможно в рамках отдельной научной работы. Здесь же мы предложили один из возможных вариантов внесения поправок.

Содержание конституционных поправок 2020 года

Понимая значимость процедуры внесения конституционных поправок, безусловно, важным моментом конституционных изменений является их содержательная часть. Исходя из названия Закона о поправке к Конституции РФ 2020 года, вытекает,

[11] См.: СЗ РФ. 1995. № 45, ст. 4408; № 49, ст. 4868.

[12] *Кравец И.А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 14, 15.

[13] *Кондрашев А.А.* Конституционные поправки-2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 22.

что он посвящен тем или иным аспектам организации и функционирования органов публичной власти. Однако, как было отмечено ранее, Закон о поправках к Конституции РФ 2020 года содержал ряд положений и норм, имеющих непосредственное отношение к регулированию иных сфер общественных отношений. В этой связи, полагает Ю.В. Ким, «существенным недостатком явилась неоднородность текста Конституции. В нем наряду с фундаментальными демократическими основами и соответствующими началами (разделением властей, парламентаризмом и др.) обнаружились фрагменты иной направленности, обрисовывающие действительные государственно-правовые приоритеты»[14]. А.А. Кондрашев условно классифицирует все поправки на семь групп: социально-имитационные, федеративные – изменяющие предметы ведения между Федерацией и ее субъектами, популистско-традиционалистские, направленные на защиту суверенитета, направленные на изменение формы правления, поправки, ставящие под сомнение примат международного права и поправки, нацеленные на деконституционализацию органов местного самоуправления[15].

Если оценивать содержание внесенных изменений и дополнений в Конституцию РФ, то становится очевидным, что часть из них по своему сущностному содержанию и назначению должна была быть включена в гл. 1 или 2 Конституции РФ, но никак не в главу, посвященную федеративному устройству. Так, в гл. 3 нашли отражение положения о семейных ценностях, детях, выступающих важнейшим приоритетом государственной политики, защите исторической правды (ст. 67[1] Конституции РФ); признании культуры в Российской Федерации уникальным наследием ее многонационального народа (ст. 68); защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранении этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69); оказании поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 3 ст. 69); поддержании и укреплении международного мира и безопасности, обеспечении мирного сосуществования государств и народов, недопущении вмешательства во внутренние дела государства (ст. 79[1]); уважении труда граждан, гарантировании минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума, индексации пенсий, социальных пособий и иных социальных выплат, принципах всеобщности, справедливости и солидарности поколений, социальной поддержке граждан (ст. 75); создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, защите достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечении сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальном партнерстве, создании условий экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75[1]). Таким образом, положения приведенных статей Конституции РФ являются смысловым продолжением некоторых статей гл. 1 и 2 Конституции и, по сути, должны были быть инкорпорированы именно в эти главы. В частности, положения, касающиеся труда, индексации пенсий и иных социальных выплат, социального страхования уместно было бы поместить как структурную часть ст. 37 Конституции РФ.

Небольшая часть норм гл. 3 Конституции РФ устанавливает некоторые основы организации государственной власти в субъектах Российской Федерации, что, по нашему мнению, не совсем корелирует, в силу того что она в большей степени ориентирована на установление основ государственно-территориального устройства Российской Федерации и закреплении основ взаимоотношений между Российской Федерацией и ее субъектами, но не содержит при этом основы организации государственной власти в субъектах Российской Федерации. Как представляется, в этом смысле названием гл. 3 могло бы стать одно из следующих: «Федеративное устройство и государственная власть в субъектах Российской Федерации», «Организации публичной власти в субъектах Федерации», «Федеративные начала организации публичной власти в России», «Государственное устройство и органы государственной власти субъектов Российской Федерации» и т.п.

В этой связи считаем, что оптимальным было бы появление отдельной главы в Конституции РФ, в которой регламентировались бы принципы и основы организации государственной власти в субъектах Российской Федерации. Хотя вопрос о возможности включения в текст Конституции РФ новый главы до сих пор не решен на высшем законодательном уровне. Появление такой главы, устанавливающей основы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации, позволило бы избежать регулирование подобного рода вопросов федеральными законами. Тем не менее ст. 77 Конституции РФ была дополнена ч. 3, которая устанавливает только лишь некоторые основы статуса главы субъекта Российской Федерации, но ничего не содержит об основах статуса законодательного органа субъекта Федерации, равно как о принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, изменения и дополнения, внесенные в гл. 3–8 Конституции РФ, не только не

[14] *Ким Ю.В.* Указ. соч. С. 138.

[15] См.: *Кондрашев А.А.* Указ. соч. С. 22.

«вписываются» в формат указанных глав, но и часть из них не согласуется с нормами гл. 1 «Основы конституционного строя». В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 81 Президентом РФ может быть избран гражданин, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Однако согласно ч. 1 ст. 6 гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения. Как видно, налицо противоречащие друг другу конституционные нормы. Еще один пример: в соответствии со ст. 5 Конституции РФ Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Однако согласно ч. 1 ст. 67 на территории Российской Федерации могут быть образованы федеральные территории, организация публичной власти на которых остается на усмотрение федерального законодателя.

Несмотря на эти и другие случаи несогласованности конституционных норм как по месту их нахождения в тексте Конституции РФ, так и по некоей противоречивости друг другу, считаем, что ключевыми всё-таки являются некоторые аспекты организации публичной власти.

Организация высших органов государственной власти в свете конституционных поправок 2020 года

Несмотря на важность закрепления социально-экономических, культурно-духовных положений, а также традиционных ценностей российского общества, тем не менее значимые конституционные изменения коснулись взаимодействия и организационной деятельности – Президента РФ, Правительства РФ, Федерального Собрания РФ и Конституционного Суда РФ.

Ключевым стало появление в тексте Конституции РФ понятия публичной власти, которое, по мнению О.А. Кожевникова, в большей степени относилось к научной терминологии и не находило своего полноценного выражения в текстах нормативных актов, более того, не имеет своего четкого, завершенного понимания ни в науке, ни в законодательстве»[16]. Выразил сомнение относительно употребления в пункте «г» ст. 71 Конституции РФ формулировки «организации публичной власти» Ю.В. Ким, полагающий, что «система публичной власти, действующая в нашей стране, изначально не вписывается в рамки, обрисованные соответствующими поправками к Конституции и приведенной законодательной формулой»[17].

Характеризуя в целом конституционные изменения как существенные нововведения, С.А. Авакьян высказался, что конституционные изменения 2020 года не следует рассматривать как деформацию конституционных основ[18]. Иного мнения придерживается А.А. Кондрашев, считающий, что анализ конституционных поправок 2020 года выявляет ряд неустранимых конфликтов между гл. 1, 2 и 9, с одной стороны, и гл. 3–8 Конституции РФ. В связи с чем он заключает, что поправки ставят под контроль главы государства все ветви власти, усиливают гиперцентрализацию страны и одновременно происходит ослабление федеративных основ и самостоятельности местного самоуправления[19]. Аналогичного мнения придерживается В.Д. Мазаев, указывающий, что «идентичность остается такой же, хотя, действительно, общая правовая ситуация институционально ухудшается. Но в весьма определенном духе – духе расширения всевластия президента, централизации власти, что является одним из факторов разрушения главного – принципов конституционного строя»[20].

На наш взгляд, конституционные поправки де-юре закрепили сложившуюся де-факто практику взаимодействия между Президентом РФ, с одной стороны, и Правительством РФ, с другой (порядок формирования и распределения полномочий между органами федеральной исполнительной власти и Президентом РФ, контрольно-надзорные президентские прерогативы над органами исполнительной власти и т.д.), предопределив концентрацию в руках главы государства спектра управленческих полномочий в отношении иных федеральных органов, конституционализируя монократическую модель государственного управления, которая сформировалась за последние 10 лет[21].

Произошла конституционализация сложившейся практики взаимодействия в системе высших органов государственной власти. В частности, если ранее среди конституционалистов велась дискуссия относительно места Президента РФ в системе

[16] *Кожевников О.А.* Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 70.

[17] *Ким Ю.В.* Указ. соч. С. 142.

[18] См.: *Авакьян С.А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

[19] См.: *Кондрашев А.А.* Указ. соч. С. 28, 29.

[20] *Мазаев В.Д.* Указ. соч. С. 17, 18.

[21] См.: *Авдеев Д.А.* Республиканская форма правления в свете конституционного монократизма (отечественный опыт) // Государство и право. 2015. № 2. С. 27–34; *Его же.* Монократизм отечественного государственного управления // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 4. С. 27–33.

власти, то после конституционной корреляции ч. 1 ст. 110 Конституции РФ стало очевидным, что глава государства не просто тяготеет к исполнительной власти, а возглавляет ее, осуществляя общее руководство над Правительством РФ. Таким образом, в Конституции РФ получило конституционное закрепление положение о дихотомической природе федеральной исполнительной власти, которая выражается в своеобразном разделении труда между Президентом РФ как главой государства и Председателем Правительства РФ[22]. Это находит свое выражение в порядке формирования Правительства РФ, часть министров которых назначается самостоятельно Президентом РФ и несет перед ним ответственность за результаты своей деятельности. Более того, Президент РФ сам утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения и определяет органы, руководство которыми осуществляет самостоятельно. Президент РФ также вправе председательствовать на заседаниях Правительства РФ, равно как и отменить решения последнего.

Обращаем внимание на тот факт, что назначение Председателя Правительства РФ остается прерогативой Президента РФ, замена слова «согласование» на «утверждение» его кандидатуры фактически ничего не изменило в процедуре назначения на должность руководителя высшего коллегиального органа исполнительной ветви власти. Изменение коснулось лишь того, что в случае трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства РФ Президент РФ наделяется правом роспуска Государственной Думы. В случае отставки Председателя Правительства РФ, его заместителей какое-либо утверждение или согласие Государственной Думы уже не требуется. Так же, как и консультации с Советом Федерации в случае освобождения от должности министров, назначаемых Президентом РФ после консультаций с Советом Федерации.

Усиление роли палат Федерального Собрания РФ в системе государственного управления в принципе не произошло. Фактически Государственная Дума не оказывает влияние на формирование персонального состава Правительства РФ, а выражение вотума недоверия Правительству РФ, равно как и отказа в доверии (резолюция порицания) не влечет за собой отставку Правительства РФ или отдельных его членов. Согласно ч. 4^1 ст. 117 Конституции РФ Председатель Правительства РФ, его заместитель и федеральные министры могут подать в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом РФ. Таким образом, участие Государственной Думы в этой процедуре не предусматривается.

Полномочие Государственной Думы заслушивать ежегодные отчеты Центрального банка РФ не подкреплено правом принимать решение об отстранении Председателя Центрального банка РФ от должности, равно как и заслушивание отчетов о результатах деятельности Правительства РФ не предполагает каких-либо мер воздействия со стороны депутатов. В чем же заключается процесс заслушивания отчетов – становится непонятным, если Государственная Дума не может применить какие бы то ни было меры воздействия, например, выражение недоверие или же инициировать процедуру отставки должностного лица по результатам заслушивания подобных отчетов.

Еще одним новшеством среди конституционных поправок стало закрепление в Конституции РФ очередного порядка формирования Совета Федерации. Помимо двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации, назначаемых (избираемых) законодательным и исполнительном органами власти соответствующего субъекта Федерации, в Совет Федерации входят назначаемые Президентом РФ на шестилетний срок представители Российской Федерации в количестве не более 30 человек, из которых не более семи назначаются пожизненно. Среди сенаторов может быть также и экс-Президент РФ, который прекратил свои полномочия в результате истечения срока своих полномочий или же в результате добровольной отставки.

Новый способ формирования Совета Федерации позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, численный состав Совета Федерации может варьироваться в тот или иной период, в зависимости от количества назначенных представителей Российской Федерации в его состав. Во-вторых, при формировании Совета Федерации используется смешанный способ, который сочетает в себе избрание и назначение. При этом сроки, на которые назначаются (избираются) сенаторы различны. Однако, как верно отмечает С.А. Авакьян, механизмы образования органов публичной власти могут различаться, однако «задачи их служения народу, общественным интересам остаются ключевым фактором и от конкретики прихода к власти не должны зависеть»[23].

Пожизненное назначение сенаторов, равно как и Президента РФ, прекратившего свои полномочия, по нашему мнению, не увязывается с республиканской формой правления, которая

[22] См.: *Авдеев Д.А.* Дихотомические особенности федеральной исполнительной власти в России // Современное право. 2011. № 10. С. 56.

[23] *Авакьян С.А.* Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.

провозглашается в ст. 1 Конституции РФ. Республиканская форма правления предполагает выборность высших органов публичной власти, срочный характер их деятельности, ответственность избранных перед избирателями. Если выборность и назначаемость как способы образования (формирования) органов публичной власти еще в принципе вполне сочетаются при республиканской системе государственного управления, то пожизненное нахождение в должности явно с ней диссонирует.

На наш взгляд, новый способ формирования Совета Федерации актуализировал собой вопрос представительства Совета Федерации – Совет Федерацией перестает быть «палатой регионов». Чьи же интересы в итоге представляет Совет Федерации? Например, О.Н. Бураков предлагает сохранить за Советом Федерации «роль выразителя интересов населения, выявляемых, опосредуемых органами государственной власти субъектов регионов. Совет Федерации – участник системы отношений опосредованного народного представительства»[24]. Нельзя не согласиться с Н.А. Филипповой, что «акценты реформирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации должны быть смещены с делегативных аспектов его организации (изменение порядка формирования палаты) на функциональные аспекты (обновление перечня полномочий палаты). При этом компетенция палаты должна быть изменена таким образом, чтобы усилить признаки консолидирующего типа бикамерализма»[25]. Справедливо замечание Н.А. Филипповой о том, что «Конституция Российской Федерации не определила Совет Федерации в качестве государственного органа, представляющего субъекты Федерации»[26]. Безусловно, что вопрос о правовой природе Совета Федерации, особенностях его статуса в системе государственного управления требует отдельного самостоятельного исследования, решение которого позволит в дальнейшем и пересмотреть и его компетенционные полномочия.

Нельзя обойти вниманием вопрос, касающийся организационной деятельности Конституционного Суда РФ, которая также существенно была подкорректирована конституционными поправками 2020 года. Известно, что органы конституционной юстиции подобного уровня являются оплотом конституционализма и конституционного развития государства. В этой связи Конституционный Суд РФ представляет собой независимый высший орган конституционного правосудия, а его независимость должна быть обеспечена и гарантирована. Конституционные поправки и последующие изменения Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № -1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», с нашей точки зрения, можно оценить неоднозначно. Несмотря на увеличение объема полномочий, прежде всего наделение Конституционного Суда РФ функцией нормоконтроля, число судей сократилось до 11 человек.

Не может вызывать опасений складывающееся постепенно политическое влияние на деятельность Конституционного Суда РФ, что, конечно же, сказывается на его независимости и авторитетности. Как известно, ранее судьи сами избирали из своего состава Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителя. В настоящее время они назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ. Одним из элементов скрытого, на наш взгляд, воздействия на судейский корпус Конституционного Суда РФ является право Президента РФ вносить в Совет Федерации предложение по отрешению судей от должности за совершение проступка, несовместимого с занимаемой должностью.

Заключение. Вышеизложенные некоторые заметки относительно конституционных поправок 2020 года позволяют сформулировать несколько выводов. Во-первых, процедура внесения конституционных поправок и вступления их в силу продемонстрировала свои недостатки. Помимо того, что формально-юридически был нарушен порядок внесения изменений в Конституцию РФ, были использованы такие нововведения, как дача Конституционным Судом РФ заключения о конституционности поправок и проведение общероссийского голосования.

Во-вторых, безусловно следует признать важным и своевременным внесение в Конституцию РФ основополагающих ценностных ориентиров развития российского общества, которые в своей совокупности определяют идентичность российской культуры, проживающих на территории Российской Федерации наций и народностей, образующих в своем единстве многонациональный народ. Однако данные положения должны находиться в главах Конституции, определяющих основы конституционного строя, общественного и государственного устройства, права и свободы граждан.

В-третьих, требует дополнительной законодательной проработки использование категории «публичная власть».

В-четвертых, произошло конституционное усиление политического и управленческого функционала Президента РФ. Неопределенность формы правления, которая была изначальна заложена

---

[24] *Бураков О.Н.* О представительной функции Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 9 (82). С. 34.

[25] *Филиппова Н.А.* Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: стратегия реформы и ее правовое обеспечение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. Вып. 12. С. 432.

[26] Там же. С. 423.

в процессе разработки и принятия Конституции РФ, стала одной из ключевых проблем в организации и деятельности высших органов государственной власти.

В-пятых, конституционные поправки 2020 года представляют собой начало конституционно-правовой реформы, итогом которой будет разработка и принятие новой российской Конституции. Можем предположить, что к 2024 г. в Российской Федерации на смену нынешней Конституции придет новый проект. Как отмечает М.И. Клеандров, «задержка с принятием качественно новой Конституции РФ в 2025–2026 гг. неизбежно приведет к стагнации общества и государственных институтов»[27]. Полагаем, что Конституция РФ 1993 г. во многом сыграла свою роль, а заложенные в ней принципы и основы стали добротной законодательной почвой для дальнейшего развития государственно-правовых институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.
2. *Авакьян С.А.* Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.
3. *Авдеев Д.А.* Дихотомические особенности федеральной исполнительной власти в России // Современное право. 2011. № 10. С. 56.
4. *Авдеев Д.А.* Монократизм отечественного государственного управления // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 4. С. 27–33.
5. *Авдеев Д.А.* Республиканская форма правления в свете конституционного монократизма (отечественный опыт) // Государство и право. 2015. № 2. С. 27–34.
6. *Бураков О.Н.* О представительной функции Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 9 (82). С. 34.
7. *Ким Ю.В.* А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок Конституции Российской Федерации 2020 года // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № . 1 (29). С. 138, 139, 142.
8. *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267–4; № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160–7
9. *Клеандров М.И.* России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского гос. университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 139–151.
10. *Кожевников О.А.* Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 28, 29, 70.
11. *Кондрашев А.А.* Конституционные поправки-2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 22.
12. *Кравец И.А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 14, 15.
13. *Мазаев В.Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 17–19.
14. *Филиппова Н.А.* Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: стратегия реформы и ее правовое обеспечение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. Вып. 12. С. 423, 432.
15. *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 7. DOI: 10.12737/jflcl.2021.001

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Draft laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation: the fourth round is coming // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 1. P. 31–44 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* Public power and representation: organizational, social and personalistic principles (constitutional and legal view) // Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 11. P. 20–30 (in Russ.).
3. *Avdeev D.A.* Dichotomous features of the federal executive power in Russia // Modern Law. 2011. No. 10. P. 56 (in Russ.).
4. *Avdeev D.A.* Monocratism of domestic public administration // News of the Altai State University. 2017. No. 4. P. 27–33 (in Russ.).
5. *Avdeev D.A.* The republican form of government in the light of constitutional monocratism (domestic experience) // State and Law. 2015. No. 2. P. 27–34 (in Russ.).
6. *Burakov O.N.* On the representative function of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // Actual problems of Russ. law. 2017. No. 9 (82). P. 34 (in Russ.).

[27] *Клеандров М.И.* России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского гос. университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 139–151; см. также: *Его же.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267-4; № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160-7

7. *Kim Yu.V.* Was there a reform: on the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 // Herald of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2022. Vol. 8. No. 1 (29). P. 138, 139, 142 (in Russ.).

8. *Kleandrov M.I.* On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain // State and Law. 2022. No. 1. P. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520018267-4; No. 3. P. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520019160-7 (in Russ.).

9. *Kleandrov M.I.* Russia needs a new Constitution // Herald of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2021. Vol. 7. No. 4 (28). P. 139–151 (in Russ.).

10. *Kozhevnikov O.A.* Local self-government bodies in the new structure of the unified system of public authority: issues of regulatory regulation // Herald of the Putilin Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 28, 29, 70 (in Russ.).

11. *Kondrashev A.A.* Constitutional amendments-2020: on collisions and defects that generate irremediable conflicts between the "eternal chapters" and Chapters 3–8 of the Constitution of Russia // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 3. P. 22 (in Russ.).

12. *Kravets I.A.* Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the conditions of the Russian legal space // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 9. P. 14, 15 (in Russ.).

13. *Mazaev V.D.* The search for new meanings continues (according to the amendments to the Constitution of the Russian Federation) // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 7. P. 17–19 (in Russ.).

14. *Filippova N.A.* Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: strategy of reform and its legal support // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. Issue. 12. P. 423, 432 (in Russ.).

15. *Khabrieva T. Ya.* Constitutional reform in Russia in the coordinates of universal and national // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 7. DOI: 10.12737/jflcl.2021.001 (in Russ.).

Сведения об авторе

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Authors' information

AVDEEV Dmitry A. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 57–65
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 57–65

ПРАВО И ПОЛИТИКА

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2022 г. В. С. Хижняк

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

E-mail: veronika_h@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности современных процессов миграции, сохранение и развитие человеческого капитала в условиях глобализации и взаимосвязь между ними. Совершенствование правового регулирования трудовой миграции и сохранения и развития национального человеческого капитала рассматривается в качестве основных стратегических направлений конституционно-правовой политики Российской Федерации.

Актуальность темы обоснована, тем, что решение проблемных вопросов, связанных с миграционными процессами и сохранением и развитием человеческого капитала в условиях глобализации, является залогом не только экономической стабильности, но и безопасности государства. Эффективность их правового регулирования зависит в первую очередь от наличия в государстве грамотной конституционно-правовой политики в этой сфере.

Цель данного исследования – разработать на основе анализа положений Конституции РФ, иных нормативных правовых актов, статистических данных, трудов ученых юристов, экономистов и социологов предложения по совершенствованию конституционно-правовой политики в сфере миграции с учетом тенденций процесса глобализации и необходимости сохранения и развития человеческого капитала в России.

В результате исследования была выявлена взаимосвязь между внешней трудовой миграцией и необходимостью сохранения и развития человеческого капитала в стране, которая состоит в том, что мигранты и их квалификация влияют на качество национального человеческого капитала в том государстве, в котором они осуществляют свою трудовую деятельность. Предложено новое для науки конституционного права понятие – «национальный человеческий капитал». Предложено внесение изменений и дополнений в документы стратегического характера, что должно способствовать совершенствованию конституционно-правовой политики Российской Федерации в миграционной сфере. Выявлены основные направления развития конституционно-правовой политики по рассматриваемому вопросу; сформулированы предложения по совершенствованию международного сотрудничества Российской Федерации в миграционной сфере; предложены меры по совершенствованию международного сотрудничества Российской Федерации по вопросам миграции в рамках ЕАЭС и СНГ.

Ключевые слова: конституционное право, конституционно-правовая политика, конституционные права человека, глобализация, экономика, трудовая миграция, человеческий капитал, международное сотрудничество в миграционной сфере.

Цитирование: *Хижняк В.С.* Трудовая миграция и человеческий капитал в условиях глобализации: проблемы конституционно-правовой политики // Государство и право. 2022. № 9. С. 57–65.

DOI: 10.31857/S102694520022200-1

LABOR MIGRATION AND HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL POLICY

© 2022 V.S. Khizhnyak

Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: veronika_h@mail.ru

Received 11.05.2022

Abstract. This article discusses the features of modern migration processes, the preservation and development of human capital in the context of globalization and the relationship between them. Improving the legal regulation of labor migration and the preservation and development of national human capital is considered as the main strategic directions of the constitutional and legal policy of the Russian Federation.
The relevance of the topic is justified by the fact that the solution of problematic issues related to migration processes and the preservation and development of human capital in the context of globalization is the key not only to economic stability, but also to the security of the state. The effectiveness of their legal regulation depends, first of all, on the presence in the state a competent constitutional and legal policy in this area.
The purpose of this study is to develop, based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, other normative legal acts, statistical data, the works of legal scholars, economists and sociologists, proposals for improving constitutional and legal policy in the field of migration, taking into account the trends of the globalization process and the need to preserve and develop human capital in Russia.
As a result of the study, the relationship between external labor migration and the need to preserve and develop human capital in the country was revealed, which consists in the fact that migrants and their qualifications affect the quality of national human capital in the state in which they carry out their labor activity. Proposed new for the science of constitutional law was given – "national human capital". It is proposed to introduce amendments and additions to documents of a strategic nature, which should contribute to the improvement of the constitutional and legal policy of the Russian Federation in the migration sphere. The main directions of development of the constitutional and legal policy on the issue under consideration are identified; proposals were formulated to improve Russia's international cooperation in the migration sphere; proposed measures to improve international cooperation of the Russian Federation on migration issues within the framework of the EAEU and the CIS.

***Key words*:** Constitutional Law, constitutional legal policy, constitutional human rights, globalization, economics, labor migration, human capital, international cooperation in the migration sphere

For citation: *Khizhnyak, V.S. (2022).* Labor migration and human capital in the context of globalization: problems of constitutional and legal policy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 57–65.

Глобализация представляет собой процесс экономической интеграции, особенности которого следует учитывать при осуществлении правового регулирования во многих других сферах общественной жизни. Трудовая миграция способствует развитию глобальной экономической системы, вовлекая в свои процессы все большие человеческие ресурсы.

В условиях глобализации возрастает соперничество государств за трудовые ресурсы. Особенно важным становится не только количество трудящихся, но и их качество, которое напрямую связано с понятием «человеческий капитал». Очевидно, что приток рабочей силы так же, как и совершенствование квалификации трудящихся, станет в ближайшие пять – десять лет одним из основных национальных интересов для многих государств.

Здесь следует согласиться с В.В. Трофимовым, что в условиях глобальной нестабильности особенно важной становится мобилизация национальных государственно-правовых систем, что в первую очередь выражается в «стремлении усилить систему государственного правового регулирования в стране (повысить эффективность права)»[1].

Таким образом, актуальными проблемами конституционно-правовой политики в данной сфере являются: привлечение в страну необходимого количества иностранных трудящихся различного уровня квалификации; сохранение и развитие собственных трудовых ресурсов – «национального человеческого капитала». При этом сохранение подразумевает создание условий для предотвращения его оттока за рубеж, так называемой «утечки мозгов». Для этого необходимо обозначить основные направления конституционно-правовой политики в сфере трудовой миграции и выработать меры по ее совершенствованию в условиях глобализации.

Одним из основных стратегических направлений развития конституционно-правовой политики в сфере трудовой миграции в условиях глобализации является регулирование внешней миграции. Главной ее целью является восполнение трудовых ресурсов за счет иностранной рабочей силы.

Статистические данные свидетельствуют о том, что кадровая проблема имеет глобальный характер. По оценкам аналитиков, к 2030 г. рабочей силы будет существенно не хватать во многих странах. Например, в ФРГ трудящихся станет на 5 млн меньше, а в Швейцарии их количество уменьшится на 400 тыс.[2] Следует учитывать, что этот прогноз был сделан еще до пандемии COVID-19, которая усугубила нехватку как

[1] *Трофимов В.В.* Глобальная нестабильность как фактор мобилизации национальных государственно-правовых систем (к вопросу о конфликтной социальной природе политико-правового контекста) // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 22.

[2] См.: *Патрик Таран.* Миграция, глобализация, экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsiya-globalizatsiya-i-ekonomicheskaya-zhiznesposobnost/ (дата обращения: 20.04.2022).

высококвалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы[3].

Данная проблема затронула и Россию. В июне 2021 г. вице-премьер Правительства РФ Марат Хуснуллин заявил о необходимости привлечь в страну около 5 млн мигрантов, чей труд необходим для ее экономического развития[4]. Нужно отметить, что за 2020 год прирост мигрантов в Россию составил 106474 человека (не считая беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших убежище)[5].

Сама по себе трудовая или экономическая миграция несет в себе ряд рисков. К ним можно отнести незаинтересованность мигрантов в качестве своего труда, отток финансовых средств, полученных ими с территории Российской Федерации, их вовлеченность в криминальную деятельность, конфликт культур и менталитетов.

Особой проблемой остается и квалификация самих мигрантов. В странах-«донорах» рабочей силы слабо развита система образования, далеко не у всех граждан есть к нему доступ и само оно довольно низкого качества. По данным Федеральной службы государственной статистики, 63.3% трудовых мигрантов, находящихся в Российской Федерации, имеют образование среднее и ниже. Преимущественно это граждане таких государств, как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан[6].

Только 10–15% мигрантов на территории Российской Федерации занимают рабочие места, соответствующие имеющейся у них квалификации[7]. Остальные либо вовсе ее не имеют, либо их специальность не является востребованной. Проблемой является и отсутствие знания (либо плохое знание) мигрантами русского языка, истории и культуры России. Только около 20% из них могут с первого раза сдать экзамен по языку[8]. Как результат – трудовые мигранты в большинстве своем – неквалифицированные работники, качество их труда невысокое, использовать их можно далеко не во всех отраслях экономики. Мигранты, являющиеся квалифицированными специалистами, изначально приезжают, чтобы осуществлять свою деятельность совсем на иных условиях.

Еще одной проблемой для России является рост безработицы не только среди собственных граждан, но и среди мигрантов, который увеличился в условиях пандемии COVID-19. Можно согласиться с мнением И.В. Воробьевой, что в сложных экономических условиях за те рабочие места, которые в течение долгого времени занимали мигранты, у них возникнет конкуренция с гражданами Российской Федерации[9].

На наш взгляд, предложение Комитета Государственной Думы запретить мигрантам работать таксистами[10] вряд ли переориентирует неквалифицированных мигрантов на работу на стройках. В этом случае можно ожидать, что они будут искать иные виды трудовой деятельности, несвязанные с тяжелым физическим трудом, или в еще большей степени будут вовлекаться в преступную деятельность. К этому же приведет и повышение их конкуренции с россиянами за рабочие места в других секторах экономики.

Квалифицированные мигранты также могут вступать в конкуренцию с россиянами за рабочие места, но, как правило, они уже приезжают в страну для осуществления деятельности на конкретном предприятии, где не хватает подобных кадров. На наш взгляд, в этом сегменте рынка труда напряженность из-за рабочих мест меньше.

Несмотря на то что для России есть необходимость в квалифицированных трудовых мигрантах (в 2019 г., например, их количество оценивалось в 95.1% от всех иностранных работников)[11], в законодательстве закреплены гарантии их деятельности, например, установлены их минимальная заработная плата, запрет на их привлечение к неквалифицированному труду (п. 1 ч. 1 ст. 13. 2 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»)[12], нельзя сказать, что государство в равной степени заинтересовано во всех трудовых мигрантах, относящихся к этой категории.

Из текста Концепции государственной миграционной политики следует, что одним из ее

---

[3] См.: Рынок труда: такого еще не было. URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/60c0794a7a8aa99c135a13f4 (дата обращения: 20.04.2022).

[4] См.: Хуснуллин заявил о необходимости привлечь на стройки еще 5 млн мигрантов. URL: https://www.interfax.ru/russia/773707 (дата обращения: 20.04.2022).

[5] См.: Численность и миграция населения Российской Федерации за 2020 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 20.04.2022).

[6] См.: там же.

[7] См.: *Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.* Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // Соц. исследования. 2014. № 4. С. 72, 73.

[8] См.: Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивания и вектор сокращения / под ред. В.Н. Бобкова. М., 2018. С. 236.

[9] См.: *Воробьева И.В.* Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 94.

[10] См.: В Госдуме выступили против предложения запретить мигрантам работать таксистами. URL: https://www.mskagency.ru/materials/3078261(дата обращения: 20.04.2022).

[11] См.: Об определении потребности привлечения иностранных работников в 2019 году // Официальный сайт Правительства РФ // http://government.ru/docs/34994/ (дата обращения: 20.04.2022).

[12] См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3032.

приоритетных направлений в Российской Федерации является привлечение квалифицированных специалистов из числа соотечественников за рубежом[13]. Привлечение же иностранных работников должно осуществляться «с учетом потребностей экономики»[14].

Такие нормативные правовые акты, как Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[15] и Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"»[16] в основном направлены на создание условий для привлечения в страну высококвалифицированных специалистов и соотечественников из-за рубежа. В отношении неквалифицированных специалистов существует квотирование, установленное постановлением Правительства РФ от 7 октября 2021 г. № 1706 «Об установлении на 2022 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности»[17], в котором устанавливается их допустимое число в процентном соотношении от общего числа работников предприятия. В постановлении Правительства РФ от 31 мая 2021 г. № 840 «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации»[18] установлен уровень базовых знаний необходимых трудовым мигрантам для возможности работы в России.

На наш взгляд, это свидетельствует об ориентации правовой политики России на восполнение рабочих мест за счет собственных граждан и, возвращающихся на Родину соотечественников. Этот подход объективно обусловлен. Однако в настоящее время нет возможности заполнить за их счет все рабочие места, особенно низкооплачиваемые или связанные с тяжелым физическим трудом. В российском законодательстве нет каких-то особых мер, способствующих заинтересованности среди неквалифицированных мигрантов в приезде в Россию для выполнения работ, связанных с тяжелым физическим трудом. Единственным фактором, который создает для них такую заинтересованность, является материальный, но и его для этого не всегда достаточно. Следует учитывать, что определенные Правительством РФ квоты, тоже нуждаются в заполнении, так как нехватка трудовых ресурсов, не имеющих высокой квалификации, также может негативно сказаться на экономике.

При разработке конституционно-правовой политики в сфере миграции необходимо учитывать и тенденции, существующие в этой сфере. Во-первых, трудовая мобильность преимущественно реализуется внутри географического региона. Это обусловлено тем, что часто сопредельные государства образуют международные объединения, предусматривающие режимы наибольшего благоприятствования для мигрантов, являющихся гражданами стран, входящих в такую организацию[19]. Особое значение может иметь и близость культуры, языка и религии, населения, государств, находящихся в одном географическом регионе.

Во-вторых, больший приток рабочей силы наблюдается в странах, наиболее комфортных для мигрантов. Это понятие включает в себя и уровень, получаемого ими дохода и условия проживания, получения патента, а также психологический комфорт и безопасность. На наш взгляд, к этим условиям можно добавить, что условия проживания и работы должны отвечать требованиям гигиены и нормам об охране здоровья, т.е. речь идет о комфортной для мигрантов среде. К сожалению, в российском законодательстве такое понятие отсутствует.

В Российской Федерации есть правовая основа для создания комфортной среды для высококвалифицированных специалистов. Например, соответствующие положения содержатся в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и в Федеральном законе «Об инновационном центре "Сколково"». В указанных законах, в частности, закреплен запрет на привлечение данных лиц к неквалифицированному труду, установлены минимальный размер оплаты их труда и возможность совершеннолетних членов их семьи осуществлять трудовую деятельность без учета квот на выдачу таких разрешений.

В отношении остальных трудовых мигрантов обычно указывается только необходимость иметь полис медицинского страхования и их право привезти на территорию Российской Федерации свою семью (ст. 13–13^5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). По нашему мнению, этого мало для того, чтобы обеспечить трудовым мигрантам комфортную среду.

[13] См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Официальный сайт Президента РФ // http://kremlin.ru/events/president/news/58986 (дата обращения: 20.04.2022).

[14] См.: там же.

[15] См.: СЗ РФ. 2006. № 30, ст. 3285; 2021. № 9, ст. 1469.

[16] См.: СЗ РФ. 2010. № 40, ст. 4970.

[17] См.: СЗ РФ. 2021. № 42, ст. 7119.

[18] См.: СЗ РФ. 2021. № 23, ст. 4082.

[19] См.: *Патрик Таран.* Указ. соч.

В-третьих, наблюдается ориентированность мигрантов на переход на более легкую работу, т.е. среди них количество лиц, согласных заниматься тяжелым трудом, например, в строительной сфере, неуклонно снижается. Большинство из них стремится повысить знание языка и перейти на более легкий труд в такси или службу доставки. Таким образом, если государство намеривается использовать их труд в тех сферах, в которые не идут работать собственные граждане, следует учитывать, что подобная работа не особенно привлекательна и для мигрантов.

Учет последних двух тенденций требует как минимум закрепления в законодательстве Российской Федерации установления заработной платы для неквалифицированных трудовых мигрантов с градацией сумм по отраслям экономики. Последнее особенно необходимо для заинтересованности мигрантов в работе в строительстве, сельском и лесном хозяйстве.

В свою очередь, проблема трудовой мобильности в пределах одного географического региона требует не только межгосударственных мер, но и развития международного сотрудничества.

Для Российской Федерации наиболее важным является его осуществление в рамках таких международных организаций, как СНГ и ЕАЭС, так как их участниками являются государства одного региона – бывшие союзные республики СССР.

Международное сотрудничество по данному вопросу регламентировано такими международными документами, как Договор о создании Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г.; Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 г., Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 5 октября 2007 г.

Так, в ст. 96 Договоре о создании Евразийского экономического союза установлены направления сотрудничества государств-членов в сфере правового регулирования трудовой миграции. Это, например: «согласование общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции; обмен нормативными правовыми актами; обмен информацией; реализация мер, направленных на предотвращение распространения недостоверной информации; обмен опытом, проведение стажировок, семинаров и учебных курсов; сотрудничество в рамках консультативных органов»[20]. В документе даны определения таких понятий как: «миграционная карточка», «трудовая деятельность», «работодатель», «трудящийся государства-члена» и некоторых других[21]. Предусматривается формирование эффективной занятости населения путем повышения гибкости трудовых отношений и снижения административных барьеров, затрудняющих движение рабочей силы.

В документах, принятых в рамках СНГ, также мало конкретных положений, относящихся к рассматриваемому вопросу.

В Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 г.[22] закреплены основные права данных лиц, которые во многом повторяют основные права человека, закрепленные во многих международных документах. Особо оговариваются права трудовых мигрантов на ввоз и вывоз личного имущества, право членов их семей на получение образования.

Положения ст. 6 данного международного договора затрагивают вопросы создания для них комфортной среды. В ней, в частности, закреплены такие права, как право на «безопасные условия труда; равное вознаграждение за равнозначную работу; пользование жильем на возмездной основе; социальное обеспечение; возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью; доступ к другой оплачиваемой трудовой деятельности в случае ее потери по не зависящим от трудящегося-мигранта обстоятельствам»[23]. В ст. 19 закреплен запрет двойного налогообложения, а в ст. 20 предусмотрен механизм решения вопроса о пенсионном обеспечении трудовых мигрантов.

В Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 5 октября 2007 г. рассматриваемым проблемам посвящен только п. 4.5. В нем указывается на необходимость развития межгосударственного сотрудничества по регулированию трудовой миграции, борьбе с нелегальной миграцией и «рассмотрения деятельности существующих и целесообразность создания новых структур в целях выработки скоординированной миграционной политики»[24].

Несмотря на наличие указанных международных договоров, документов стратегического характера и мер международного характера, направленных на развитие сотрудничества в миграционной сфере в рамках данного региона, в этих документах не

[20] См.: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (в ред. от 01.08. 2021 г.) // Официальный сайт Евразийского экономического союза // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 20.04.2022).

[21] См.: там же.

[22] См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902305481(дата обращения: 20.04.2022).

[23] См.: там же.

[24] См.: Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 5 октября 2007 г. // Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств // https://cis.minsk.by/page/18763(дата обращения: 20.04.2022).

урегулированы некоторые важные для осуществления подобного сотрудничества вопросы. В частности, вопросы охраны здоровья трудящихся-мигрантов и членов их семей, обеспечения гигиенических условий на рабочих местах, порядок получения патента.

В целях развития данного направления сотрудничества в 2021 г. был создан общий рынок труда для государств – членов СНГ, но ряд вопросов, касающихся его функционирования, еще недостаточно проработан.

Кроме того, для эффективности осуществления подобного международного сотрудничества, участвующие в нем государства, должны проводить унифицированную международно-правовую и конституционно-правовую политику в рассматриваемой сфере.

На наш взгляд, одним из важнейших направлений конституционно-правовой политики, связанным с проблемами трудовой миграции, является решение проблемы «человеческого капитала». Возникновение последнего понятия также связано с процессами глобализации. При этом необходимо учитывать, что «рабочая сила» или «трудовые ресурсы» это только одна из его составляющих. Первые два понятия в большой степени синонимичны. Ими обозначается совокупность лиц, осуществляющих свою возможность к труду (право на труд). Это как квалифицированные, так и не квалифицированные кадры. Понятие «человеческий капитал» на много шире.

В.А. Горбанев отмечает, что «человеческий капитал» представляет собой интеллектуальные ресурсы общества, это понятие, характеризующее качество населения[25]. В специальной литературе выделяется и такой термин, как «национальный человеческий капитал», т.е. «человеческий или интеллектуальный капитал конкретной страны, являющийся составной частью ее национального богатства»[26].

Сам человеческий капитал представляет собой совокупность большого числа составляющих, включая образование, науку, здоровье населения, экономическую свободу, развитую культуру, информационное обеспечение всех процессов и степень развития информационных технологий. На его формирование оказывают влияние и такие факторы как: уровень экономического развития, экологическое благополучие, миграционные процессы. Эти факторы находятся под воздействием процессов глобализации.

Существует мнение, что миграционные потоки могут влиять на качество человеческого капитала в стране[27]. Соглашаясь с ним, отметим, что в науке конституционного права нет устоявшегося определения таких терминов, как «человеческий капитал» или «национальный человеческий капитал».

Следует отметить, что в условиях глобализации человеческий капитал является фактором, оказывающим влияние на темпы экономического роста страны и ее ВВП. К сожалению, доля человеческого капитала в национальном богатстве Российской Федерации существенно ниже, чем в развитых государствах. Если в европейских государствах он составляет более 80%, то в Российской Федерации около 50%[28]. При этом накопление человеческого капитала на 1% увеличит ВВП на 1–3%[29].

Таким образом, регулирование вопросов квалификации мигрантов, пребывающих в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности, может положительно повлиять и на развитие национального человеческого капитала в стране и на рост ее экономики. Здесь необходимо учитывать корреляцию между квалификацией работника и его вкладом в развитие человеческого капитала – чем выше его квалификация, тем выше его вклад. Большинство же пребывающих в Россию для осуществления трудовой деятельности лиц – неквалифицированные рабочие, неспособные оказать значительного влияния на развитие ее человеческого капитала и количество не переходит в качество. Эта проблема является одной из связующих между регулированием внешней миграции, сохранением и развитием человеческого капитала и влиянием этих факторов на развитие соответствующей конституционно-правовой политики.

Для развития российской экономики существует объективная необходимость и в сдерживании иммиграционных потоков с его территории. Избежать таких потерь возможно только при наличии грамотной конституционно-правовой политики, направленной на сохранение и развитие человеческого капитала.

Правовой основой для развития человеческого капитала в России в первую очередь являются положения Конституции РФ, закрепляющие основные права и свободы человека и гражданина, гарантии их реализации и защиты. На наш взгляд, вся совокупность указанных прав, а также обязанностей государственных органов и органов субъектов Российской Федерации выступает в качестве такой основы.

Говоря о конституционных гарантиях сохранения и развития человеческого капитала, нельзя обойти вниманием и изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г. Среди них можно особо выделить положения ч. 4 ст. 67^1, ч. 4 ст. 68, п. «е» ст. 71, п. «ж» ч. 1 ст. 72, ч. 5 ст. 75 и ст. 75^1. В них установлены гарантии

[25] См.: *Горбанев В.А.* Человеческий капитал в постиндустриализации // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 4. С. 18.

[26] Там же.

[27] См.: там же.

[28] См.: *Илясова Ю.В., Мираньков Д.Б., Шенгелия Т.А.* Развитие человеческого капитала в Российской Федерации и его позиции в международных рейтингах // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. № 2. С. 45.

[29] См.: там же.

всестороннего развития детей, сохранения языка и культуры, развитие экономики, охраны окружающей среды, науки и техники, социальной сферы, здравоохранения, уважение труда и минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума.

Вывод об особенностях конституционно-правовой политики по данному вопросу можно сделать и на основании содержания Послания Президента В.В. Путина Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. В нем указано, что «сбережение народа России» является высшим «национальным приоритетом»[30]. На наш взгляд, речь в данном случае шла не только о его сбережении в физическом смысле, так как далее Президент РФ указал: «Этим приоритетом определяются все положения обновлённой Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры». Здесь же речь шла и развитии системы здравоохранения, социальной сферы, т.е. о создании всех условий, которые необходимы для сохранения и развития человеческого капитала в стране.

В развитие российской правовой политики по данному вопросу Распоряжением Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р был утвержден перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.[31] В нем, в частности, предусмотрены меры по развитию медицинской науки и технологий, модернизация дополнительного образования детей, развитие жилищных программ.

К сожалению, до сих пор не принята новая стратегия социально-экономического развития Российской Федерации. Одной из причин задержки эксперты называют жесткую критику проекта со стороны ученых-экономистов. Этому есть несколько причин: существующие стратегии (а таких документов уже насчитывается 54 тыс.) никак друг с другом не связаны, в том числе и по своим целям; их эффективность достаточно невысока; в течение своего срока действия они постоянно дорабатываются. Кроме того, эксперты считают, что в России в целом отсутствует «методология последовательной разработки цепочки документов стратегического планирования, отсутствуют взаимоувязанные целевые индикаторы»[32].

Таким образом, в условиях глобализации для Российской Федерации особенно важной становится проблема сохранения и развития именно национального человеческого капитала. Для совершенствования конституционно-правовой политики как по вопросам сохранения и развития человеческого капитала, так и в миграционной сфере, необходимо внести в законодательство понятие «национальный человеческий капитал». Под ним предлагаем понимать совокупность знаний, навыков, интеллектуального и культурного уровня, а также уровня здоровья всех лиц, законно находящихся на территории Российской Федерации вне зависимости от их гражданства.

Для развития конституционно-правовой политики в сфере трудовой миграции необходимо учитывать, что трудовые мигранты могут вносить свой вклад, соотносимый с их квалификацией в российскую экономику и в развитие ее национального человеческого капитала, но эффект от их пребывания носит временный характер. В то же время граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом и осуществляющие там свою трудовую деятельность, исключены из национальных процессов формирования и развития человеческого капитала, поэтому их также не следует включать в понятие «национальный человеческий капитал». Таким образом, роль конституционно-правовой политики Российской Федерации в сфере трудовой миграции в решении вопросов сохранения и развития национального человеческого капитала в России заключается не только в привлечении наиболее квалифицированных кадров из-за рубежа, но и в предотвращении миграции квалифицированных специалистов с ее территории.

В условиях глобализации качество национального человеческого капитала во многом зависит от миграционных процессов. При этом невозможен полный отказ от использования в российской экономике труда неквалифицированных мигрантов. Для них так же нужна комфортная среда. Ее создание является гарантией привлечения в Россию необходимого числа данной категории лиц. Последнее особенно важно в свете проблем, связанных с сокращением трудовых ресурсов на глобальном уровне и конкуренцией за них между государствами.

* * *

Учитывая тенденции и риски использования труда мигрантов, перечисленные выше, а также необходимость сохранения и развития человеческого капитала, можно сказать, что направлениями развития конституционно-правовой политики Российской Федерации в области миграции в условиях глобализации должны стать:

создание благоприятных условий для пребывания мигрантов (в том числе и соблюдение гигиенических норм на рабочем месте, охрана их здоровья, удовлетворение их духовных и материальных потребностей);

---

[30] Послание Президента России Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Официальный сайт Президента РФ // http://kremlin.ru/events/president/news/65418 (дата обращения: 20.04.2022).

[31] См.: Официальный сайт Правительства РФ // http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWGQQAaCSMGrd7q82RQ5xECo3.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

[32] *Ведрина Е.* Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития // Ведомости. 2021. 13 мая.

решение проблем межкультурной коммуникации (через обучение языку, истории и культуре страны пребывания);

разработку мер, сдерживания эмиграции из Российской Федерации, особенно высококвалифицированных кадров;

закрепление в законодательстве Российской Федерации такого термина, как «национальный человеческий капитал» с раскрытием его содержания;

закрепление в документах стратегического характера понятия «комфортная для трудовых мигрантов среда»;

закрепление в законодательстве Российской Федерации минимального уровня заработной платы для неквалифицированных трудовых мигрантов с его градацией по отраслям экономики;

развитие международного сотрудничества с сопредельными государствами по вопросам совместного решения проблем в данной сфере и правового регулирования миграционных процессов, обеспечения и защиты прав человека, сотрудничества в области науки, образования, здравоохранения и культуры посредством подписания международных договоров, создания специализированных органов или организаций.

Для реализации этих направлений, на наш взгляд, в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы следует внести ряд дополнений[33].

Так, к целям миграционной политики (ст. 14 Концепции) необходимо отнести решение проблем межкультурной коммуникации и развитие международного сотрудничества с сопредельными государствами по вопросам совместного решения проблем правового регулирования миграционных процессов.

Статью 21 Концепции необходимо дополнить пунктом «ж» – задачей миграционной политики является совершенствование международного сотрудничества с иностранными государствами в миграционной сфере.

Статью 22 Концепции дополнить пунктом «д», сформулировав его следующим образом: «создание комфортной среды для пребывания мигрантов». Под комфортной средой следует понимать «совокупность условий проживания и работы, отвечающих требованиям гигиены, необходимости охраны здоровья, учитывающих духовные и материальные потребности трудовых мигрантов».

Для решения проблемы трудовых ресурсов в условиях глобализации Российской Федерации не будет достаточно только развития правовой политики в миграционной сфере, какой бы эффективной она ни была. Необходимо сочетать ее развитием грамотной правовой политики в сфере сохранения и развития человеческого капитала. Миграционная политика должна являться ее частью. Это необходимо указать в ст. 19 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, а также дополнить принципы миграционной политики (ст. 20) принципом приоритета сохранения и развития человеческого капитала.

Для совершенствования регионального международного сотрудничества необходимо внесение в Конвенцию о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 г. положения об унификации законодательства стран-участниц в вопросах регулирования трудовой миграции. В первую очередь это должны быть вопросы, касающиеся условий получения патента и осуществления труда лицами, имеющими востребованную на рынке профессиональную квалификацию, а также вопросы обеспечения права мигрантов на охрану здоровья.

Положительно оценивая факт создания общего рынка труда для государств – членов СНГ[34], на основе Соглашения о сотрудничестве в сфере содействия занятости населения государств – участников СНГ от 25 мая 2021 г., следует отметить, что в ст. 4 данного соглашения отсутствует важный, на наш взгляд, пункт об обеспечении права на охрану здоровья трудовых мигрантов и соответствие рабочих мест требованиям гигиены.

Построение единого рынка труда в рамках Содружества представляется более вероятным, чем в рамках ЕАЭС, так как в СНГ «донорами» рабочей силы являются Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан. Последние три из указанных государств членами ЕАЭС не являются. Доля трудовых мигрантов из Армении по сравнению с ними небольшая. Российская Федерация, Беларусь и Казахстан в большей степени – принимающие страны[35].

В то же время возможно и осуществление международного сотрудничества в миграционной сфере в рамках ЕАЭС при условии создания в рамках этой организации необходимых правовых механизмов. Здесь следует согласиться с А.В. Малько и В.В. Елистратовой в том, что «назрела

[33] См.: Официальный сайт Президента РФ // http://kremlin.ru/events/president/news/58986 (дата обращения: 20.04.2022).

[34] См.: В СНГ создается общий рынок труда. URL: https://uz.sputniknews.ru/20210919/v-sng-sozdaetsya-obschiy-rynok-truda-20553180.html (дата обращения: 20.04.2022).

[35] См.: О сотрудничестве государств -участников СНГ в противодействии незаконной миграции // Официальный сайт исполнительного комитета Содружества Независимых Государств // https://cis.minsk.by/news/18597/o_sotrudnichestve_gosudarstv_–_uchastnikov_sng_v_protivodejstvii_nezakonnoj_migracii (дата обращения: 20.04.2022).

необходимость в разработке проекта Концепции правовой политики в сфере развития Евразийского экономического союза как доктринального документа»[36]. В таком документе, на наш взгляд, должна быть отражена и международно-правовая политика этой организации относительно правового регулирования миграционных процессов в границах государств-членов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.* Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // Соц. исследования. 2014. № 4. С. 72, 73.
2. *Ведрина Е.* Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития // Ведомости. 2021. 13 мая.
3. *Воробьева И.В.* Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 94.
4. *Горбанев В.А.* Человеческий капитал в постиндустриализации // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 4. С. 18.
5. *Илясова Ю.В., Миранькова Д.Б., Шенгелия Т.А.* Развитие человеческого капитала в Российской Федерации и его позиции в международных рейтингах // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. № 2. С. 45.
6. *Малько А.В., Елистратова В.В.* Правовая политика в сфере Евразийского экономического союза: пути оптимизации // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 12.
7. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивания и вектор сокращения / под ред. В.Н. Бобкова. М., 2018. С. 236.
8. *Патрик Таран.* Миграция, глобализация, экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsiya-globalizatsiya-i-ekonomicheskaya-zhiznesposobnost/ (дата обращения: 20.04.2022).
9. Рынок труда: такого еще не было. URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/60c0794a7a8aa99c135a13f4 (дата обращения: 20.04.2022).
10. *Трофимов В.В.* Глобальная нестабильность как фактор мобилизации национальных государственно-правовых систем (к вопросу о конфликтной социальной природе политико-правового контекста) // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 22.

REFERENCES

1. *Varshavskaya E. Ya., Denisenko M.B.* Mobility of foreign workers in the Russian labor market // Social research. 2014. No. 4. P. 72, 73 (in Russ.).
2. *Vedrina E.* Economists criticized the new socio-economic development strategy // Vedomosti. 2021. May 13 (in Russ.).
3. *Vorobyeva I.V.* Labor migrants in Russia: problems of employment of foreign labor workers // Series "Philosophy. Sociology. Art criticism". 2020. No. 1. P. 94 (in Russ.).
4. *Gorbanev V.A.* Human capital in postindustrialization // World and national economy. 2016. No. 4. P. 18 (in Russ.).
5. *Ilyasova Yu. V., Mirankov D.B., Shengelia T.A.* The development of human capital in the Russian Federation and its position in international ratings // Scientific notes of Vernadsky KFU. Economics and management. 2020. No. 2. P. 45 (in Russ.).
6. *Mal'ko A.V., Elistratova V.V.* Legal policy in the sphere of the Eurasian Economic Union: ways of optimization // Legal policy and legal life. 2020. No. 1. P. 12 (in Russ.).
7. Unstable employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, assessment and vector of reduction / ed. by V.N. Bobkov. M., 2018. P. 236 (in Russ.).
8. *Patrick Taran.* Migration, globalization, economic viability: Challenges and opportunities for Russia and Eurasia. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsiya-globalizatsiya-i-ekonomicheskaya-zhiznesposobnost / (accessed: 20.04.2022) (in Russ.).
9. Labor market: this has not happened yet. URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/60c0794a7a8aa99c135a13f4 (accessed: 20.04.2022) (in Russ.).
10. *Trofimov V.V.* Global instability as a factor of mobilization of national state-legal systems (on the issue of the conflict social nature of the political and legal context) // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 22 (in Russ.).

Сведения об авторе

ХИЖНЯК Вероника Сергеевна –
доктор юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information

KHIZHNYAK Veronika S. –
Doctor of Law, senior researcher of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

[36] *Малько А.В., Елистратова В.В.* Правовая политика в сфере Евразийского экономического союза: пути оптимизации // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 12.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 66–74
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 66–74

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

СУДЕБНАЯ И НЕСУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ, ТРУДОВЫХ И СЕМЕЙНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

© 2022 г. Е. В. Михайлова*, С. Ю. Чуча, Н. В. Летова***, Н. И. Соловяненко******

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

** E-mail: e.v.mihilova@bk.ru*
***E-mail: chuchaigpan@gmail.com*
****E-mail: letovanv@mail.ru*
*****E-mail: nina.coshkina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.04.2022 г.

Аннотация. В статье защита прав и законных интересов физических и юридических лиц рассматривается в качестве одного из глобальных приоритетов в области устойчивого развития и, соответственно, основополагающей категории юридической науки. Авторы, исследуя, процессуальную и материально-правовую составляющие механизма защиты гражданских, трудовых, семейных прав, выделяют особенности его современного состояния: сложную систему защиты трудовых прав, которая видится в большей степени как несудебная (процедурная); комплексный характер мер защиты прав участников семейных отношений, прежде всего наименее защищённой категории – ребенка; влияние цифровой трансформации и переход к «бесконтактному» способу судебной и несудебной защиты, в том числе в условиях вынужденной изоляции, вызванной пандемией COVID-19. Подчеркивается, что применение цифровых (онлайновых) механизмов разрешения споров должно обеспечивать справедливое судебное разбирательство и не может препятствовать доступу к правосудию.

Ключевые слова: защита гражданских прав и законных интересов, устойчивое развитие, государственные суды, третейский суд, нотариат, трудовое право, семейное право, права ребенка, цифровизация, онлайн-разрешение споров.

Цитирование: *Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловяненко Н.И.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.

DOI: 10.31857/S102694520022201-2

JUDICIAL AND NON-JUDICIAL D PROTECTION OF CIVIL, LABOR AND FAMILY RIGHTS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION OF THE STATE AND SOCIETY

© 2022 E. V. Mikhailova*, S. Yu. Chucha, N. V. Letova***, N. I. Solovyanenko******

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

** E-mail: e.v.mihilova@bk.ru*
***E-mail: chuchaigpan@gmail.com*
****E-mail: letovanv@mail.ru*
*****E-mail: nina.coshkina@yandex.ru*

Received 19.04.2022

Abstract. The article considers the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities as one of the global priorities in the field of sustainable development and, accordingly, as a fundamental category of legal science. The authors, examining the procedural and substantive components of the mechanism for the protection of civil, labor, and family rights, highlight the features of its current state: a complex system of labor rights protection, which is seen to a greater extent as non-judicial (procedural); the complex nature of measures to protect the rights of participants in family relations, primarily the least protected category – the child; the impact of digital transformation and the transition to a "contactless" method of judicial and non-judicial protection, including in an environment of forced isolation caused by the pandemic. It is emphasized that the use of digital (online) dispute resolution mechanisms should ensure a fair trial and cannot hinder access to justice.

Key words: protection of civil rights and legitimate interests, sustainable development, state courts, arbitration court, notary, Labor Law, Family Law, child rights, digital transformation, online dispute resolution

For citation: *Mikhailova, E.V., Chucha, S. Yu., Letova, N.V., Solovyanenko, N.I.,* Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the conditions of globalization and digitalization of the state and society // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 66–74.

Высшей ценностью в Российской Федерации являются права и свободы человека и гражданина. Признание и защита прав и свобод человека на национальном и международном уровнях относятся к существенным элементам устойчивого развития общества и государства. Всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству наряду с верховенством права, справедливостью, недискриминацией, соблюдением прав собственности, равным доступом к правосудию, равными возможностями, позволяющими в полной мере раскрыть человеческий потенциал, в том числе в сфере труда, принадлежат к числу обозначенных ООН глобальных приоритетов в области развития[1].

Признание права в первую очередь означает существование эффективного, гарантированного правового механизма его охраны и защиты.

Конституция РФ гарантирует каждому государственную защиту его прав и свобод (ст. 45, 46). Вместе с тем установлено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45).

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 апреля 1999 г. № 6-П[2] право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, в Российской Федерации оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1, 2 ст. 17, ч. 1 ст. 46). Аналогичную правовую позицию Конституционный Суд РФ сформулировал в Постановлении от 14 февраля 2002 г. № 4-П[3].

Вопросы охраны и защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов – основополагающие в юридической науке. Они же и самые сложные – ключевые понятия отсутствуют, общепринятого подхода к классификации способов и форм защиты нет.

Некоторые авторы исходят из того, что «защита права» это юридическая деятельность по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав[4]. Т.Е. Абова указывала, что «право на защиту означает возможность требовать от компетентных органов совершить действия (или осуществить их самостоятельно), направленные на восстановление нарушенного права»[5]. Высказано мнение, что под защитой понимается комплексная система мер, включающая в себя судебную защиту, законодательные, экономические, организационно-технические и другие средства и мероприятия, а также самозащиту гражданских прав[6].

Основной вопрос: что именно понимать под защитой – саму деятельность спорящих лиц и уполномоченного органа, направленную на разрешение правового конфликта, или ее результат. Если защита права – это только процессуальная деятельность, направленная на рассмотрение и разрешение дела, то следует признать, что в ряде случаев лицо получает конституционно гарантированную защиту, не получив при этом предмета спора (например, если судебное решение по делу вынесено, но по каким-либо причинам не исполнено).

Если же под защитой права понимать исключительно материально-правовой «эффект» процессуальной деятельности, то в большом числе случаев его отсутствие нивелирует всю деятельность по

[1] См.: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda (дата обращения: 18.04.2022).

[2] См.: СЗ РФ. 1999. № 16, ст. 2080.

[3] См.: СЗ РФ. 2002. № 8, ст. 894.

[4] См.: *Вершинин А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997. С. 17.

[5] *Абова Т.Е.* Избр. труды. М., 2007. С. 757.

[6] См.: *Завидов Б.Д., Гусев О.Б.* Защита гражданских прав по законодательству России // Арбитражный и гражданский процесс. 2000. № 1. С. 2–16.

рассмотрению и разрешению дела. Кроме того, материально-правовой результат деятельности по защите права должен быть получен строго в рамках регламентированной законом деятельности.

Поэтому имеет смысл говорить о «системе защиты гражданских прав, свобод и законных интересов», которая имеет процессуальную и материально-правовую составляющие и в которую включаются субъекты, уполномоченные государством на осуществление процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению дел в целях защиты нарушенного или оспоренного права (государственные и третейские суды; нотариат).

Важнейшим свойством материально-правового результата защиты права является возможность его принудительного исполнения. В силу этого нельзя именовать «защитой права» деятельность никаких иных субъектов, кроме тех, которые прямо уполномочены государством на реализацию мер по защите прав и законных интересов.

Эти субъекты исчерпывающим образом закреплены в ст. 11 ГК РФ: суд, арбитражный суд и третейский суд. Несомненно, в систему защиты прав и законных интересов граждан также включен нотариат: все нотариальные действия осуществляются от имени Российской Федерации, нотариально удостоверенные акты обладают принудительной силой.

Напротив, деятельность медиаторов, иных посредников защитой права не является, поскольку не обеспечена мерами государственного принуждения. Неверно именовать защитой права и деятельность всех прочих органов публичной власти, например, деятельность прокурора в рамках реагирования на поступающие от граждан заявления о нарушении законодательства, их прав и законных интересов является по своему характеру надзорной, но не правозащитной. Для того чтобы привлечь лицо к ответственности, прокурору необходимо инициировать судебное разбирательство по делу. При этом суд может и отказать прокурору в возбуждении производства по гражданскому делу, и вынести решение, содержащее совершенно противоположную заключению прокурора позицию.

Помимо государственных и третейских судов и нотариата в систему защиты прав, свобод и интересов следует включить органы исполнительной власти, в компетенцию которых входит принудительное исполнение вступивших в законную силу судебных актов, а также нотариальных актов и ставших обязательными решений третейских судов.

Необходимо иметь в виду, что термином «гражданское дело» обозначается вся совокупность конфликтов, возникающих в сфере регулирования гражданского законодательства – а это как собственно гражданско-правовые конфликты (возникающие при реализации норм ГК РФ), так и семейные дела, трудовые споры, конфликты в сфере авторских и иных интеллектуальных прав, жилищные споры, земельные, налоговые и т.д.– иными словами, все дела, возникающие из отношений, регулируемых гражданским законодательством.

По этой причине защита права осуществляется в рамках *процессуальной формы*, под которой следует понимать совокупность правил рассмотрения и разрешения дел отдельных категорий. И государственные суды, и третейские действуют строго в рамках процессуальной формы. Нарушение требований процессуальной формы – одно из оснований отмены даже правильного по существу решения.

Первый и основной способ защиты прав – государственный, который реализуется в деятельности системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Международным пактом о гражданских и политических правах (ст. 14), Всеобщей декларацией прав человека (ст. 7, 8 и 10) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) установлено, что все равны перед законом и судом и каждый при определении его гражданских прав и обязанностей имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Как писал профессор Е.В. Васьковский, «суд является опорой правового порядка; он проводит законы в жизнь; он восстанавливает нарушенные права и карает нарушителей; благодаря ему граждане могут спокойно пользоваться своим имуществом и плодами своих трудов»[7].

Государственная судебная защита гарантируется в отношении любого права. Отраслевая принадлежность подлежащего защите права предопределяет процессуальные особенности рассмотрения соответствующих дел – гражданских, семейных, трудовых, уголовных, дел в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, административных и т.д.

При этом целью правовой защиты всегда является удовлетворение материально-правового притязания, а не только вынесение судебного решения по делу – в свое время эта позиция была сформулирована и Европейским Судом по правам человека[8].

---

[7] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003.

[8] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.05.2002 г. по делу «Бурдов против России» // Росс. газ. 2002. 4 июля.

Второй способ защиты – альтернативное (частноправовое) разрешение споров, которое реализуется в деятельности третейских судов (арбитражей)[9].

Положение ст. 11 ГК РФ прямо называет третейский суд в числе субъектов, уполномоченных государством осуществлять защиту гражданских прав наряду с судом общей юрисдикции и арбитражным судом.

Альтернативный характер третейского разбирательства заключается в том, что рассмотрение дела третейским судом и вынесение им решения исключает обращение в государственный суд с тождественным исковым требованием.

Таким образом, третейское разбирательство является альтернативой гражданскому и арбитражному судопроизводствам.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ касательно природы третейского разбирательства заключается в том, что передача спора, который возник или может возникнуть между сторонами какого-либо конкретного правоотношения, на рассмотрение третейского суда остается альтернативной формой защиты права и не превращает сам по себе порядок третейского разбирательства в собственно судебную форму защиты права[10].

В отличие от государственных судов третейские суды могут рассматривать не любые дела. Третейский суд – это «суд частного лица»[11].

Третейские суды, имея частноправовую природу, не вправе принимать к рассмотрению любые публично-правовые дела – у них просто «нет на это власти». Так, в третейский суд не может быть передан спор о лишении родительских прав, установлении отцовства, определения «судьбы ребенка», расторжении брака – пожалуй, все семейные споры, за исключением споров о разделе имущества (и то при условии наличия брачного договора).

Понятие публично-правовых отношений содержится в правовой позиции Верховного Суда РФ[12], согласно которой таковыми являются правоотношения, не основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению нормативных правовых актов по отношению к другому участнику.

Таким образом, частноправовые отношения – это отношения, основанные на равенстве их субъектов и их взаимной самостоятельности.

Государство в лице своих органов также может быть участником частноправового отношения (ст. 124 ГК РФ). Спор, возникший из такого правоотношения, вполне может быть передан в третейский суд.

Сложным является вопрос о праве третейских судов разрешать трудовые дела. В силу наличия в трудовом законодательстве целого ряда публично-правовых связей, контролирующей функции государства трудовые споры не подлежат третейскому разбирательству. Однако общепризнано, что они могут быть *урегулированы* (например, комиссиями по трудовым спорам, создаваемыми на базе работодателя).

Наконец, третий способ защиты гражданских (в широком смысле) прав – это самозащита права, один из институтов уголовного права, предназначенный для решения вопроса об освобождении от уголовного наказания в ряде случаев. Самозащита гражданских прав названа в ст. 14 ГК РФ, но понятие и конкретные формы самозащиты гражданских прав законодателем не раскрыты.

В целом самозащита гражданских прав едва ли может рассматриваться как альтернатива судебной защите, а значит, и как самостоятельный, «полноценный» способ защиты. Она осуществляется в одностороннем порядке[13] вне рамок какой-либо процессуальной формы и далеко не всегда приводит к осуществлению права.

Законодательство о труде и правовая наука не дают четкого-определения терминам «охрана» и «защита» трудовых прав. Оба они рассматриваются в широком и узком значении. В широком смысле охрана труда предполагает действие норм всех институтов трудового права, обеспечивающих соблюдение прав субъектов трудовых правоотношений. В узком смысле охрана труда – обеспечение безопасных

---

[9] См. об этом, напр.: *Пермяков Л.Е., Батюк В.И., Галузо В.Н.* «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 124–129.

[10] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации") // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

[11] Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение А. Вицына. М., 1856. С. 15, 16.

[12] См.: постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Росс. газ. 2016. 3 окт.

[13] См., напр.: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2001 (Классика российской цивилистики).

условий на рабочем месте, ее правовое регулирование закреплено разд. X «Охрана труда» ТК РФ[14].

Таким же образом обстоят дела и с термином «защита трудовых прав», которая в широком смысле представляет собой реализацию защитной функции, а в узком – обеспечение соблюдения трудовых прав, защиту их от нарушений, в том числе и профилактику, восстановление нарушенных прав, ответственность за нарушение законодательства о труде.

Защита прав и интересов работников и работодателей наряду с установлением государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан и созданием благоприятных условий труда является целью трудового законодательства, о чем сказано в Трудовом кодексе РФ (часть первая ст. 1). Очевидно, правозащитным является провозглашенный в ст. 2 ТК РФ целый ряд принципов правового регулирования трудовых отношений.

Действительно, дозволяя, предписывая или запрещая субъектам совершение каких-то действий, трудовое право и его нормы (равно как и иные отрасли и нормы относительно субъектов регулируемых ими отношений) охраняют права этих субъектов и всех иных субъектов и общества в целом, соответственно частные и публичные права. Если предписания отраслевых норм не выполняются, настает черед действия внутриотраслевых трудоправовых и общеправовых защитных норм. Это нематериальные нормы – организационные (например, регламентирующие порядок создания КТС и ее правовой статус), процедурные (регламентирующие внесудебный порядок разрешения коллективного трудового спора или досудебный порядок рассмотрения спора индивидуального) и процессуальные (например, устанавливающие порядок рассмотрения трудового спора в суде).

Судебный порядок защиты трудовых прав установлен только для индивидуальных трудовых споров о применении действующих правовых норм (споры о праве). Ряд таких споров, названных в ст. 391 ТК РФ, могут рассматриваться только судом. Судом рассматриваются споры по искам работодателей, о составе и размере требований об оплате труда, включаемых в реестр требований кредиторов. Для основной же их части допускается досудебный порядок разрешения: работник вправе обратиться в КТС, а при несогласии с ее решением перенести спор в суд, или напрямую воспользоваться правом на судебную защиту.

Индивидуальные требования работника об установлении новых условий труда могут быть разрешены путем непосредственных переговоров с работодателем, с участием профсоюза или без такового.

Для коллективных трудовых споров, являющихся спорами об установлении новых условий труда (споры об интересе), установлен исключительно внесудебный порядок разрешения. Они рассматриваются социально-партнерскими органами, создаваемыми работниками и работодателем (их представителями) на паритетной основе для каждого спора: примирительной комиссией, с участием посредника и в трудовом арбитраже *ad hoc*.

При этом процедура разрешения коллективного трудового спора может быть одно-, двух- и трехэтапной. Одноэтапная предполагает рассмотрение спора в примирительной комиссии, формируемой сторонами спора из равного числа их представителей, и является обязательной. Двухэтапная (примирительна комиссия – рассмотрение спора с участием посредника или примирительная комиссия – трудовой арбитраж) и трехэтапная (примирительная комиссия – посредник – трудовой арбитраж) проводятся с согласия сторон.

Дифференциация правового регулирования трудовых отношений свойственна охране и защите трудовых прав. Так, специальные правила рассмотрения индивидуальных трудовых споров предусмотрены гл. 54.1 ТК РФ для спортсменов и тренеров в профессиональном спорте.

Чтобы быть эффективной, сложной системе, каковой является трудовое право, должна соответствовать не менее сложная система охраны и защиты прав. Она не может быть только процессуальной (судебной), но в случае с несамостоятельным трудом – в еще большей степени должна быть несудебной (процедурной), состоящей из процессуальных и процедурных способов охраны и защиты трудовых прав, процессуальных и процедурных норм и правоотношений. Трудовое право в значительной степени само по себе процедура. Именно такая процедурно-процессуальная отраслевая система охраны и защиты трудовых прав создана в Российской Федерации.

Еще на восходящей волне тренда на судебную специализацию В.Н. Скобелкин обосновал объединение процедурных отношений с процессуальными, входящими в предмет трудового права, и создание самостоятельной отрасли – трудового процедурно-процессуального права[15]. Предложение вызвало значительный резонанс в правовой науке, но в целом не было поддержано. Оппоненты полагали, что такое изъятие правового материала приведет к упразднению материнской отрасли.

[14] См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3.

[15] См.: *Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю. и др.* Трудовое процедурно-процессуальное право: Учебное пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.

Но ведь новую отрасль можно формировать только из тех процедурных норм, которые регламентируют разрешение споров и охраняют стороны в случае нарушения их прав, а не реализацию всех материальных прав и обязанностей субъектов трудовых правоотношений. Более того, сегодня под дифференциацией скрывается уже все более очевидная система разнообразных правовых договоров, существеннейшим образом отличающихся от классического трудового договора на индустриальном производстве с членами больших трудовых коллективов, мало уступающая системе договоров гражданско-правовых. Из единого трудового правоотношения доктринально необходимую правовую связь изъять и передать в новую отрасль нельзя – трудовое правоотношение разрушится. Теория множественности трудовых правоотношений В.Н. Скобелкина допускает такое изъятие. Сказанное делает возможным возвращение к дискуссии о создании нематериальной трудоправовой отрасли в условиях трансформации сферы труда и цифровизации государства и общества.

В сфере семейных правоотношений российское законодательство позволяет гражданам использовать самые разные формы (судебные, и несудебные) для защиты своих прав. Юридический механизм, направленный на защиту семейных прав граждан, обеспечение их законных интересов базируется на положениях Конституции РФ, согласно которым семья находится под защитой государства, каждому члену семьи гарантировано право на судебную защиту, а защита детей определена в качестве приоритетных направлений политики государства (ст. 38, 46, 67^1). Проблема обеспечения защиты семейных прав не теряет своей актуальности, поскольку в России формирование комплексной системы мер, направленных на защиту участников семейных отношений, не завершено. Отсутствие такой системы наглядно проявляется в ситуациях, когда речь идет о защите наименее защищённой категории субъектов семейных отношений – ребенка в случае необходимости обеспечения защиты его личных неимущественных прав (право жить и воспитываться в семье, при определении его места жительства в случае расторжения брака между его родителями, определения статуса несовершеннолетних родителей и др.) или имущественных прав (защита жилищных прав ребенка в случае приобретения жилья за счет средств материнского капитала, наследственные права, право на получение содержание в виде алиментов и др.).

Как указывалось выше, формы защиты прав и охраняемых законом-интересов делятся на юрисдикционные и не юрисдикционные. Специфика защиты именно семейных прав состоит в том, что прежде всего не юрисдикционные формы становятся наиболее востребованы на практике. Защита семейных прав нередко осуществляется путем обращения к специальным органам, например, к органам опеки и попечительства, которые наделены правом представлять законные интересы несовершеннолетних в отношениях с любыми лицами (в том числе в судах)[16], комиссиям по делам несовершеннолетних, которые наделены правом подготовки материалов, представляемых в суд[17], уполномоченным по правам ребенка, которые участвуют по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам для дачи заключения в целях защиты прав и законных интересов детей[18], прокурору, который может обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан[19], нотариусу, который удостоверяет медиативные соглашения и обязан оказывать содействие гражданам в осуществлении их прав и защите законных интересов[20] и др.

Судебная форма защиты является эффективной формой восстановления прав и интересов гражданина, особенно ребенка, позволяет обеспечить ему полноценную защиту, обеспечить незамедлительное принятие решений в его пользу в случае необходимости. Обеспечивается это независимостью суда; общепризнанные принципы судопроизводства позволяют формулировать выводы относительно применения норм материального и процессуального права, изучать доказательства, возражения сторон, обеспечить их состязательность в процессе. Данные принципы

---

[16] См.: Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «Об опеке и попечительстве», ч. 8 ст. 8 // СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

[17] См.: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ст. 11 // СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177; постановление Правительства РФ от 06.11.2013 г. № 995 (ред. от 10.02.2020 г.) «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2013. № 45, ст. 5829; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022 г.), ст. 23.2 // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1).

[18] См.: Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации», ст. 2, 6 // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8427; Указ Президента РФ от 19.11.2018 г. № 662 (ред. от 12.04.2021 г.) «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей») // СЗ РФ. 2018. № 48, ст. 7393.

[19] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022 г.), ст. 45 // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[20] См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1) (ред. от 02.07.2021 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021 г.), ст. 16, 59.1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

«имплементированы» в отдельные нормы, содержание которых позволяет гражданам свободно распоряжаться своими семейными правами, а государство в лице специальных органов обязано реагировать на их нарушения (ст. 2, 8 СК РФ).

Дети относятся к наиболее уязвимой категории участников семейных отношений, поэтому защита их прав является приоритетной для всех органов без исключения. Этот принцип закреплен не только в качестве определяющего направления государственной политики, но и базируется на общепризнанных нормах международного права[21]. Право на обращение в суд не обусловлено какими-либо формальными ограничениями в отношении любого гражданина, имея в виду совершеннолетнего и дееспособного гражданина (ст. 3 ГПК РФ). Ребенок не обладает полной дееспособностью, но законом регламентировано его право на обращение в суд за защитой семейных прав по достижении им возраста 14 лет. До этого возраста защиту прав и интересов ребенка осуществляют его законные представители и иные лица, их заменяющие и органы[22]. В данном случае условно можно признать, что ребенок обладает т.н. урезанной дееспособностью, что отвечает положениям ч. 1, 4 ст. 37 ГПК РФ, которые устанавливают в качестве предпосылки права гражданина на предъявление иска обладание гражданской процессуальной дееспособностью.

Судебная защита прав ребенка осуществляется судами разного уровня, разными способами и средствами[23], включая и меры государственного принуждения, например восстановление и признание нарушенных (оспоренных) прав и интересов ребенка, обеспечение защиты жилищных прав и определение доли в праве на жилое помещение приобретенного при помощи средств материнского капитала и др.

Итогом обеспечения судебной защиты прав и интересов участников семейных отношений является принятие судебного решения[24], отличительной особенностью которого является применение законодательной оговорки – «в интересах ребенка». Решение, принятое в пользу ребенка, свидетельствует не только о признании определенных его прав, но и их приоритетной защите в установленном законом порядке. Вместе с тем универсальность судебной формы защиты прав участников семейных отношений проявляется в сочетании публичных и частных интересов, достижение баланса которых позволяет обеспечить и гарантировать защиту их семейных прав.

Гарантии основных прав и свобод, судебная и несудебная защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, обеспечение равного доступа к правосудию реализуются в условиях цифровой трансформации, представляющей собой глобальную тенденцию социально-экономического развития.

Необходимо подчеркнуть безусловную взаимозависимость между цифровой трансформацией и процессами, развивающимися в области права, которая, соответственно, занимает значительное место в законодательной и правоприменительной практике, как отечественной, так и зарубежной. Данная взаимозависимость существенно возросла в связи с переходом к «бесконтактному» способу совершения юридических действий, в том числе в обстановке вынужденной изоляции, вызванной пандемией COVID-19. В этой связи целесообразно применять онлайновые механизмы разрешения споров, для которых характерно использование цифровых коммуникаций «без необходимости физического присутствия на заседании или слушании»[25].

Онлайн-разрешение споров относится к любой информационной технологии, используемой судом для разрешения спора или оказания помощи в разрешении спора. Разрешение споров онлайн может быть применено в качестве инструмента регулирования

---

[21] Именно по этой причине и к числу наиболее приоритетных мер, направленных на защиту прав и интересов детей, относятся меры, направленные на создание т.н. «дружественного к ребенку правосудия, под которым подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела» (см.: Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23, ст. 2994).

[22] Законом предусмотрены полномочия и ответственность родителей, важно, что и у ребенка, и у законных представителей есть процессуальные права по защите прав ребенка, ребенок совершает определенные действия с согласия законных представителей или их дальнейшего одобрения, но о форме и времени, моменте получения такого одобрения законодатель не упоминает. Кроме того, судья наделен правом о решении вопроса о привлечении законных представителей ребенка, участие которых не является конкуренцией интересов, а выступает дополнительной гарантией защиты прав и интересов ребенка (ч. 4 ст. 37, ст. 52, 53 ГПК РФ).

[23] В литературе под средством судебной защиты прав и интересов ребенка понимается совокупность приемов, при помощи которых обеспечивается восстановление (признание)нарушенных (оспоренных) прав и интересов ребенка, то есть применение способов защиты (см.: *Беспалов Ю.Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в РФ. 2-е изд. М., 2013; *Сабитова Э.Н.* Формы и способы защиты семейных прав по законодательству Российской Федерации // Современное право. 2015. № 11. С. 64, 67).

[24] Отдельные авторы относят к средствам защиты исковое заявление, судебное постановление (решение, судебный приказ, определение об утверждении мирового соглашения), апелляционную, кассационную и надзорные жалобы (см.: *Беспалов Ю.Ф.* Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления. М., 2019. С. 288).

[25] Разрешение споров онлайн: первые шаги и перспективы. URL: https://iccwbo.ru/blog/2016/razreshenie-sporov-onlayn-pervye-shagi-i-perspekti / (дата обращения: 18.04.2022).

споров для любых процедур (судебные процессы и альтернативные варианты разрешения споров)[26]. При разработке таких механизмов следует учитывать ключевые принципы справедливого судебного разбирательства и эффективной правовой защиты[27]. Так, применение онлайн-разрешения споров должно обеспечивать независимый и беспристрастный судебный процесс и не может создавать препятствия в отношении доступа к правосудию. А сам факт вынесения судебного решения с использованием онлайн-технологий не должен препятствовать его исполнению. Механизм должен быть прозрачным, понятным и удобным для пользователей; объяснен четким и простым языком; содержать информацию для сторон о способах подачи заявления, отслеживания хода разбирательства, получения доступа к решениям. Стоимость судебного разбирательства не может быть выше, чем расходы, не связанные с применением подобной процедуры. Стороны должны быть уведомлены, когда предполагается, что их дело будет рассмотрено с привлечением механизма искусственного интеллекта. Технические трудности в функционировании процедуры онлайн разрешения споров не должны препятствовать судам даже на короткие периоды рассматривать дела и выполнять соответствующие процессуальные действия. Онлайн-разрешение споров предполагает равенство возможностей для сторон, в том числе представлять доказательства таким образом, чтобы не ставить их в невыгодное положение по сравнению с другими сторонами. Обязательным элементом указанных процедур является надлежащие меры кибербезопасности в отношении используемых продуктов, услуг и процессов, такие как защита от несанкционированного доступа к конфиденциальным данным и нежелательного изменения или удаления данных; предотвращение несанкционированного использования личных данных сторон; исключение неопределенности в отношении личности судьи и других специалистов, участвующих в процедурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абова Т.Е.* Избр. труды. М., 2007. С. 757.
2. *Беспалов Ю.Ф.* Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления. М., 2019. С. 288.
3. *Беспалов Ю.Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в РФ. 2-е изд. М., 2013.
4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003.
5. *Вершинин А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997. С. 17.
6. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2001 (Классика российской цивилистики).
7. *Завидов Б.Д., Гусев О.Б.* Защита гражданских прав по законодательству России // Арбитражный и гражданский процесс. 2000. № 1. С. 2–16.
8. *Пермяков Л.Е., Батюк В.И., Галузо В.Н.* «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 124–129.
9. *Сабитова Э.Н.* Формы и способы защиты семейных прав по законодательству Российской Федерации // Современное право. 2015. № 11. С. 64, 67.
10. *Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю. и др.* Трудовое процедурно-процессуальное право: Учебное пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.
11. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение А. Вицына. М., 1856. С. 15, 16.

REFERENCES

1. *Abova T.E.* Selected works. M., 2007. P. 757 (in Russ.).
2. *Bespalov Yu.F.* The rights of the child in the Russian Federation and the problems of their implementation. M., 2019. P. 288 (in Russ.).
3. *Bespalov Yu.F.* The family and legal status of a child in the Russian Federation. 2nd ed. M, 2013 (in Russ.).
4. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil procedure. M., 2003 (in Russ.).
5. *Vershinin A.P.* Ways to protect civil rights in court. SPb., 1997. P. 17 (in Russ.).
6. *Gribanov V.P.* Implementation and protection of civil rights. 2nd ed., stereotype. M., 2001 (Classics of Russian Civil Law) (in Russ.).
7. *Zavidov B.D., Gusev O.B.* Protection of civil rights under the legislation of Russia // Arbitration and Civil Procedure. 2000. No. 1. P. 2–16 (in Russ.).
8. *Permyakov L.E., Batyuk V.I., Galuzo V.N.* “Alternative legal proceedings” in the Russian Federation: nonsense or real necessity? // Law and the State: Theory and Practice. 2016. No. 2. P. 124–129 (in Russ.).
9. *Sabitova E.N.* Forms and methods of protection of family rights under the legislation of the Russian Federation // Modern law. 2015. No. 11. P. 64, 67 (in Russ.).
10. *Skobelkin V.N., Perederin S.V., Chucha S.Yu., etc.* Labor procedural and procedural law: textbook / ed. by V.N. Skobelkin. Voronezh, 2002 (in Russ.).
11. Arbitration Court under Russian Law, historical and dogmatic reasoning of A. Vitsyn. M., 1856. P. 15, 16 (in Russ.).

[26] См.: там же.

[27] См., напр.: Руководящие принципы Комитета Министров Совета Европы по механизмам онлайн-разрешения споров в гражданских и административных судебных разбирательствах. Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on online dispute resolution mechanisms in civil and administrative court proceedings. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx? ObjectId=0900001680a2cf96

Сведения об авторах

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна –
доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧА Сергей Юрьевич –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СОЛОВЯНЕНКО Нина Ивановна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. –
Doctor of Law, associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHA Sergey Yu. –
Doctor of Law, chief researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law, chief researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SOLOVYANENKO Nina I. –
PhD in Law, senior researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 75–83
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 75–83

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕУСТОЙКИ В КОМИССИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2022 г. А. В. Габов*, В. А. Лаптев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: gabov@igpran.ru*
***E-mail: laptev.va@gmail.com*

Поступила в редакцию 09.08.2022 г.

Аннотация. Договор комиссии – это привычная, устоявшаяся правовая форма в коммерческих отношениях, а потому регулирование его основ (предмет, существенные условия, ответственность сторон и пр.) в отечественном гражданском законодательстве долгое время не претерпевало значительных изменений. При этом следует отметить, что существуют сферы экономической деятельности, специфика отношений сторон в которых требует не только пересмотра отдельных устоявшихся представлений об элементах договора комиссии, но и предполагает специальное правовое регулирование комиссионных отношений с «вкраплением» элементов, которые не свойственны традиционным представлениям о комиссионных отношениях. Одной из таких сфер, где это проявляется в наиболее яркой форме, является военно-техническое сотрудничество (ВТС). В предлагаемой статье авторы анализируют нормы Гражданского кодекса РФ о договоре комиссии, подзаконные акты с позиции их возможного толкования с учетом структуры кооперационных связей участников военно-технического сотрудничества, целей и задач ВТС по эффективному регулированию военно-технического сотрудничества, подходов судебной практики. Авторы обосновывают тезис о том, что специфика договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества предполагает возможность применения специальных мер ответственности комитентов перед комиссионером – государственным посредником.

Ключевые слова: договор комиссии, военно-техническое сотрудничество, государственный посредник, ответственность, неустойка.

Цитирование: *Габов А.В., Лаптев В.А. (2022).* Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества // государство и право. 2020. № 9. С. 75–83.

DOI: 10.31857/S102694520022202-3

LEGAL NATURE AND LIMITS OF APPLICATION OF PENALTY IN COMMISSION LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION

© 2022 A. V. Gabov*, V. A. Laptev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: gabov@igpran.ru*
**E-mail: laptev.va@gmail.com*

Received 09.08.2022

Abstract. The commission agreement is a familiar, well-established legal form in commercial relations, and therefore the regulation of its foundations (subject matter, essential conditions, responsibility of the parties, etc.) in domestic civil law has not undergone significant changes for a long time. At the same time, it should be noted that there are areas of economic activity, the specificity of the relations of the parties in which requires not only a revision of certain well-established ideas about the elements of a commission agreement, but also involves a special legal regulation of commission relations with "interspersed" elements that are not characteristic of traditional ideas about commission relations. One of such spheres, where this manifests itself in the most obvious, "convex" form, is military-technical cooperation. In the proposed article, the authors analyze the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the commission agreement, by-laws from the standpoint of their possible interpretation, taking into account the structure of cooperative relations of participants in the military-technical cooperation, the goals and objectives of the military-technical cooperation for the effective regulation of military-technical cooperation, approaches to judicial practice. The authors substantiate the thesis that the specifics of the commission agreement in the field of military-technical cooperation implies the possibility of applying special measures of responsibility of the committents to the commission agent – the state intermediary.

***Key words*:** commission agreement, military-technical cooperation, state mediator, responsibility, penalty.

For citation: *Gabov, A.V., Laptev, V.A. (2022).* Legal nature and limits of application of penalty in commission legal relations in the field of military-technical cooperation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 75–83.

Введение

В период перехода к смешанной модели рыночной экономики в Российской Федерации более двух десятилетий назад был принят акт, регламентирующий весь комплекс правоотношений, складывающихся в области военно-технического сотрудничества – Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»[1] (далее – Закон о ВТС).

В Законе о ВТС объединены нормы, регулирующие как частноправовые, так и публично-правовые аспекты военно-технического сотрудничества, причем с очевидным преобладанием публичных элементов в отношениях последнего, что объясняется спецификой указанной области отношений – основы ее регулирования в большей степени не конституционные положения о свободе экономической деятельности, а как раз, наоборот,– те конституционные ценности и принципы, которые таковую ограничивают, а именно *оборона страны и безопасность государства*. Нормы Закона о ВТС – это реализация п. «м» ст. 71 Конституции РФ, который относит к ведению Российской Федерации вопросы *обороны и безопасности, оборонного производства, определения порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества*.

Очевидный приоритет публичных элементов понятен, если анализировать положения Закона о ВТС в части основных целей военно-технического сотрудничества (ст. 3), среди которых названы: укрепление военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира; поддержание на необходимом уровне экспортного потенциала Российской Федерации в области обычных вооружений и военной техники; развитие научно-технической и экспериментальной базы оборонных отраслей промышленности, их научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений и организаций и др. Приоритет публичных интересов проявляется и при анализе принципов осуществления военно-технического сотрудничества, среди которых приоритетность интересов Российской Федерации при осуществлении последнего, государственная монополия на деятельность в области военно-технического сотрудничества, сохранение и поддержание политических, экономических и военных интересов Российской Федерации и ряд др. (ст. 4 Закона о ВТС). Интересно, что среди средств обеспечения государственной монополии на деятельность в области военно-технического сотрудничества упоминается и *регламентирование* военно-технического сотрудничества *в соответствии с военно-политическими и экономическими интересами Российской Федерации* (ст. 4 Закона о ВТС)

Приоритет публичных интересов в области военно-технического сотрудничества предопределяет специфику:

структуры правового регулирования, где основную роль играют не дозволения, а запреты и обязывания. К примеру, решениями Президента РФ могут запрещаться или ограничиваться экспорт военной продукции в целях соблюдения национальных интересов, в частности, при обеспечении выполнения резолюций ООН (п. 3 ст. 6 Закона о ВТС);

источников регулирования: Закон о ВТС создает лишь основы регулирования; значительную же роль при таком регулировании выполняют подзаконные акты, прежде всего указы Президента РФ;

[1] См.: СЗ РФ. 1998. № 30, ст. 3610.

субъектного состава участников отношений в области военно-технического сотрудничества, где для целей обеспечения государственной монополии существует *ограниченный круг государственных посредников* – специализированных организаций, созданных по решению Президента РФ в форме федерального государственного унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, либо в форме акционерного общества, 100% акций которого находится в федеральной собственности или передано некоммерческой организации, созданной Российской Федерацией в форме государственной корпорации (ст. 12 Закона о ВТС).

К примеру, Президентом РФ в качестве государственного посредника при осуществлении внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения в целях реализации государственной политики в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами определено акционерное общество «Рособоронэкспорт»[2]; в качестве государственного посредника, обеспечивающего комплексное сервисное обслуживание российской авиационной техники, отнесенной к продукции военного назначения, определено акционерное общество «Национальная Авиационно-Сервисная Компания»[3]. Указанные государственные посредники наделены специальной правоспособностью, выражающейся в публично-правовых функциях (реализация государственной политики в сфере военно-технического сотрудничества с иностранными государствами) и праве на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения.

В соответствии с п. 13 Положения о порядке предоставления российским организациям права на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения, утвержденного Указом Президента РФ от 10 сентября 2005 г. № 1062[4], при осуществлении внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения не разрешается посредническая деятельность в любой форме российских юридических и физических лиц, за исключением государственной посреднической деятельности, осуществляемой государственными посредниками, а также посреднической деятельности управляющих компаний интегрированных структур, получивших в установленном порядке право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения, являющейся предметом производственной деятельности организаций управляющих компаний.

Отмеченная специфика непосредственным образом сказывается на те правовые средства, которыми регулируются как горизонтальные, так и вертикальные отношения в области военно-технического сотрудничества. В особенности важно то, как «преломляются» сквозь призму этой специфики общепринятые договорные конструкции, используемые участниками военно-технического сотрудничества для регулирования горизонтальных экономических отношений. Как думается, здесь недопустима односторонняя (частноправовая) оценка таких конструкций, основанная на практике (хотя и многолетней) их использования в традиционных коммерческих отношениях.

Одним из основных договоров, используемых в рамках деятельности государственных посредников в области военно-технического сотрудничества является договор комиссии. Рассмотрим то, как специфика военно-технического сотрудничества сказывается (может сказываться) на его содержании, исполнении и правовых возможностях его сторон, тем более что каких-либо доктринального характера исследований по этому вопросу не проводилось.

Договор комиссии в сфере военно-технического сотрудничества

Договор комиссии для отечественного права является традиционным институтом, посредством которого реализуются экономические интересы граждан и юридических лиц. Удобство этого договора для участников гражданских правоотношений объясняется распределением рисков между его сторонами в части обязательств перед третьими лицами, с которыми заключаются договоры через комитента: в соответствии со ст. 990 ГК РФ по договору комиссии одна сторона (комиссионер) обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента, при этом по сделке, совершенной комиссионером с третьим лицом, приобретает права и становится обязанным комиссионер, хотя бы комитент и был назван в сделке или вступил с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки. Таким образом, как отмечается в доктрине, как и в случае с договором поручения при комиссионных отношениях происходит заместительство, однако в отличие от поручения заместительство особого рода, которое выражается в том, что «сторона, на которую возлагается поручение (комиссионер)

[2] См.: Указ Президента РФ от 26.11.2007 г. № 1577 «Об открытом акционерном обществе “Рособоронэкспорт”» // СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6131.

[3] См.: Указ Президента РФ от 26.04.2021 г. № 249 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 2021. № 18, ст. 3126.

[4] См.: СЗ РФ. 2005. № 38, ст. 3800.

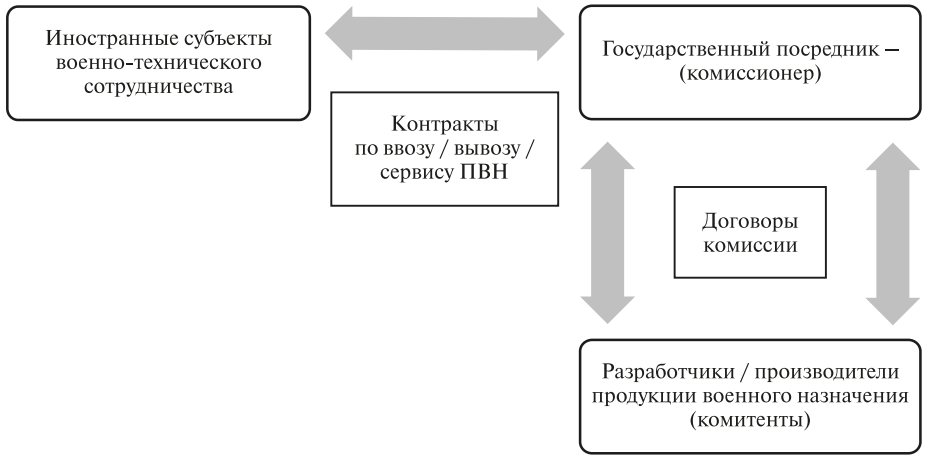

Рис. Взаимоотношение комиссионера с комитентом и заказчиками

замещает того, от кого исходит поручение (комитента), действуя от собственного имени»[5], эта же сторона – комиссионер – становится стороной сделки, а потому именно для нее возникают права и обязанности из нее.

Для отношений в сфере ВТС использование договора комиссии является традиционным. Схематично взаимодействие выглядит следующим образом *(рис.)*.

Эта схема описывает следующие основные элементы военно-технического сотрудничества: контракт с иностранным заказчиком заключает государственный посредник за счет разработчика / производителя; право собственности на продукцию военного назначения переходит от разработчика / производителя непосредственно к иностранному заказчику; расчеты за поставленную продукцию военного назначения с производителями производятся комиссионером после получения валютной выручки от иностранного заказчика.

Как видно из приведенной схемы, договор комиссии используется для регулирования внутренних отношений между государственным посредником и разработчиками или производителями продукции военного назначения. Интересно, что жесткого правила, установленного нормативным актом, о том, что между указанными лицами используется именно указанный договор (комиссии), нет. Если говорить о нормативной составляющей, то можно указать на положения п. 3 Указа Президента РФ от 18 января 2007 г. № 54 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»[6] и п. 1 Указа Президента РФ от 26 апреля 2021 г. № 249 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»[7], где указывается на возможность использования договора комиссии, когда говорится о некоторых специальных условиях, которые подлежат включению в него («государственный посредник *при заключении договоров комиссии* с организациями – разработчиками и производителями продукции военного назначения включает в них положение, предусматривающее...»).

Законодательство не предусматривает использование примерного договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества, равно не предусматривается и перечня существенных и иных условий такого договора. Тем не менее следует констатировать, что договор комиссии, используемый в сфере военно-технического сотрудничества, обладает существенной спецификой по сравнению с договором комиссии, используемым в обычной коммерческой практике. Отмеченная специфика сферы военно-технического сотрудничества, несомненно, влечет не только (а часто и не столько) приспособление договорной конструкции комиссии под специфику отношений, но практически создание специального вида договора комиссии, о возможности существования которого прямо указывает ст. 990 ГК РФ: законом и иными правовыми актами *могут быть предусмотрены особенности отдельных видов договора комиссии*.

Особенности договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества как отдельного

[5] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. доп., испр. М., 2002. С. 403 (автор главы – *М. И. Брагинский*).

[6] См.: СЗ РФ. 2007. № 4, ст. 492.

[7] См.: СЗ РФ. 2021. № 18, ст. 3126.

вида договора комиссии, исходя из указанной выше специфики, могут состоять в следующем: особенностях заключения договора; в содержание *могут «встраиваться» элементы, которые в обычных коммерческих отношениях его содержание не составляют*, включая наделение одной из сторон договора – государственного посредника – *отдельными полномочиями публичного характера*; появляются различные модусы в процессе *исполнения обязательств*, возникших из договора комиссии.

Важно, однако, понимать, что специфика отношений в сфере военно-технического сотрудничества порождает эти особенности через трансформацию интересов сторон договора комиссии. Традиционно (и справедливо) считается, что для третьего лица и комитента договор комиссии представляет интерес в силу того, что «контрагентом третьего лица становится обычно профессиональный участник рынка»[8], т.е., лицо, априори обладающее необходимыми: компетенцией, финансовыми возможностями (или доступом к финансированию, необходимым для исполнения обязательств), деловой репутацией и пр., тем более что при комиссионных отношениях комитент снимает с себя множество рисков; для комиссионера традиционно интерес формулируется предельно просто: выгода[9]. Иными словами, одно лицо снимает с себя определенные риски, перекладывая их на второе лицо, за что платит ему – второму лицу – необходимое вознаграждение.

Совершенно по-иному выглядит комбинация интересов в договоре комиссии в сфере военно-технического сотрудничества. Во-первых, комитент здесь не выбирает контрагента – принцип свободы договора ограничен здесь принципом государственной политики в сфере военно-технического сотрудничества – государственной монополией: комитент действует через государственного посредника и иного выбора не имеет.

Во-вторых, государственный посредник реализует не только (а чаще и не столько) свой частный интерес – получить выгоду – сколько интерес публичный. Это и предполагает возможность наличия у государственного посредника таких правовых возможностей, которых нет (и не может быть в принципе) у обычного комиссионера, а также специфику содержания самого договора.

В качестве примера специфики содержания договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества приведем:

п. 20.1 Положения о порядке осуществления военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, утвержденного Указом Президента РФ от 10 сентября 2005 г. № 1062[10], в соответствии с которым установлено, что заключаемые субъектами военно-технического сотрудничества договоры с российскими организациями – разработчиками и производителями продукции военного назначения должны предусматривать положения, касающиеся обеспечения комплексного сервисного обслуживания поставляемой иностранным заказчикам продукции военного назначения, в том числе в случае прекращения производства запасных частей, агрегатов, узлов, приборов, комплектующих изделий и специального, учебного и вспомогательного имущества, необходимых для обеспечения ее эксплуатации, и положения, касающиеся определения условий использования результатов интеллектуальной деятельности, передаваемых иностранным заказчикам, и (или) обеспечения их правовой охраны;

правила, установленные п. 3 Указа Президента РФ от 18 января 2007 г. № 54 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» и п. 1 Указа Президента РФ от 26 апреля 2021 г. № 249 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»: государственный посредник при заключении договоров комиссии с организациями – разработчиками и производителями продукции военного назначения включает в них *положение, предусматривающее обязанность указанных организаций направлять средства в размере разницы между ценой контракта, заключаемого государственным посредником с иностранным заказчиком, и ценой договора комиссии (с учетом расходов, связанных с поставкой продукции военного назначения иностранным заказчикам) на финансирование перспективных разработок вооружения и военной техники и увеличения объемов выпускаемой продукции военного назначения*.

Как видно из последнего примера, государство обязывает через договор комиссии в сфере военно-технического сотрудничества ограничивать направления использования денежных средств, получаемых комитентом от исполнения сделок, совершенных комиссионером с целью обеспечения развития оборонно-промышленного комплекса, а в конечном счете с целью поддержания обороноспособности государства в перспективе на должном уровне. Представить такую норму в обычно договоре комиссии невозможно, в сфере же военно-технического сотрудничества такая договорная норма – это обязательное условие.

Отметим специфику исполнения обязательств из договора с иностранным заказчиком: она

[8] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 407.

[9] См.: там же. С. 408.

[10] См.: СЗ РФ. 2005. № 38, ст. 3800.

состоит в том, что оно (исполнение) осуществляются непосредственно государственным посредником как субъектом военно-технического сотрудничества, однако такое исполнение зависит от своевременного исполнения обязательств перед комиссионером со стороны разработчиков / поставщиков продукции военного назначения; при этом права и обязанности по такому договору не могут быть переданы лицам, не наделенными правом исполнения контрактных обязательств перед иностранным заказчиком.

Приведенные особенности структуры интересов участников комиссионных отношений в сфере военно-технического сотрудничества могут быть основой для появления в договоре комиссии положений (условий), направленных на реализацию конституционных положений п. «м» ст. 71 Конституции РФ. К примеру, в части осуществления государственным посредником определенных контрольных функций в отношении комитентов, а также специфических мер воздействия со стороны комиссионера в отношении комитентов, направленных на своевременное исполнения комитентами своих обязательств. Такие условия видятся вполне допустимыми в силу того, что нарушение сроков поставки продукции военного назначения не является только частным случаем нарушения обязательств, а влияет как на деловую репутацию государственного посредника, а так и на имидж Российской Федерации в целом как государства – поставщика продукции военного назначения.

Неустойка как условие договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества

Рассмотрим вопрос об условиях договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества, которые определяют меры юридического воздействия комиссионера – государственного посредника – на поведение своих контрагентов – комитентов (разработчиков и производителей продукции военного назначения) в целях дисциплинирования последних к добросовестному и своевременному выполнению принятых на себя обязательств, включая сроки и порядок их исполнения.

К числу наиболее эффективных мер может быть отнесена неустойка. История происхождения неустойки как штрафа за нарушение договорных обязательств или заранее оцененные убытки, а также средство защиты кредитора[11] свидетельствует о ее универсальном характере применения как меры ответственности в любых правоотношениях. Применение неустойки (штрафа, пени) возможно в качестве средства контроля исполнения и денежного, и неденежного обязательства (исполнение обязательства в натуре).

Важно учитывать правило о письменной форме соглашения о неустойке, которое может отражаться как в «теле» основного договора, так и оформляться отдельным документом. Более того, встречаются случаи заключения соглашения о неустойке в отсутствии письменного основного обязательства (п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[12]). На практике соглашение о неустойке чаще всего является частью основного договора, поскольку ее применение связано с оценкой добросовестного и своевременного исполнения конкретных обязательств по сделке.

Неустойка, порядок применения которой подробно разъяснен в п. 60–68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[13], – это, как думается, удобный инструмент для снятия рисков в отношениях участников военно-технического сотрудничества: с одной стороны, неустойка носит дисциплинирующий характер для комитента, с другой – в ней есть потенциал для компенсации потерь комиссионера от неисполнения обязательств со стороны комитентов.

При рассмотрении возможности использования неустойки в комиссионных отношениях в сфере военно-технического сотрудничества возникают два ключевых вопроса:

вправе ли комиссионер и комитент включать в договор комиссии условия о неустойке как форме ответственности комитента перед комиссионером, причем как обычных коммерческих отношениях, так и при специальных случаях комиссии, включая сферу военно-технического сотрудничества;

если ответ на первый вопрос положительный, то за какие нарушения и какие виды неустойки могут быть включены в договор комиссии в сфере военно-технического сотрудничества?

При ответе на первый вопрос следует обратить внимание на давнее судебное решение – Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 5560/95, где был сформулирован подход, согласно которому

[11] Подробнее см.: *Карапетов А.Г.* Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2006; *Литаренко Н.В.* Неустойка как форма ответственности в международном коммерческом обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; и др.

[12] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[13] См.: там же.

стороны ограничены в возможности закрепить в договоре комиссии условия о неустойке, уплачиваемой комитентами за нарушение обязательств, в частности недопоставку продукции третьим лица или отказ от исполнения договора. М.И. Брагинский комментировал этот подход, ссылаясь на ст. 1001 ГК РФ, регулирующую вопросы возмещения комитентом комиссионеру сумм, которые комиссионер израсходовал, следующим образом: «В состав сумм, о которых идет речь, входит и все то, что пришлось уплатить третьему лицу комиссионеру в связи с неисполнением обязательства по заключенной им сделке. К обстоятельствам, зависящим от комитента, относятся суммы, которые комиссионер не выплатил вовремя третьему лицу (например, стоимость приобретенных для комитента товаров) из-за того, что необходимую для этого сумму тот не перечислил. Вместе с тем, это отнюдь не означает существования у комитента самостоятельной обязанности исполнять обязательства, принятые на себя комиссионером, перед третьим лицом»[14]. Именно поэтому, как отметил М.И. Брагинский, Высший Арбитражный Суд РФ и признал, что включение в договор комиссии неустойки за недопоставку продукции третьему лицу не может служить способом обеспечения обязательств комитента перед комиссионером[15].

Как представляется, данное решение не следует понимать в том значении, что комиссионер и комитент вообще не могут включать в договор комиссии условия о неустойке ни в обычных коммерческих отношениях, ни уж тем более в специальных сферах, включая военно-техническое сотрудничество. Положения Гражданского кодекса РФ в действующей его редакции позволяют применять любые экономико-правовые инструменты побуждения хозяйствующих субъектов к исполнению обязательств в том виде, в котором такое надлежащее и добросовестное исполнение признается складывающейся деловой практикой. Излишнее формальное восприятие закрепленных в Гражданском кодексе РФ договорных конструкций не позволяет их развивать и адаптировать к постоянно развивающимся и качественно меняющимся экономическим отношениям. Провозглашение в конституционных основах законодательства применение рыночных механизмов экономики и конкурентная среда обеспечиваются не только «экономическими свободами», но и публично-правовыми мерами воздействия на участников рынка, в том числе посредством деятельности публичных органов и закрепления меры ответственности. Полагаем, что даже применительно к описанным в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 5560/95 обстоятельствам установление неустойки было правомерно, если рассматривать ее не как способ обеспечения обязательства, а как ответственность, в силу того что неисполнение комитентом обязательств перед третьим лицом приводит к негативным последствиям для деловой репутации комиссионера.

Для сферы военно-технического сотрудничества возможность использования неустойки усиливается еще и тем обстоятельством, что помимо негативных последствий для комиссионера (государственного посредника), неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательств комитента влечет не только ущерб его деловой репутации, но и негативно сказывается на имидже государства – Российской Федерации.

С учетом изложенного можно ответить и на второй вопрос: неустойка может выступать эффективным средством компенсации не только потерь, которые возникли из претензий иностранного заказчика (взыскание с комитентов (разработчиков/производителей,) неустойки, которая была заявлена либо взыскана иностранными заказчиками), но и средством компенсации иных потерь комиссионера (в том числе в будущем), а именно умаления деловой репутации. Однако следует пойти и дальше: учитывая, что государственный посредник реализует не только свой частный интерес, но и обеспечивает реализацию публичных (государственных) интересов, очевидно, что видов нарушений, ответственность за которые может устанавливаться в виде неустойки, может быть весьма значительное количество, ибо несвоевременное исполнение обязательств по поставке продукции военного назначения наносит прямой вред имиджу России в целом. Следует исходить из того, что одна из основных целей деятельности государственного посредника – это надлежащее исполнения обязательств по поставке продукции военного назначения иностранному заказчику в целях укрепления военно-политических позиций российского государства в различных регионах мира – это в полной мере соответствует целям военно-технического сотрудничества и принципам государственной политики в указанной сфере, установленным ст. 3, 4 Закона о ВТС и иными актами[16].

В силу этого неустойка (которая может быть установлена в виде штрафа или пени) может

[14] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 457, 458.

[15] См.: там же. С. 458.

[16] К примеру, Морской доктриной Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.07.2022 г. № 512 (п. 56), в числе приоритетов национальной морской политики на Атлантическом региональном направлении в Средиземном море названо «развитие... военно-технического сотрудничества с государствами Средиземноморского бассейна» (см.: Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru, 31.07.2022).

устанавливаться в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) следующих обязательств комитента по договору комиссии в сфере военно-технического сотрудничества: нарушение сроков исполнения обязательств, с которыми связано исполнение обязательств комиссионера – государственного посредника по контрактам с иностранными заказчиками; нецелевое использование авансовых средств, поступающих от иностранных заказчиков по контрактам; непредоставление или несвоевременное предоставление информации комиссионеру о готовности продукции военного назначения к отгрузке; нарушение срока передачи указанной продукции иностранному заказчику; и т.д.

Исходя из отмеченной специфики сферы военно-технического сотрудничества (цели и принципы государственной политики в сфере военно-технического сотрудничества), основным видом нарушения, за которое может и должна устанавливаться неустойка, является *просрочка исполнения обязательств по стороны комитента по изготовлению и поставке продукции военного назначения*. Такая неустойка может быть установлена в виде пени, причем, опять же, учитывая специфику сферы военно-технического сотрудничества, разумным и правильным видится установление размера пени и порядка ее начисления непосредственно нормативным актом, т.е. установление законной неустойки.

Специфика отношений в сфере военно-технического сотрудничества позволяет урегулировать данный вопрос вполне исчерпывающим образом в Законе о ВТС или подзаконных актах. Для реализации соответствующих правовых решений через подзаконные акты надо учитывать положения ст. 12 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 15 статьи 5 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” и отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с принятием Федерального закона “Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг”»[17], в соответствии с которой *особенности правового положения хозяйственных обществ в отдельных сферах деятельности, включая совершение сделок, в исключительных случаях могут устанавливаться Президентом РФ*. Данная норма, очевидно, направлено на создание гибких механизмов регулирования; она может быть использована для сферы военно-технического сотрудничества.

[17] См.: СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3400.

Выводы и предложения

Проведенное исследование позволяет утверждать, что имеет место значительная специфика договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества, которая определяется, в свою очередь, спецификой отношений в этой сфере (длящийся характер исполнения обязательств, не ограничивающийся фактом заключения комиссионером сделки с третьим лицом, государственная монополия и проч.), а также той иерархией интересов, которые реализуются сторонами договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества.

Эта специфика дает основание для выводов о том, что и содержание договора комиссии в сфере военно-технического сотрудничества, и порядок его исполнения, и правовые возможности сторон могут значительно отличаться от обычного договора комиссии (в обычных коммерческих отношениях).

Государственный посредник, в силу указанной специфики может наделяться нормативными актами (и договором на основании нормативных положений) полномочиями контрольного характера, которые обеспечивают надлежащее исполнение обязательств по поставке иностранному заказчику продукции военного назначения в целях, в конечном счете – укрепления военно-политических позиций Российского государства в различных регионах мира. Контрольные полномочия государственного посредника (за исполнением комитентами и их контрагентами – разработчиками / производителями продукции военного назначения) можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны, как правовое средство обеспечения своих собственных законных интересов как стороны договора комиссии[18], с другой – как полномочие публичного характера для обеспечения интересов российского государства в сфере военно-технического сотрудничества.

Наличие цели надлежащего исполнения обязательств по поставке иностранному заказчику продукции военного назначения, возможность осуществления государственным посредником-комиссионером контрольных полномочий должно обеспечиваться ответственностью комитента: договор комиссии в сфере военно-технического сотрудничества может (и должен) включать случаи неисполнения обязательств со стороны комитента, наступление которых

[18] Подобного рода цели контроля участников относительных гражданско-правовых отношений признаются и в научных исследованиях (к примеру, см.: *Крохина М.С.* Контрольные полномочия участников относительных гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. С. 9; и др.).

может влечь наступление ответственности перед комиссионером в форме неустойки.

Соответствующее регулирование может быть установлено актами Президента РФ, при этом, как представляется, в идеальном варианте соответствующие положения необходимо закрепить со временем в Законе о ВТС. Кроме того, полагаем, что вопрос об установлении неустойки в комиссионных отношениях требует более системного регулирования в целом в Гражданском кодексе РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. доп., испр. М., 2002. С. 403, 407, 408, 457, 458.
2. *Карапетов А.Г.* Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2006.
3. *Крохина М.С.* Контрольные полномочия участников относительных гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. С. 9.
4. *Литаренко Н.В.* Неустойка как форма ответственности в международном коммерческом обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

REFERENCES

1. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contract law. Book Three: Contracts for the performance of works and the provision of services. Ed. add., rev. M., 2002. P. 403, 407, 408, 457, 458 (in Russ.).
2. *Karapetov A.G.* Penalty as a means of protecting the credit's rights in Russian and foreign law. M., 2006 (in Russ.).
3. *Krokhina M.S.* Control powers of participants in relative civil legal relations: abstract ... PhD in Law. Vladivostok, 2022. P. 9 (in Russ.).
4. *Litarenko N.V.* Penalty as a form of liability in international commercial turnover: dis. ... PhD in Law. M., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГАБОВ Андрей Владимирович –
доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета; 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ЛАПТЕВ Василий Андреевич –
доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

GABOV Andrey V. –
Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Sector the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Scientific Supervisor of the Law Institute of the Belgorod State National Research University; 85 Pobedy str., 308015 Belgorod, Russia

LAPTEV Vasiliy A. –
Doctor of Law, Judge of the Moscow Arbitration Court, chief researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 84–93
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 84–93

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.14
ББК 67.410.2

ПРИОБЩЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДА

© 2022 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 19.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрена сущность приобщения доказательств к уголовному делу как одного из одного из достаточно распространенных в правоприменительной практике органов предварительного расследования и суда.
Методологически отталкиваясь от дифференцированного подхода к уголовно-процессуальным алгоритмам накопления доказательственного материала, автор увязывает смысл приобщения доказательств с потребностью в юридической легализации предметов и документов, поступающих в орган предварительного расследования или суд в качестве готовых информационных продуктов.
В этой связи в статье формулируется вывод о невозможности понимания категории «приобщение доказательств к уголовному делу» как сугубо технического приема, то есть о необходимости ее толкования как одной из форм реализации дискреционных полномочий властных участников уголовного судопроизводства, обусловливающих наделение соответствующих объектов юридической силой и способностью к использованию для обоснования приговоров либо других правоприменительных актов.

Ключевые слова: вещественные доказательства, доказательства, заключение специалиста, иные документы, истребование доказательств, представление доказательств, приобщение доказательств, собирание доказательств, средства доказывания, формирование доказательств.

Цитирование: *Россинский С. Б.* Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 84–93.

DOI: 10.31857/S102694520022225-8

INCLUSION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE STATE-GOVERNMENTAL POWERS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND COURT BODIES

© 2022 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 19.04.2022

Abstract. The article examines the essence of inclusion of evidence in a criminal case as one of quite common law enforcement practice of the bodies of preliminary investigation and court.
Methodologically, starting from a differentiated approach to criminal procedural algorithms for accumulation of evidentiary material, the author associates the meaning of inclusion of evidence with the need for legalization of objects and documents received by a preliminary investigation body or a court as ready-made information productes.
In this regard, the article concludes that it is impossible to understand the category of "inclusion of evidence in a criminal case" as a purely technical device, that is, there is a need for its interpretation as one of the forms of exercising discretionary powers of authorised participants in criminal proceedings predetermining the endowment of relevant objects with the legal force and the ability to be used to justify convictions or other law enforcement acts.

Key words: physical evidence, evidence, expert opinion, other documents, disclosure of evidence, presentation of evidence, inclusion of evidence, collection of evidence, means of proof, formation of evidence.

For citation: *Rossinskiy, S.B. (2022).* Inclusion of evidence in a criminal case as a form of implementation of the state-governmental powers of the preliminary investigation and court bodies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 84–93.

Проблемы уголовно-процессуального доказывания традиционно характеризуются особой актуальностью, в связи с чем привлекают повышенное внимание ученых, практических работников и других специалистов, являясь предметов бурной полемики. И здесь нет ничего необычного, поскольку механизмы доказывания, с одной стороны, предполагают наиболее обширную зону применения, тесно переплетены с назначением и принципами уголовного судопроизводства, с полномочиями и правомочиями участвующих в нем лиц[1], а с другой – основы на имеющих естественное происхождение и независящих от искусственно созданных юридических норм и правил способностей человека к познанию окружающего мира и логическому мышлению.

В частности, представляет интерес феномен приобщения доказательств к уголовному делу – один из достаточно распространенных в правоприменительной практике приемов работы органов предварительного расследования и суда. Правда, на первый взгляд сущность и содержание этого приема более чем очевидны, не подразумевают никакой актуальности, не заслуживает пристального внимания, не достойны стать предметом научного исследования. Любой практический работник, ни минуты не раздумывая, скажет, что под приобщением доказательств надлежит понимать некие действия по включению предмета или документа, попавшего в зону внимания органа предварительного расследования либо суда, в общий массив материалов уголовного дела в целях дальнейшего использования как одного из средств процессуального доказывания. Тем более что такое понимание напрямую вытекает из сематического толкования термина «приобщить». Филологи обычно рассматривают его в качестве синонима термина «присоединить», но подлежащего употреблению в официальном контексте, например, в связи с включением некоего документа в некое дело[2].

По всей видимости, именно по этой причине, ученые-процессуалисты никогда не проявляли к данным проблемам особого интереса, никогда не ставили их во главу угла своих исследований – указанные вопросы обычно освещались и продолжают освещаться лишь вскользь, достаточно фрагментарно и зачастую посредством пересказа соответствующих положений закона, например, регламентирующих порядок работы с вещественными доказательствами. Во всяком случае автору настоящей статьи не известны какие-либо серьезные научные публикации, посвященные комплексному рассмотрению феномена приобщения доказательств к уголовному делу.

Однако при более глубоком осмыслении тонкостей уголовно-процессуальной доктрины и хитросплетений правоприменительной практики такое представление о сущности и содержании приобщения доказательств к уголовному делу начинает казаться весьма легковесным, поверхностным и одновременно упирающимся в никем неразрешенные противоречия. Например, не совсем понятно, почему для признания предмета вещественным доказательством и его приобщения к уголовному делу предусмотрена достаточно четкая юридическая процедура (ч. 2 ст. 81 УПК РФ), тогда как в части введения в уголовный процесс других средств доказывания (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной или административной деятельности) подобная формализация отсутствует: применительно к судебному

[1] См.: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 41; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 5; *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М., 2010. С. 122.

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 596.

разбирательству существует лишь не вполне конкретное правило о возможности приобщения неких документов к уголовному делу на основании определения или постановления суда (ст. 286 УПК РФ), а для досудебного производства какие-либо юридические правила вовсе не установлены – указанные носители информации фактически попадают в сферу уголовно-процессуального регулирования путем технического подшивания к материалам дела.

К чему же сводится феномен приобщения доказательств к уголовному делу: к полноценным процессуальным правоотношениям, предполагающим реализацию государственно-властных полномочий дознавателя (органа дознания), следователя, суда или к умелому использованию технических навыков по надлежащему сшиванию документов, которыми за пару дней способен овладеть любой студент, направленный в орган предварительного расследования или суд для прохождения ознакомительной или учебной практики? К сожалению, существующие научные публикации не позволяют получить ясный ответ на постановленный вопрос и сформировать четкое представление о сущности и содержании приобщения доказательств к уголовному делу.

Каких-либо разъяснений по данному поводу нельзя найти и в положениях уголовно-процессуального права. Законодатель вообще достаточно бесцеремонно обращается с суммарно употребленными в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ более 50 раз (!) терминами «приобщение», «приобщаются» «приобщенный». Применительно к различным уголовно-процессуальным правоотношениям, указанные термины используются для обозначения совершенно разных по характеру и содержанию фрагментов деятельности органов предварительного расследования и суда, причем далеко не всегда связанных с введением в уголовное дело носителей доказательственной информации.

Особую остроту этот вопрос приобретает на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, где проблемы доказывания вызывают наибольшее количество доктринальных противоречий и практических трудностей. Ведь ввиду целого ряда причин действующее законодательство, с одной стороны наделяет дознавателя и следователя юрисдикционными (судебно-следственными) полномочиями по собиранию полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе, доказательствам, полученным в ходе судебного заседания, а с другой – относит досудебное производство к ве́дению органов исполнительной власти[3] (должностных лиц) полицейского либо параполицейского типа[4], осуществляющих свою деятельность преимущественно посредством камеральных (кабинетных), то есть скрытых от «публики» процедур. Однако и в части судебного разбирательства данный вопрос тоже не подразумевает особой ясности. По крайней мере диспозиция упомянутой ст. 286 УПК РФ предусматривает лишь право суда исследовать и приобщать к материалам уголовного дела некие представленные или истребованные документы на основании соответствующего постановления (определения), не раскрывая ни сущности, ни содержания этих судебных действий.

Конечно, практические работники не очень обеспокоены указанными неясностями и противоречиями; в подавляющем большинстве случаев данные доктринальные и нормативно-правовые изъяны вообще остаются незамеченными. Ведь существующие и вроде бы вполне пригодные для работы правила и прикладные технологии приобщения к уголовному делу различных носителей доказательственной информации воспринимаются дознавателями, следователями, прокурорами, судьями как само собой разумеющиеся – именно так их учили в образовательных организациях, а после выхода на работу наставляли более опытные сослуживцы и коллеги. Любой среднестатистический представитель органов предварительного расследования осведомлен, что документы надлежит приобщать к уголовному делу путем простого подшивания, а вещественные доказательства – посредством вынесения специального постановления. Любой судья, удовлетворяя ходатайство стороны, представившей заключение специалиста либо иной документ, обяжет своего секретаря зафиксировать в протоколе судебного заседания краткую резолюцию: «приобщить», тогда как, принимая аналогичное решение в части вещественного доказательства, поручит написать: «признать и приобщить».

Вместе с тем проблемы, сопряженные с сущностностью приобщения доказательств к уголовному делу, видятся гораздо более сложными, по крайней мере по сравнению с тем, каковыми они представляются лицам, глубоко не погруженным в тонкости современной теории процессуального доказывания, особенно в контексте ее отражения

---

[3] В этой связи необходимо обратить внимание, что Следственный комитет РФ, формально не являясь органом исполнительной власти, фактически представляет собой типичный правоохранительный орган полицейского типа, типичное «силовое» ведомство (подробнее см.: *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64; *Миликова А.В., Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия. М., 2021. С. 18).

[4] Под должностными лицами параполицейского типа автор настоящей статьи понимает капитанов судов, находящихся в дальнем плавании, глав дипломатических представительств РФ, командиров воинских частей и тому подобных субъектов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в условиях удаленности от «большой земли».

в положениях действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ. В этой связи разумно вспомнить о существующей научной дискуссии, ведущейся по поводу единства и дифференциации алгоритмов собирания доказательств как первого этапа процесса доказывания по уголовному делу, состоящего в накоплении и процессуальной легализации (процессуализации) полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию при обосновании приговоров или иных правоприменительных решений органов дознания, предварительного следствия либо суда.

Так, многие нынешние ученые-процессуалисты придерживаются мнения о предполагающем процедурные варианты и оттенки (различные следственные и судебные действия, судебные экспертизы и пр.), но в целом все же едином алгоритме осуществления первого этапа доказывания – *формировании доказательств*. Под ним понимается совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом познавательно-удостоверительных приемов работы дознавателя, следователя, суда, направленных на выявление представляющей интерес для уголовного дела информации и ее преобразование в один из видов доказательств, например, в показания обвиняемого или свидетеля, в протокол осмотра или обыска и т.д. Иными словами, формирование доказательства – это *создание посредством процессуальной формы* нового, отвечающего требованиям закона и, следовательно, пригодного к дальнейшему использованию по назначению (допустимого) информационного продукта.

Возникнув в начале в 1960-х годов[5], подобные идеи получили надлежащее методологическое обоснование и были развиты до уровня четкой научной концепции в ряде публикаций С.А. Шейфера, по праву считающегося «отцом» теории формирования доказательств. Автором было приведено множество доводов и аргументов, свидетельствующих о возможности собирания доказательств лишь в ходе предполагающих строгую процессуальную форму следственных (иных процессуальных) действий, т.е. не иначе, как путем формирования[6]. В настоящее время «шейферовский» подход к собиранию доказательств благодаря стараниям его последователей достаточно глубоко укоренился в доктрине и уже воспринимается многими авторами как само собой разумеющийся[7].

Будучи подверженным большому влиянию проф. С.А. Шейфера, автор настоящей статьи ранее также активно поддерживал идеи о формировании доказательств как о едином процессуальном алгоритме осуществления первого этапа доказывания по уголовному делу. Вместе с тем итоги дальнейших изысканий в этом направлении предопределили понимание некоторой ограниченности «шейферовской» концепции, невозможности применения ее положений к механизмам собирания всех без исключения средств уголовно-процессуального доказывания. Идеи о возникновении новых информационных продуктов посредством собственной познавательно-удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда по-прежнему воспринимаются как совершенно справедливые и разумные, но при этом стали представляться далеко не универсальными, подходящими не для всех, а только для некоторых доказательств: различных видов показаний, заключений эксперта, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как в части собирания других средств доказывания: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также активно используемых в правоприменительной практике результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти – «шейферовская» концепция оказалась неприемлемой. Указанные предметы или документы возникают вне уголовно-процессуальных правоотношений, создаются не посредством каких-то предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ познавательно-удостоверительных манипуляций, следовательно, процессуальному формированию не подлежат и подлежать не могут.

Для большей убедительности высказанного тезиса необходимо обратить особое внимание, что уголовно-процессуальную форму, равно как и производную от нее категорию «формирование» ни в коем случае нельзя увязывать лишь с простым упоминанием в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ того или иного объекта, в том числе источника полезной информации (вещественного доказательства, иного документа и пр.), периодически попадающего в зону внимания органов предварительного расследования либо суда. Хотя, к сожалению, именно так и рассуждают многие ученые-процессуалисты, что приводит к возникновению

[5] См., напр.: *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 78; *Дорохов В.Я.* Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9. С. 113.

[6] См., напр.: *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1972. С. 7, 15, 16; *Его же.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 11; *Его же.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 33, 34.

[7] См., напр.: *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 124; *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 11.

совершенно беспочвенных дискуссий. Уголовно-процессуальной формой надлежит признавать только *установленный законом и обремененный рядом юридических гарантий порядок* (совокупность процедурных условий) проведения какого-либо действия, направленного на получение (читай, на формирование) соответствующего результата, в частности нового информационного продукта[8].

При этом уголовно-процессуальный закон не регламентирует и в силу понятных причин не должен регламентировать (!) порядок изготовления иных документов (например, исходящих от «третьих лиц» выписок справок, характеристик и т.п.), заключений специалиста, материалов оперативно-розыскной или административной деятельности органов исполнительной власти. Еще более странным было бы встретить в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ правила, определяющие порядок изготовления какого-либо предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством. Другими словами, такие предметы и документы не формируются, а вводятся в уголовный процесс как уже готовые информационные продукты, т.е. в качестве не «сырья» или «полуфабрикатов», а пригодных к использованию «изделий». Они поступают в орган предварительного расследования или суд посредством достаточно простых, не предполагающих формализации технических способов (представления, истребования, изъятия), после чего приобщаются к уголовному делу либо не приобщаются – в случае невозможности или бессмысленности их дальнейшего использования в качестве доказательств[9].

К слову, в своих выводах о невозможности применения «шейферовской» концепции формирования доказательств ко всем без исключения средствам доказывания автор настоящей статьи далеко не одинок, а располагает достаточно авторитетными научными союзниками. В частности, аналогичную позицию последовательно отстаивает проф. В.А. Лазарева[10]. Правда, для обоснования данной точки зрения она использует несколько иные и, как представляется, не вполне состоятельные доводы и аргументы, в первую очередь, связывает снижение роли механизмов следственно-судебного формирования доказательств с внедрением в российский уголовный процесс принципа состязательности, предопределяющего равные возможности сторон и допуск к активному участию в собирании и представлении доказательств невластных субъектов[11]. Однако в целом выражаемый В.А. Лазаревой дифференцированный подход к алгоритмам накопления дознавателем, следователем, судом различных средств уголовно-процессуального доказывания является правильным. Близкую по смыслу точку зрения в части использования в доказывании материалов, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности, можно встретить в публикациях М.П. Полякова[12], А.Е. Вытовтова[13] и других ученых.

Таким образом, в уголовно-процессуальной науке постепенно формируется *обновленная концепция собирания доказательств*, основанная на *дифференциации алгоритмов накопления полезной информации*, подлежащий дальнейшему использованию для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания и последующего обоснования правоприменительных решений. Эта концепция предполагает методологическое разграничение: а) *усложненных приемов формирования новых информационных продуктов* в ходе обремененной требованиями процессуальной формы собственной познавательно-удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда или эксперта и б) *упрощенных приемов получения и введения в уголовный процесс (процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных правоотношений предметов или документов*, поступающих в орган предварительного расследования или суд в состоянии фактической готовности к употреблению.

Последние, т.е. упрощенные приемы работы дознавателя, следователя, суда, сводящиеся к получению и процессуализации готовых информационных продуктов (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти), как раз и выражают основной смысл того самого

---

[8] Более подробно об уголовно-процессуальной форме см., напр.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 51; *Шпилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102, 103; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1979. С. 16; *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы росс. права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 75.

[9] См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 88–92.

[10] См., напр.: *Лазарева В.А.* Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 56–61; *Ее же.* Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87.

[11] Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского ун-та. 2021. Т. 7. № 3. С. 67–71.

[12] См.: *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. С. 220.

[13] См.: *Вытовтов А.Е.* Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. С. 87.

феномена, который в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике принято называть приобщением доказательств. Поэтому автор настоящей статьи, вступая в полемику с С.А. Шейфером и его сторонниками, уже неоднократно писал о существовании двух параллельных процессуальных алгоритмов: 1) *формирования доказательств* и 2) *приобщения доказательств к уголовному делу*[14].

Представляется, что предложенный дифференцированный подход к осуществлению первого этапа доказывания наилучшим образом демонстрирует всю легковесность и поверхностность традиционного представления о феномене приобщения доказательств к уголовному делу как о само-собой разумеющемся и на первый взгляд очевидном для каждого фрагменте работы органов предвари-

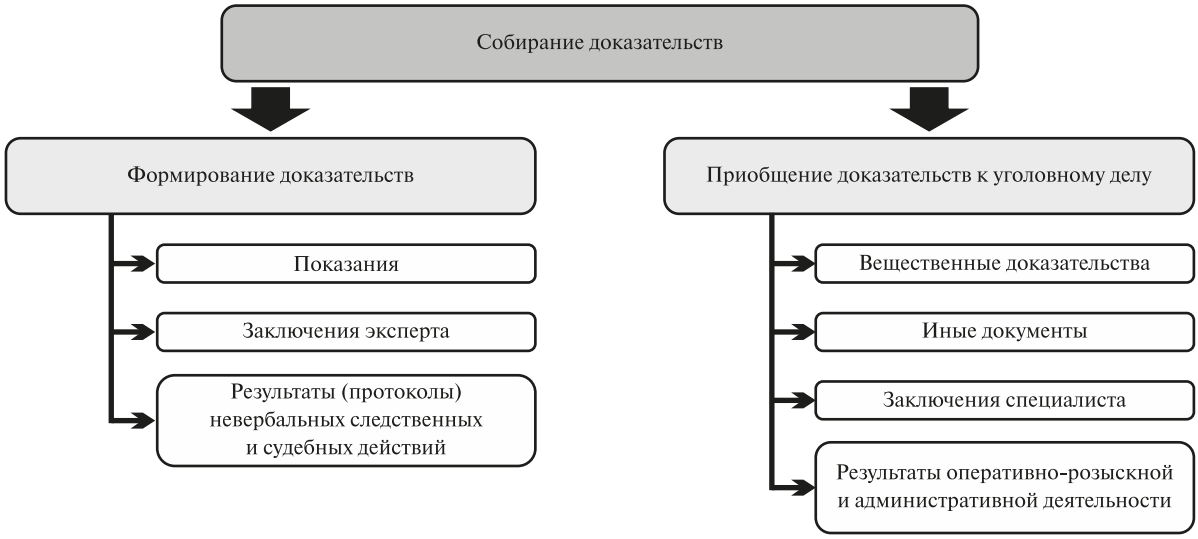

Рис. 1. Собирание доказательств

Рис. 2. Унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу

[14] См., напр.: *Россинский С.Б.* Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 3. С. 99.

тельного расследования и суда. Он обусловливает возможность уразумения всей глубины указанной научной проблематики, отчетливого распознания

незаметных для плохо натренированного глаза серьезных теоретических пробелов, приводящих к существенным недостаткам в нормативно-правовом регулировании работы с доказательствами и предопределённых ими грубым ошибкам, допускаемым в правоприменительной практике.

Вместе с тем этот же подход одновременно позволяет найти весьма простой и понятный ключ к решению указанных проблем – он буквально выталкивает на поверхность потребность в надлежащей процессуальной регламентации незаслуженно обделенных вниманием законодателя процедур приобщения к уголовному делу ряда носителей полезных сведений, попадающих в распоряжение органов предварительного расследования либо суда в качестве готовых информационных продуктов. Будучи направленным на процессуальную легализацию (на процессуализацию) представленных, истребованных, изъятых предметов или документов в целях дальнейшего использования в качестве полноценных (допустимых) средств доказывания, их приобщение к уголовному делу никоим образом не может толковаться как совокупность сугубо технических приемов, состоящих в подшивании документов или помещении предметов в специально оборудованную камеру хранения вещественных доказательств. Приобщение доказательств надлежит рассматривать не иначе как одну из форм реализации дискреционных полномочий властных участников уголовного судопроизводства, обуславливающих наделение соответствующих объектов юридической силой и способностью к употреблению для обоснования приговоров либо других правоприменительных актов. Именно посредством рационального использования таких государственно-властных полномочий возникшие вне уголовно-процессуальных отношений и затем оказавшиеся «на столе» у дознавателя, следователя или судьи готовые информационные продукты подлежат введению в требуемое юридическое состояние – в статус полноценных доказательств (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста и т.д.).

Вышесказанное в очередной раз подтверждает ущербность целого ряда законодательных конструкций и формулировок, предрасположенных к толкованию феномена приобщения доказательств как сугубо технического приема, сводящегося к подшиванию соответствующих документов к материалам уголовного дела. Причем, как уже отмечалось ранее, наибольшее количество вопросов вызывает вообще не имеющий правовой основы механизм приобщения к делу документальных источников информации (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной или административной деятельности) в ходе досудебного производства. В этой связи складывается парадоксальная ситуация: в соответствии с действующим законодательством все указанные документы вводятся в уголовный процесс, признаются полноценными и пригодными для использования по назначению средствами доказывания лишь по факту их технического включения в общий массив материалов следственного делопроизводства. Для возникновения любого подобного доказательства дознавателю или следователю нет надобности выполнять какие-то процедурные требования, как это установлено применительно к формированию гипнотически равных с ними по юридической силе показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных действий. Достаточно, вооружившись иголкой с ниткой, подшить поступивший документ к соответствующему тому уголовного дела либо вообще поручить проведение этой нехитрой операции студенту-практиканту, осваивающему прикладные навыки будущей профессии.

Для досудебного производства предусмотрен лишь порядок признания предмета вещественным доказательством и его приобщения к уголовному делу – путем осмотра и вынесения соответствующего постановления. Однако ввиду отсутствия данных алгоритмов в части работы с иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-розыскной и административной деятельности причины появления такой процедуры для вещественных доказательств вряд ли стоит увязывать с неким «прозрением» законодателя, почему-то осознавшего потребность в формализации порядка приобщения к уголовному делу лишь только одной разновидности носителей информации, возникающих вне уголовно-процессуальных правоотношений и поступающих в распоряжение дознавателя или следователя в готовом виде. По всей вероятности, нормативная регламентация порядка признания предметов вещественными доказательствами и их приобщения к уголовному делу была вызвана несколько иной причиной – «вещным», т.е. как бы не бумажным, характером соответствующих объектов, обусловливающим необходимость особого правового режима их хранения (ст. 82 УПК РФ), предопределенного банальной невозможностью подшивания подавляющего большинства таких предметов к материалам следственного или судебного делопроизводства. По крайней мере на эту мысль наводят не выдерживающие никакой критики, искажающие весь смысл дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания правовые предписания о приобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств материалов контроля и записи переговоров (ч. 8 ст. 186 УПК РФ), а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 6 ст. 186^1 УПК РФ) – еще одной группы

носителей информации, нуждающихся в особых условиях хранения.

Таким образом, категорию «приобщение доказательств к уголовному делу» ником образом нельзя толковать как сугубо технический прием, сводящийся к включению представленных, истребованных или изъятых предметов или документов в общий массив следственного или судебного делопроизводства. Подобный подход приводит лишь к извращению смысла публичных правоотношений, обесценивает значение уголовно-процессуальной формы и гарантии юридической доброкачественности отдельных доказательств.

Приобщение доказательств к уголовному делу – более простой, свободный по сравнению с механизмом формирования (по сравнению со следственными и судебными действиями, с судебными экспертизами), не предполагающий столь жесткой формализации, но при этом не менее важный правовой способ реализации государственно-властных юрисдикционных полномочий органов предварительного расследования и суда, направленный на расширение доказательственной базы посредством юридического введения в досудебное или судебное производство новых источников полезной информации. Другими словами, *под приобщением доказательств к уголовному делу надлежит понимать некую упрощенную процедуру, состоящую в процессуальной легализации (в процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных отношений готовых информационных продуктов в целях их формального (!) признания полноценными средствами доказывания, наделенными должной юридической силой, обладающими необходимыми свойствами и пригодными к дальнейшему использованию для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов, то есть сводящуюся к введению представленного, истребованного либо изъятого предмета или документа в требуемое правовое состояние – в статус вещественного доказательства, иного документа, заключения специалиста, а также результата оперативно-розыскной или административной деятельности*.

В силу ограниченного объема настоящей статьи автору не хотелось бы занимать внимание читателей подробным рассмотрением конкретных действий и решений органов предварительного расследования либо суда, подлежащих включению в процедуру приобщения доказательств к уголовному делу. Эти вопросы планируются к освещению в других работах автора.

Тем не менее необходимо обратить особое внимание, что порядок приобщения к уголовному делу любого из представленных, истребованных, изъятых предметов или документов должен завершаться изданием специального государственно-властного акта дознавателя, следователя или суда об официальном признании поступившего предмета либо документа средством доказывания и его формальном включении в уголовное судопроизводство. Необходимость вынесения подобного процессуального решения предопределяется возникновением любого подобного объекта вне уголовно-процессуальных отношений, его поступлением в орган предварительного расследования или суд как готового информационного продукта и, следовательно потребностью его введения в надлежащее юридическое состояние – в статус одного доказательств. Такой порядок полностью соответствует общим принципам публично-правового регулирования, согласно которым новые юридические состояния (процессуальные статусы) могут устанавливаться, а существующие – изменяться либо прекращаться только посредством властных велений государственных органов, должностных лиц или иных уполномоченных субъектов, в первую очередь путем издания специальных распорядительных актов-решений, в частности, органов дознания, предварительного следствия и суда[15].

Поэтому представленные, истребованные, изъятые предметы или документы могут вводится в сферу уголовно-процессуального регулирования как полноценные средства доказывания, приобретать должную юридическую силу и становиться в один ряд с результатами следственных либо судебных действий, т.е. из доказательств потенциальных превращаться в доказательства реальные, допустимые, пригодные к использованию по назначению только посредством постановления дознавателя, следователя, постановления либо определения суда об их признании соответственно вещественным доказательствами, иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-розыскной или административной деятельности и приобщении к уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вытовтов А.Е.* Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. С. 87.
2. *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 11.

[15] П.А. Лупинская справедливо расценивала такие акты-решения, как типичные юридические факты публично-правового характера (см.: *Лупинская П.А.* Указ. соч. С. 23).

3. *Дорохов В.Я.* Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9. С. 113.

4. *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 78.

5. *Лазарева В.А.* Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 56–61.

6. *Лазарева В.А.* Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87.

7. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М., 2010. С. 23, 122.

8. *Миликова А.В., Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия. М., 2021. С. 18.

9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 596.

10. *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 124.

11. *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. С. 220.

12. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 41.

13. *Россинский С.Б.* Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 88–92.

14. *Россинский С.Б.* Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского ун-та. 2021. Т. 7. № 3. С. 67–71.

15. *Россинский С.Б.* Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. Т. 6. № 3. С. 99.

16. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы росс. права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 75.

17. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1979. С. 16.

18. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 51.

19. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 5.

20. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 33, 34.

21. *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64.

22. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 11.

23. *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1972. С. 7, 15, 16.

24. *Шпилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102, 103.

REFERENCES

1. *Vytovtov A.E.* The results of operational investigative activity as a means of proof in criminal proceedings (based on the materials of criminal cases of economic orientation): dis. ... PhD in Law. Irkutsk, 2020. P 87 (in Russ.).

2. *Dolya E.A.* Formation of evidence based on the results of operational investigative activities. M., 2009. P. 11 (in Russ.).

3. *Dorokhov V. Ya.* The concept of evidence in the Soviet criminal process // Soviet State and Law. 1964. No. 9. P. 113 (in Russ.).

4. *Kaz Ts.M.* Evidence in the Soviet criminal trial. Saratov, 1960. P. 78 (in Russ.).

5. *Lazareva V.A.* Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches / V.A. Lazareva // Legal Concept (Legal Paradigm). 2019. Vol. 18. No. 2. P. 56–61 (in Russ.).

6. *Lazareva V.A.* Gathering or forming? We continue the discussion // Judicial Authority and Criminal Process. 2021. No. 1. P. 78–87 (in Russ.).

7. *Lupinskaya P.A.* Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed. M., 2010. P. 23, 122 (in Russ.).

8. *Milikova A.V, Rossinskiy S.B.* Criminal procedural acts of preliminary investigation bodies. M., 2021. P. 18 (in Russ.).

9. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2006. P. 596 (in Russ.).

10. *Pobedkin A.V.* Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedural evidence: dis. ... Doctor of Law. M., 2005. P. 124 (in Russ.).

11. *Polyakov M.P.* Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities. N. Novgorod, 2001. P. 220 (in Russ.).

12. *Rakhunov R.D.* Participants of criminal procedural activity. M., 1961. P. 41 (in Russ.).

13. *Rossinskiy S.B.* Pre-trial proceedings: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021. P. 88–92 (in Russ.).

14. *Rossinskiy S.B.* The approach of Professor V.A. Lazareva about collecting evidence in general can be supported, but... // Juridical Journal of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 3. P. 67–71 (in Russ.).

15. *Rossinskiy S.B.* Collecting evidence as the “first” stage of proof in a criminal case // Juridical Journal of Samara University. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 99 (in Russ.).

16. *Rossinskiy S.B.* Criminal procedural form: essence, problems, trends and prospects of development // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 9 (118). P. 75 (in Russ.).

17. The Soviet criminal procedure law and the problems of its effectiveness / ed. by V.M. Savitsky. M., 1979. P. 16 (in Russ.).

18. *Strogovich M.S.* The course of the Soviet criminal process in two volumes. M., 1968. Vol. 1. P. 51 (in Russ.).

19. The theory of evidence in the Soviet criminal process / res. ed. N.V. Zhogin. M., 1973. P. 5 (in Russ.).

20. *Sheifer S.A.* Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. M., 2008. P. 33, 34 (in Russ.).

21. *Sheifer S.A.* Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power. M., 2013. P. 64 (In Russ.).

22. *Sheifer S.A.* Investigative actions. A system and procedural form. M., 2001. P. 11 (in Russ.).

23. *Sheifer S.A.* The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process: a textbook / res. ed. P.A. Lupinskaya. M., 1972. P. 7, 15, 16 (in Russ.).

24. *Shpilev V.N.* The content and forms of criminal proceedings. Minsk, 1974. P. 102, 103 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. – Doctor of Law, associate Professor, chief researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 94–104
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 94–104

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

© 2022 г. Т. А. Полякова[1, *], А. В. Минбалеев[1, 2, **], Н. В. Кроткова[1, *]**

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*
****E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.08.2022 г.

Аннотация. Авторами статьи анализируются современные тенденции развития информационного права в условиях активной трансформации российского законодательства и юридической науки, а также развития IT-сектора в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию.
Исследуются также основные направления развития науки информационного права в связи с принятием новой номенклатуры научных специальностей. Согласно новой системе научной аттестации кадров высшей квалификации специалисты по информационному праву фактически могут найти себя во всех научных специальностях. В статье анализируются особенности исследований по информационному праву в рамках отдельных научных специальностей. Делается вывод, что приоритетной научной специальностью для исследования правового регулирования информационных отношений является специальность по публично-правовым (государственным) наукам. При проведении частноправовых исследований необходимо комплексно, с учетом базового характера информационного права изучать существующие особенности различных частноправовых институтов, используемых в процессе регулирования отношений, связанных с информационными (цифровыми) технологиями. Комплексный характер информационного права проявляется в новой номенклатуре паспортов научных специальностей за счет возможности проведения исследований информационно-правовой направленности практически в рамках каждой публично-правовой и иных научных специальностей. Это доказывает, что существует объективная необходимость развития общей теории информационного права, которая должна быть направлена на поддержку (научное обоснование) формирования государственной (публично-правовой) политики в целях обеспечения национальной безопасности в регулировании информационных отношений, включая обеспечение информационной безопасности, что приобретает особую остроту в условиях изменения миропорядка, необходимости научного обоснования подходов в научных исследованиях по различным аспектам регулирования информационных отношений и на различных уровнях. Наука информационного права в этой связи должна развиваться в тесном контакте с другими юридическими науками для обеспечения проведения совместных исследований, а также специализированных исследований и защиты диссертаций не только по публично-правовым наукам, но и в рамках иных научных специальностей.
В заключение дается краткий анализ проблем информационного права, обсуждавшихся на Пятых Бачиловских чтениях, прошедших в 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук.

Ключевые слова: информационное право, наука информационного права, научная специальность, паспорт научной специальности, цифровизация, цифровая трансформация, цифровое право, IT-сфера.

Цитирование: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.

Статья написана в рамках Государственного задания по теме «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности».

DOI: 10.31857/S102694520022203-4

THE MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF INFORMATION LAW

© 2022 T. A. Polyakova[1, *], A. V. Minbaleev[1, 2, **], N. V. Krotkova[1, *]**

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*
**** E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Received 28.08.2022

Abstract. The authors of the article analyze the current trends in the development of Information Law in the context of the active transformation of Russian legislation and legal science, as well as the development of the IT sector in the context of sanctions pressure on the Russian Federation.
The main directions of the development of the science of Information Law in connection with the adoption of a new nomenclature of scientific specialties are also being investigated. According to the new system of scientific certification of highly qualified personnel, information law specialists can actually find themselves in all scientific specialties. The article analyzes the features of research on information law within the framework of individual scientific specialties. It is concluded that the priority scientific specialty for the study of the legal regulation of information relations is the specialty in public law (state) sciences. When conducting private law research, it is necessary to comprehensively, taking into account the basic nature of information law, study the existing features of various private law institutions used in the process of regulating relations related to information (digital) technologies.
The complex nature of Information Law is manifested in the new nomenclature of passports of scientific specialties due to the possibility of conducting research of information and legal orientation in almost every public law and other scientific specialties. This proves that there is an objective need for the development of a general theory of Information Law, which should be aimed at supporting (scientific justification) the formation of state (public law) policy in order to ensure national security in the regulation of information relations, including ensuring information security, which becomes particularly acute in the conditions of changing the world order taking place today, the need for scientific substantiation of approaches in scientific research on various aspects of regulation of information relations and at various levels. In this regard, the science of Information Law should be developed today both in close contact with other legal sciences to ensure joint research, as well as conducting specialized research and defending dissertations not only in public law sciences, but also within the framework of other scientific specialties.
In conclusion provides a brief analysis of the discussed problems of Information Law at the Fifth Bachilov Readings held in 2022 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Information Law, science of Information Law, scientific specialty, passport of scientific specialty, digitalization, digital transformation, digital law, IT sphere.

For citation: *Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Krotkova, N.V. (2022)*. The main trends and problems of the development of the science of Information Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 94–104.

Введение

Потребность в развитии науки информационного права в последний год все более ощущается в связи с рядом факторов. Прежде всего это обусловлено необходимостью обеспечения квалифицированного научного экспертирования огромного массива нормативных правовых и нормативно-технических актов, связанных с разработкой и внедрением цифровых технологий и цифровых процессов во всех сферах жизнедеятельности общества. В связи с этим все большее количество специалистов в юридической сфере исследуют информационные процессы, развивают новые подходы их информационно-правового регулирования. Оказывает воздействие и детерминированный коронавирусной инфекцией COVID-19 процесс по обеспечению реализации тех или иных отношений в цифровой среде в условиях дистанционного взаимодействия различных субъектов[1], а также реализации автоматизации ряда информационных процессов как в публичной, так и в частной сферах.

Значительное влияние на повышение внимания к информационной сфере со стороны государства оказало санкционное воздействие на Российскую Федерацию, в результате которого был принят комплекс мер, в том числе по развитию законодательства, направленного на поддержку IT-сферы.

[1] См.: *Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.

Указанные процессы детерминируют также необходимость повышения внимания на развитие науки информационного права в самом широком смысле.

Современные методологические подходы развитию науки информационного права

Методологически развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности[2] в России происходило под влиянием классических особенностей диалектического материализма и отличалось нелинейностью. Однозначно можно утверждать, что значительное увеличение нормативного регулирования информационной сферы, формирование информационного законодательства в 90-е годы XX в. и в начале XXI столетия, повышение роли и значения регулирования информационной сферы способствовали изменению научных исследований в данной области, породили объективные предпосылки выделения в качестве самостоятельной отрасли науки информационного права.

Основные современные векторы развития науки информационного права

Одним из направлений развития информационного права и информационного законодательства в 2022 г. стало принятие мер поддержки отрасли информационных технологий (далее – IT-сферы). С изданием специального Указа Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»[3] возникла необходимость не только четкого определения того, что представляет собой отрасль информационных технологий, но и ее комплексное регулирование. Соответственно, активные процессы развития IT-сферы в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию требуют научного осмысления ключевых векторов развития информационного законодательства на основе научного прогнозирования последствий тех или иных законодательных инициатив.

Кроме того, для обеспечения устойчивости, единства измерений и безопасности Российской Федерации необходимо разработать и реализовать меры, включающие использование российских технологий обеспечения достоверности, целостности, аутентификации, конфиденциальности и доступности передаваемой информации и процессов ее обработки; преимущественное использование отечественного программного обеспечения и оборудования; внедрение технологий защиты информации с использованием российских криптографических стандартов.

Развитие процессов цифровизации и виртуализации в праве порождает новые вызовы, связанные с развитием цифрового права[4] как института информационного права, а также с появлением таких правовых образований, как «киберправо новой реальности», «право виртуальной реальности», «право цифровых людей», «право искусственного интеллекта»[5], «квантовое право (право квантовых технологий)»[6] и др. Активное внедрение этих категорий требует не только их научного осмысления, но и оперативного реагирования науки в части рекомендаций для развития законодательства и правоприменительной практики. Мы сегодня сталкиваемся с ситуацией, при которой законодателю приходится иметь дело с рядом институтов цифровой реальности, которые формируют новые секторы экономики. Так, разворачивающиеся метавселенные стремительно формируют необходимость принятия массива нормативных правовых актов, которые регулировали бы формирующиеся отношения в них в рамках национального сегмента. Происходит трансформация современной системы информационного права в свете появления и развития его новых подотраслей и институтов[7].

Одним из ключевых направлений развития информационного права становится регулирование искусственного интеллекта. Перед информационным правом ставится задача как определения[8] понимания данного объекта, так и нахождения оптимального набора регуляторных механизмов, обеспечивающих

---

[2] См., напр.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9

[3] См.: СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1468.

[4] См., напр.: *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0

[5] *Полякова Т.А., Камалова Г.Г.* «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № (65). С. 133–145.

[6] *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б.* Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0

[7] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8; *Их же.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

[8] См.: *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7

использование и развитие технологий искусственного интеллекта. Очень важно определить общие нормативные требования, обеспечивающие безопасное его функционирование, а также предметную сферу, ограничения и пределы регулирования искусственного интеллекта в той или иной сфере общественных отношений[9].

Развитие цифровизации обусловливает и необходимость изучения таких новых явлений, как «цифровое профилирование» и «цифровой профиль»[10], «цифровая зрелость»[11], *LegalTech* и ряда других. Функционирование сферы *LegalTech* и применение отдельных технологий при осуществлении юридически значимых действий напрямую связано с проблемами реализации государственной политики импортозамещения в Российской Федерации, поскольку необходимо приоритетное использование российских информационных технологий и обеспечение информационной безопасности на основе национальной системы стандартизации информационных технологий. В соответствии с планом деятельности Минцифры России до 2024 г. предусмотрено обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, общества, бизнеса и государства[12]. Сфера *LegalTech* напрямую связана с реализацией государственных функций, со значительным количеством оказываемых государством услуг, что предполагает приоритетное использование российских *LegalTech*-решений. В связи с этим важно осуществлять, в том числе в рамках информационного права, исследование особенностей развития сферы *LegalTech*, ее правового регулирования и применения в отдельных юридических направлениях.

Развитие науки информационного права и новая номенклатура научных специальностей

Важным фактором, обусловившим кардинальное изменение подходов к развитию информационного права, стало изменение научных специальностей. Согласно новой системе научной аттестации кадров высшей квалификации специалисты по информационному праву фактически могут найти себя во всех научных специальностях. В соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 по паспортам группы научных специальностей «5.1. Право» номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, выделяются следующие научные специальности:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;

5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки;

5.1.4. Уголовно-правовые науки;

5.1.5. Международно-правовые науки.

При этом обращает внимание, что, например, в рамках теоретико-исторических правовых наук в качестве направления исследования предусмотрена «Цифровизация в государственно-правовой сфере». Однако в этом случае не совсем понятно, следует ли это понимать таким образом, что именно в рамках данного направления включены и будут осуществляться исследования по общеправовым вопросам цифровизации либо сюда же необходимо относить прикладные исследования по вопросам правового обеспечения процессов цифровизации тех или иных общественных отношений, регулируемых различными отраслями права. Представляется, следует учитывать, что в настоящее время информационное право является приоритетной отраслью научных исследований, в фокусе внимания которой находится развитие института цифрового права и, соответственно, правовое обеспечение процессов цифровизации, включая проведение соответствующих исследований. В связи с этим полагаем, что при реализации указанного нового паспорта научных специальностей необходимо будет определить, что подпадает под цифровизацию в государственно-правовой сфере, чтобы не возникало неизбежной в такой ситуации конкуренции (перекрещиваний) при определении предметов научных исследований. Считаем, что в рамках специальности «5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки» вопросы цифровизации должны рассматриваться исключительно с позиции предусмотренных групп направлений исследований по теории государства и права и другим юридическим наукам, входящим в данную научную специальность. Между тем очевидно, что прикладные аспекты правового обеспечения цифровизации, особенности реализации данных

---

[9] См., напр.: *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119; *Nikolskaia K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, 06–09 октября 2020 года. Vladivostok, 2020. P. 927–1095.

[10] *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой* профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19; *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.

[11] *Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6

[12] См.: приказ Минкомсвязи России от 30.01.2019 г. № 22 «Об утверждении плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019–2024 годов» // В официальных источниках опубликован не был.

процессов в рамках тех или отраслей права должны исследоваться в рамках других научных специальностей. Нужно учитывать также и характер исследуемых процессов, связанных с цифровизацией. Например, публично-правовые механизмы, режимы и средства, используемые в процессе цифровизации, должны быть предметом публично-правовых наук.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что именно научная специальность «5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки» стала официально ключевым преемником, включив в себя наибольшее количество, по сути, приоритетных направлений информационного права. При этом, как представляется, нельзя отрицать, что именно в рамках данной специальности фактически традиционно проводились и, несомненно, должны проводиться исследования не только по теоретическим вопросам информационного права как публично-правовой науки (система[13], предмет, методология, принципы, история развития институтов, взаимодействие с другими науками и т.д.), но и по всем публично-правовым аспектам в рамках данной отрасли, связанным с формированием и реализацией национальной политики в указанной сфере. Так, среди приоритетных направлений исследований заявлены «Публично-правовое регулирование в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации» и «Правовое регулирование использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении». Безусловно, стратегическое значение имеет включение в паспорт специальности вопросов публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства, в том числе информационной. Информационные права и свободы, их реализация и развитие в информационной, в том числе цифровой, среде относятся к предмету публично-правовых исследований. Кроме того, именно в рамках данной научной специальности должны рассматриваться вопросы публичного принуждения, управления, контроля и другие публично-правовые институты, влияющие и обеспечивающие процессы цифровизации.

Между тем возникает вопрос: насколько возможно при проведении соответствующих научных исследований осуществлять сравнения с особенностями частноправового регулирования данных вопросов? Например, при необходимости сравнения публично-правового и частноправового механизма обеспечения информационной безопасности личности. Полагаем, что на данный вопрос можно ответить положительно, поскольку одним из направлений в паспорте специальностей предусмотрено «Соотношение публично-правового и частноправового регулирования», при этом специальность «5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки» отнесена к смежным специальностям в рамках группы научной специальности. Соответственно, при исследовании особенностей публично-правового регулирования в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации заслуживает пристального внимания вопрос о соотношении и особенностях такого регулирования по сравнению с частноправовым.

При этом следует отметить, что паспорт научной специальности «5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки» не предусматривает возможности осуществления в исследованиях такого соотношения. Вместе с тем в качестве направления исследований в него включены «Частноправовые аспекты применения биотехнологий, информационных (цифровых) технологий, в том числе искусственного интеллекта». Заметим, что и при ранее действующей системе научной специализации в рамках научной специальности «12.00.13. Информационное право» осуществлялись преимущественно публично-правовые исследования информационных отношений, а частноправовые аспекты регулирования исследовались в рамках сопоставительного анализа, реализуя метод сравнительного анализа и в целях научного выделения и обоснования особенностей различных механизмов регулирования информационных отношений.

Однако, на наш взгляд, при проведении исследований в сфере частноправовых аспектов применения отдельных информационных (цифровых) технологий исследователям, несомненно, не удастся оставить **эти вопросы** без внимания, в связи с чем они будут вынуждены затрагивать вопросы публичного права, поскольку в отношении многих информационных технологий законодательство традиционно развивалось в приоритетном публично-правовом ключе. Полагаем, что при проведении исследований это может вызвать ряд сложностей. В связи с этим нужно будет особенно внимательно подходить к выбору как темы, так и к конкретным вопросам, отражающим частноправовые аспекты.

Кроме того, проблема в данном случае также заключается, по нашему мнению, и в том, что фактически сегодня, исследуя ту или иную информационную технологию, особенно цифровую, сложным и явно нерациональным представляется выделение и разделение частноправовых и публично-правовых аспектов ее регулирования. В данном случае это может привести к тому, что фактически исследования окажутся оторванными от практики, что имеет принципиальное значение для обеспечения создания комплексных механизмов, которые учитывали бы как государственную поддержку разработки и внедрения той или

[13] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1

иной технологии, так и ее эффективную коммерциализацию. При формировании государственной политики также весьма важно учитывать комплексно как публично-правовые, так и частноправовые интересы. В этой связи закономерен вопрос о практической значимости таких исследований в рамках той или иной научной специальности, если научно обоснованного и пригодного механизма, модели, подхода или иного теоретического результата, который потом должен быть воплощен в жизнь в результате правотворческой или правоприменительной деятельности, мы в итоге не получаем. В связи с этим, как представляется, приоритетной научной специальностью для исследования правового регулирования информационных отношений является специальность по публично-правовым (государственным) наукам. При проведении частноправовых исследований необходимо комплексно, с учетом базового характера информационного права изучать существующие особенности различных частноправовых институтов, используемых в процессе регулирования отношений, связанных с информационными (цифровыми) технологиями.

В рамках научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки» отдельного направления в той или иной уголовно-правовой науке прямо не предусмотрено. Вместе с тем, полагаем, что вопросы, связанные с преступлениями в информационной сфере, особенностями их расследования, установлением причин совершения таких преступлений, проведением специальных экспертиз, а также особенности цифровизации в соответствующих сферах, применение отдельных информационных технологий и ряд других вопросов информационно-правовой направленности должны осуществляться именно в рамках данной научной специальности. Считаем необходимым обратить внимание на то, что в этой части исследования информационно-правовой направленности также проводились в рамках нескольких паспортов научных специальностей уголовно-правовых наук и ранее.

В паспорте научной специальности «5.1.5. Международно-правовые науки» информационно-правовым вопросам уделяется значительное внимание, предусматривая в качестве направления «Международно-правовое сотрудничество в научно-технической сфере. Международное право и новые технологии (цифровая экономика, искусственный интеллект, биотехнологии и т.д.). Следует отметить, что впервые в этом паспорте научных специальностей указано «Международное информационное право», которое давно предлагалось ввести в систему международного права, но пока это понятие включено в паспорт по международно-правовым наукам на национальном уровне в условиях, по сути, кризиса международного права.

Однако представляется недостаточно логичным, что цифровая экономика заявлена как технология, а не направление регулирования отношений, но сам факт закрепления специального направления исследований международно-правового регулирования отдельных цифровых технологий свидетельствует о значении, которое уделяет государство в связи с необходимостью усиления роли Российской Федерации в формировании международных принципов и норм как в информационно-телекоммуникационной сфере, в том числе в вопросах информационной безопасности, так и при разработке на международном уровне стандартов и правил о новейших стратегически значимых технологиях, включая искусственный интеллект, квантовые технологии и виртуальную реальность в процессе формирования метавселенных. Безусловно, наука информационного права сегодня может и даже должна развиваться. Вопрос: как будет развиваться институт международного информационного права? Вполне вероятно, как видится с позиции сформировавшейся отрасли информационного права, это возможно на стыке международного права и информационного права – развитие как комплексного межотраслевого института международного информационного права. В этой связи необходимо отметить, что новые информационные (цифровые) технологии с точки зрения международного регулирования также включаются в предмет международного информационного права. Полагаем, что при разработке соответствующего паспорта научной специальности специально произошло выделение этих аспектов, чтобы подчеркнуть их значимость. Однако если посмотреть современные исследования в области международного информационного права, то увидим, что они также напрямую связаны с новейшими технологиями и в качестве отдельной структурной единицы в системе международного права, посвященного таким технологиям, не выделяются[14]. В свою очередь, международное информационное право является динамично развивающимся комплексным образованием, правовая природа которого до конца не определена, и данную научную задачу еще предстоит решать. Но его выделение в паспорте научной специальности можно рассматривать как закономерный процесс такого развития, отражающий тенденцию активизации научных исследований у специалистов международного права и информационного права в данном направлении[15].

Таким образом, анализ положений новых паспортов научной специальности по праву в плане их реализации применительно к развитию их сквозь призму науки информационного права свидетельствует о следующих тенденциях:

---

[14] См.: *Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М.* Цифровизация как инструмент развития региональных интеграционных объединений // Образование и право. 2019. № 7. С. 260–269.

[15] См.: *Евсиков К.С.* Перспективы развития международного информационного права // Информационное право. 2022. № 1 (71). С. 39–42.

информационное право как преимущественно публично-правовая наука, сформировавшаяся из административного права, официально продолжает свое развитие в значительной степени в рамках публично-правовых (государственных) наук, а соответствующий паспорт научной специальности позволяет в целом проводить исследования как по общим вопросам информационного права, так и по отдельным направлениям развития публично-правовых аспектов регулирования информационных отношений;

при проведении публично-правовых исследований информационных отношений в сопоставительном (сравнительном) анализе допускается исследовать также и особенности частноправового регулирования данных отношений, что, на наш взгляд, свидетельствует о возможности на данном этапе реализации задач, вытекающих из нового паспорта научных правовых специальностей, проведения в рамках научной специальности 5.1.2 сравнительных исследований, направленных на выявление особенностей публично-правового регулирования, его разграничения, в том числе на методологическом уровне, от частноправового регулирования. Полагаем, что такой комплексный подход позволит научно обосновать выводы, а также обеспечит их фундаментальный и прикладной характер, практикоориентированность;

комплексный характер информационного права проявляется в новой номенклатуре паспортов научных специальностей в связи с возможностью проведения исследований информационно-правовой направленности практически в рамках каждой публично-правовой и иных научных специальностей. Это доказывает, что существует объективная необходимость развития **фундаментальных положений** общей теории информационного права, которая должна быть направлена на поддержку (научное обоснование) формирования государственной (публично-правовой политики) в целях обеспечения национальной безопасности в регулировании информационных отношений, включая обеспечение информационной безопасности, что приобретает особую остроту в условиях изменения миропорядка, происходящего сегодня, необходимости научного обоснования подходов в научных исследованиях по различным аспектам регулирования информационных отношений и на различных уровнях. Наука информационного права в этой связи должна развиваться как в тесном контакте с другими юридическими науками для обеспечения проведения совместных исследований, а также в направлении проведения специализированных исследований и защиты диссертаций не только по публично-правовым наукам, но и в рамках иных научных специальностей;

несомненно, возрастает актуальность и значимость развития науки информационного права в субъектах Российской Федерации. Так, новая номенклатура открывает больше возможности объединения специалистов публично-правовых наук и открытия большего количества диссертационных советов в России. Несмотря на то что, как показывает анализ уже открывающихся советов, в них практически нет или имеются, к сожалению, единичные присутствия специалистов по информационному праву, появляется возможность защиты диссертаций по информационному праву для более широкого круга ученых, поскольку ранее такие диссертационные советы функционировали только в г. Москве. Кроме того, в рамках публично-правовых наук специалисты по информационному праву могут проводить свои исследования на стыке юридических наук и защищаться по другим научным специальностям. Полагаем, что это, бесспорно, позволит более эффективно решать задачу подготовки научных кадров, необходимых для правового обеспечения процессов цифровизации и развития информационного общества, как на уровне Российской Федерации, так и отдельных ее субъектов, что позволит значительно повысить эффективность и научную обоснованность экспертного сопровождения;

одна из ключевых проблем при работе с новыми паспортами научной специальности – это проблема формирования в новых диссертационных советах единого восприятия диссертаций не как работ по отдельной юридической науке, а как комплексно подготавливаемых, например, в рамках публично-правовых или частноправовых наук. Кроме того, важно учитывать и комплексный характер отрасли информационного права. Для информационного права, полагаем, это особенно актуально, поскольку оно является молодой отраслью и юридической наукой, предмет, методология, принципы и понятийный аппарат которой только формируются. Многие вопросы рассматриваются в тесной взаимосвязи с другими юридическими науками, потому часто исследования носят комплексный, междисциплинарный характер.

Пятые Бачиловские чтения и развитие науки информационного права

Развитию науки информационного права способствует постоянно увеличившееся количество научно-практических конференций различного уровня, которые посвящены актуальным проблемам информационного права, а также его отдельным институтам.

Посвященная памяти проф. И.Л. Бачило Пятая Международная научно-практическая конференция по информационному праву и правовому обеспечению информационной безопасности «Бачиловские чтения» была проведена на базе сектора информационного права и международной информационной безопасности в Институте государства и права Российской академии наук. Основной проблематикой

конференции в 2022 г. стали вопросы, касающиеся вызовов, стоящих перед современным информационным правом в условиях активно реализуемой цифровой трансформации. Традиционно в рамках Бачиловских чтений рассматриваются вопросы теории и методологии информационного права, а также проблемы науки информационного права.

Знаковым представляется то, что открыл конференцию с приветствием и докладом на тему ***«Актуальные вопросы информационной безопасности в период кризиса мировой цивилизации»*** **А.Н. Савенков, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права РАН**, подчеркнувший важность и значимость творческого наследия профессора И.Л. Бачило в развитии науки информационного права как России, так и во всем мире. А.Н. Савенков отметил также ключевые современные тенденции и влияние на право технологий искусственного интеллекта и иных цифровых технологий.

На пленарной части конференции с основным докладом ***«Почему информационное право игнорирует теорию информации?»*** выступил **Ю.М. Батурин, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., Герой Российской Федерации, зав. кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова**.

Ю.М. Батурин в своем докладе высказал следующие важные идеи, в том числе относительно того, что:

«1. Понятийный аппарат информационного права играет важнейшую роль, образуя язык информационного права. Понятие "информация" – ключевое в понятийном аппарате информационного права, но сравнительно слабо в нем разработанное. Между тем оно всесторонне разработано в теории информации.

2. Информация – это сведения, закодированные в сообщении и переданные сигналом. Это одно из положений теории информации, которое выводится как в школьной геометрии из ее основных положений. Удивительно, но юристы не пользуются хорошо проработанным подготовительным материалом, который целое столетие разрабатывали в том числе и для них крупнейшие ученые XX века.

3. Три основных направления развития теории информации – синтаксическое, семантическое и прагматическое – никак не используются в информационном праве, хотя в текстах информационного законодательства имеются многочисленные лингвистические поля, которые буквально просятся под описание с их помощью.

4. Практически необходимо написанное языком теории информации перевести (семантический подход!) на юридический язык. Коль скоро такой перевод вызывает затруднения, полезно было бы создать учебный курс "Юридические смыслы теории информации"».

По мнению докладчика, «требуется существенно изменить подготовку юристов, специализирующихся в области информационных технологий, включив в учебные программы в качестве обязательных такие дисциплины, как основы математики, теория сетей (теория графов), многозначные логики, физические основы передачи сигналов, теория информации, кибернетика, теория управления и др.».

Пленарную часть конференции продолжила *модератор* – **Т.А. Полякова, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН**, отметившая, что проведение конференции совпало с 95-летием И.Л. Бачило, внесшей неоценимый вклад в становление и развитие этого научного направления в Институте государства и права РАН, теории и методологии науки информационного права. Она обратила внимание на тенденции институциализации в этой самой молодой отрасли права и законодательства, проблемы международной информационной безопасности на современном этапе и информационной безопасности как стратегическом приоритете. Т.А. Поляковой также были подняты вопросы развития современной юридической науки и места информационного права в формируемом новом паспорте научных специальностей.

Е.В. Виноградова, д-р юрид. наук, проф., врио заместителя директора ИГП РАН, в своем выступлении на тему ***«Формирование элементов российской конституционной идентичности в сфере информационного образования»*** указала на тенденции развития российского информационного образования в аспекте влияния, которое оказывают на него процессы конституционных преобразований, происходящих в нашей стране в последние годы. Появление в отечественном конституционно-правовом пространстве в качестве значимой ценности конституционной идентичности, по ее мнению, создает новый вектор развития российского образования и науки. Было отмечено влияние этого процесса на формирование отечественной научной идентичности в контексте принципов стратегии развития информационного общества в России, результатом которого должен стать приоритет российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на них нормах поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий.

Кроме того, значительный интерес на конференции вызвал доклад **А.А. Тедеева, д-ра юрид. наук, профессора Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова**, на тему ***«Актуальные задачи науки информационного права»***, в котором было обращено внимание на ключевые проблемы методологии

и междисциплинарных связей науки информационного права. Докладчик отметил недостаточность на современном этапе развития науки информационного права с позиции фундаментальных исследований. Обозначил также необходимость изучения, в том числе молодыми учеными, проблем методологии информационного права, его системы, особенностей отдельных правовых институтов общей части информационного права. А.А. Тедеевым были определены перспективы и проблемы развития науки информационного права в связи с переходом к новым научным специальностям.

Один из *модераторов* конференции, **А.В. Минбалеев, д-р юрид наук, доц., эксперт РАН, главный научный сотрудник ИГП РАН, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)**, свое выступление сфокусировал на теме ***«Проблемы формирования и развития цифрового права»***. Он поднял проблему места цифрового права в современной системе права, а также высказался об опасном стремлении многих специалистов отдельных отраслей права заявить о самостоятельном характере цифрового права. Им была отмечена необходимость формирования на первоначальном этапе специального цифрового законодательства, которое сегодня развивается во многом в контексте изменения норм информационного законодательства, а также появления большого количества отсылочных норм в отраслевом законодательстве, ориентирующихся в основном на информационное законодательство. Он указал, что в России не появляется нормативных правовых актов, которые ориентировались бы на специальное регулирование цифровых отношений. Особенностью цифрового права является регулирование этих отношений не только правовыми, но и иными нормами. Однако для информационного права это также характерно. В этой связи более правильным является в настоящее время развитие информационного законодательства, учитывающего как особенности развития цифровой среды, так и формирование более универсального понятийного аппарата и развитие специального регулирования. А.В. Минбалеев также обратил внимание на то, что существует явная необходимость принятия специального закона «О цифровых технологиях».

В пленарном заседании с большим интересом был встречен доклад **В.Б. Наумова, д-ра юрид. наук, главного научного сотрудника сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющего партнера Санкт-Петербургского офиса, руководителя российской практики в области интеллектуальной собственности, информационных технологий и телекоммуникаций "Dentons"**, на тему ***«Древнегреческая мифология как средство оценки для информационного законодательства в цифровую эпоху: от "гордиевых узлов" до "сизифовых трудов"»***. На основе исследования связей мифологем с действительностью В.Б. Наумов коснулся ряда вопросов становления и развития информационного права как современной отрасли российского права, обозначил дальнейшие направления научных исследований в информационно-правовой сфере.

П.У. Кузнецов, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета, в своем докладе на тему ***«Методологические проблемы трансформации институтов информационного права»*** традиционно выделил ключевые методологические проблемы науки информационного права, а также проблемы институционализации информационного права с учетом современных реалий цифрового общества.

Выступления ведущих специалистов в области информационного права **А.В. Морозова, А.А. Стрельцова, Л.К. Терещенко, Н.Н. Ковалевой, О.С. Макарова, А.А. Чеботаревой, Г.Г. Камаловой, Г.Г. Шинкарецкой, А.А. Ефремова**, а также других ученых были посвящены направлениям деятельности комиссии АЮР по информационному праву и правовой информатизации, правовому режиму цифровых данных и цифровых сервисов, правовому регулированию технологий 5G, правовому регулированию цифровых платформ, актуальным проблемам результативности и эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, современным концепциям суверенитета в информационном пространстве, проблемам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в цифровом пространстве и другим проблемам информационного права.

Заключение

Таким образом, за последний год наука информационного права активно развивалась, о чем свидетельствует выделение стратегических направлений информационной безопасности, обострившихся правовых проблем достоверности информации и информационно-психологической безопасности, появления новых направлений развития. Неизбежен также ряд значительных изменений в связи с трансформацией паспорта научных специальностей и возрастающей ролью информационного права в правовых науках. Ключевой задачей науки информационного права становится выработка новых моделей и подходов, учитывая динамику меняющихся условий и возрастающие потребности реализации информационных процессов в связи с усилением цифровизации, развития дистанционной формы взаимодействия субъектов права, а также оказываемым санкционным деструктивным воздействием. Безусловно, актуальной задачей науки информационного права и развивающихся научных школ информационного права становится обеспечение теоретической основы для развития научной базы подготовки высококвалифицированных

кадров, способных решать научные задачи в условиях меняющегося мира, нестабильности и изменений традиционных правил в праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой* профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
2. *Евсиков К.С.* Перспективы развития международного информационного права // Информационное право. 2022. № 1 (71). С. 39–42.
3. *Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.
4. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0
5. *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119.
6. *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.
7. *Полякова Т.А., Камалова Г.Г.* «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № (65). С. 133–145.
8. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6
9. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7
10. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9
11. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8
12. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1
13. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б.* Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0
14. *Шинкарецкая Г.Г., Берман А.М.* Цифровизация как инструмент развития региональных интеграционных объединений // Образование и право. 2019. № 7. С. 260–269.
15. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7
16. *Nikolskaia K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, 06–09 октября 2020 года. Vladivostok, 2020. P. 927–1095.

REFERENCES

1. *Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* Digital profile: concept, regulatory mechanisms and problems of implementation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 5–19 (in Russ.).
2. *Evsikov K.S.* Prospects for the development of International Information Law // Information Law. 2022. No. 1 (71). P. 39–42 (in Russ.).
3. *Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A.* The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in a pandemic // Herald of the SPbU. Law. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 250–262 (in Russ.).
4. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Review of the methodological seminar on "Digital Law: research methodology" (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // State and Law. 2019. No. 8. P. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0 (in Russ.).
5. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Problems of using artificial intelligence technologies in the sports sphere and legal restrictions // Man. Sport. Medicine. 2020. Vol. 20. No. S2. P. 114–119 (in Russ.).
6. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Digital profile of an athlete: problems of legal regulation and protection // Man. Sport. Medicine. 2021. Vol. 21. No. S2. P. 154–160 (in Russ.).
7. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* "The law of artificial intelligence" and its place in the system of Information Law // The Rule of Law: Theory and Practice. 2021. No. (65). P. 133–145 (in Russ.).
8. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* The concept and legal nature of "digital maturity" // State and Law. 2021. No. 9. P. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6 (in Russ.).
9. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the conditions of civilizational crisis and digital transformation // State and Law. 2020. No. 5. P. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.).
10. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Review of the International Scientific and Practical Conference "Information space: ensuring information security and law" – The First

Bachilov readings // State and Law. 2018. No. 9. P. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9 (in Russ.).

11. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law (past and future) // State and Law. 2021. No. 12. P. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8 (in Russ.).
12. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Formation of the Information Law system as a scientific direction: stages of development and prospects // State and Law. 2019. No. 2. P. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1 (in Russ.).
13. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // State and Law. 2022. No. 5. P. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0 (in Russ.).
14. *Shinkaretskaya G.G., Berman A.M.* Digitalization as a tool for the development of regional integration associations // Education and Law. 2019. No. 7. P. 260–269 (in Russ.).
15. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // State and Law. 2022. No. 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7
16. *Nikolskaia K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, 06–09 октября 2020 года. Vladivostok, 2020. P. 927–1095.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 4224-3174
AuthorID: 732015
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович –
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 7148-1527
AuthorID: 651824
ORCID: 0000-0001-5995-1802

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
AuthorID: 559435
ORCID ID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, chief researcher, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. –
Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; chief researcher, Information Law and International Information Security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law, leading researcher, Constitutional Law and Constitutional Justice Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 105–121
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 105–121

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Э. ФРОММ: ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

© 2022 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 8.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Э. Фромма на германский национал-социализм. Фромм утверждает, что германский фашизм имеет своим истоком западноевропейский индивидуализм и протестантизм. Сама логика развития западноевропейской культуры привела к возникновению национал-социализма. Носителем идеологии национал-социализма стал нижний слой среднего класса, где сформировался особый социальный характер – садомазохизм, обусловивший бегство от свободы и стремление к слепому подчинению. Фромм показывает связь между социальным садомазохизмом и протестантской культурой в форме учений Лютера и Кальвина. Даются сделанные Фроммом психоаналитические портреты Гитлера и Гиммлера.

Ключевые слова: психоанализ, Фромм, фашизм, национал-социализм, диктатура, тоталитаризм.

Цитирование: *Жуков В.Н.* Э. Фромм: европейская культура и германский национал-социализм // Государство и право. 2022. № 9. С. 105–121.

DOI: 10.31857/S102694520022226-9

E. FROMM: EUROPEAN CULTURE AND GERMAN NATIONAL SOCIALISM

© 2022 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 08.08.2022

Abstract. The article examines E. Fromm's views on German National Socialism. Fromm argues that German fascism has its origin in Western European individualism and Protestantism. The very logic of the development of Western European culture led to the emergence of National Socialism. The bearer of the ideology of national socialism was the lower stratum of the middle class, where a special social character was formed – sadomasochism, which caused the flight from freedom and the desire for blind submission. Fromm shows the connection between social sadomasochism and Protestant culture in the form of the teachings of Luther and Calvin. The psycho-analytical portraits of Hitler and Himmler made by Fromm are given.

Key words: psychoanalysis, Fromm, fascism, national socialism, dictatorship, totalitarianism.

For citation: *Zhukov, V.N. (2022).* E. Fromm: European culture and German National Socialism // Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2022. No. 9. pp. 105–121.

Немцы и война. Германский национал-социализм – факт личной биографии Э. Фромма. Он родился в Германии в 1900 г. в еврейской семье, воспитывался в духе ортодоксального иудаизма (по линии отца и матери его предками были раввины), а потому был органически несовместим с нацистским режимом. Приход к власти нацистов заставил Фромма, тогда уже зрелого исследователя, эмигрировать сначала в Швейцарию (1933 г.), затем в США (с 1934 г. – сотрудник Колумбийского университета в Нью-Йорке). Можно утверждать, что Фромм воспринимал немецкий нацизм как личного врага, что вполне понятно, учитывая проводимую Третьим рейхом политику геноцида в отношении евреев. До конца жизни он оставался крайне настороженным к немцам, Германии и самой немецкой культуре. Даже в 60-х годах, когда одна часть Германии была элементом системы «реального социализма», а другая прочно встроена в демократический Запад, Фромм высказывал мысли, полные вражды и недоверия к Германии. Потерпев поражение во Второй мировой войне, рассуждал он, Германия за чуть более 15 лет восстановила свою экономическую мощь. Она заявила об отказе вернуть свои утраченные территории, хотя и не отказывается от претензий на них. На новую «демократическую» Германию с опаской смотрят СССР и некоторые западные страны. «Это объясняется тем, что Германия дважды нападала на своих соседей и дважды заново вооружалась, несмотря на поражения; генералы "новой" Германии – те же самые, что служили Гитлеру, и поневоле приходиться ожидать, что эта страна может предпринять третью попытку, на этот раз напав на Советский Союз, чтобы вернуть себе утраченные земли»[1]. Лидеры стран НАТО и общественное мнение стран Запада считают подобные подозрения неоправданными и даже фантастическими, но на самом деле существо Германии не изменилось. «Потерпев поражение, Германия воспользовалась мифом о том, будто вторая мировая война была войной против нацистской диктатуры, и, избавившись от наиболее явных и широко известных нацистских лидеров (уплатив значительные суммы в качестве репараций евреям и израильскому правительству), продемонстрировала, таким образом, что новая Германия абсолютно отлична от кайзеровской и от гитлеровской. Подлинная же ее основа не изменилась. Сегодня промышленность Германии столь же сильна, как и перед второй мировой войной, хотя территория ее значительно сократилась. Военная каста Германии осталась той же самой, хотя юнкерство и утратило свои экономические позиции в Восточной Пруссии. Силы германского экспансионизма, существовавшие в 1914 г. и в 1939 г., остались прежними, но на сей раз они обладают мощным эмоциональным зарядом: шумными требованиями возвратить "отторгнутые" земли. Германские лидеры кое-чему научились: на сей раз они начинают с того, что заключают союз с Соединенными Штатами, чтобы сильнейшая западная держава не стала их потенциальным противником. На этот раз они присоединились к западноевропейскому сообществу, имея хорошие шансы на то, чтобы стать в новой федеративной Европе ведущей державой, сильнейшей в экономическом и военном отношениях. Новая Европа во главе с Германией будет столь же экспансионистской, как и старая Германия; в своем стремлении вернуть прежние германские территории она будет даже еще большей угрозой миру. При этом я не имею в виду, будто Германия хочет войны, особенно термоядерной. Я хочу сказать, что новая Германия надеется достичь своих целей без войны, одной лишь угрозой однажды достигнутой превосходящей силы. Однако подобный расчет наиболее вероятно приведет к войне, поскольку Советский Союз, как и Великобритания и Франция в 1914 г. и в 1939 г., не будет безучастно взирать на то, что Германия становится все сильнее и сильнее»[2].

Рассуждая в таких тонах о Германии, Фромм обращается не к государственным и политическим институтам послевоенной Западной Германии, которые представляются ему случайными и несущественными, а к их эпицентру – немецкой нации, ее психологии и культуре. Такая позиция весьма характерна для социального психолога, а тем более представителя психоанализа, имеющего дело с бессознательными процессами. Для Фромма источник нацизма – отнюдь не фашиствующие немецкие политиканы, которые, как считают многие, благодаря изощренной демагогии подчинили себе немцев, а сама немецкая нация, ее культурный код, складывавшийся веками и породивший в XX в. Третий рейх. Сами немцы, народные массы (одни слои в большей мере, другие – в меньшей) породили Гитлера и его систему. Здесь Фромм открыто порывает с идеологией эпохи Просвещения, согласно которой войны развязывают не народы, а государства, человек – не воплощение зла, а разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Согласно Фромму, первые века капитализма вроде бы доказывали данный тезис, но появление фашизма заставило в нем усомниться. Фашизм продемонстрировал предрасположенность человека ко злу, отсутствие внешней рациональной мотивации к борьбе за власть и попрание прав человека. В благожелательном XIX столетии только Ницше и Маркс указали на иррациональную природу зла, в начале XX в. эту линию продолжил Фрейд. Хотя Фрейд и его ученики имели наивное представление об общественных процессах, они, тем не менее, указав на бессознательное как

[1] *Фромм Э.* Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 305.

[2] Там же. С. 306.

на источник социального зла, совершив тем самым подлинный переворот в науке[3]. Фашизм, по Фромму, есть феномен главным образом психический, вырастающий не столько из интересов различных социальных групп, сколько благодаря иррациональным силам психики. Фромм не оперирует категорией коллективного бессознательного (хотя с работами Юнга, конечно, был знаком), но существо дела понимает примерно также: бессознательное нации – феномен крайне консервативный, не подконтрольный сознанию и способный активно, часто весьма деструктивно, воздействовать на поведение больших масс людей. Подобно Юнгу, Фромм не доверяет немецкой нации, поскольку ее психология имеет тяжелую наследственность, преодолеть которую немцы, с его точки зрения, вряд ли смогут, а вот ждать от них новой агрессии, полагает он, очень даже возможно. Согласно логике Фромма, победа над нацистской Германией не означала изменение немецкой нации; немцы остались прежними, они только приспособились к новым обстоятельствам, чтобы дождаться удобного случая и взять реванш. Фактически Фромм ставит вопрос не просто об ответственности немецкой нации, но о презумпции ее вины в будущем. Иными словами, немцы, по Фромму, неисправимы, а потому в отношении Германии всегда должен быть известный уровень скепсиса и недоверия. Юнг, следует отметить, в деле коллективной ответственности пошел много дальше, указав на «пещерную психологию» любой нации, а не только немецкой. Любая нация, утверждал он, в своем существе живет инстинктами и грубым эгоизмом; политики, государственная власть в принципе не способны подняться выше эгоистических устремлений широких народных масс. В этом смысле политику (внешнюю и внутреннюю) следует рассматривать как рационализацию инстинктов нации[4].

Индивидуализм и протестантизм – путь к фашизму. Фромм, пытаясь отыскать источник германского национал-социализма, находит его в самом ядре западноевропейской культуры – индивидуализме и его естественном следствии – протестантизме. Классики западноевропейского либерализма (Б. Констан, И. Бентам, А. де Токвиль, Ф. Гизо) справедливо усматривали в индивидуализме стержень европейской демократии и культуры. Идея прав человека, народное представительство, институт частной собственности, рыночная экономика, свобода совести и разделение светской и церковной властей, политический и идеологический плюрализм – все это следствие индивидуализма, т.е. такой мировоззренческой позиции, согласно которой индивид, его благо и интересы признаются ценностью, требующей защиты и гарантий со стороны общества и государства. М. Вебер, желая доказать превосходство протестантизма над католичеством и православием, даже написал книгу «Протестантская этика и дух капитализма», где проводил мысль, что именно протестантизму Запад обязан взлетом производительности труда и созданием рыночной экономики. В политико-публицистической литературе либерального толка (на Западе и в России) красной нитью проходит идея огромной значимости Реформации для становления режима законности, демократии и соблюдения прав человека. Среди отечественных авторов было и есть немало сетующих (начиная с П.Я. Чаадаева) на тот факт, что в России не было своей Реформации, которая пробудила бы индивидуалистическое сознание у русского народа. Э. Фромм, напротив, попытался доказать обратное, а именно пагубность индивидуализма и протестантизма для западных европейцев. Классик психоанализа переходит от относительно локальной темы германского национал-социализма к широким обобщениям, касающимся всей западноевропейской культуры и ее протестантского ядра. Здесь следует вспомнить, что как раз протестанты-пуритане (английские кальвинисты) внесли основной вклад в создание государственности США. Фромм, критикуя западноевропейскую культуру, меньше всего имел в виду США – страну, которая предоставила ему убежище от нацистского преследования. Видимо, желая доказать свою благонамеренность в отношении новой родины, он заявлял, что США внесли основной вклад в разгром Германии в обеих мировых войнах[5] (это лживое утверждение объясняется также его враждебностью к советскому строю, и тем фактом, что СССР был главным военным противником США, времена маккартизма со всеобщим страхом показаться коммунистом он хорошо помнил). Однако помимо его воли сказанное им о протестантской культуре объективно проецировалось и на США. Иными словами, протестантизм и индивидуализм, по Фромму, создали патогенную культурную среду, порождающую агрессию, фашизм и войну. Германский национал-социализм, делает он вывод, есть только частный случай общей социально-политической патологии стран Запада. Если продолжать логику его мысли, то борьба англо-американских союзников с нацистской Германией выглядит случайным эпизодом, на самом деле и США, и Великобритания – такие же агрессоры, готовые к захватнической войне и провоцирующие ее.

[3] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 16–18.

[4] См.: Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 361.

[5] См.: *Фромм Э.* Из плена иллюзий. С. 305.

Согласно Фромму, западноевропейский индивидуализм и его важнейшая ипостась в форме свободы возникают во времена Возрождения и Реформации. Средневековое общество, рассуждает он, характерно отсутствием личной свободы. Индивидуализм был в зачаточном состоянии и проявлялся лишь в рамках жесткой социальной стратификации. Человек пребывал в своей нише и накрепко был с нею связан, почти не имея возможности переместиться в другой класс. Поведение людей во всех сферах жизни детально регламентировалась. Хотя человек не был свободен в современном смысле, он не был ни одинок, ни изолирован. Его жизнь была наполнена смыслом, но он не был просто индивидом, свободно выбирающего свои занятия, его личность отождествлялась с его социальной ролью (крестьянином, ремесленником, рыцарем и т.д.). Социальный строй рассматривался как неизменный естественный порядок, принадлежа к которому человек ощущал уверенность. Сословие предоставляло его членам известные материальные гарантии, что накладывало на них соответствующие обязательства. Чувство стабильности поддерживала и церковь, облегчая страдания людей и обещая им рай после смерти. Таким образом, средневековое общество давало человеку ощущение уверенности, но одновременно держало его в оковах. Вместе с тем нельзя утверждать, что индивид был лишен свободы, как при авторитаризме, поскольку такого индивида еще не существовало[6]. «Человек был связан с миром первичными узами; он видел себя лишь через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Точно так же и любой другой человек не воспринимался как “индивид”»[7].

Результатом разрушения структуры средневекового общества, по Фромму, стало появление индивида в современном смысле этого слова. Раньше всего это произошло в Италии. Возрождение было культурой богатого и сильного класса (аристократов и бюргеров), простой народ превратился в безликую массу, потерявшую уверенность своего положения. Вместе с индивидуализмом появился новый деспотизм, т.е. свобода и тирания, индивидуализм и анархия тесно переплелись. Представители правящего класса стали более свободны и одновременно более одиноки, их охватил страстный эгоцентризм, ненасытная жажда богатства и власти, что вело к утрате у них чувства безопасности. У них появилось страстное стремление к славе, которое должно было как-то избавить человека от сомнений. Данная метаморфоза нашла свое отражение в сочинениях гуманистов[8].

Хотя идеи Возрождения и оказали определенное влияние на формирование индивидуализма, его главными причинами, утверждает Фромм, стали развитие капитализма и Реформация. Капиталистическое хозяйство вырастало в среде городского среднего класса, Реформация стала религией главным образом крестьянства и низших слоев горожан. В результате развития капитализма «не существовало больше определенного места в экономической структуре, которое могло бы считаться естественным и бесспорным. Индивид стал одиноким; все теперь зависело не от гарантий его традиционного статуса, а от его собственных усилий»[9]. Капитал и рынок обернулись для человека мощными угрожающими силами, окружающие его собратья превратились в конкурентов, от которых исходит отчуждение и враждебность, а сам индивид, став свободным, обрел чувство одиночества, своей ничтожности и беспомощности[10]. Помимо свободы Реформация несла с собой идею порочности, беспомощности и ничтожества человека, требующих его подчинения внешней силе. Процесс обособления индивида достиг своей высшей точки в XX в., когда диспропорция между свободой от каких-либо связей и ограниченными возможностями для позитивной реализации свободы привела европейцев к паническому бегству от свободы, стремлению обрести новые узы. Идея ничтожности личности, ее принципиальной неспособности полагаться на себя стала главной в идеологии Гитлера, а бегство от свободы заставило немцев ему подчиниться[11].

Лютеранство и кальвинизм, согласно Фромму, были религии не богатого высшего класса, а средних горожан, городской бедноты и крестьянства. Данные религии выражали чувство свободы и одновременно неуверенности и тревоги, которыми были охвачены низшие классы, но эти же религии помогали бороться с тревогами.

Фромм детально разбирает психологические истоки религиозности одного из основоположников протестантизма Лютера, который, как он полагает, обладал типичным авторитарным характером. «Воспитанный чрезвычайно суровым отцом, не испытавший в детстве ни любви, ни чувств уверенности, он всю жизнь проявлял двойственное отношение к власти: ненавидел ее, восставал против нее, но в то же время восхищался ею и стремился ей подчиниться... Он был преисполнен чувствами одиночества, бессилия, озлобленности

[6] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 44, 45.

[7] Там же. С. 45.

[8] См.: там же. С. 47–51.

[9] Там же. С. 59.

[10] См.: там же. С. 62.

[11] См.: там же. С. 40, 41.

и в то же время жаждал повелевать... Он ненавидел других, особенно "чернь", ненавидел себя, ненавидел жизнь, и на этой ненависти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции; на этой личной почве он и смог стать глашатаем тех социальных групп, которые находились в таком же психологическом состоянии»[12]. Отношение Лютера к Богу – это отношение подчинения, основанное на ощущении бессилия. На уровне сознания он рассуждает о своей покорности и любви к Богу, на самом деле его переполняют чувства бессилия и злобы, трансформирующиеся в подчинение к нему. Точно также мазохистская зависимость одного человека от другого часто маскируется в сознании как «любовь». В этом смысле нет противоречия между тем, что Лютер говорит, и тем, что есть в его подсознании[13].

Практика индульгенций, по Фромму, стала отражением возникавшего капитализма: она подчеркивала роль денег и сделки как юридического акта, говорила о появившемся духе коммерции. В сочинениях отцов католической церкви позднего средневековья рефреном звучит мысль о стремлении к богоподобию человека, грех рассматривается не как тяжкое, принижающее человека бремя, а как человеческая слабость, требующая уважения к грешнику. Средневековая церковь подчеркивала достоинство человека, свободу его воли, ценность его усилий, его право быть уверенным в любви к Богу. Эта тенденция отражала экономический успех крупной буржуазии, ее уверенность в завтрашнем дне. Учение Лютера, напротив, отражало неуверенность городских низов и крестьянства перед растущим капитализмом и классом буржуа, рождало в них чувств беспомощности и ничтожности. В отличие от католичества протестантизм Лютера акцентировал внимание на двух взаимосвязанных вещах: апологетике свободы (что стало одним из источников политической и духовной свободы) и вытекающих из нее чувства изоляции и бессилия[14].

По Лютеру, развивает Фромм свою мысль, зло присуще природе человека и направляет его волю; человек не способен совершить что-либо доброе, исходя из собственной природы. Признание человеком своей низменности и беспомощности является одним из главных условий ниспослания ему Божьей благодати. В этом смысле переход Лютера от сомнения к уверенности причинно обусловлен. Сомнения Лютера иррациональны и вытекают из его чувства изоляции, беспомощности и тревоги. Эти сомнения могут быть устранены, если индивид почувствует себя частью осмысленного мира. С Лютером и с классом, который он представлял, этого не произошло, сомнения были не устранены, а подавлены. «Страстное стремление к уверенности, какое мы находим у Лютера, отражает не искреннюю веру, а необходимость подавить невыносимое сомнение»[15]. Решение Лютера – это решение очень многих людей, которое достигается отказом от своей изолированной личности и превращением себя в орудие могущественной внешней силы. Лютеру не удалось полностью подавать свои сомнения, что требовало все новых проявлений своей покорности. Сомнение, подытоживает Фромм, было и продолжает оставаться одной из основных проблем человека, оно – исходная точка современной философии и науки. Если рациональные сомнения могут быть устранены рациональными аргументами, то иррациональные сомнения либо подавляются и загоняются внутрь, либо устраняются при переходе от негативной свободы к позитивной. Полное устранение сомнений лежит не на пути подчинения вождю, принимающего ответственность на себя, но благодаря преодолению изоляции и обретения нового смысла своего существования[16].

«"Вера" Лютера состояла в убеждении, что любовь дается ценой отказа от собственной воли: это решение имеет много общего с принципом полного подчинения индивида государству или вождю»[17]. Лютер требовал непреклонного подчинения светской власти (князьям), что было связано с его религиозными взглядами. Заставляя индивида почувствовать свое ничтожество, он лишал его чувства собственного достоинства, без чего невозможно сопротивление угнетающей власти. Кроме того, протестантизм, лишив человека чувства собственного достоинства, подготовил его стать орудием внешней силы – капиталистического хозяйства. Лютер своей доктриной человеческой ничтожности прокладывала путь повиновению властям и подчинению своей жизни целям экономического успеха. «В наши дни эта тенденция приняла крайнюю форму в фашистской доктрине, объявляющей, что целью жизни является ее принесение в жертву "высшей" силе: вождю или расовому обществу»[18].

Учение Кальвина, утверждает Фромм, также основано на бессилии человека. Только унизившись, по Кальвину, можно рассчитывать на всесилие Божие. Человек не должен считать себя хозяином своей судьбы. Проповедь Кальвина также была адресована среднему классу (ремесленники

[12] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 65.

[13] См.: там же. С. 66.

[14] См.: там же. С. 68–71.

[15] Там же. С. 73.

[16] См.: там же. С. 71, 73, 74.

[17] Там же. С. 76.

[18] Там же. С. 78.

и мелкие предприниматели), охваченным чувством одиночества и страха. Разработанная им доктрина предопределенности имеет двоякий психологический смысл: с одной стороны, она выражает чувство беспомощности и ничтожности индивида, поскольку тот не может никак повлиять на свою судьбу, с другой – призвана заглушить иррациональные сомнения. Казалось бы, доктрина предопределения дает непоколебимую уверенность, поскольку, во-первых, Кальвин и его последователи были убеждены в своей избранности и, во-вторых, поведение человека никак не влияет на его спасение. Однако сомнение остается, более того, ригоризм теории предопределения требует более глубокого, чем в учении Лютера, подавления сомнения, что в свою очередь рождает необходимость еще более фанатичной веры, чтобы это остающееся сомнение подавить[19]. Кальвинистская идея прирожденного неравенства (деление на тех, кто спасется, и тех, кто спастись не сможет) была впоследствии взята на вооружение нацизмом. Отрицание равенства обосновывает невозможность солидарности между людьми и общности человеческой судьбы. «Кальвинисты наивно полагали, что они – избранники, а все остальные прокляты богом. Очевидно, что в этом убеждении проявляется психологическая подоплека: презрение и ненависть к людям, та самая ненависть, которую они приписали богу»[20].

Отличительная черта кальвинизма, полагает Фромм,– утверждение важности моральных усилий и добродетельной жизни. Человек хоть и не может изменить свою судьбу, но сам факт его усилий, по Кальвину, является знаком его принадлежности к спасенным. Успехи этих усилий (моральных и экономических) являются знаком спасения. На первый взгляд такой подход противоречил идеи предопределения и вытекающего из нее отказа от любых усилий, но на самом деле это не так. Чувство бессилия и тревога за свою участь после смерти создают гнетущее настроение, от которого индивид стремится как-то избавиться. В качестве эффективного средства кальвинизм предлагает интенсивную деятельность, которая, с его точки зрения, только и способна побороть тревогу. В данном случае деятельность имеет целью не достижение какого-то результата, а выяснению будущего. Таким образом, активная деятельность приобрела иррациональный характер, она продиктована не попыткой изменить свою судьбу и стать избранным к спасению, а способом побороть свои сомнения, прояснить свое будущее и получить знак богоизбранности. Отношение к труду, ставшего самоцелью,– важнейший психологический сдвиг, произошедший у европейцев с конца средневековья. В Средние века не было стимула работать больше, чем необходимо для поддержания привычного жизненного уровня. Трудились в основном под давлением обстоятельств. В Новое время люди начинают трудиться в силу внутренней потребности, что стало одним из условий развития капитализма[21].

Лютер и Кальвин, убежден Фромм, будучи сами величайшими человеконенавистниками среди религиозных деятелей, воплотили в своих учениях всепоглощающую враждебность. Враждебность, подозрительность и завистливость – характерные черты среднего класса, начиная с эпохи Реформации и до Гитлера. Ярче всего враждебность проявилась в учении Кальвина, создавшего образ бога-деспота, разделившего без видимых причин людей на две неравных категории. Образ бога-деспота, которому нужна безграничная власть над людьми, их покорность и уничижение, есть проекция враждебности самого Кальвина и представляемого им среднего класса. Враждебность обращается индивидом и на самого себя. Смиренность, уничижение и самообвинение, демонстрируемое протестантом, есть агрессия, направленная на самого себя и маскируемая под видом совести и чувства долга. За показной скромностью протестанта скрывается презрение к людям, а за любовью и милосердием скрывается чувство собственного превосходства. Чувство собственного превосходства – это компенсация за самоистязание, за показную скромность и самоограничение во всем[22].

В протестантстве нашли свое выражение «чувства собственной ничтожности и негодования; протестантство разрушило веру в безусловную любовь бога; оно учило человека презрению и недоверию к себе и другим; оно превратило человека из цели в средство; оно капитулировало перед светской властью, отказавшись от идеи, что существующая власть не должна противоречить принципам морали, и оправдывая любую власть самим фактом ее существования. Таким образом, протестантство отказалось от основополагающих элементов иудео-христианской традиции. Его доктрины изображали человека, бога и мир так, что новые чувства бессилия и ничтожества казались естественными, создавалось впечатление, будто эти чувства происходят из неизменных качеств человека, будто он должен испытывать эти чувства... Протестантство явилось ответом на духовные запросы испуганного, оторванного от своих корней, изолированного индивида, которому необходимо было сориентироваться в новом мире и найти в нем свое место»[23]. «Новые человеческие качества: стремление к труду, страсть

[19] См.: там же. С. 78–82.

[20] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 83.

[21] См.: там же. С. 83–86.

[22] См.: там же. С. 87–90.

[23] Там же. С. 92.

к бережливости, готовность превратить свою жизнь в орудие для достижения целей какой-то внешней силы, аскетизм и всеподчиняющее чувство долга – все эти качества являли собой такие черты характера, которые стали в капиталистическом обществе производительными силами»[24]. Социальный процесс, заключает Фромм, формирует социальный характер, определяющий психологию и взгляды индивида. Социальный характер, в свою очередь, формирует религиозные философские, политические учения, которые обосновывают и усиливают этот характер, что и превращает его в производительную силу нового экономического строя[25].

Двойственность свободы. Категория свободы в западноевропейской философской и политико-правовой мысли – одна из ключевых и часто используемых. В античности категория свободы лежала в основании иерархической структуры общества, которое делилось на свободных и рабов. Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон многое сделали для понимания политической свободы. Иудео-христианская традиция наполняет категорию свободы личностным содержанием: человек объявлялся свободным в своем выборе между Богом и дьяволом, на него самого возлагалась ответственность за отпадение от Бога и воссоединение с Богом. В эпоху буржуазных революций и раннего капитализма начинают различать свободу личную и политическую (Б. Констан). Гегель объявляет свободу целью и критерием прогресса. В XIX в. свобода заявляется целью основных политических движений: либерализма, социализма, анархизма. В первой трети XX в. свобода становится знаменем фашистских и коммунистических диктатур. К исходу XX столетия категория свободы превращается в стандартное средство политической манипуляции и демагогии, в разменную монету в политической борьбе, содержание свободы неимоверно раздувается за счет включения в нее самых разнообразных и диаметрально противоположных положений.

Все это следует иметь в виду, рассматривая категорию свободы в учении Фромма. Его представление о свободе эклектично, соединяет в себе либеральную и марксистскую трактовки, дающиеся в рамках психоанализа. Он различает свободу личную и политическую, негативную и позитивную. По своим политическим убеждениям Фромм – либеральный демократ, выступающий за традиционный для Запада набор прав и свобод человека. Он высоко ценит капитализм за его реализацию идеи свободы: новая история Европы и Америки, с его точки зрения,– это борьба за свободу в политической, экономической и духовной сферах. Во имя свободы «погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности»[26]. Очевидно, что данные рассуждения носят в высшей степени абстрактный характер, так как буржуазия боролась не просто за свободу, а за свои интересы, суть которых сводилась к установлению режима политической и экономической свободы для получения наибольшей прибыли. Согласно его логике, в эпоху буржуазных революций и раннего капитализма преобладала негативная свобода, свобода от религиозного и политического гнета. В XIX, и особенно в XX в. встала задача реализовать позитивную свободу, в трактовке которой Фромм идет от раннего Маркса (главным образом от его работы «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», где на первом плане стоит человек, создание условий для его всестороннего и гармоничного развития).

Фромм справедливо замечает, что становление демократии в Новое время, и особенно после Первой мировой войны могло говорить, что цель освобождения каждого человека близка, что свобода побеждает. Но установление в первой трети XX в. авторитарных и тоталитарных режимов заставило усомниться в этом. На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победа тоталитарных режимов есть следствие прихода к власти небольшой группы сумасшедших. Возникла иллюзия, будто фашизм есть результат политического мошенничества и террора, а народ – его жертва. На самом деле народ сам отказался от своей свободы, отдав ее политическим вождям[27]. «Современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо донести до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого»[28]. С течением времени бегство от свободы только усиливается, особенно в эпоху ядерного оружия, которое лишает людей уверенности в завтрашнем дне. Главная трудность современной эпохи – значительный разрыв между архаикой эмоциональной

[24] Там же. С. 92, 93.

[25] См.: там же. С. 93.

[26] Там же. С. 13.

[27] См.: там же. С. 14, 15.

[28] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 8.

сферы человека (она еще находится на уровне каменного века) и его интеллектуальным развитием. По Фромму, интеллект современного человека хотя и сильно развит, но еще не позволяет ему стать ответственным перед собой, разумно распорядиться своей свободой. Развитый интеллект не дает возможности человеку справиться с бременем свободы, он продолжает нуждаться в некоей высшей силе, в идолах и мифах. Развитый интеллект не способен эффективно бороться с иррациональными страстями (агрессией, ненавистью, завистью, жаждой мести), он продолжает преклоняться перед властью, деньгами, нацией, государством. На словах отдавая должное высоким этическим идеалам, выработанных философией и мировыми религиями, современный человек выхолостил их суть, фактически превратив их в грубые суеверия и предмет идолопоклонства[29].

Согласно Фромму, история человечества есть процесс освобождения человека от принудительного действия инстинктов. «Под инстинктами мы понимаем специфические шаблоны деятельности, обусловленные наследственными нервными структурами, которые в чистом виде можно наблюдать только в животном мире»[30]. Эту концепцию инстинкта нельзя смешивать с той, которая определяет инстинкты как физиологически обусловленные потребности (голод, жажда и т.п.), способы удовлетворения которых не фиксированы и не предопределены наследственностью. «Чем ниже уровень развития животного, тем в большей степени его приспособление к природе и вся его деятельность определяются механизмами инстинктивных и рефлекторных действий»[31]. Так, жизнь насекомых основана исключительно на инстинктах. Чем выше уровень развития животного, тем более гибким является его поведение и адаптационные свойства. Эта тенденция достигает своего апогея у человека. «При рождении он самое беспомощное из всех животных; его приспособление к природе основано главным образом на процессе обучения, а не на инстинктивной предопределенности»[32]. Инстинкты – это ослабевающая функция у высших животных, особенно у человека. Культура (т.е. собственно человеческое существование) возникает тогда, когда приспособление к природе обеспечивается не столько инстинктами, сколько творчеством. Свобода от инстинктов знаменует собой начало культуры. Биологическое несовершенство человека (в частности, его медленное взросление) обусловило появление новых адаптивных механизмов, благодаря которым возникла цивилизация. Человек изобрел орудия труда, перешел к целеполагающей трудовой деятельности, его сознание развилось до такой степени, что он стал выделять себя среди природных объектов и осознавать себя нравственным существом[33]. Вместе с тем расширение свободы имеет для человека двойственный характер: с одной стороны, свобода способствует развитию человека, возрастанию роли разума, овладению силами природы и укреплению человеческой солидарности, с другой – усиливается изоляция человека, в нем растет чувство неуверенности, бессилия и своей ничтожности, его место в мире и смысл его жизни ставится им под сомнение[34].

Свобода, по Фромму, определяет существование человека, а само понятие свободы меняется в зависимости от степени осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа. Граница свободы человека определяется связью с внешним миром. «Пока и поскольку индивид, фигурально выражаясь, не порвал пуповину, связывающую с внешним миром, он не свободен»[35]. Социальная история человека началась с момента его выделения из природы и из социальной группы. Постепенно индивид все более ощущал себя независимым от природы и общества, что достигло своего пика в XX в. Данное явление Фромм называет процессом индивидуализации, который противоречив: человек, раздвигая рамки индивидуальной свободы, уменьшая свою зависимость от внешнего мира, продолжает сохранять узы с этим миром, дающие ему ощущение своих корней, своей безопасности. Узы, которые оказывают свое воздействие до полного обособления индивида, Фромм называет первичными. Они органичны в том смысле, что являются естественным фактором нормального развития человека. «Эти узы связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и с природой, а средневекового – с церковью и его сословием»[36]. Когда человек достигает полной индивидуализации, перед ним встает задача найти новые гарантии своей безопасности, что меняет и содержание свободы. Однако в каждом обществе существует свой предел индивидуализации, за который индивид выйти не может[37].

В историческом плане процесс индивидуализации необратим, возврат к прежним социальным формам, где личность растворялась к массе, невозможен. Современный человек, обретя свободу,

[29] См.: там же. С. 10, 11.

[30] Там же. С. 36.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] См.: там же. С. 37.

[34] См.: там же. С. 39.

[35] Там же. С. 30.

[36] Там же. С. 31.

[37] См.: там же. С. 31, 34.

воспринимает ее как бремя и пытается убежать от нее в новую зависимость, которая должна заменить ему старые узы. «Но эта новая зависимость не обеспечивает подлинного единства с миром; человек платит за новую уверенность отказом от целостности своего “Я”. Между ним и новыми авторитетами остается непреодолимый разрыв; они ограничивают и калечат его жизнь, хотя на уровне сознания он может быть искренне уверен, что подчиняется им совершенно добровольно»[38]. Однако современная культура не только не превратила человека в «атом», но, напротив, предоставила возможности стать независимой личностью[39].

Фромм выделяет два аспекта процесса индивидуализации: развитие личности и растущее одиночество. По мере индивидуализации мир кажется индивиду все более враждебным, что рождает чувство беззащитности и тревоги. Возникает стремление отказаться от своей индивидуальности и вновь слиться с окружающим миром. Один из способов восстановить утраченную безопасность – подчинить себя другому субъекту, что рождает чувство неполноценности, а с ним – неуверенность в себе, враждебность и мятежность. Другой способ состоит в установлении спонтанных связей с людьми и природой. Наивысшим выражением этих связей является любовь и творческий труд, что обеспечивает полноту и целостность личности, ее развитие до максимально возможных пределов. Таким образом, растущая индивидуализация ведет либо к подчинению, либо к спонтанной активности. Проблема состоит в том, что процесс индивидуализации далеко не всегда сопровождается соответствующим ростом личности. Если процесс индивидуализации происходит автоматически, то развитие личности сдерживается рядом психологических и социальных причин. Разрыв между этими двумя тенденциями приводит к невыносимому чувству изоляции и бессилия, а это в свою очередь приводит в действие механизм бегства от свободы[40].

Механизмы бегства от свободы. Согласно Фромму, есть два пути, позволяющие преодолеть чувство бессилия и одиночества. Первый ведет к позитивной свободе, т.е. человек реализует свои способности, добиваясь единства с миром и людьми, не отказываясь от собственного «Я». Второй – это путь назад, т.е. отказ человека от свободы, а с ней – от самого себя. Идя по этому пути, человек впадает в невроз: создаваемая мнимая реальность хоть и ослабляет психологический дискомфорт, не решает проблему принципиально, она загоняется в подсознание и оттуда дает себя знать[41]. Механизмов бегства от свободы три: авторитаризм, разрушительность, конформизм.

Авторитаризм. По Фромму, авторитаризм состоит в стремлении личности соединить свое «Я» с какой-нибудь внешней силой и с ее помощью компенсировать отсутствие силы у себя. Иными словами, индивид ищет новые, вторичные узы взамен утраченных первичных (с родителями). Формы этого бегства – одновременное стремление к подчинению и господству, садизму и мазохизму. Данные стремления присущи как здоровым людям, так и невротикам, но у последних это приобретает крайние формы. И садистские, и мазохистские наклонности позволяют человеку избавиться от чувства одиночества и бессилия[42].

Мазохисты страдают от чувства собственной неполноценности. Принижая себя, они отказываются от возможностей, открывающихся перед ними, проявляют зависимость от внешних сил (природы, общества и индивидов) и стремление им подчиниться. В тяжелых случаях мазохисты желают причинить себе вред. Мазохисты-невротики возводят на себя тяжелые обвинения, истязают себя принудительными ритуалами и неотвязными мыслями, склонны искать и находить у себя заболевания, которых на самом деле нет, ждут несчастных случаев с собой, восстанавливают против себя тех, кого любят, и т.п. Мазохизм часто рационализируется и выступает под маской любви или верности, принятие страданий оправдывается их неизбежностью. Мазохист стремится «избавиться от собственной личности, потерять себя; иными словами, избавиться от бремени свободы»[43], ищет подчинения какой-либо власти. Он страдает от конфликта между стремлением быть независимым и сильным и чувством своей незначительности и бессилия. Спасение от этого конфликта ему видится в том, чтобы обратить свою личность в ничто и не осознавать себя больше самостоятельным индивидом. Удовлетворение мазохистской потребности (например, подчинение вождю при фашистском режиме) приносит относительное облегчение, но не избавляет от внутреннего конфликта. Мазохист подчинен ложной мотивации: он действует в целях устранения не самой психологической проблемы, а ее симптомов. Боль и страдание – это не цель мазохиста, а цена, которую он неосознанно платит в надежде достичь неосознанную цель. Поскольку цель с такими средствами недостижима, ему приходится все время увеличивать свои страдания, чтобы хоть как-то заглушить душевную боль.

[38] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 199.

[39] См.: там же. С. 199, 200.

[40] См.: там же. С. 34–36.

[41] См.: там же. С. 123, 124.

[42] См.: там же. С. 124, 133.

[43] Там же. С. 132.

Страдание притягивает мазохиста, но это лишь средство, цель – забыть свое «Я», раствориться во внешней силе и стать его частицей. Этой силой может быть совесть, другой человек, социальный институт, нация, Бог. Став частью данной силы, он становится причастен к ее мощи и славе, что заглушает сомнения, дает ему уверенность в себе и чувство гордости. Индивид избавляется от принятия решений и ответственности за свою судьбу, свою сущность и смысл своей жизни он видит сквозь призму того целого, в котором растворен[44].

Садизм, по Фромму, бывает трех типов. Первый состоит в стремлении поставить других людей в зависимость от себя, тем самым приобретя над ними полную власть и превратив в орудие своей воли. Второй предполагает стремление не только установить абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их. Третий тип садизма проявляется в желании причинять страдание другим и видеть, как они страдают. Садистские наклонности меньше осознаются и больше рационализируются, часто они скрываются под маской сверхдоброты и сверхзаботы о других (например, садист может утверждать, что он лучше другого лица знает, как удовлетворить интересы этого лица и т.д.). Садист находится в зависимости от мазохиста, т.к. только в этом случае он может получить удовольствие от своего садизма. Садист по-своему даже любит свою жертву, потому что ее страдания доставляют ему удовольствие[45]. Сущность садизма состоит в наслаждении своим полным господством над другим человеком. Самый радикальный способ проявить свою власть – причинить человеку страдание, «ибо нет большей власти над другим человеком, чем власть причинять страдание, боль тому, кто не в состоянии себя защитить»[46]. Жажда власти – наиболее существенная черта садизма. В психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости. Садист не способен выстоять в одиночку и жить своей силой. Сила не имеет ничего общего с властью: сила – это потенция, власть есть господство. Бессилие означает не неспособность господствовать над кем-то, а неспособность индивида к самостоятельной жизни. Импотенция (если понимать ее широко, применительно к сфере социальных отношений) влечет за собой садистское стремление к господству. «Пока и поскольку индивид силен, то есть способен реализовать свои возможности на основе свободы и целостности своей личности, господство над другими ему не нужно, и он не стремится к власти. Власть – это извращение силы, точно так же как сексуальный садизм – извращение половой любви»[47].

Согласно Фромму, садизм и мазохизм связаны в единое целое, оба они нуждаются друг в друге. В обоих случаях собственное «Я» исчезает: мазохист растворяется во внешней силе, личность садиста разрастается за счет включения в себя подвластного ему человека, давая ему уверенность и силу, которой у него до этого не было. Садизм и мазохизм не только связаны, но и перемешаны между собой, т.к. в их основе лежит одна потребность – уйти от одиночества собственного «Я». В человеке одновременно присутствуют оба начала – мазохистское и садистское, но есть люди с преобладанием либо одного, либо другого начала. В отношении этой группы людей и можно говорить об их садомазохистском характере. Характер (данное понятие Фромм берет у Фрейда) – это совокупность доминантных побуждений, мотивирующих поведение индивида. Для огромной части низов среднего класса Германии и других европейских стран садомазохистский характер (Фромм называет его еще авторитарным) является типичным. В людях с этим типом характера и нашла отклик идеология нацизма. Человек с авторитарным характером восхищается властью и хочет подчиняться, но в тоже время он хочет сам быть властью. У авторитарной личности сила вызывает любовь и готовность подчиняться независимо от того, кто ее проявил. Сила привлекает ее не ради тех ценностей, которые за нею стоят, а сама по себе, потому что она – сила. Бессильные люди, напротив, вызывают у авторитарной личности презрение, при виде их у него возникает желание напасть, подавить, унизить. Садомазохист ощущает тем большую ярость, чем беспомощнее ее жертва[48].

Садомазохист, рассуждает Фромм, любит ограничение свободы, он с удовольствием подчиняется судьбе, под которой понимается внешняя сила (приказ начальника, экономическое законы, совесть, долг, воля господня и т.п.). Авторитарная личность преклоняется перед прошлым, он всегда сторонник традиции и враг нового, творчества. Авторитарная личность убеждена, что жизнь определяется внешними силами, единственно возможное счастье состоит в подчинении этим силам. Активность садомазохиста основана на чувстве бессилия, которое он пытается преодолеть. Он действует во имя чего-то, что имеет силу (Бог, долг, природа). Недостаток силы является для него признаком вины и неполноценности; «если власть, в которую он верит, проявляет признак слабости, то его любовь и уважение превращаются в презрение

[44] См.: там же. С. 126, 127, 133–136.

[45] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 126–128.

[46] Там же. С. 136.

[47] Там же. С. 140.

[48] См.: там же. С. 137, 138, 141, 142, 145.

и ненависть»[49]. Садомазохист атакует установившуюся власть только в случае, если отдаст себя в рабство другой, более сильной власти. Мужество авторитарной личности состоит в том, чтобы страдать за силу, рабом которой он является. Для него высшая добродетель – безропотное страдание, подчинение судьбе. Садомазохист верит власти, пока она сильна и может повелевать. Его вера строится на крайнем отчаянии, на полном отсутствии веры, поэтому отличается релятивностью и нигилизмом. Малейшее ослабление власти влечет за собой разрушение веры в нее[50].

Для садомазохиста, продолжает Фромм, отсутствует понятие равенства, поскольку он делит людей на имеющих силу и власть (высших) и не имеющих (низших). Садомазохист способен либо к господству, либо к подчинению. Любые различия (например, пола или расы) он воспринимает как признак превосходства или неполноценности. Садомазохист связывает свое благополучие и реализацию своих ожиданий с наличием некоего «волшебного помощника», который персонифицируется, например, в человеке, обладающим властью. Рано или поздно наступает разочарование, поскольку тот не оправдал его надежд. «Это разочарование накладывается на возмущение, вытекающее из порабощенности, и ведет к новым конфликтам. Иногда они прекращаются лишь с разрывом; затем обычно следует выбор другого объекта, от которого вновь ожидается исполнение всех надежд»[51]. Садомазохист не понимает, что крах его надежд обусловлен не ошибкой в выборе «волшебного помощника», а собственным стремлением добиться своих целей путем манипуляции с «волшебными» силами. Иными словами, садомазохист демонстрирует свою зависимость от внешнего объекта. Садомазохизм есть способ выхода из невроза, который образуется в результате борьбы индивида за свою свободу и независимость. Садомазохист – это так называемый нормальный человек, который завершил данную борьбу полной капитуляцией, подчинив свою личность внешней силе[52]. «Функцию авторитарной идеологии и практики можно сравнить с функцией невротических симптомов. Эти симптомы происходят из невыносимых психологических условий и в то же время предлагают какое-то решение, делающее жизнь терпимой. Но они не дают решения, ведущего к счастью и развитию личности. Они не изменяют условий, приводящих к невротическому решению»[53].

Разрушительность. Разрушительность, утверждает Фромм, проявляется в стремлении уничтожить внешний объект. Ее корни – бессилие и изоляция индивида. Индивид рассчитывает избавиться от одиночества и бессилия, разрушая внешний мир. В разрушении мира ему видится возможность не дать миру разрушить его самого. Если цель садизма – поглощение объекта, то цель разрушительности – его ликвидация. Разрушительность – это средство избавления от невыносимого чувства бессилия. Кроме того, чувство изолированности и бессилия порождают два других источника разрушительности: тревогу и скованность. Любая угроза рождает тревогу и естественной реакцией на нее является разрушить эту угрозу. Если угроза связана с людьми, то они становятся целью разрушительности[54].

По Фромму, уровень разрушительности у разных индивидов, социальных групп и народов различен. Так, у социальных низов этот уровень выше, чем у высших классов. В эпоху Реформации и позднее средний класс выражал свою враждебность под маской морального негодования, которое рационализировало жгучую ненависть к высшим классам, имевшим возможность наслаждаться жизнью. Стремление к жизни, к самореализации, делает вывод Фромм, обратно пропорционально потребности разрушать: чем полнее реализуется жизнь индивида, тем меньше у него потребности разрушать и наоборот. Чувства изоляции и бессилия – следствие недостаточной реализации индивидом своих эмоциональных и интеллектуальных возможностей, ему не хватает уверенности и спонтанности, что выступает условием такой реализации. Внутренняя блокада усиливается запретами, исходящими от общества. Разрушительность есть результат непрожитой жизни[55].

Автоматизирующий конформизм. При этом способе бегства от свободы индивид перестает быть самим собой, «он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным “Я” и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием»[56]. Этот механизм сравним с мимикрией, существующей в животном мире. Большинство людей испытывает иллюзию, будто у них есть собственные мысли, чувства и желания, тогда как на самом деле, все это формируется обществом, которое и превращает людей в автоматы. Мысли и чувства обусловлены социальной

[49] Там же. С. 148.

[50] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 146–149.

[51] Там же. С. 152.

[52] См.: там же. С. 149, 152, 153.

[53] Там же. С. 200.

[54] См.: там же. С. 153–155.

[55] См.: там же. С. 155–158.

[56] Там же. С. 159.

средой, но субъективно воспринимаются как собственные. Отказавшись от собственного «Я» и превратившись в робота, похожего на миллионы других таких же роботов, человек перестает ощущать одиночество и тревогу, но платит за это утратой своей личности. «Утрата собственной личности и ее замещение псевдоличностью ставят индивида в крайне неустойчивое положение. Превратившись в отражение чужих ожиданий, он в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем и уверенность в себе. Чтобы преодолеть панику, к которой приводит эта потеря собственного "Я", он вынужден приспосабливаться дальше, добывать себе "Я" из непрерывного признания и одобрения других людей. Пусть он сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им»[57]. Автоматизация индивида усугубила беспомощность и неуверенность среднего человека современного общества, поэтому он готов подчиниться новой власти, предлагающей ему уверенность и избавление от сомнений[58].

Психология национал-социализма. Согласно Фромму, нацизм – это психологический феномен, но он может быть понят лишь при учете социально-экономических и политических факторов. В своем отношении к нацизму, рассуждает он, население Германии поделилось на две группы. Одна приняла нацизм без восторга, склонившись перед режимом, другая была им воодушевлена. Первая группа состояла в основном из рабочих и либеральной буржуазии. Версальский договор воспринимался большинством немцев как несправедливость, но рабочий класс относился к нему много спокойнее, чем средний класс. Поражение в войне означало для рабочих поражение режима, с которым они боролись, и надежды на улучшение своего положения. Низы среднего класса (мелкие лавочники, ремесленники, служащие), напротив, выражали наиболее яростное негодование против договора, они восторженно приняли нацизм и стали основой его формирования. В этой второй группе населения люди старшего поколения составили пассивный слой, а их дети стали активными борцами. «Националистические страсти были рационализацией, переводившей чувство социальной неполноценности в чувство неполноценности национальной»[59]. Показательным примером в этом отношении стал Гитлер – выходец из нижнего слоя среднего класса. В конечном счете огромное большинство немецкого народа «было охвачено чувством собственной ничтожности и бессилия». Даже рабочие к 1930 г. потеряли веру в эффективность политической борьбы, став апатичными. После прихода Гитлера к власти, утверждает Фромм, его стали отождествлять с Германией, а потому борьба с режимом стала восприниматься как борьба с Германией. Для среднего человека это означало самоисключение из сообщества всех немцев, что было психологически невыносимо. «Гражданин Германии, как ни был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией, и большинство выбрало единство»[60]. Любые нападки на Германию, любая пропаганда, порочащая немцев, только усиливали лояльность колеблющихся[61].

По Фромму, ответ о притягательности нацизма для низов среднего класса следует искать в его социальном характере, который он определил как садомазохистский. Черты этого социального характера видны на протяжении всей истории этой части среднего класса: любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость в чувствах и деньгах, аскетизм. «Эти люди всегда отличались скупостью взглядов, подозрительностью и ненавистью к незнакомцу, а знакомый всегда вызывал у них завистливое любопытство, причем зависть всегда рационализировалась как презрительное негодование; вся их жизнь была основана на скудости – не только в экономическом, но и в психологическом смысле»[62]. Социальный характер низших слоев среднего класса был таким же задолго до войны 1914 г., но послевоенные события усилили его черты, особенно стремление к подчинению и жажда власти. До войны экономическое положение низшей части среднего класса было еще достаточно прочным, чтобы дать ему чувство довольства собой; авторитеты были еще достаточно сильны, чтобы обеспечить ему дополнительную уверенность, если не хватало собственной. Непререкаемый авторитет монархии, религии и традиционной морали позволяли индивиду ощущать свою принадлежность к устойчивой системе, где у него было собственное место. Свои садомазохистские наклонности представители этого класса удовлетворяли существующими авторитетами. Экономический кризис 20-х – начала 30-х годов разорил средний класс, а падение монархии и ослабление государства лишило его уверенности в себе. Инфляция нанесла смертельный удар принципу бережливости (поскольку сбережения невозможно сохранить) и престижу государства (так как оно не способно гарантировать свои обязательства). Разорение подорвало социальный престиж мелкой буржуазии, а престиж рабочего класса в результате революции, напротив,

[57] Там же. С. 173.

[58] См.: там же. С. 159, 173.

[59] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 183.

[60] Там же. С. 177.

[61] См.: там же. С. 176–178.

[62] Там же. С. 179.

поднялся. Ценность семьи, так высоко ценимой средним классом, также девальвировалась: авторитет отца упал, а вся мораль среднего класса стала отвергаться молодежью. Крушение монархии и государства разрушило авторитет, к которому апеллировали родители, а их разорение уничтожило возможность обеспечить будущее своих детей. В результате молодежь почувствовала свое превосходство над родителями и ощутила себя свободной. Молодежь, лишившись былых авторитетов и социальных гарантий, стремилась к действию. Молодые офицеры, вернувшиеся с войны и привыкшие к власти, также не были готовы мириться со своей участью стать мелкими служащими или коммивояжерами. Средний класс воспринял личную фрустрацию как фрустрацию всех немцев. Нацизм сделал сотни тысяч мелких буржуа частью нацистской бюрократии, получивших власть, богатство и престиж[63]. «Другие, не вошедшие в нацистский аппарат, получили работу, отнятую у евреев и политических противников, а остальные – хотя у них не прибавилось хлеба – приобрели "зрелища". Они получили эмоциональное удовлетворение от этих садистских спектаклей и от идеологии, наполнившей их чувством превосходства над остальным человечеством»[64]. Гитлер, заключает Фромм, оказался столь эффективным орудием потому, что в нем сочетались черты возмущенного и озлобленного мелкого буржуа и защитника интересов германских промышленников и юнкеров.

Чтобы ярче высветить садомазохизм национал-социализма, Фромм дает детальные психоаналитические портреты Гитлера и Гиммлера, опираясь на ряд биографических работ[65]. Он заявляет, что пытался рассмотреть эти фигуры объективно, но вряд ли ему это удалось, учитывая его ненависть к ним. Здесь следует отметить, что существенный недостаток такого рода портретов (а их огромное множество) состоит в том, что известные факты подстраиваются под господствующие оценки исторических фигур. За отправную точку берется результат деятельности исторического персонажа, рассмотренный в контексте той или иной ценностной шкалы, а психоанализ должен обосновать мотивы его поведения. Фромму было очевидно, что Гитлер и Гиммлер – воплощенное зло, что следовало доказать средствами психоанализа. Понятно, что выводы были в решающей степени предопределены.

Согласно Фромму, идеология национал-социализма выросла из свойств личности Гитлера (чувство неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет полной жизнью) и нашла своих сторонников с такой же психологией. Низы среднего класса были удовлетворены не только нацистской идеологией, практика нацизма также отвечали их характеру. Была создана иерархия, отвечавшая психологии садомазохистов, т.е. возможность лица осуществлять власть над кем-то и кому-то подчиняться[66].

Для Фромма Гитлер – некрофил, сочетающий в себе крайние формы агрессии, садизма, мазохизма и нарциссизма. Фромм рассматривает некрофилию предельно широко – как любовь к смерти, ко всему неживому, что непосредственно сопрягается со страстью к разрушению, поскольку разрушение – верный способ умертвить живое. Уже в детстве, полагает он, в характере Гитлера имели место элементы некрофилии, которые затем под воздействием обстановки переросли в некрофильский характер. Благодаря ряду обстоятельств некрофилия стала единственным способом развития личности Гитлера. У Гитлера были типичные некрофильские установки: страх перед грязью, любой инфекцией (особенно сифилисом и туберкулезом) и перед евреями, которые также представлялись ему чем-то нечистым. Гитлер ненавидел не только евреев, он ненавидел немцев, человечество и саму жизнь. По Фромму, самое сильное влияние на ребенка оказывает не то или иное событие, а характер родителей. Но, рассуждает он, отец и мать Гитлера были людьми положительными, благоразумными и неструктивными, а потому некрофилию Гитлера следует искать в его собственной природе, а именно в его стремлении к инцесту с матерью. В данном случае Фромм использует идею Фрейда о том, что стремление к инцесту есть желание вернуться в утробу матери, т.е. в состояние небытия. Иными словами, инцест, по Фрейду, есть проявление инстинкта смерти. С течением времени, продолжает Фромм, главным символом матери становится для Гитлера Германия. Его зацикленность на матери (Германии) обусловила, с одной стороны, его ненависть к «отраве» (евреям и сифилису), от которой он должен был ее спасти, с другой – вытесненное в подсознание желание разрушить мать (Германию). Гитлер доказал некрофильскую установку своим стремлением вести войну до конца, хотя уже с 1942 г. было ясно, что война будет проиграна. Гитлер никогда не был привязан к своей матери. «Она была для него символом богини-хранительницы, достойной восхищения, но также богиней хаоса и смерти. Одновременно она была объектом его садисткой жажды власти и господства, которая

[63] См.: там же. С. 179–182.

[64] Там же. С. 186.

[65] См.: *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953; *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971; *Smith B.F.* Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

[66] См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 198, 199.

переходила в бешенство, если он хоть в чем-то встречал отказ»[67]. Отношение к матери полностью проецировалось на отношение Гитлера к Германии. Некрофилия проявлялась во всепоглощающей страсти Гитлера к разрушению. На бессознательном уровне Гитлер всегда стремился к разрушению, в этом смысле он никогда по-настоящему не верил в свою победу, т.к. после победы предполагалась созидательная деятельность, что было органически чуждо его природе[68]. Гитлер «играл жизнями всех немцев, играл и со своей собственной жизнью. Когда все было потеряно и он проиграл, у него не было особых причин сожалеть о случившемся. Он получил то, к чему всегда стремился: власть и удовлетворение своей ненависти и своей страсти к разрушению. Этого удовольствия он не лишился в связи с поражением. Маньяк и разрушитель не проиграл»[69].

Гитлер, по Фромму,– типичный садомазохист, в его характере есть две тенденции, свойственные авторитарной личности: жажда власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Для Гитлера инстинкт самосохранения идентичен стремлению к власти, он заявляет, что у арийца этот инстинкт принял благородную форму подчинения себя и своей жизни обществу. По Гитлеру, природа – великая сила, которой мы должны подчиняться, а вот над живыми существами следует господствовать. Свои действия Гитлер считал подчинением высшей силе, провидению, биологическим законам. Садизм и некрофилия видны в одной сказанной им фразе: «Все, чего они (массы) хотят, это чтобы победил сильный, а слабый был уничтожен или безжалостно подавлен»[70]. «В “Майн кампф” Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Оно характерно и для его отношения к немецкому народу, который он презирает и “любит” типично по-садистски, и для его отношения к политическим противникам, против которых направлены его разрушительные наклонности, составляющие существенную долю его садизма. Вот что он пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: “Чего они хотят – это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого”. “Как женщина, которая предпочтет подчиниться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы; часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми. Они не осознают ни наглости, с которой их духовно терроризируют, ни оскорбительного ограничения их человеческих свобод, потому что им никогда не приходит в голову, как их обманывает эта доктрина”»[71]. Массы в Германии, по Фромму, также желали садистского удовлетворения, что выразилось в подавлении расовых и политических меньшинств[72].

«Презрение Гитлера к слабым становится особенно очевидным, когда он говорит о людях, чьи политические цели – борьба за национальное освобождение – аналогичны целям, которые провозглашает он сам»[73]. Любовь к сильным и ненависть к слабым, типичная для садомазохиста, объясняют множество политических актов Гитлера. Садомазохистская идеология отражает и отношение индивида к массе: индивид – ничто, он должен признать свою ничтожность, раствориться в нации и государстве и ощущать от этого гордость. Гитлеру нужен строй, где человеку было бы недоступно личное счастье, где можно эксплуатировать бедность масс и заставить их верить в необходимость самопожертвования. Проповедь самопожертвования нацелена на реализацию стремления вождей к власти[74].

Садизм Гитлера, сообщает Фромм, проявился также в подавлении воли масс силой пропаганды. Он приводит точку зрения Гитлера, согласно которой физическая усталость его аудитории – наиболее желательное условие, способствующее их внушаемости. Гитлер прекрасно понимал психологию массовых митингов, где человек, придя из своего бытового мирка, начинает ощущать силу единства тысяч людей, пришедших на митинг и подвергающихся массовому внушению. Геббельс также хорошо понимал садомазохистскую связь масс и ее вождей[75]. «Он точно описывает зависимость садиста от его объекта: каким слабым и опустошенным он чувствует себя, если не имеет власти над кем-либо, и как эта власть дает ему новую силу»[76].

Можно предположить, отмечает Фромм, что некрофил и садист Гитлер был сексуальным извращенцем. С женщинами, которые в социальном плане стояли ниже его, у него были анально-садистские отношения, с тем, кто был выше – мазохистские. Гитлеру по-настоящему нравились мазохистские отношения с женщинами. Фромм

[67] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 327.

[68] См.: там же. С. 321, 323, 326, 345, 346, 350, 370, 371.

[69] Там же. С. 371.

[70] Там же. С. 350.

[71] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 187.

[72] См.: там же. С. 189, 198.

[73] Там же. С. 193.

[74] См.: там же. С. 195, 197.

[75] См.: там же. С. 187, 188.

[76] Там же. С. 188.

приводит рассказ известной немецкой киноактрисы Ренаты Мюллер, которую пригласил к себе Гитлер (он уже был канцлером) и потребовал бить его, отчего тот пришел в состояние экстаза. Вскоре после этого актриса покончила с собой[77]. «Примечательно, что многие женщины, бывшие в близких отношениях с Гитлером, покончили или пытались покончить жизнь самоубийством: Гели Раубаль, Ева Браун (дважды), Рената Мюллер, Юнити Митфорд и еще несколько более сомнительных случаев, о которых упоминает Мазер. Похоже, что деструктивность Гитлера имела отношение к этим самоубийствам»[78].

По Фромму, некрофилия и деструктивность Гитлера всегда принимала форму рационализации. Всякое разрушение, которое производилось по его приказу, также имело рациональное объяснение: «все это делалось во имя спасения, процветания и триумфа немецкого народа и с целью защиты его от врагов – евреев, русских, а затем англичан и американцев... Он упорно вытеснял из своего сознания собственное стремление к разрушению, избегая таким образом необходимости глядеть в лицо подлинным мотивам своих действий»[79]. У Гитлера наблюдался еще один способ вытеснения деструктивности – реактивное образование. Так, он, видимо, считал себя виновным в самоубийстве его племянницы (он сделал ее своей любовницей), что выразилось в наложении на себя своеобразного обета – быть вегетарианцем. Этим же объясняется его нелюбовь к охоте. Он никогда не присутствовал при убийствах или казнях, не мог выносить вида мертвых и раненых солдат. Эта фобия была защитной реакцией на страсть к разрушению. «В конце жизни, предчувствуя наступление своего последнего поражения, Гитлер уже более не мог подавлять страсть к разрушению. Это ярко проявилось в его реакции на зрелище мертвых тел руководителей неудавшегося заговора генералов в июле 1944 г. Человек, который еще недавно не мог выносить вида трупов, теперь распорядился, чтобы ему показали фильм о пытках и казнях генералов, где были засняты их тела в тюремной одежде, висящие на крюках с мясокомбината. Фотографию этой сцены он поставил на свой письменный стол»[80]

Гитлер рационализирует свою жажду власти. «Основные оправдания таковы: его господство над другими народами преследует их собственные интересы и интересы мировой культуры; стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он признает лишь эти законы и следует им; сам он действует по велению высшей власти – Бога, Судьбы, Истории, Природы; его стремление к господству – это лишь защита от стремления других к господству над ним и над немецким народом. Он хочет только мира и свободы»[81]. За негодованием Гитлера по поводу несправедливости Версальского договора также стояла жажда власти и завоеваний[82].

Гитлер рационализирует также свой садизм. Во-первых, немецкий народ призван историей с помощью войны стать повелителем мира ради торжества высшей культуры. Во-вторых, стремление к власти обусловлено законами природы и выражается в инстинкте самосохранения. Отождествление инстинкта самосохранения с властью над другими находит выражение в гипотезе Гитлера, что первая человеческая цивилизация была основана не на приручении животных, а на использовании «низших людей». Гитлер переносит свой садизм на природу, заявляя, что ее закон самосохранения «связан с железным законом необходимости, по которому лучший и сильнейший в этом мире имеет право на победу»[83]. Теория Ч. Дарвина, по Фромму, не несет в себе садизм, но Гитлер вкладывает в нее именно этот смысл. В-третьих, Гитлер защищается от нападения от других: «Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги – звери и садисты»[84]. Обвинения других народов «имеют функцию защиты от разоблачения собственного садизма». Гитлер обвиняет евреев, коммунистов и французов в тех вещах, которые провозглашает законными целями собственных действий[85].

Гитлер, по Фромму,– ярко выраженный нарцисс, считающийся только с собой, для которого мир фантазий является подлинной реальностью. Гитлер интересовался только собой, своими мыслями и желаниями. Мир был для него реальным лишь в той мере, в какой являлся объектом его замыслов. Люди для него что-нибудь значили, только если и пока ему служили, ему было присуще абсолютное отсутствие способности любить и сопереживать. В своих суждениях Гитлер опирался не на анализ и знание, а на эмоции. Факты ему замещала идеология, поскольку она отражала его фантазии и удовлетворяла эмоционально. Нарциссизм Гитлера проявился уже в юности и молодости, когда он демонстрировал склонность к безделью и страх перед любым трудом, неспособность к систематической работе, он делал только то, что давалось ему легко. Это было одним из факторов,

[77] См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. С. 352–355.

[78] Там же. С. 355.

[79] Там же. С. 348.

[80] Там же. С. 349.

[81] *Фромм Э.* Бегство от свободы. С. 190.

[82] См.: там же. С. 65.

[83] Там же. С. 191.

[84] Там же. С. 192.

[85] См.: там же.

вследствие которых он все более отрывался от действительности[86].

Из предложенной Фроммом характеристики напрашивается вывод: Гитлер – зверь, место которому в психиатрической больнице с надежной и строгой охраной. Если это так, то встает вопрос: как Гитлер смог прийти к власти и стать властелином Европы? Фромм понимает это и, стремясь к объективности, заявляет, что Гитлер был выдающимся политиком и демагогом, но не был сумасшедшим, хотя и имел ряд патологических черт. Находясь на вершине власти, он не выглядел психопатом, даже в свои последние дни владел собой. С клинической точки зрения Гитлер не был безумцем, но с точки зрения человеческих отношений здоровым его не назовешь. Фромм признавал, что потенциального фюрера, садиста и некрофила, трудно распознать: «Деструктивная личность демонстрирует миру добродетель: вежливость, предусмотрительность, любовь к семье, любовь к детям, любовь к животным»[87]. Так, Гитлер хорошо умел играть роль дружелюбного, чуткого человека. В этом признании Фромма видна слабость психоанализа, который может составить портрет человека лишь задним числом, по результатам его деятельности, давать точный прогноз психического развития личности он не способен.

Психоаналитический портрет Гиммлера, составленный Фроммом, это также образ не душевнобольного, а морального урода, имевшего серьезную психопатологию. Согласно Фромму, Гиммлер – классический случай анального (накопительного) садомазохистского характера, основные черты которого – супераккуратность и чрезмерный педантизм. Поскольку предпосылки для садистского развития наблюдаются уже в детстве, Гиммлер имел садистический характер еще до того, как стал рейхсфюрером. Главный патологический фактор формирования личности Гиммлера – удушливая и замкнутая атмосфера его семьи, где не было искренности и добра, но царила атмосфера законопослушания, педантизма, показного патриотизма и карьеристских устремлений. Семья Гиммлеров принадлежала к самой нижней ступени кайзеровской системы и страдала от ненависти к богатым и вышестоящим, своего бессилия, бесперспективности подняться по социальной лестнице и безотрадности. Чем больше социальная ситуация в Германии разрушала статус его класса, тем сильнее росли в нем озлобление и карьеризм. У Гиммлера сформировался комплекс социальной неполноценности, связанный с тем, что его отец, будучи профессором гимназии, стоял на нижней ступени монархической иерархии. Его зависть к дворянству компенсировалась карьерой в нацистской Германии: став главой СС, он выступил своеобразным предводителем нового немецкого дворянства[88].

По Фромму, Гиммлер, человек в духовном и психологическом отношении слабый, долго находился под влиянием сильного отца и в зависимости от матери, что тормозило его развитие. Потребность в сильном отце основывалась на собственной беспомощности, он слишком долго был ребенком, не хотел становиться мужчиной и нуждался в материнской любви. Отсюда – поиск сильного лидера, который дал бы ему ощущение уверенности в себе, поскольку близость к фюреру компенсировала ему недостающие личные качества. Власть и жестокость должны были заменить Гиммлеру силу, волю, активность, но эта попытка была обречена, так как слабак не может стать сильным с помощью жестокости[89].

Гиммлер, утверждает Фромм, был безвольным человеком, что он компенсировал подчинением себе других людей. Благодаря своей педантичности и любви к порядку Гиммлер приобрел некоторое чувство уверенности. Он завидовал тем, кто от рождения был наделен силой, волей и уверенностью в себе. Гиммлер был абсолютным приспособленцем, даже своими садистским страстями он управлял, исходя из своей выгоды. Он был бесчестным и неверным, вечно лгал, даже самому себе, проповедовал силу и мужество, а сам был слабым и трусливым. Гиммлер должен был достигнуть абсолютной власти, чтобы преодолеть в себе чувство слабости и тотальной жизненной импотенции. Он кончил жизнь самоубийством, поскольку решил, что лучше умереть, чем вернуться в положение человека без власти, т.е. снова стать слабаком. Гиммлер подчинялся не потому, что какой-то человек внушал ему ужас, а потому, что в нем самом сидел страх, но не перед авторитетом, а перед жизнью, что рождало в нем потребность подчинения. Если Гитлер был бунтарем, то у Гиммлера была потребность в подчинении. Ему нужна была могущественная фигура Гитлера для компенсации собственной слабости. Для Гиммлера Гитлер был человекобогом, носителем души мирового германского духа, имевшим миссию победить Восток и спасти арийскую расу. Национал-социалисты, к которым примкнул Гиммлер в ранней молодости, внушали ему силу, достойной подчинения. Свою потребность в подчинении он перенес с отца на национал-социалистов[90]. «Гиммлер дает прекрасный пример противоречия между образом и сущностью

[86] См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. С. 330, 331, 350.

[87] Там же. С. 372.

[88] См.: там же. С. 262, 267, 278, 280.

[89] См.: там же. С. 264.

[90] См.: там же. С. 263, 264, 267, 277, 278.

многих политических лидеров. Это пример бессовестного садиста и труса, выступающего в обличии доброго, лояльного и мужественного человека»[91].

В другое время, замечает Фромм, Гиммлер со своими садистическими наклонностями и ограниченными способностями нашел бы место где-нибудь в бюрократической структуре (учитель, почтовый служащий, чиновник), достигнув довольно высокого положения (но не ключевых высот, поскольку не имел подлинной творческой фантазии и здравого смысла для принятия решений)[92]. «Среди нас живут тысячи гиммлеров. С социальной точки зрения в обычной жизни они не приносят большого вреда... Но когда силы разрушения и ненависти грозят поглотить все общество, такие люди становятся особенно опасными. Ведь они всегда готовы быть для правительства орудием ужаса, пыток и убийств»[93]. В данном случае Фромм проводит глубокую мысль о том, психическая патология имманентно присуща всем индивидам в большей или меньшей степени, она слабо себя проявляет при относительно нормальной жизни общества и приобретает радикальные формы в условиях социальных катаклизмов. Заслуга психоанализа состоит, в частности, в умении распознать психопатологию, казалось бы, во внешне обычных людях и привычной для обывателя обстановке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 361.
2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 262–264, 267, 277–280, 321, 323, 326, 327, 330, 331, 345, 346, 348–350, 352–355, 370–372.
3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 8, 10, 11, 13–18, 30, 31, 34–37, 39–41, 44, 45, 47–51, 59, 62, 65, 68–71, 73, 74, 76, 78–90, 92, 93, 123, 124, 126–128, 132–138, 140–142, 146–149, 152–159, 173, 176–183, 186–193, 195, 197–200.
4. *Фромм Э.* Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 305, 306.
5. *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953.
6. *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971.
7. *Smith B.F.* Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

REFERENCES

1. Three interviews of K.G. Jung (1933, 1938, 1945) // Odaynik V. Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 361 (in Russ.).
2. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. M., 1994. P. 262–264, 267, 277–280, 321, 323, 326, 327, 330, 331, 345, 346, 348–350, 352–355, 370–372 (in Russ.).
3. *Fromm E.* Flight from freedom. M., 1989. P. 8, 10, 11, 13–18, 30, 31, 34–37, 39–41, 44, 45, 47–51, 59, 62, 65, 68–71, 73, 74, 76, 78–90, 92, 93, 123, 124, 126–128, 132–138, 140–142, 146–149, 152–159, 173, 176–183, 186–193, 195, 197–200 (in Russ.).
4. *Fromm E.* From the captivity of illusions // Fromm E. The soul of man. M., 1992. P. 305, 306 (in Russ.).
5. *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953.
6. *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971.
7. *Smith B.F.* Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, RAS expert, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

[91] Там же. С. 278.

[92] См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. С. 278.

[93] Там же. С. 279.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 122–127
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 122–127

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИИ ВЛАСТИ В РАБОТАХ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ

© 2022 г. В. Т. Кабышев

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: elechkak@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.04.2022 г.

Аннотация. В статье исследуются работы конституционалистов советского и постсоветского этапов развития России. Кроме того, обращается внимание на реакцию спецоперации российских войск на Украине видных военных и общественных деятелей современной России. Особое внимание уделено заявлениям Президента РФ В.В. Путина странам альянса НАТО по поводу продвижения войск альянса на восток к границам Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, Донбасс, военная спецоперация России.

Цитирование: *Кабышев В.Т.* Анализ психологии власти в работах конституционалистов советского и постсоветского этапов развития России // Государство и право. 2022. № 9. С. 122–127.

DOI: 10.31857/S102694520022204-5

ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGY OF POWER IN THE WORKS CONSTITUTIONALISTS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET STAGES OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

© 2022 V. T. Kabyshev

Saratov State Law Academy

E-mail: elechkak@yandex.ru

Received 11.04.2022

Abstract. The article examines the work of the constitutionalists of the Soviet and post-Soviet stages of Russia's development. In addition, attention is drawn to the reaction of the special operation of Russian troops in Ukraine by prominent military and public figures of modern Russia. Special attention is paid to the statements of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the countries of the NATO alliance regarding the advance of the alliance's troops to the east to the borders of the Russian Federation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Donbass, military special operation of Russia.

For citation: *Kabyshev, V.T. (2022).* Analysis of the psychology of power in the works constitutionalists of the Soviet and post-Soviet stages of Russia's development // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 122–127.

Помощь жителям Донбасса была долгом Российской Федерации, иначе поступить было нельзя.

Санкции против России были бы введены в любом случае.

Многие страны подобострастно-принимают решения «своего сюзерена», но Российская Федерация не может существовать в таком унизительном положении[1].

День «Z» опередил день «Ч». Киевский режим намечал штурм Донбасса на март 2022 г.[2]

«Священный долг!» – народный художник СССР, академик РАХ А.М. Шилов о спецоперации российских войск на Украине. Искусство должно очищать, облагораживать и возвышать человеческие души, воспитывать патриотизм...

Защищая наше Отечество, Президент РФ В.В. Путин думает не только о настоящем, но и о том, чтобы оставить нашим потомкам Россию сильной, мощной, великой державой. Президента вынудили начать спецоперацию[3].

Генерал Борис Громов, Герой Советского Союза, обращаясь к своим боевым товарищам-«афганцам» на Украине, подчеркнул: НЕ ПРЕДАВАЙТЕ БОЕВОЕ БРАТСТВО.

Для России Украина – своя, родная, близкая страна...

Не предавайте своих боевых товарищей ни за какие деньги! Это не по-христиански, не по-божески! Помните – Россия никогда и никому не сдавалась![4]

КРАСНАЯ ЛИНИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА. Президент РФ годами предупреждал НАТО о нерасширении и о несоблюдении договоренностей по поводу продвижения войск альянса на восток к границам Российской Федерации. Об этом Президент РФ говорил еще на Мюнхенской конференции по безопасности, которая прошла 10 февраля 2007 г. Выступление было посвящено однополярности современной мировой политики, а также роли России в сегодняшнем мире. Об этом Президент РФ обращал внимание на различных форумах – 2008, 2013, 2018, 2020, 2021, 2022 гг. В обращении 24 февраля 2022 г. он указал на то, что все доводы против расширения НАТО оказались напрасны. «Дальнейшие инфраструктуры Северо-атлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы. Дело, конечно, не в самой организации НАТО – это только инструмент внешней политики США. Проблема в том, что на прилегающих к нам территориях, замечу, на наших же исторических территориях – создается враждебное нам "анти-Россия", которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием»... Для нашей страны – это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они ее перешли»[5].

Исследование вопросов психологии властвования – это анализ и выявление социально-психологических путей становления российской государственности. Психология нынешнего властвования – это психология рыночного хозяйствования, психология собственника; психология носителей властных полномочий в условиях становления разделения властей; психология умелого применения власти должностными лицами; психология граждан, осуществляющих власть и участвующих во власти.

Психология властвования (во всех аспектах) неотделима от культуры властвования. Культуре в обществе вообще (политической в особенности и конституционной, в частности) принадлежит важная роль. От уровня зрелости политической культуры зависит уровень развитости демократии, гражданского общества. Политическую культуру определяют как уровень и характер политических знаний, оценок и действий граждан и как содержание и качество социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения. Будучи достижением человеческой цивилизации, культура влияет на способы осуществления власти. Именно уровень политической культуры масс, степень ее развития определяют успех модернизации Российского государства и общества. В общественном сознании происходят глубокие перемены. Вообще развитие политической культуры – это сложный процесс, он протекает волнообразно. Прежние традиции и нормы, политическая психология еще длительное время сосуществуют и борются с новыми. От чего мы хотим избавиться? От административно-командного пресса, от вседозволенности властвующих управленцев, от пассивности и равнодушия граждан, от привычки все делать по команде сверху?

Необходимо иметь в виду, что определенная часть общества еще не в полной мере осознала, что в определенной мере мы все являемся продуктом системы социально-психологических отношений, сформированных советской системой. Она

[1] См.: Россия не закрывается // Росс. газ. 2022. 16 марта. С. 2.

[2] См.: День «Z» опередил день «Ч» // Там же. С. 5.

[3] См.: *Шилов А.М.* «Священный долг!» // Там же. 9 марта. С. 6.

[4] См.: *Громов Б.* Не предавайте боевое братство // Там же. 16 марта. С. 8.

[5] Красная линия Владимира Путина // События недели. Итоги и факты. 2022. 8 марта. № 10. С. 8.

сформировала общество психологически. Поэтому сознание отдельного человека находится как бы во вчерашней жизни. Индикатором эволюции его взглядов, убеждений выступают объективные общественные отношения, в сфере которых он (человек) находится.

Изменение конституционных отношений явилось причиной принятия Конституции РФ 1993 г. Последняя, выступая конституционной ценностью, отражая цели и задачи дальнейшего развития общества, государство, формирует конституционно-правовое мировоззрение[6].

Взаимоотношения власти и конституционной культуры в системе конституционных отношений имеет несколько аспектов: исторический, социально-психологический, правовой. Как советский, так и российский менталитет своими истоками уходит в историю. Так, древнерусский человек находился как бы в предправовом состоянии. Советский человек на первом этапе находился в парадигме политического и социально-психологического состояния общества, выраженного в противопоставлении «друг-враг». Следует заметить, что именно политико-правовая культура советской политической системы явилась ее «ахиллесовой пятой».

Симптоматично, что известный политолог – специалист по исследованию российской элиты О.В. Криштановская с тревогой констатирует: и у нынешней власти «интеллектуальная недостаточность», опора на административный ресурс, отсутствие внятных целей для общества, система имитантов (подделок, имитирующих партий, общественных организаций и даже оппозиций). Все это контролируется сверху. По сути, происходит возврат к прежним советским технологиям[7]. Почему это происходит? Родоначальник гласности А.Н. Яковлев считал, что причина кроется в психологии вождизма, традиционно присущего для России: царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и т.д. Мы боимся любого начальника, мы не боимся ни землетрясений, ни потопов, ни пожаров, ни воин, ни терактов. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Вот российский парадокс[8]. В этих суждениях квинтэссенция психологии власти в России.

Полноценный конституционный строй наступит в России, считает Б.А. Страшун, когда исчезнут авторитарные методы правления[9].

Психология власти находит свое проявление и в символах власти. Для конституционного права важен прежде всего конституционно-правовой смысл символов власти. Символы власти выражают суверенитет государства.

Конституционно-правовое выражение символов власти проявляется в их конституционном статусе, конституционно-правовом регулировании применения, использования, защиты. А какое значение они имеют в социально-психологическом смысле? Нас завораживает, например, ритуал вступления в должность главы государства. При этом возникает целая гамма отношений как регулируемых правовыми, политическими, моральными нормами, так и не регулируемых, но выражаемых в социально-психологических явлениях (чувство гордости, восхищения властью, носителями властных полномочий и др.). Последние выполняют важную роль в конституционных отношениях, прежде всего поддержки власти, доверия, а иногда и недоверия в зависимости от субъектов их восприятия.

Важное значение как в инструментальном, так и в социально-психологическом механизмах власти принадлежит институту оппозиции власти. Институт оппозиции власти неотъемлемый элемент такой конституционной основы, как политический плюрализм. Конституционный строй, утверждая политические свободы граждан, тем самым охраняет и право личности на инакомыслие, ибо свобода слова, мысли лежат в основе политического плюрализма. Одно из проявлений политического плюрализма – многопартийность. Последняя выступает как форма общественного управления и действует как механизм использования расхождений интересов, инакомыслия и разномыслия в целях прогрессивного развития. Действительная, а не мнимая, многопартийность порождает политическую оппозицию, цель которой взятие власти. Конституционный строй признает только конституционную оппозицию. К сожалению, как свидетельствует политическая практика последних лет, такое явление, как оппозиция, являющееся важнейшим институтом саморегулирования общества, изображается страшилкой и приравнивается едва ли не к государственной измене. Поэтому любое критическое выступление в адрес власти вызывает шок[10].

«Отторжение» любой оппозиции властью, в том числе и конституционной, приводит к потере доверия народа к самой власти. Доверие – это одна из основных социально-психологических основ власти. Доверию противостоит «недоверие». Вообще

[6] См.: *Витрук Н.В.* Верность Конституции. М., 2008. С. 87.

[7] См.: Независимая газ. 2005. 18 февр.

[8] См.: там же. 19 апр.

[9] См.: *Страшун Б.А.* Некоторые перспективы конституционного права в эру глобализации // ВЮЗИ; МЮИ; МГЮА. М., 2006. Т. 1. С. 173.

[10] См.: *Самарина А.* Системное недостаточность // Независимая газ. 2009. 8 апр.

центральное звено социально-психологического механизма властвования составляет взаимоотношение таких социально-психологических явлений, как «доверие» и «недоверие»[11].

Противоположно доверию – недоверие власти к населению, гражданам, людей к власти, себе подобным. Доверие есть вид принятия солидарности, лояльности, открытости. Недоверие выступает видом социального отчуждения[12]. История свидетельствует, что власти, ее органам всегда оказывалось доверие со стороны масс. Так, старейшина, вождь племени пользовался неограниченным авторитетом. Доверие, оказываемое ему, формировалось за счет отказа в неограниченном доверии за счет множества остальных. Это была ступень слепого (некритического) доверия. Когда же этого доверия для поддержания авторитета и власти лидера, правителя недостаточно, они поддерживались насилием. Авторитет, власть окружались ореолом святости, незыблемости, недосягаемости, неоспоримости. Всякое неповиновение, недоверие власти жестоко каралось.

Поэтому властвующая элита любого общества и государства объективно заинтересовано в существовании веры у своих соплеменников, сограждан. В современных условиях любая политическая система недостаточно инструментально эффективна, она должна вызывать верность у граждан своего государства.

История свидетельствует, что власть и авторитет не могут вечно держаться на слепом доверии. Высшей формой престижа и авторитета власти выступает вполне добровольное и абсолютное доверие и подчинение масс. Необходимо отметить, что социально-психологический механизм доверия и механизм отказа в доверии оба очень сложны, они составляют сущность социально-психологической жизни. Научиться, отмечал Б.Ф. Поршнев, все лучшее учитывать и измерять, было бы важнейшим прогрессом науки[13].

Власть и авторитет порождены объективными потребностями и интересами человеческого коллектива, психически ими индуцированы. Следовательно, умелое применение власти, безграничная вера и поддержка ее обусловлены самой сущностью справедливого властвования[14], такого властвования, которое отвечает социальным потребностям и интересам данной общности или государства. Это начинается уже с того момента, когда власть возвращается обществу. Поэтому веления власти должны быть справедливы, отвечать объективным интересам и потребностям коллектива, общности, соответствовать его социальным потребностям. Экстраполируя эти теоретические суждения, можно констатировать следующее: в Конституции РФ 1993 г. нашли конституционное закрепление отдельные элементы социально-психологического механизма властвования. Во-первых, доверие народа как источника власти своим представителям – депутатам, высшим должностным лицам, юридически реализуются в акте выборов. Во-вторых, парадигма «доверие» – «недоверие» конституционно закреплена в системе «сдержек» и «противовесов» во взаимоотношениях законодательной власти в лице Государственной Думы, Федерального Собрания РФ – Правительства РФ и Президента РФ (ст. 117 Конституции РФ). Аналогично решается вопрос и на уровне взаимоотношения законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в сфере публичной власти муниципального уровня.

К сожалению, в Конституции РФ отсутствует норма, предусматривающая право Государственной Думы выразить официально недоверие отдельным членам Правительства РФ. В ряде стран мира предусматривается ответственность отдельных членов правительства (Дания, Швеция. Австрия, Греция, Финляндия, Польша). Следует заметить, что Государственная Дума практиковала применение выражения недоверия отдельным членам Правительства РФ[15].

Следует отметить, что Государственная Дума предпринимала попытку по внесению изменений в Конституцию РФ о введении персональной ответственности членов Правительства РФ. Так, 21 июня 1995 г. большинством голосов был одобрен Закон о внесении поправок в ст. 103 и 117 Конституции РФ[16]. Согласно этим поправкам, Государственная Дума могла добиться отставки отдельного члена Правительства РФ. По этой процедуре выражения недоверия Президент РФ не имел права распустить Государственную Думу. К сожалению, данные поправки не были приняты.

---

[11] См.: *Кабышев В.Т.* Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 133.

[12] См.: *Кокотов А.Н.* Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 37.

[13] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. С. 146.

[14] См.: *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2005. С. 264.

[15] См.: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 10.03.1995 г. № 5 69-1 ГД «О Министре внутренних дел Российской Федерации В.Ф. Ерине // СЗ РФ. 1995. № 11, ст. 962.

[16] См.: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21.06.1995 г. № 904-1 ГД «О Федеральном конституционном Законе “О поправках к статьям 103 и 117 Конституции Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1995. № 27, ст. 2521.

В контексте темы настоящей статьи несколько слов о роли политических партий в механизме властвования, и особенно, что чрезвычайно важно, в системе психологии властвования. Известно, что принцип многопартийности получил свое конституционное закрепление в Конституции РФ (ст. 13). Эта норма, в сущности, призвана стимулировать дальнейшее развитие демократии, новой политической системы, учитывающей как идеологическое, так и политическое многообразие в рамках формирования федеративного правового государства с республиканской формой правления. Однако переход полностью на пропорциональную систему распределения депутатских мандатов в Государственной Думе, 7%-ный барьер, отмена в избирательном бюллетене графы «против всех» и порога явки избирателей на выборах привели к модернизации как политической системы в целом, так и института свободных выборов как основополагающего института конституционного строя Российской Федерации. Все эти законодательные изменения не однозначно были восприняты среди как политических деятелей, так и ученых[17].

Важно обратить внимание на следующий аспект. Да, современные выборы способствуют формированию новой политической системы, становлению многопартийности. С одной стороны, это имеет положительное значение. Но, справедливости ради, следует сказать, что мы получили гипертрофированное правовое признание исключительности политических партий в избирательном процессе. Средствами массовой информации в общественное сознание внедряется стереотип: только ОНИ (политические партии) могут решать все наши проблемы, вывести Россию из тупика социально-экономического и политического развития. Но вряд ли это так. Не случайны, например, такие суждения: в числе угроз конституционному строю Российской Федерации – политические партии, узурпирующие права народа в его отношениях с государством (Б.С. Эбзеев[18]); «сидящие в парламенте» партии пользуются доверием только у 7% населения России, поэтому дальнейшая партизация государственной власти чревата очередными социально-политическими катастрофами (Л. Карапетян[19]); набирающая силу партизация власти чревата рецидивом восстановления отвергнутой народом схемы «партия-государство», поэтому претензии политических партий на управление государством неконституционны (С.Н. Бабурин[20]). Не вдаваясь в детальный анализ данной полемики, заметим следующее. Да! Это фактическая система властвования современной России. Но отражает ли она закономерности психологии властвования? И будет ли она способствовать утверждению справедливой власти, выражающей интересы и потребности многонационального народа Российской Федерации как носителя суверенитета и единственного источника власти?

Предмет данной статьи не позволяет дать более детальный анализ психологической школы власти. Мы привели ряд фрагментов мыслителей, которые актуально звучат и не утратили своей ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.* Непарламентская диктатура. О неконституционных претензиях политических партий // Независимая газ.– политика. 2009. 21 апр. С. 14.
2. *Витрук Н.В.* Верность Конституции. М., 2008. С. 87.
3. *Воробьев Н.И.* Конституционные проблемы избирательного права и демократии // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 88–97.
4. *Громов Б.* Не предавайте боевое братство // Росс. газ. 2022. 16 марта. С. 8.
5. День «Z» опередил день «Ч» // Росс. газ. 2022. 16 марта. С. 5.
6. *Кабышев В.Т.* Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 133.
7. *Карапетян Л.* Страсти по власти. Управление государством не должно базироваться на партийных списках // Независимая газ.– политика. 2009. 3 февр. С. 15.
8. *Кокотов А.Н.* Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 37.
9. Красная линия Владимира Путина // События недели. Итоги и факты. 2022. 8 марта. № 10. С. 8.
10. *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2005. С. 264.
11. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. С. 146.
12. Россия не закрывается // Росс. газ. 2022. 16 марта. С. 2.
13. *Самарина А.* Системное недостаточность // Независимая газ. 2009. 8 апр.
14. *Страшун Б.А.* Некоторые перспективы конституционного права в эру глобализации // ВЮЗИ; МЮИ; МГЮА. М, 2006. Т. 1. С. 173.
15. *Шилов А.М.* «Священный долг!» // Росс. газ. 2022. 9 марта. С. 6.

[17] См.: *Воробьев Н.И.* Конституционные проблемы избирательного права и демократии // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 88–97.

[18] См.: *Эбзеев Б.С.* Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражения в Конституции // Там же. С. 45.

[19] См.: *Карапетян Л.* Страсти по власти. Управление государством не должно базироваться на партийных списках // Независимая газ.– политика. 2009. 3 февр. С. 15.

[20] См.: *Бабурин С.* Непарламентская диктатура. О неконституционных претензиях политических партий // Там же. 21 апр. С. 14.

16. *Эбзеев Б.С.* Индивидуальное и коллективное в организации социума: объективные основания и отражения в Конституции // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 45.

REFERENCES

1. *Baburin S.* The non-parliamentary dictatorship. On unconstitutional claims of political parties // Nezavisimaya gas.– politics. 2009. 21 Apr. P. 14 (in Russ.).
2. *Vitruk N.V.* Fidelity to the Constitution. M., 2008. P. 87 (in Russ.).
3. *Vorobyov N.I.* Constitutional problems of electoral law and democracy // Constitutional Development of Russia: interuniversity collection of scientific articles. Saratov, 2008. Issue 9. P. 88–97 (in Russ.).
4. *Gromov B.* Do not betray the combat brotherhood // Ross. gas. 2022. March 16. P. 8 (in Russ.).
5. Day "Z' was ahead of day "CH" // Ross. gaz. 2022. March 16. P. 5 (in Russ.).
6. *Kabyshev V.T.* Democracy of developed socialism. Constitutional issues / ed. by I.E. Farber. Saratov, 1979. P. 133 (in Russ.).
7. *Karapetyan L.* Passions for Power. Government should not be based on party lists // Nezavisimaya gaz. – politics. 2009. February 3. P. 15 (in Russ.).
8. *Kokotov A.N.* Trust. Distrust. Law. M., 2004. P. 37 (in Russ.).
9. Vladimir Putin's Red Line // Events of the week. Results and facts. 2022. March 8. No. 10. P. 8 (in Russ.).
10. *Lafitskiy V.I.* Poetry of law: pages of lawmaking from antiquity to the present day. M., 2005. P. 264 (in Russ.).
11. *Porshnev B.F.* Social psychology and history. M., 1966. P. 146 (in Russ.).
12. Russia is not closed // Ross. gas. 2022. March 16. P. 2 (in Russ.).
13. *Samarina A.* Systemic insufficiency // Nezavisimaya gazeta. 2009. 8 Apr. (in Russ.).
14. Strashun B.A. Some perspectives of constitutional law in the era of globalization // VLSI; MLI; MSLA. M, 2006. Vol. 1. P. 173 (in Russ.).
15. *Shilov A.M.* "Sacred duty!" // Ross. gas. 2022. March 9. P. 6 (in Russ.).
16. *Ebzeev B.S.* Individual and collective in the organization of society: objective grounds and reflections in the Constitution // Constitutional development of Russia: interuniversity collection of scientific articles. Saratov, 2008. Issue 9. P. 45 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАБЫШЕВ Владимир Терентьевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры конституционного права им. профессора И.Е. Фарбера Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, корп. 1

Authors' information

KABYSHEV Vladimir T. –
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Professor Farber Constitutional Law, Saratov State Law Academy; 104, bld. 1 Chernyshevsky str., 410056 Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 128–139
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 128–139

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАНАДОЙ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ В ОТНОШЕНИИ АРКТИЧЕСКИХ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ

© 2022 г. И. С. Жудро

Институт государства и права Российской академии наук, г Москва

E-mail: joudreaux@mail.ru

Поступила в редакцию 16.02.2022 г.

Аннотация. Основанием для настоящего исследования стала отмечаемая схожесть географического положения Канады и Российской Федерации, как государств со значительной континентальной частью, приходящейся на Арктику, и наиболее протяженными побережьями в Арктике. Интерес к канадскому опыту реализации арктической правовой политики и, в частности, решения проблемы правового режима Северо-Западного прохода, вызван стоящими перед Российской Федерацией схожими проблемами в отношении вод арктических проливов Северного морского пути. В статье рассматриваются следующие проблемные вопросы: роль секторального принципа в истории формирования статуса арктических пространств Канады; практика природоохранного национально-законодательного регулирования Канады в Арктике; концепция исторических вод: исторические титулы в системе прямых исходных линий при обосновании прав Канады на морские арктические пространства; исторически сформировавшаяся позиция Канады в отношении осуществления прохода через свои арктические воды иностранных судов; опыт формирования правовых титулов Российского государства на арктические пространства.
Задача настоящего научного исследования – выявление тенденций в практике использования Канадой исторических правовых оснований при распространении суверенитета и юрисдикции на прилегающие арктические морские пространства. Цель – сформулировать возможные рекомендации по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной практики России в этой области.

Ключевые слова: арктические морские пространства, исторические правовые основания, внутренние воды, исходные линии, секторальный принцип, Канадский Арктический архипелаг, Северо-Западный проход, Северный морской путь.

Цитирование: Жудро И.С. Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств // Государство и право. 2022. № 9. С. 128–139.

DOI: 10.31857/S102694520022227-0

THE PRACTICE OF CANADA'S USE OF HISTORICALLY ESTABLISHED TITLES IN RELATION TO ARCTIC SEA SPACES

© 2022 I. S. Zhudro

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: joudreaux@mail.ru

Received 16.02.2022

Abstract. The basis for this study was the marked similarity of the geographical position of Canada and the Russian Federation as states with a significant continental part in the Arctic and the longest coasts in the Arctic. The interest in the Canadian experience of implementing the Arctic legal policy and, in particular, solving the problem of the legal regime of the Northwest Passage, is caused by the similar problems facing the Russian Federation in relation to the waters of the Arctic straits of the Northern Sea Route. The article deals with the following problematic issues: the role of the sectoral principle in the history of the formation of the status of Canada's Arctic spaces; the practice of environmental national-legislative regulation of Canada in the Arctic; the concept of historical waters: historical titles in the system of direct baselines in the justification of Canada's rights to Arctic Sea spaces; Canada's historically formed position regarding the passage through its Arctic waters foreign courts; experience in the formation of legal titles of the Russian state for the Arctic spaces.
The objective of this scientific study is to identify trends in the practice of Canada's use of historical titles when extending sovereignty and jurisdiction to the adjacent Arctic Sea spaces. The aim is to formulate possible recommendations for improving the normative and law enforcement practice of Russia in this area.

Key words: Arctic Sea spaces, historical titles, inland waters, baselines, sectoral principle, Canadian Arctic Archipelago, Northwest Passage, Northern Sea Rout.

For citation: *Zhudro, I.S. (2022).* The practice of Canada's use of historically established titles in relation to Arctic Sea spaces // Gosudarstvo i parvo=State and Law, No., 9, pp. 128–139.

Известно, что передача Великобританией Канаде Арктического архипелага (далее – Архипелаг) в 1880 г. происходила в условиях неопределенности границ и малой изученности его территорий, а также угроз притязаний на них Соединенных Штатов Америки. При таких обстоятельствах северными границами Архипелага было предложено считать «крайние пределы земель по направлению к Северному полюсу»[1].

Суверенитет Канады над сухопутными территориями Архипелага после ряда неудачных попыток его оспаривания (Данией, Норвегией) окончательно утвердился к 1930 г. Именно с опорой на неоспоримость этого суверенитета и на принцип «суша управляет морем»[2] Канада с начала XX в. обосновывает суверенные права на воды Архипелага, формируя тем самым свою последовательную арктическую правовую позицию.

Возражения других государств, в том числе продолжающиеся протесты США, не смогли сдержать этот эволюционный процесс, в развитии которого выделяются четыре этапа, причем, не столько сменявших, сколько дополнявших друг друга: следование секторальному принципу; распространение природоохранной юрисдикции; опора на титул исторических вод; использование метода прямых исходных линий.

В итоге сегодня можно констатировать комплексный подход Канады к отстаиванию своего арктического суверенитета. Каждый из составивших процесс его формирования этапов заслуживает рассмотрения как отдельная правовая позиция.

Этап первый – следование «секторальному принципу». В соответствии с секторальным принципом – все земли и воды, расположенные в границах сектора, образуемого северным побережьем Канады, 141-м и 60-м меридианами, сходящимися в Северном полюсе, объявлялись неотъемлемой частью территории Канады. На карте, выпущенной в 1904 г. Департаментом внутренних дел Канады, ее западная граница совпадала со 141-м меридианом, а восточная – с 60-м[3]. На опубликованном в 1906 г. «Атласе Канады № 1. Территориальное устройство» эти меридианы вплоть до Северного полюса – обозначались как канадские государственные границы[4]. В 1907 г. канадский сенатор Паскаль Пуарье в своей речи в Сенате сформулировал принцип арктического сектора: «Любое государство, которое сегодня владеет территориями в Арктике, будет иметь право, или должно иметь право, или имеет право на все земли, которые будут обнаружены в водах между линиями, протянувшимися в северном направлении от крайних точек его побережья на востоке и на западе. Все земли между этими линиями вплоть до Северного полюса должны принадлежать и принадлежат государству, чья территория распространяется на этот участок»[5]. Переходу под управление Канады всего

[1] *Володин Д.А.* Как Канада стала арктической державой // США & Канада: экономика – политика – культура. 2018. Вып. 11. С. 85–98. DOI: 10.31857/S032120680001913–8

[2] North Sea Continental Shelf (Germany v. Denmark; Germany v. Netherlands), Judgment, I.C.J. Reports 1969. P. 51 (§ 96). URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=e2&case=51&code=cs&p3=4

[3] См.: Explorations in Northern Canada and Adjacent Portions of Greenland and Alaska. 1904. URL: http://ve.torontopubliclibrary.ca/frozen_ocean/map_explorations_1904.htm

[4] См.: *Николаев А.Н., Буник И.В.* Международно-правовое обоснование Канадой прав на ее арктический сектор // Московский журнал междунар. права. 2007. № 1. С. 6.

[5] *Timtchenko L.* The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present // Arctic. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 29 (Citing Canada Senate Debates. 1907. P. 271). URL: http://arctic.synergiesprairies.ca/arctic/index.php/arctic/article/view/1088/1114

Арктического архипелага, к северу от материкового побережья вверх до 90-й параллели северной широты между 60-м и 141-м меридианами западной долготы, посвящен установленный в 1909 г. на о. Мелвилл мемориальный знак[6]. О секторальной теории как основании претензий Канады «**не только на земли** в пределах сектора, но равным образом и **на воды**, скованные льдом» было объявлено в 1946 г. послом Канады в США Лестером Пэрсоном[7]. Тем самым была выражена идея распространения суверенитета на все земли и, опосредованно, на **воды** «канадской Арктики». Следует заметить, что подобные претензии были допустимы с позиций международного морского права начала XX в. Однако сам секторальный принцип обоснования суверенитета над водами Архипелага вызвал возражения других государств, в частности, Норвегии, которая уточнила, что признание ею в 1930 г. канадского суверенитета над островами Свердрупа «никоим образом не было основано на каком-либо официальном одобрении того, что носит имя “секторальный принцип”»[8].

С развитием и кодификацией международного морского права Канаде пришлось скорректировать свою правовую позицию. С середины 60-х годов XX в. и вплоть до 1985 г. Канада официально не распространяла полный суверенитет **на все воды** Архипелага. Вокруг каждого острова были установлены границы территориального моря, на остальных участках сохранялся режим открытого моря. В 2006 г. премьер-министр Канады Стивен Харпер обозначил окончательный отказ от секторального принципа определения государственной границы в Арктике (по 60-му и 141-му меридианам), объявив, что: «на протяжении всей границы наша юрисдикция распространяется за ее пределы в море на 200 морских миль.., не больше, и не меньше»[9]. Между тем, для других целей в Арктике секторальный принцип сохранял свое значение. Следует отметить, что Канада «маскировала» распространение суверенитета на морские пространства под различные меры правового регулирования, например, природоохранные. Еще в 1906 г. принято законодательство о лицензировании китобойного промысла в водах севернее 50-й параллели. В соответствии с поправками к Закону Канады «О Северо-Западных территориях» 1925 г. любое освоение природных ресурсов в границах канадского **сектора** требует разрешения властей[10]. В 1926 г. в целях охраны живой природы Арктики и культуры инуитов Архипелаг объявлен заповедником в пределах **полярного сектора**. С 1922 по 1958 г. канадская Арктика, включая ее западную часть, патрулировалась отрядами Восточного арктического патруля и Канадской королевской конной полиции (с 1945 г. – Канадской береговой охраной)[11].

Этап второй – распространение природоохранной юрисдикции. Активно отстаивать права на осуществление в арктическом регионе специальной природоохранной юрисдикции (помимо суверенных прав в пределах границ территориального моря вокруг каждого из островов Архипелага) Канада начала во второй половине XX в. 1970 г. ознаменовался не только активной исследовательской деятельностью и картографированием вод Архипелага, но и установлением вокруг всего арктического побережья 100-мильной природоохранной зоны[12]. Поводом стал состоявшийся в сентябре 1969 г. проход американского танкера-ледокола «Манхэттен» из моря Бофорта в пролив Дэвиса по Северо-Западному проходу. Судно попало в ледовый затор, и было вынуждено пройти не по полосе открытого моря, а по водам более узкого пролива Принца Уэльского, которые незадолго до этого Канадой были официально объявлены внутренними. Проход повлек, не без участия СМИ, общественный резонанс – спровоцировал озабоченности рисками экологической катастрофы и стал вызовом для правовой позиции Канады[13]. Комментируя принятый в 1970 г. Закон, премьер-министр П. Трюдо специально оговаривал: «Это не претензия на суверенитет, это осуществление нашего желания

[6] См.: *Proells A., Müller T.* The Legal Regime of the Arctic Ocean // Heidelberg Journal of International Law. 2008. Vol. 68. P. 655.

[7] См.: *Pearson L.B.* Canada Looks Down North // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. P. 639. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1147. URL: http://law.vanderbilt.edu/publications/journal-of-transnational-law/archives/volume-42-number-4/download.aspx?id=4308

[8] Note from Daniel Steen, The Norwegian Chargé d'Affaires, London, to Arthur Henderson, Secretary of State for Foreign Affairs, London. 8 August 1930. URL: available at http://byers.typepad.com/arctic/1930.html

[9] Stephen Harper, Canadian Prime Minister, Speech on Securing Canadian Sovereignty in the Arctic. Iqaluit, Nunavut. 12 August 2006. URL: http://pm.gc.ca/eng/media.asp?id=1275

[10] См.: *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 121, 122. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1154, 1155.

[11] См.: Canadian Coast Guard. URL: http://www.ccg-gcc.gc.ca/eng/CCG/Home

[12] См.: Arctic Waters Pollution Prevention Act, R.S.C. 1970 (1st Supp.), p. 2, amended S.C. 1977–78, p. 41. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 60. URL: http://www.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/rjtvol38num1/02-Lalonde.pdf

[13] См.: *Pullen T.C., MacDonald H.I.* S.S. Manhattan's Northwest Passage Voyage – Observations by Canada's Representative (Feb. 12, 1970). Transcribed in: The Empire Club of Canada Addresses. 1970. URL: http://speeches.empireclub.org/details.asp?r=vs&ID= 61281&number=1

сохранить Арктику от загрязнения...»[14]. Госсекретарь по иностранным делам Митчелл Шарп по этому поводу высказался следующим образом: «Билль об Арктических водах представляет собой конструктивный и функциональный подход к охране окружающей среды. Он утверждает лишь ограниченную юрисдикцию, необходимую для достижения особой и крайне важной цели. Он отделяет ограниченную юрисдикцию в форме контроля за загрязнением от всей совокупности юрисдикций, из которых формируется суверенитет»[15]. Закон 1970 г. вызвал возражения других государств[16]. Подобное расширение юрисдикции с позиции международного права рассматриваемого периода выглядело спорным. США предложили Канаде добровольно передать данный вопрос на рассмотрение Международного Суда ООН, но получили отказ[17]. Тем не менее с включением в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. нормы ст. 234 канадская 100-мильная зона была косвенно одобрена мировым сообществом. В 2009 г. Канада внесла изменения в Закон 1970 г., расширив специальную юрисдикцию до 200 морских миль[18].

Этап третий – опора на титул «исторических вод». Не трудно заметить, что фактором, зачастую провоцировавшим Канаду на дополнительные меры по отстаиванию суверенных прав на арктические воды, становились проходы американских судов. Каждый раз реакция Канады выражалась в важных правовых решениях. В 1957 г., после того как три американских судна пересекли воды Северо-Западного прохода, в Палате Общин официально прозвучали следующие слова премьер-министра: «Правительство Канады рассматривает эти воды как **территориальные** воды Канады»[19]. Между тем до середины 60-х годов не существовало каких-либо специальных законодательных положений о территориальных водах[20]. Положение о трехмильном территориальном море вокруг островов Архипелага было закреплено в 1964 г. в Законе о территориальном море и рыболовных зонах[21]. 15 мая 1969 г., незадолго до скандального прохода американского танкера «Манхэттен», премьер-министр Канады Пьер Трюдо в парламенте озвучил правовую позицию правительства об отнесении островов, расположенных к северу от основной территории Канады, включая воды между ними к государственной территории Канады. При этом Трюдо отметил не бесспорность отнесения вод между островами архипелага к **внутренним** канадским[22]. Несмотря на официально провозглашенную позицию Канады, правовая реальность заключалась в том, что в отсутствие дополнительных претензий на воды Архипелага на тех участках его проливов, где трехмильные территориальные воды взаимно не перекрывались, продолжал действовать режим открытого моря вод с правом свободы судоходства. В 1969 г. ширина территориального моря была увеличена с трех до 12 морских миль, что обеспечило перевод большей части Северо-Западного прохода под-суверенитет Канады[23]. В водах же тех проливов, ширина которых была свыше 24 морских миль, по-прежнему действовал режим открытого моря. Сегодня обычные нормы об «исторических водах» – часть международного права, отраженная в универсальных конвенционных нормах, двусторонних соглашениях, практике Международного Суда ООН по ряду морских споров[24], доктринах специалистов по «историческим водам»[25]. Согласно практике Международного Суда ООН установление над определенными водами исторического титула подтверждает их статус как **внутренних**, в отношении которых прибрежное государство осуществляет

[14] Press Release. 8 April 1970. International Legal Materials. 1970. Vol. 9. P. 600, 601. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 61.

[15] House of Commons Debates. 16 April 1970. P. 5951. Cit. in: ibid. P. 62.

[16] См.: Comments of Erik Wang, Dir. of Legal Operations, Dep't of External Affairs, Can., House of Commons, Standing Comm. on External Affairs and Nat'l Def., Proceedings. No. 16. 27 April 1978. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1151; US diplomatic note, U.S. Opposes Unilateral Extension by Canada of High Seas Jurisdiction. Press Release. No. 121. 15 April 1970. Reprinted in: Department of State Bulletin. 11 May 1970. Vol. 62. P. 610, 611. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 62.

[17] См.: Canadian Declaration Concerning the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. 7 April 1970, Reprinted in: International Legal Materials. 1970. Vol. 9. P. 598. Cit. in: ibid; U.S. Dep't of State, Press Release No. 121. 15 April 1970. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1151.

[18] См.: Arctic Waters Pollution Prevention Act (R.S.C., 1985, c. A-12). URL: http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/A-12/page-1.html#h-1

[19] House of Commons Debates. 6 April 1957. P. 3186. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 58.

[20] Определение территориального моря в три морских мили содержалось в Уголовном кодексе Канады (см.: Criminal Code of Canada, S.C. 1953–54, c. 51, s. 420.), а также в Законе об охране прибрежных рыбных запасов (см.: Coastal Fisheries Protection Act, S.C. 1953, c. 15, s. 2(6)). Cit. in: ibid.

[21] См.: Territorial Sea and Fishing Zones Act, S.C. 1964–65, c. 22, Art. 3(1). Cit. in: ibid. P. 60.

[22] См.: Canada, House of Commons, Debates, Vol. 8, at 8720 (May 15, 1969).

[23] См.: Act to Amend the Territorial Sea and Fishing Zones Act, S.C. 1969–70, c. 68, s. 1243. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 63.

[24] Спор Великобритании против Норвегии, 1951 г., спор между Тунисом и Ливией, 1982 г., спор между Сальвадором и Гондурасом, 1992 г.

[25] *Вылегжанин А.Н.* Исторические воды: проблема обоснования статуса // Актуальные проблемы международного права. Международно-правовые проблемы территории: сб. науч. тр. / ред. кол.: Ф.И. Кожевников, Г.П. Задорожный, Э.С. Кривчикова. М., 1980.

полный суверенитет, и вправе исключать прохождение иностранных судов[26].

С опорой именно на эту практику Канада стала подкреплять свои права в Арктике ссылками на исторический титул. Методологической основой в данном случае послужил документ Секретариата ООН с результатами исследования правового режима исторических вод, в т.ч. исторических заливов 1962 г., обобщившего критерии наличия у государства исторических правооснований в отношении конкретного морского района: реализация властных полномочий как над историческими водами; непрерывность реализации упомянутых полномочий; отсутствие возражений других государств (тех, чьи интересы могут быть непосредственно затронуты)[27].

Можно говорить и еще об одном установленном Международным Судом ООН дополнительном условии – значении для жизненно важных экономических и оборонных интересах государства, исходя из особой географической формы его побережья.

Один из критериев, необходимых для признания за водами статуса внутренних в силу исторических прав,– общее молчаливое согласие государств – не был выполнен: США, посчитавшие свои интересы непосредственно затронутыми, и ЕС заявили протесты – в отношении как Закона 1970 г. о предотвращении загрязнения арктических вод, так и увеличения площади тех морских районов, над которыми Канада устанавливала суверенитет[28].

Ввиду недостаточности опоры на исторический титул, Канада вынуждена была усилить свою позицию дополнительной ссылкой на права коренного народа – инуитов, заявив об осуществлении суверенных прав в отношении вод Архипелага на протяжении гораздо большего периода времени. В октябре 1969 г. премьер-министр П. Трюдо сделал следующее заявление: «Канадские инуиты осуществляют свою деятельность на льдах, не задумываясь над тем, расположены ли они на суше или на воде... Арктическая часть Северной Америки за 450 лет постепенно стала Канадской Арктикой»[29]. Доклад, представленный в декабре 1969 г. в Палату Общин постоянным комитетом по делам индейцев и развития Северных территорий, содержал следующую формулировку: «Комитет считает, что воды, расположенные между островами Арктического архипелага, были и находятся под суверенитетом Канады с исторической, географической и геологической точек зрения»[30]. В 1976 г. Фонд культурного наследия инуитов по результатам опроса старейшин в ходе специального исследования пришел к выводу: «тысячи географических названий на участках Северо-Западного прохода звучат на инуитских диалектах, что подтверждает, что его льды и воды занимают центральное место в языке, культуре, истории и национальной идентичности»[31]. В основу канадской позиции был положен факт приобретения исторического титула на эти воды инуитами, еще до прибытия на континент европейцев, с последующей передачей его Канаде, что доказывалось наличием трех факторов:

во-первых, что льды могут быть предметом оккупации и приобретения наравне с сушей. Профессора С. Бойд и Д. Фаранд отмечали, что лед Архипелага обладает характеристиками, схожими с сушей, играя роль магистралей для инуитов, использовавших для передвижения собачьи упряжки»[32];

во-вторых, возможностью приобретения суверенных прав коренным народом, с опорой на решение Международного Суда ООН по Западной Сахаре 1975 г. о том, что территории, заселенные коренными народами, имеющими определенную степень социальной и политической организации, не являются terra nullius[33];

в-третьих, что коренной народ, имевший такие суверенные права, действительно передал их государству. В данном случае намерение инуитов передать Канаде любые права, которыми они могли обладать в отношении вод, в т.ч. льдов,

---

[26] См.: Continental Shelf (Tunisia v. Libyan Arab Jamahiriya), Judgment, I.C.J. Reports 1982. P. 73, 74 (§ 100). URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=c4&case=63&code=tl&p3=4; *Blum Y.Z.* Historic Titles in International Law, 1965. P. 296, 297; *Jia B.B.* The Regime of Straits in International Law. New York, 1998. P. 73–75. URL: http://books.google.ru/books?id=FkJtP1YVf_8C&printsec=frontcover&dq=The+Regime+of+Straits+in+International+Law&hl=ru&ei=LaPGTcGOFIiaOp6lze0B&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCoQ6AEwAA#v=onepage&q&f=true

[27] См.: A/CN.4/143 Juridical Regime of Historic waters including historic bays – Study prepared by the Secretariat. Juridical regime of historic waters, including historic bays. Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1962. Vol. II. P. 13. URL: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_143.pdf

[28] См.: *Proells A., Müller T.* Op. cit. P. 658; *Dufresne R.* Controversial Canadian Claims over Arctic Waters and Maritime Zones // PRB07-47E. Parliamentary Information and Research Service. Library of Parliament. Ottawa. 10 January 2008. P. 4. URL: http://www.parl.gc.ca/information/library/PRBpubs/prb0747-e.pdf; *Pharand D.* Les problèmes de droit international de l'Arctique. P. 152–154. URL: http://id.erudit.org/iderudit/702464ar

[29] I House of Commons Debates 39. 24 October 1969. In: *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 111. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1153.

[30] *Pharand D.* Op. cit. P. 111. Cit. in: ibid. P. 1153.

[31] Inuit Heritage Trust: Place Names Program. URL: http://www.ihti.ca/place-names/pn-index.html

[32] *Boyd S.B.* The Legal Status of the Arctic Sea Ice: A Comparative Study and a Proposal // Canadian Yearbook of International Law. 1984. Vol. 22. P. 105. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1156; *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 165. Cit. in: ibid. P. 1155, 1156.

[33] См.: Western Sahara, Advisory Opinion, 1975 I.C.J. Rep. P. 38–40. URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&k=69&case=61&code=sa&p3=4

Арктического архипелага, а равно факт такой передачи, подтверждается Соглашением о правах на землю Нунавута, которое было заключено между инуитами, проживающими в поселении Нунавут, и Канадой 25 мая 1993 г. По ст. 15 Соглашения канадский суверенитет над водами Арктического архипелага основан на их оккупации и использовании инуитами. В Соглашении подчеркивалась также зависимость культуры и экономической жизни инуитов от регионов, покрытых льдами[34]. В 2002 г. канадская позиция была сформулирована Департаментом иностранных дел и внешней торговли: «Абсолютный суверенитет Канады над этими водами, включая Северо-Западный проход, основывается на историческом титуле, и таким образом, в них не признается никакого права прохода. Кроме того, продолжающиеся с незапамятных времен использование и оккупация инуитами покрытых льдом территорий усиливают позицию Канады в отношении суверенитета»[35]. В 2005 г. инуиты Канады и Аляски обратились в Межамериканскую комиссию по правам человека с заявлением о климатических изменениях: «Хотя многие инуиты занимаются наемным оплачиваемым трудом, народ инуитов продолжает сильно зависеть от охоты. Традиционная "местная пища" гораздо питательнее, чем ввозимая пища, приобретенная в магазине. Охота с целью пропитания способствует духовному и культурному утверждению, и играет ключевую роль в передаче умений, знаний и ценностей от одного поколения к следующим, обеспечивая таким образом преемственность и развитие культуры... Инуиты развили очень близкие взаимоотношения со средой обитания, используя свое понимание арктической природы, чтобы развить сложную культуру, которая позволила им процветать при наличии небольшого количества ресурсов. Культура, хозяйство и национальная идентичность инуитов как коренного народа находятся в зависимости от льда и снега»[36].

Этап четвертый – установление системы прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага. Основываясь на решении Международного Суда ООН по англо-норвежскому спору о рыбных ресурсах 1951 г.,[37] Канада использовала фактор коренного населения при проведении прямых исходных линий вокруг Канадского арктического архипелага[38].

Провоцирующим фактором традиционно стал проход судна США «Полар Си» проливами, которые Канада считала своими внутренними водами[39]. Оценить правомерность встречных действий Канады, не являвшейся на тот момент участницей Конвенции ООН 1982 г., позволит анализ правил о допустимости прямых исходных линий с позиции международного обычного права. Прямые исходные линии, установленные с 1986 г. вокруг Архипелага на основании Закона о территориальном море и рыболовных зонах, отвечали критериям соответствия – общему направлению берега, тесной связи между сушей и морем и длительно осуществляемым **экономическим интересам местного населения**. Архипелаг удовлетворял географическим условиям проведения прямых исходных линий, перечисленным в упомянутом решении Международного Суда ООН 1951 г.: глубоко изрезан и извилист, воспринимается на крупномасштабной карте как «связанное, треугольное, скованное льдом единство»[40], его острова расположены настолько близко к северному берегу Канады, что могут рассматриваться как продолжение ее основного побережья[41]. Госсекретарь по иностранным делам Джо Кларк объявил: «Эти исходные линии обозначают внешнюю границу канадских исторических внутренних вод»[42]. При этом он изложил официальную реакцию Канады: «Суверенитет Канады в Арктике неделим ... охватывает сушу, море и лед. Он беспрерывно распространяется вплоть до морского побережья Арктических островов. Эти острова объединены, а не разделены, водами, находящимися между ними. С незапамятных времен канадский народ инуиты осуществляли оккупацию и использование льдов также, как они оккупировали и использовали сушу. Политика Правительства направлена на поддержание естественного единства Канадского арктического архипелага и сохранение суверенитета

[34] См.: The Nunavut Land Claims Agreement, Agreement Between the Inuit of the Nunavut Settlement Area and Her Majesty the Queen in Right of Canada, Can. Inuit, Art 15.1.1(c). 25 May 1993. URL: http://nlca.tunngavik.com

[35] Cit. in: *Dufresne R.* Op. cit. P. 3.

[36] См.: *Watt-Cloutier S.* Petition to the Inter American Commission on Human Rights Seeking Relief from Violations Resulting from Global Warming Caused by Acts and Omissions of the United States. 2005. URL: http://www.earthjustice.org/library/legal_docs/petition-to-the-inter-american-commission-on-human-rights-on-behalf-of-the-inuit-circumpolar-conference.pdf

[37] См.: Fisheries case (United Kingdom v. Norway), Judgement of December 18th, 1951: I.C.J. Reports 1951. P. 130. URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=a6&case=5&code=ukn&p3=4

[38] См.: *Proells A., Müller T.* Op. cit. P. 659, 660.

[39] Подробно об истории прохода «Полар Си» и о связанной с этим проходом дипломатической переписке см.: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1156–1159.

[40] *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 15, 16. Cit. in: *Proells A., Müller T.* Op. cit. P. 659.

[41] См.: *Killas M. T*he Legality of Canada's Claims to the Waters of its Arctic Archipelago. P. 113. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 71.

[42] *Joe Clark.* Sec'y of State for External Affairs, Statement on Sovereignty. 10 September 1985 // Politics of the Northwest Passage. Franklyn Griffiths ed., 1987. P. 271. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1161.

Канады над сушей, морем и льдом, неумаляемым и неделимым... Политика этого Правительства состоит в том, чтобы осуществлять абсолютный суверенитет в водах Арктического архипелага...»[43].

Последовали официальные протесты. От США: «Полное признание контроля Канады над Северо-Западным проходом положил бы конец правам США на осуществление судоходства в проходе на основании норм международного права»[44]. Европейское сообщество заявило: «государства-члены не могут признать действительность исторического титула, как обоснования исходных линий»[45].

Таким образом проведение прямых исходных линий стало наиболее полной правовой позицией, консолидировавшей прочие правовые титулы[46]. Что касается вопроса о сочетании международно-правовых механизмов исторических правооснований с прямыми исходными линиями, то надо констатировать, что выбор лишь одного правового инструмента в данном случае был бы не оптимален. Канадский опыт доказывает – интересы прибрежного арктического государства были лучше защищены сочетанием правовых институтов.

Исторически сформировавшаяся позиция Канады в отношении осуществления прохода через свои арктические воды иностранных судов

Известно, что внутренние воды в отличие от территориального моря не предполагают мирного прохода иностранных судов. Тем не менее право мирного прохода во внутренних водах, ограниченных прямыми исходными линиями, допускается, если до проведения прямых исходных линий данные воды не рассматривались как внутренние (эти положения норм Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. (ст. 5) и Конвенции по морскому праву 1982 г. (ст. 8) – своего рода «уступка» такой крупной морской державе как США, которая долгое время отстаивает право на свободу судоходства). Правовой статус исторических вод, таким образом, зависит от особенностей осуществления государством-претендентом суверенитета над данным районом – как над внутренними водами или как над территориальным морем.

Между тем Канада устанавливала систему прямых исходных линий не в соответствии с конвенционными положениями, а в соответствии с нормами обычного международного права, которые были определены в решении Международного Суда ООН 1951 г. по делу о рыболовстве. Возникает вопрос: рассматривались ли Канадой воды Архипелага до 1985 г. только как внутренние, и было ли это признано мировым сообществом?

На протяжении достаточно долгого периода времени Канада неоднократно обозначала свою позицию о том, что воды Архипелага должны считаться внутренними со всесторонним регулированием правового режима и абсолютным контролем судоходства[47]. В 1906 г. Канада объявила о принадлежности протоков и проливов между арктическими островами к «историческим» водам, квалифицировав в качестве таковых и акваторию Гудзонова залива, что в результате было признано и Соединенными Штатами Америки[48]. В 1970 г.– министр иностранных дел Митчел Шарп заявил о том, что Канада очевидно считает эти воды своими внутренними[49]. В 1973 г. правовое управление обнародовало правительственную позицию: «Канада также претендует на воды Канадского арктического архипелага как на свои внутренние воды на основании исторического титула, хотя они не объявлялись таковыми ни в договоре, ни в законе»[50]. В 1975 г. госсекретарь по иностранным делам Алан МакИчен объявил воды Архипелага внутренними водами Канады[51]. В 1980 г. МИДом Канады заявлено: «Канада продолжает придерживаться своей правовой позиции, что Северо-Западный проход не является проливом, используемым для международного судоходства, что воды, образующие проход, являются внутренними...»[52]. 1985 г. – госсекретарь по иностранным делам Джо Кларк

[43] House of Commons Debates. 10 September 1985. P. 6463. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 66, 67.

[44] U.S. Dep't of State, File No. P86 0019–8641. Cit. in: United States Responses to Excessive National Maritime Claims, Limits in the Seas No.112 // Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs, U.S. Dep't of State. P. 29. URL: http://www.state.gov/documents/organization/58381.pdf

[45] British High Commission Note No. 90/86 of July, 1986. Cit. in: United States Responses to Excessive National Maritime Claims. P. 29, 30.

[46] См.: *Dufresne R.* Op. cit. P. 4; *Pharand D.* Les problèmes de droit international de l'Arctique. P. 152–154.

[47] См.: *Pharand D.* Canada's Arctic Jurisdiction in International Law // Dalhousie Law Journal. 1983. Vol. 7. P. 329, 330. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 76.

[48] См.: Закон от июля 1906 г. о внесении изменений в законы о рыболовстве (Amendment to Fisheries Act).

[49] См.: House of Commons Debates. 16 April 1970. P. 5953. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 76.

[50] Letter of Canadian Bureau of Legal Affairs of 17 December 1973. Cited in: Dufresne R. Controversial Canadian Claims over Arctic Waters and Maritime Zones // PRB07-47E. Parliamentary Information and Research Service. Library of Parliament. Ottawa. 10 January 2008. P. 2. URL: http://www.parl.gc.ca/information/library/PRBpubs/prb0747-e.pdf

[51] См.: Canada, Minutes of Proceedings and Evidence of the Standing Committee on External Affairs and National Defence. No. 24. 22 May 1975. P. 6. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 76; *Николаев А.Н., Буник И.В.* С. 13.

[52] Canadian Practice in International Law during 1980 as Reflected Mainly in Public Correspondence and Statements of the Department of External Affairs // Canadian Yearbook of International Law. 1980. Vol. 19. P. 322. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 76.

объявил: «Наша цель – сделать так, чтобы Северо-Западный проход стал доступным морским путем для канадцев и для судоходства третьих стран... Однако судоходство будет осуществляться под контролем и в соответствии с другими мерами, которые требуются для обеспечения безопасности Канады, для сохранения окружающей среды и для благополучия инуитов и других обитателей Канадской Арктики»[53]. США направляют протесты по каждому случаю установления другими государствами статуса исторических вод, с 1960-х годов они заняли позицию в отношении Северо-Западного прохода как международного пролива, исходя из собственных технологических возможностей судоходства и навигации в ледовых пространствах, позволяющих активно использовать Северо-Западный проход в качестве коммерческого маршрута «Аляска – восточное побережье США».

США настаивают на статусе Северо-Западного прохода как пролива, используемого для международного судоходства, в водах которого и в воздушном пространстве над ним иностранные суда и летательные аппараты имеют право транзитного прохода в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г.[54] Компромиссом стало Соглашение 1988 г., по которому США обязуются испрашивать согласие Канады на любой проход ледоколов в водах, которые Канада считает внутренними, а Канада, в свою очередь, обязуется предоставлять такое разрешение на транзитный проход через СЗП для проведения морских научных исследований[55].

В основу попыток отнесения вод к международным проливам кладутся два критерия, сформулированные решением Международного Суда 1949 г. по делу о проливе Корфу, дополненные Конвенцией о территориальном море 1958 г. (ст. 16, п. 4) и Конвенцией ООН 1982 г. (ст. 37) – географический: «пролив, используемый для международного судоходства между одной частью открытого моря или исключительной экономической зоны и другой частью открытого моря или исключительной экономической зоны» и функциональный: фактическое использование для международного судоходства. Лишь потенциальной возможности для использования пролива недостаточно, чтобы он был признан проливом, используемым для международного судоходства[56]. Северо-Западный проход удовлетворяет географическому критерию – «Восточное окончание Северо-Западного прохода ведет в залив Баффина, пролив Дэвиса, Лабрадорское море и Атлантический океан, а западное окончание – к морю Бофорта, Чукотскому морю, Берингову проливу и Тихому океану»[57]. В какой степени Северо-Западный проход отвечает второму критерию – определить труднее. Д. Фаранд подчеркивает, что на протяжении многих лет Северо-Западный проход активно не использовался из-за ледяного покрова. За целый век (с 1905 по 2005 г.) было зафиксировано только 69 проходов через Северо-Западный проход, и все суда получили предварительное разрешение Канады на осуществление судоходства[58]. В настоящее время многие примеры свидетельствуют о потенциальном росте активности в использовании Северо-Западного прохода для международного судоходства. Если в будущем в течение достаточно долгого времени иностранные суда будут использовать Северо-Западный проход для мореплавания, не запрашивая и не получая разрешения Канады, и Канада не будет предпринимать никаких мер для поддержания статуса внутренних вод, то Северо-Западный проход приобретет статус международного пролива. И в этом контексте значима возможность прохода через пролив подводных лодок, которые могут не подниматься на поверхность и не уведомлять прибрежное государство. Из канадских источников известно, что атомные подводные лодки нескольких государств регулярно пересекают Северо-Западный проход. При этом возможно, что об отдельных проходах подводных лодок НАТО – союзников Канады ей известно, и она допускает их своим молчанием, что может негативно повлиять на ее правовую позицию[59].

Само обстоятельство, что проход иностранных подводных лодок через канадские арктические воды официально не признается ни государствами их флага, ни самой Канадой, отчасти подкрепляет ее позицию. Ведь в международном праве государство должно открыто заявить о каком-то праве, прежде чем его действия станут рассматриваться как способствующие установлению такого нового права. В любом случае проходы иностранных подводных лодок по проливам Архипелага не влияют

[53] House of Commons Debates. 10 September 1985. P. 6463. Cit. in: ibid. P. 80.

[54] См.: Часть III Конвенции ООН по морскому праву «Проливы, используемые для международного судоходства».

[55] См.: Agreement between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation. 11 January 1988. E101701 – CTS1988 No. 29. URL: http://www.treaty-accord.gc.ca/text-texte.asp?id=10170

[56] См.: Corfu Channel (United Kingdom v. Albania), Merits, (1949) I.C.J. Reports. URL: http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=cd&case=1&code=cc&p3=4

[57] *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 216. Cit. in: *Lalonde S.* Op. cit. P. 86.

[58] См.: *Pharand D.* The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit. P. 38–40. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1174.

[59] См.: *Byers M., Lalonde S.* Op. cit. P. 1176–1178.

на правовые позиции сторон до тех пор, пока подобная деятельность остается секретной. Но даже если Северо-Западный проход будет признан международным проливом, Канада сохранит определенные возможности для контроля и защиты своих прав в водах такого пролива[60].

Опыт Канады доказывает эффективность комплексного и постоянного, с опорой на исторический опыт, обоснования своих правовых титулов. Что же касается России, то ее опыт формирования правовых титулов на арктические пространства несомненно богаче канадского – насчитывает свыше 800 лет, начиная с Новгородского княжества и Великого княжества Московского, включая царскую Русь, Российскую Империю и СССР, предоставляет больше возможностей для задействования исторических правооснований.

Подтверждение прав России на полярные владения (земли и моря) находим в договорах начала XIX в., в том числе в русско-английской конвенции 1825 г. Указом Государя Императора 1821 г. «право торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах по всему северо-западному побережью Америки.., по островам Алеутским и по всем берегам Сибири предоставляется в пользование единственно российским подданным». Конвенцией об уступке Аляски 1867 г. впервые на международно-правовом уровне обозначена секторальная (меридианная) граница, которая приобрела важное юридическое значение для распространения Российской Империей, а позже СССР своего суверенитета в Арктике[61].

В конце XVIII – начале XIX в. в российских полярных владениях формируется административно-правовой режим, призванный сохранить и урегулировать уклад коренных народов – принимаются Степные уложения, Устав об управлении инородцев[62]. В XIX – XX вв. суверенитет России распространяется на все заливы, бухты, рейды «русского побережья Северного Ледовитого океана» и все Белое море к югу от линий, соединяющих входные мысы. В 1916 г. Министерство иностранных дел Российской Империи объявило о том, что все земли и острова, открытые экспедицией Б.А. Вилькицкого в 1913–1914 гг., которые «вместе с Новосибирскими, Врангеля и иными, расположенными близ азиатского побережья Империи островами, составляют продолжение к Северу континентального пространства Сибири», включаются в территорию России[63]. При этом на соответствующую циркулярную ноту российского МИДа не поступает ни одного протеста, что означает общее согласие.

СССР развил правовую позицию России объявив «территорией Союза ССР... все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова» в границах полярного сектора, что также не повлекло за собой ни одного протеста – ни от одного из государств на постановление Президиума ЦИК СССР 1926 г.[64] Причем использованный в документе термин «земли» по-разному толковался правоведами – в том смысле как подводные и подледные земли[65].

В отечественной правовой доктрине расположенные в пределах арктического сектора СССР акватории Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей отнесены к «историческим» внутренним[66]. В 1984 и 1985 гг. проведением исходных линий к таким водам были отнесены частично Карское море, Чёшская и Байдарацкая губы, Белое море, а также арктические проливы основной (прибрежной) трассы Северного морского пути,– Карские ворота, Шокальского, Вилькицкого, Дм. Лаптева, Санникова[67].

Важным шагом советского государства стало распространение в 1984 г. природоохранной юрисдикции в границах арктического сектора[68]. К заметным правовым шагам в подтверждение исторических прав Российской Федерации на морские

---

[60] В соответствии со ст. 38 (п. 3), 39, 40, 41, 42 (п. 1), 233 Конвенции ООН по морскому праву.

[61] См.: Конвенция об уступке Северо-Американских Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (Конвенция об уступке Аляски 1867 г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия6: в 3 т. М., 2013. Т. 3. С. 77–82.

[62] См.: *Нольде А.Э.* К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». М., 2011; Устав об управлении инородцев [1822 г.] // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 38. № 29126.

[63] См.: Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия. Т. 3. С. 140.

[64] См.: постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // СЗ СССР. 1926. № 32, ст. 203.

[65] См.: Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия. Т. 3. С. 23.

[66] См.: Международное право: учеб. для академического бакалавриата / под ред. А.Н. Вылегжанина: в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. Т. 1. С. 116, 117 (Бакалавр. Академический курс).

[67] См.: постановление Совета Министров СССР от 15.01.1985 г. № 56-22 «Перечень географических координат точек, определяющих положение исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа СССР у материкового побережья и островов Северного Ледовитого океана, Балтийского и Черного морей».

[68] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1984 г. № 1398-XI «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР» // Ведомости ВС СССР. 1984. № 48, ст. 863.

воды Арктики можно отнести нормы Закона, объявившие Севморпуть национальной транспортной магистралью[69].

* * *

Рассмотренный канадский опыт позволяет заключить: у Российской Федерации имеются все основания осуществить квалификацию примыкающих к арктическому побережью акваторий в качестве исторических вод – уточнить границы внутренних морских вод, не ограничиваясь лишь теми, которые обозначены постановлениями Совета Министров СССР 1984 и 1985 гг. как исторические (Чёшская и Байдарацкая губы, Белое море)[70]. Одновременно целесообразно определиться и с международно-правовой квалификацией проливов Северного морского пути – Карские ворота, Шокальского, Вилькицкого, Дм. Лаптева, Санникова. При том, что они уже перекрыты прямыми исходными линиями и являются внутренними водами Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. М., 2013. Т. 3. С. 23, 77–82. С. 140.
2. *Володин Д.А.* Как Канада стала арктической державой // США & Канада: экономика – политика – культура. 2018. Вып. 11. С. 85–98. DOI: 10.31857/S032120680001913–8
3. *Вылегжанин А.Н.* Исторические воды: проблема обоснования статуса // Актуальные проблемы международного права. Международно-правовые проблемы территории: сб. науч. тр. / ред. кол.: Ф.И. Кожевников, Г.П. Задорожный, Э.С. Кривчикова. М., 1980.
4. Международное право: учеб. для академического бакалавриата / под ред. А.Н. Вылегжанина: в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. Т. 1. С. 116, 117 (Бакалавр. Академический курс).
5. *Николаев А.Н., Буник И.В.* Международно-правовое обоснование Канадой прав на ее арктический сектор // Московский журнал междунар. права. 2007. № 1. С. 6, 13.
6. *Нольде А.Э.* К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». М., 2011.
7. *Blum Y.Z.* Historic Titles in International Law, 1965. P. 296, 297
8. *Boyd S.B.* The Legal Status of the Arctic Sea Ice: A Comparative Study and a Proposal // Canadian Yearbook of International Law. 1984. Vol. 22. P. 105. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1156–1159.
9. *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1151, 1176–1178. URL: http://law.vanderbilt.edu/publications/journal-of-transnational-law/archives/volume-42-number-4/download.aspx?id=4308
10. Canadian Practice in International Law during 1980 as Reflected Mainly in Public Correspondence and Statements of the Department of External Affairs // Canadian Yearbook of International Law. 1980. Vol. 19. P. 322. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 76.
11. *Dufresne R.* Controversial Canadian Claims over Arctic Waters and Maritime Zones // PRB07–47E. Parliamentary Information and Research Service. Library of Parliament. Ottawa. 10 January 2008. P. 3, 4. URL: http://www.parl.gc.ca/information/library/PRBpubs/prb0747-e.pdf
12. *Jia B.B.* The Regime of Straits in International Law. New York, 1998. P. 73–75. URL: http://books.google.ru/books?id=FkJtP1YVf_8C&printsec=frontcover&dq=The+Regime+of+Straits+in+International+Law&hl=ru&ei=LaPGTcGOFIiaOp6lze0B&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCoQ6AEwAA#v=onepage&q&f=true
13. *Joe Clark*. Sec'y of State for External Affairs, Statement on Sovereignty. 10 September 1985 // Politics of the Northwest Passage. Franklyn Griffiths ed., 1987. P. 271. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1161.
14. *Killas M. T*he Legality of Canada's Claims to the Waters of its Arctic Archipelago. P. 113. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 71. URL: http://www.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/rjtvol38num1/02-Lalonde.pdf
15. *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 60–63, 66, 67, 76, 80. URL: http://www.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/rjtvol38num1/02-Lalonde.pdf
16. *Pearson L.B.* Canada Looks Down North // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. P. 639. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1147. URL: http://law.vanderbilt.edu/publications/journal-of-transnational-law/archives/volume-42-number-4/download.aspx?id=4308
17. *Pharand D.* Canada's Arctic Jurisdiction in International Law // Dalhousie Law Journal. 1983. Vol. 7. P. 329, 330.

[69] См.: Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3833.

[70] См.: постановление Правительства РФ от 16.11.2021 г. № 1959 «Об утверждении перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации, прилежащей зоны Российской Федерации у материкового побережья и островов Российской Федерации в Северном Ледовитом океане, и о признании недействующим на территории Российской Федерации раздела "Северный Ледовитый океан" перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, экономической зоны и континентального шельфа СССР у материкового побережья и островов Северного Ледовитого океана, Балтийского и Черного морей, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 15 января 1985 г. № 56–22» // СЗ РФ. 2021. № 47, ст. 7863.

18. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 111, 121, 122. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 152–154, 1153–1156.

19. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 216. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 86.

20. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 15, 16. Cit. in: *Proells A., Müller T.* The Legal Regime of the Arctic Ocean // Heidelberg Journal of International Law. 2008. Vol. 68. P. 659.

21. *Pharand D.* Les problèmes de droit international de l'Arctique. P. 152–154. URL: http://id.erudit.org/iderudit/702464ar

22. *Pharand D.* The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit. P. 38–40. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1174.

23. *Proells A., Müller T.* The Legal Regime of the Arctic Ocean // Heidelberg Journal of International Law. 2008. Vol. 68. P. 655, 658–660.

24. *Pullen T.C., MacDonald H.I.* S.S. Manhattan's Northwest Passage Voyage – Observations by Canada's Representative (Feb. 12, 1970). Transcribed in: The Empire Club of Canada Addresses. 1970. URL: http://speeches.empireclub.org/details.asp?r=vs&ID= 61281&number=1

25. *Timtchenko L.* The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present // Arctic. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 29 (Citing Canada Senate Debates. 1907. P. 271). URL: http://arctic.synergiesprairies.ca/arctic/index.php/arctic/article/view/1088/1114

26. *Watt-Cloutier S.* Petition to the Inter American Commission on Human Rights Seeking Relief from Violations Resulting from Global Warming Caused by Acts and Omissions of the United States. 2005. URL: http://www.earthjustice.org/library/legal_docs/petition-to-the-inter-american-commission-on-human-rights-on-behalf-of-the-inuit-circumpolar-conference.pdf

REFERENCES

1. The Arctic region: problems of international cooperation: anthology: in 3 vols. M., 2013. Vol. 3. P. 23, 77–82. P. 140 (in Russ.).

2. *Volodin D.A.* How Canada became an Arctic power // USA & Canada: economics – politics – culture. 2018. Issue 11. P. 85–98. DOI: 10.31857/S032120680001913–8 (in Russ.).

3. *Vylegzhanin A.N.* Historical waters: the problem of substantiating the status // Actual problems of International Law. International legal problems of the territory: collection of scientific works / editorial board: F.I. Kozhevnikov, G.P. Zadorozhny, E.S. Krivchikova. M., 1980 (in Russ.).

4. International Law: studies for academic undergraduate studies / ed. by A.N. Vylegzhanin: in 2 vols. 3rd ed., reprint and add. M., 2015. Vol. 1. P. 116, 117 (Bachelor. Academic course) (in Russ.).

5. *Nikolaev A.N., Bunik I.*V. International legal justification of Canada's rights to its Arctic sector // Moscow Journal of International Relations law. 2007. No. 1. P. 6, 13 (in Russ.).

6. *Nolde A.E.* On the history of drafting the "Code of Steppe Laws of Nomadic aliens of Eastern Siberia". M., 2011 (in Russ.).

7. *Blum Y.Z.* Historic Titles in International Law, 1965. P. 296, 297

8. *Boyd S.B.* The Legal Status of the Arctic Sea Ice: A Comparative Study and a Proposal // Canadian Yearbook of International Law. 1984. Vol. 22. P. 105. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1156–1159.

9. *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1151, 1176–1178. URL: http://law.vanderbilt.edu/publications/journal-of-transnational-law/archives/volume-42-number-4/download.aspx?id=4308

10. Canadian Practice in International Law during 1980 as Reflected Mainly in Public Correspondence and Statements of the Department of External Affairs // Canadian Yearbook of International Law. 1980. Vol. 19. P. 322. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 76.

11. *Dufresne R.* Controversial Canadian Claims over Arctic Waters and Maritime Zones // PRB07–47E. Parliamentary Information and Research Service. Library of Parliament. Ottawa. 10 January 2008. P. 3, 4. URL: http://www.parl.gc.ca/information/library/PRBpubs/prb0747-e.pdf

12. *Jia B.B.* The Regime of Straits in International Law. New York, 1998. P. 73–75. URL: http://books.google.ru/books?id=FkJtP1YVf_8C&printsec=frontcover&dq=The+Regime+of+Straits+in+International+Law&hl=ru&ei=LaPGTcGOFIiaOp6lze0B&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCoQ6AEwAA#v=onepage&q&f=true

13. *Joe Clark*. Sec'y of State for External Affairs, Statement on Sovereignty. 10 September 1985 // Politics of the Northwest Passage. Franklyn Griffiths ed., 1987. P. 271. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1161.

14. *Killas M. T*he Legality of Canada's Claims to the Waters of its Arctic Archipelago. P. 113. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 71. URL: http://www.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/rjtvol38num1/02-Lalonde.pdf

15. *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 60–63, 66, 67, 76, 80. URL: http://www.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/rjtvol38num1/02-Lalonde.pdf

16. *Pearson L.B.* Canada Looks Down North // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. P. 639. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1147. URL: http://law.vanderbilt.edu/publications/journal-of-transnational-law/archives/volume-42-number-4/download.aspx?id=4308

17. *Pharand D.* Canada's Arctic Jurisdiction in International Law // Dalhousie Law Journal. 1983. Vol. 7. P. 329, 330.

18. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 111, 121, 122. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who

Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 152–154, 1153–1156.

19. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 216. Cit. in: *Lalonde S.* Increased Traffic Through Canadian Arctic Waters: Canada's State of Readiness // Revue juridique Themis. 2004. Vol. 38. P. 86.
20. *Pharand D.* Canada's Arctic Waters in International Law. P. 15, 16. Cit. in: *Proells A., Müller T.* The Legal Regime of the Arctic Ocean // Heidelberg Journal of International Law. 2008. Vol. 68. P. 659.
21. *Pharand D.* Les problèmes de droit international de l'Arctique. P. 152–154. URL: http://id.erudit.org/iderudit/702464ar
22. *Pharand D.* The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit. P. 38–40. Cit. in: *Byers M., Lalonde S.* Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1174.
23. *Proells A., Müller T.* The Legal Regime of the Arctic Ocean // Heidelberg Journal of International Law. 2008. Vol. 68. P. 655, 658–660.
24. *Pullen T.C., MacDonald H.I.* S.S. Manhattan's Northwest Passage Voyage – Observations by Canada's Representative (Feb. 12, 1970). Transcribed in: The Empire Club of Canada Addresses. 1970. URL: http://speeches.empireclub.org/details.asp?r=vs&ID= 61281&number=1
25. *Timtchenko L.* The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present // Arctic. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 29 (Citing Canada Senate Debates. 1907. P. 271). URL: http://arctic.synergiesprairies.ca/arctic/index.php/arctic/article/view/1088/1114
26. *Watt-Cloutier S.* Petition to the Inter American Commission on Human Rights Seeking Relief from Violations Resulting from Global Warming Caused by Acts and Omissions of the United States. 2005. URL: http://www.earthjustice.org/library/legal_docs/petition-to-the-inter-american-commission-on-human-rights-on-behalf-of-the-inuit-circumpolar-conference.pdf

Сведения об авторе

ЖУДРО Иван Сергеевич –
доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, ведущий научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUDRO Ivan S. –
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, leading researcher, Sector of International Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 140–149
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 140–149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЗАХВАТ ВЛАСТИ В РОССИИ БОЛЬШЕВИКАМИ В ОКТЯБРЕ 1917 г. ПОЛИТИКА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» КАК ОСОБЫЙ СБОР ДАНИ С РУССКОГО (РОССИЙСКОГО) КРЕСТЬЯНСТВА

© 2022 г. К. С. Бельский

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Поступила в редакцию 02.03.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется формирование финансово-правовой марксистской идеологии и захват власти в стране большевиками в Октябре 1917 г., слом старого финансового аппарата и построение нового, введение в период Гражданской войны «военного коммунизма», кризис денежного обращения, проведение продразверстки, являвшейся фактически данью с крестьянства.

Ключевые слова: декреты, финансы, слом аппарата, «военный коммунизм», продразверстка.

Цитирование: *Бельский К.С.* Захват власти в России большевиками в Октябре 1917 г. Политика «военного коммунизма» как особый сбор дани с русского (российского) крестьянства // Государство и право. 2022. № 9. С. 140–149.

DOI: 10.31857/S102694520022205-6

THE SEIZURE OF POWER IN RUSSIA BY THE BOLSHEVIKS IN OCTOBER1917. THE POLICY OF "WAR COMMUNISM" AS A SPECIAL TRIBUTE COLLECTION FROM THE RUSSIAN (RUSSIAN) PEASANTRY

© 2022 K. S. Belsky

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Received 02.03.2022

Abstract. The article analyzes the formation of the financial and legal Marxist ideology and the seizure of power in the country by the Bolsheviks in October 1917, the scrapping of the old financial apparatus and the construction of a new one, the introduction of "war communism" during the Civil War, the crisis of monetary circulation, the carrying out of the prodrazverstka, which was actually a tribute from the peasantry.

Key words: decrees, finances, scrapping of the apparatus, "war communism", prodrazverstka.

For citation: *Belsky, K.S. (2022).* The seizure of power in Russia by the Bolsheviks in October 1917. The policy of "war communism" as a special tribute collection from the Russian (Russian) peasantry // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 140–149.

«Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое».
В.И. Ленин

Финансово-правовая идеология партии большевиков (коммунистов), сформировавшаяся в процессе подготовки к захвату власти. Корни большевистской (коммунистической) идеологии, частью которой являлась система финансовых и финансово-правовых знаний, уходили в труды видных мыслителей – анархистов и социалистов XIX в.: Прудона, Сен-Симона, Кропоткина, Бакунина, Оуэна и др. Они рисовали общество без государства, тюрем, полиции, денег, без преступлений. Это были прекраснодушные зарисовки будущего человеческого общества. Их книги – работы мечтателей, рисовавших райскую жизнь, хотя были мыслители (например, Э. Ренан), которые полагали, что в этих утопиях можно обнаружить заложенную бомбу, которая взорвется не сразу, а в будущем, причем от взрыва может зашататься все европейское здание. А пока в первой половине XIX в. они размышляют, полагая, что их идеи и прожекты найдут свое применение в будущем. Прудон, Сен-Симон, Оуэн, Кропоткин называют себя социалистами, другие – анархистами. Их основной теоретический постулат – признание государства отрицательным институтом, главным злом в жизни подданных или граждан. Государство развязывает войны, используя своих граждан как «пушечное мясо» и превращая значительную группу уцелевших людей в калек; взимает с населения налоги – денежные средства, которые расходуются также на содержание армии, полиции, чиновников, депутатов парламента, которые ничего полезного для страны не производят.

После понятия «государство» постоянным нападкам со стороны социалистов подвергались «финансы», прежде всего налоги. В социалистическом обществе налоги перестают быть «экономической» основой, так как государство постепенно исчезает или оно сгорает на медленном огне (Троцкий). Применительно к социалистическому обществу его основу составляют главным образом доходы от социалистического хозяйства. При социализме налоги либо будут отсутствовать, либо постепенно исчезать, уходить из жизни общества.

Другой мишенью для нападок социалистов и анархистов являлись «деньги», разжигающие у людей зависть, жадность, толкающие их на преступления. Необходимо отметить, что вопрос о денежном факторе транслировался в сочинениях социалистов в течение всего XIX в. и главным образом в отрицательном аспекте, так что знаменитый французский писатель Э. Золя вынужден был в романе «Деньги» заступиться за универсальное «средство обмена», которое одинаково служит как богатым, так и бедным классам общества.

Неприязненно к финансам относился видный русский анархист – писатель П.А. Кропоткин, полагавший, что частная собственность в будущем должна быть уничтожена, а само государство в его теперешней форме окончательно упразднено. Не надо будет тогда ни армии, ни полиции, ни судов, ни тюрем, а также налогов – прямых и косвенных, денег, банков, ни всего, на чем держится государственная власть в течение многих тысячелетий[1].

Указывая на бесполезную деятельность государства, как анархисты, так и социалисты, выделяли в обществе т.н. непроизводительный класс работников. К нему они относили полицейских, военных, адвокатов (законников), врачей, чиновников. А. Сен-Симон – мыслитель, принадлежавший к социалистам, утверждал, что управленческая функция, осуществляемая государством, совсем не нужна обществу. В сочинении «Организатор», написанном в 1819 г., Сен-Симон предлагал французскому читателю свою знаменитую задачу: предположим, что Франция сразу потеряет своих первых ученых и промышленных предпринимателей. Каковы будут следствия? Страна потеряет свою душу, культурно она должна погибнуть. Другой вариант – умрут три тысячи государственных чиновников: государственные советники, послы, чиновники министерства финансов, в их числе налоговые инспекторы, служащие эмиссионных банков вместе с печатными станками. Каковы будут последствия в народе? Добродушные французы не почувствуют утраты этих людей. Сен-Симон насмешливо называет финансистов, политиков, врачей, юристов потребителями, ничего не производящими. К. Маркс, а позже В.И. Ленин разделяли мнение А. Сен-Симона и Ш. Фурье о наличии в обществе «непроизводительного класса», который существует за счет налогов с населения. Маркс в работе «Теория прибавочной стоимости» называл перечисленные выше профессии «трансцендентными», т.е. по существу, ненужными обществу. Особенно радикален Фурье, выступавший не только против государства, но также против института семьи, на которой держится государство, укоряя его в том, что он ограничивает свободу как женщины, так и мужчины. Фурье использует понятие «супружеская барщина».

Но если сен-симонисты, фурьеристы и другие социалисты были, в сущности, писателями-мечтателями, которые стояли в стороне от политической борьбы, им была чужда идея насильственного переворота в целях преобразования общества,

[1] См.: *Белосельский З.* Петр Алексеевич Кропоткин. СПб., 1906. С. 42.

то во второй половине XIX в. появляются практические деятели. Это – революционеры: О. Бланки, К. Маркс, Ф. Лассаль, позже в России – Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др.

Интересна личность француза О. Бланки, который составил в 1867 г. «Инструкцию к вооруженному восстанию», где планировал захват правительственной власти, установление в стране диктатуры рабочего класса. Новое руководство подчиняет своему контролю все крупные промышленные и торговые предприятия. Особое внимание обращается на финансы: контролируется система кредита и денежное обращение, аннулируется государственный долг, устанавливается единый прогрессивно-подоходный налог и налог на наследство. Диктатура рабочего класса, установленная Бланки, достаточно сурово относится к «непроизводительному классу»: из страны изгоняется аристократия, духовенство, высшие и средние чиновники, владельцы предприятий и банкиры, не желающие сотрудничать с новой властью[2].

Удивляет тот факт, что Бланки-революционер отлично знал французскую деревню и психологию крестьянства. В его «Инструкции...» революционеры, захватившие власть в государстве, чрезвычайно осторожно относятся к крестьянству и его интересам. Крестьянин – враг коммунизма. Не позволительно принудительно насаждать коллективные формы сельского хозяйства. Такой подход обрушит сельское хозяйство, сделает его убыточным.

Революционная деятельность О. Бланки и его мысли о практическом преобразовании общества на социалистических началах были теоретически обработаны К. Марксом, в частности идея «непроизводительных классов», использованная большевиками после Октября 1917 г. в борьбе с буржуазией и духовенством, а затем И.В. Сталиным в процессе проведения коллективизации сельского хозяйства. Маркса также привлекали идеи Бланки, относящиеся к финансам[3].

Маркс пошел дальше Бланки, выдвинув и обосновав концепцию отказа от применения денег в коммунистическом обществе. Рассматривая деньги в будущем коммунистическом обществе, К. Маркс в работе «Критика готской программы»[4] исключал из него государство, налоги и деньги. В коммунистическом обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, прежде чем начать индивидуальное распределение, создают необходимые для общества фонды: резервные, страховые, связанные с просвещением и здравоохранением, фонды для нетрудоспособных. Только после этого оставшуюся часть общественного совокупного продукта можно распределить между трудящимися в соответствии с качеством и количеством затраченного труда. Деньги в этом портрете будущего социалистического общества, какой можно сделать вывод, отсутствуют.

Ленин, признавая учение Маркса правильным, более осторожно относился к отмене денег. Вот как он характеризует деньги. «Деньги – ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги – свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги – это остаток вчерашней эксплуатации. Вот что такое деньги. Можно ли как-нибудь сразу их уничтожить? Нет... Нужно очень много технических и, что гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги»[5].

Марксистско-ленинское положение об отмене денег и переходе к товарообмену сопровождало советских идеологов почти все годы существования советской власти. Но, понимая зыбкость данного положения и одновременно его фундаментальность для марксистской идеологии, его авторы указывали осторожно на то, что отмене денег в социалистическом обществе предшествует переходный период.

Однако К. Маркс отнесся крайне холодно к предупреждению французского коммуниста «не загонять» крестьянство в коллективные хозяйства. «Я убеждаюсь, – писал он Ф. Энгельсу, – что реформа агрокультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота»[6]. Иными словами, частное крестьянское хозяйство не вписывалось в марксистскую доктрину.

Захват власти большевиками в Октябре 1917 г., слом финансового аппарата царской России и организация новой финансовой системы. Еще до того, как был взят штурмом Зимний дворец, где заседало Временное правительство, в Смольном открылся 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором (правда, на второй день) появился Ленин. К этому времени Зимний дворец был взят штурмом, правительство арестовано. Ленин зачитал написанный им Декрет о земле, в котором изложил эсеровскую земельную программу, где провозглашал социализацию земли. При этом каждая крестьянская семья имела право оставить у себя мелкое хозяйство. Крестьянство приветствовало Декрет о земле, хотя в будущем его ждали не совсем приятные неожиданности.

---

[2] См.: *Бланки О.* Инструкция к вооруженному восстанию // Историк-марксист. 1926. № 3.

[3] См.: *Горев Б.* Огюст Бланки. М., 1921. С. 28–30.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIX. С. 83.

[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XXIV. С. 29–34; см. также: *Жез Г.* Общая теория бюджета / пер. под ред. Г.Г. Соловья и К.К. Шмакова; предисл. Г.Я. Сокольникова. М., 1930. С. 5.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXI. С. 249.

Председательствующий на съезде большевиков Каменев огласил проект о создании правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК). Председателем Правительства был выбран В.И. Ленин, Наркомом финансов – И.И. Скворцов-Степанов[7], его заместителем – В.Р. Менжинский.

После прихода к власти большевиков финансовый аппарат старой России начал радикально перестраиваться. Уже на VI съезде РСДРП(б) большевики объявили о необходимости ликвидации рыночных отношений и введения планового регулирования производства и распределения, национализации банков, установления строгого учета и контроля государства за расходованием всех денежных средств. В решениях съезда говорилось: «В целях борьбы с финансовым крахом необходимы следующие меры: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов, как внешних, так и внутренних, с соблюдением, однако, интересов мелких подписчиков, преобразование всей налоговой системы путем введения поимущественного налога, налога на прирост имуществ и высоких косвенных налогов на предметы роскоши, реформа подоходного налога и постановка оценки доходов имуществ под действительный контроль как в центре, так и на местах»[8].

Практический слом старого финансового аппарата начался с упразднения руководящего органа Министерства финансов – Совета Министров. 28 октября (10 ноября) 1917 г. Министерство преобразуется в Народный комиссариат финансов (Наркомфин). Управляющим Государственным банком был назначен В.В. Оболенский (Н. Осинский). Первое время старые чиновники не подчинялись правительству большевиков, полагая, что оно долго не продержится у власти. Только 17 ноября 1917 г. Совнарком смог получить 5 млн руб. на неотложные нужды.

Для организации народного хозяйства и государственных финансов Декретом ВЦИК и СНК от 2 декабря 1917 г. учреждался Высший Совет народного хозяйства при СНК. Он обязан был «вырабатывать общие нормы и план регулирования экономической жизни страны». Здесь уже закладывалась плановая экономика будущего СССР вместе со всеми ее плюсами и минусами: быстрым и точным выполнением военных заказов в сфере тяжелой промышленности и очередями людей за хлебом, мясом и другими продуктами питания.

ВСНХ согласовывал и объединял деятельность центральных и местных учреждений, занимавшихся топливом, транспортом, торговлей и финансами. ВСНХ выполнял одновременно и функции финансового контроля. Ему предоставлялось право конфискации, секвестра, распределения продовольственных товаров. ВСНХ и Наркомат финансов тревожил общий развал хозяйства в стране, а также вопросы мобилизации денежных ресурсов для формирующейся армии, снабжения рабочих, занятых на промышленных предприятиях. Характерной чертой политики «военного коммунизма» являлись чрезвычайные налоги на буржуазию, т.е. людей зажиточных, богатых, говоря советским языком, на «эксплуататорские классы». Декрет СНК от 18 октября 1918 г. предоставил право местным органам советской власти устанавливать «единовременные чрезвычайные революционные налоги на лиц, принадлежащих к буржуазному классу». Однако понятия «буржуазные слои», «зажиточные слои» были расплывчатыми, и «революционные налоги» ложились на слои населения, имевшие средний достаток жизни.

В январе 1918 г. СНК провел очередную реорганизацию в финансовом ведомстве: были ликвидированы Дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк. Ранее, 14 декабря 1917 г., ВЦИК принял Декрет о национализации частных банков, которые сливались с Государственным банком. С железной пунктуальностью исполнялась формула Ленина: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое». Банковское дело было признано новой властью государственной монополией[9]. Золотые запасы, хранившиеся как в Государственном, так и в частных банках, подлежали конфискации и передавались в общественный фонд.

Только после того, как большевики овладели банковским, налоговым, эмиссионным делом, они приняли решение об аннулировании государственных займов. 1 января 1918 г. ВЦИК принял Декрет об аннулировании государственных займов, заключенных как царским, так и Временным правительством. Все гарантии названных правительств по займам различных предприятий и учреждений были объявлены недействительными. В таком же порядке были аннулированы иностранные займы.

Денежное обращение в стране после прихода к власти большевиков. Денежное обращение как

[7] См., напр.: *Кроткова Н.В.* Скворцов-Степанов И.И. // Философский словарь / под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, С.М. Малков. 9-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 684; *Ее же.* Скворцов-Степанов И.И. // Русская философия: энциклопедия. 4-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. М., 2022. С. 687.

[8] Шестой съезд РСДРП(б). Авг. 1917 г. / под ред. А.С. Бубнова, А.М. Кактыня и Г.И. Ломова. М., 1934. С. 243 (Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б) / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)).

[9] См.: История СССР: с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7.

движение денег в наличной форме, обслуживающее продажу товаров и в определенной степени регулируемое нормами финансового (эмиссионного) права, переживало после прихода к власти большевиков глубокий кризис. Кризис был обусловлен рядом факторов: участием России в Первой мировой войне, Февральской революцией, октябрьским переворотом большевиков, общей дезорганизацией народного хозяйства. Вместе с тем ряд исследователей (и автор этих строк) утверждают, что первые четыре года правления большевиков можно рассматривать как попытку осуществления марксистской доктрины построения социализма в России. Соратники Ленина хорошо знали, что он связывал социалистический строй с уничтожением товарно-денежных отношений. Свой идеал Ленин изложил в работе «Государство и революция», написанной незадолго до прихода к власти. Вот он: каждый работник, выполнив «известную долю общественно необходимой работы, получает удостоверение от общества.., по этому удостоверению он получает из общественных складов предметы потребления соответственно заработанному количеству продуктов»[10].

Но Ленин как политик понимал, что заменить деньги квитанциями сразу не удастся. Так как производительность на предприятиях падала, а крестьянство за хлеб требовало деньги, в 1919 г. Народному банку было предоставлено право эмиссией бумажных денег покрывать необходимые потребности народного хозяйства и платить зарплату частью деньгами, частью натурой – главным образом хлебом, т.е. в период «военного коммунизма» работал печатный станок. Часть заработной платы рабочие на предприятиях получали деньгами, часть заработной платы была натурализована. Как говорил Е. Преображенский, один из главных финансистов в команде большевиков, «ничего страшного нет в этом для социалистического государства»[11].

Иными словами, советскими лидерами сознательно в сфере эмиссии денег осуществляется выпуск необеспеченных денежных знаков для оплаты труда рабочих на предприятиях и покупки у крестьян хлеба, обещая и тем и другим в перспективе их отоварить. Отсюда наблюдается стремительный рост денежной массы, которая с 1 июля 1918 г. по 1 января 1921 г. выросла с 43 млрд руб. до 1168 млрд руб., что вызвало гиперинфляцию. Это привело к тому, что деньги практически утратили какую-либо ценность, а советский рубль стал ничтожным по своей ценности.

Вторая половина 1918 г. и весь 1920 г.– это время, когда наиболее резко сужается денежное обращение в стране. Продовольственные и промышленные товары распределялись по карточкам и бесплатно. В конце 1920 – начале 1921 г. была отменена плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами. С лета 1918 г. предприятия рассчитывались за полученные товары на безденежной основе, переписывая суммы со счетов одних предприятий на счета других. Государственный бюджет в денежном выражении перестал составляться с лета 1919 г. Сбор налогов в денежном выражении в годы «военного коммунизма» также прекратился[12].

Для более полной характеристики первых четырех лет правления большевистской власти изложенное может быть дополнено следующими фактами. Декретом СНК от 21 ноября 1918 г. частный товарооборот был запрещен и заменен государственной монополией на внутреннюю торговлю. Практически денежное обращение прекратилось. Частные торговые предприятия подлежали национализации. Заготовка и распределение продовольствия среди населения были возложены на Наркомат продовольствия. С лета 1918 г. в городах стал вводиться т.н. классовый паек: наибольшая норма хлеба устанавливалась для рабочих, наименьшая – для интеллигенции и людей свободных профессий. В 1921 – начале 1922 г. в стране голодала ¼ часть населения. Но это было уже время, которое с 1918 г. в истории получило название политики «военного коммунизма». Наиболее выразительно эту политику характеризовала продразверстка.

Продразверстка или дань, взимаемая большевиками с русского (российского) крестьянства. Первое время после прихода большевиков к власти, приблизительно до Брестского мира, централизованной работы в области налогового обложения еще не было. Это было время, когда Народный комиссариат финансов только овладевал финансовым аппаратом. Отметим, что налоги в период 1917–1921 гг. не взимались с рабочих. На местах же господствовала разрешенная в программе РКП(б) «система самостоятельных контрибуций, налагаемых на буржуазию местными Советами и поступавших в бесконтрольное распоряжение местных органов»[13].

24 ноября 1917 г. Совнарком принял Декрет о взимании прямых налогов, которые были еще узаконены царским и Временным правительствами и включали: подоходный налог, единовременный сбор, временный налог на прирост прибылей

[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XXXIII. С. 92.

[11] Денежное обращение в СССР в первые годы советской власти // БСЭ. 1-е изд. М., 1931. С. 286–290.

[12] См.: История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 1998. С. 289–291.

[13] БРЭ. М., 2006. Т. 5.

в период военных действий. Но постепенно налоговая политика большевиков приобретает классовый характер, тем более на горизонте маячило приближение Гражданской войны. В 1918 г. в работе «Очередные задачи советской власти» В.И. Ленин писал: «Наложение контрибуций на буржуазию – мера принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения,– показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России) от богатых для бедных, чем к приемам управления»[14].

Обострявшаяся обстановка в стране и первые столкновения Красной Армии с частями Белой армии приводят к тому, что советское правительство начинает проводить политику «военного коммунизма». Суть ее налоговая, причем налоги на крестьян переходят в д а н ь. Эта политика начиналась двумя декретами ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая 1918 г. В связи с начавшейся Гражданской войной устанавливалась продовольственная диктатура «социалистического государства». Наркомату продовольствия предоставлялись чрезвычайные полномочия, которые осуществлялись с помощью вооруженных отрядов и комитетов бедноты. Декретом ВЦИК от 9 мая 1918 г. Народный комиссар продовольствия наделялся дополнительными полномочиями по «отбиранию хлеба или продовольственных продуктов». В декрете указывалось, что каждый владелец хлеба обязан был «весь избыток, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости». Не сдавшие хлеб объявлялись врагами народа, подлежали суду с осуждением на срок не менее 10 лет тюремного заключения с конфискацией имущества. Постановлениями Народного комиссариата продовольствия крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

28 октября 1918 г. ВЦИК принял Декрет о взимании чрезвычайного десятимиллиардного революционного налога. Данный чрезвычайный Закон имел в виду наиболее трудолюбивую и зажиточную часть крестьянства. В Законе прямо говорилось, «чтобы тяжесть налога ложилась целиком на кулаков, на немногочисленных представителей эксплуататорского крестьянства»[15]. Но уже через два дня, 30 октября 1918 г., ВЦИК принял Декрет об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчислений части сельскохозяйственных продуктов. Предусматривалось обложение налогом сельских хозяев, т.е. зажиточных крестьян, обладавших излишками продуктов потребления. Натуральный налог исчислялся по размерам площади посева и по количеству голов скота[16]. Но этот декрет, по мнению советского руководства, не решал продовольственного вопроса в условиях Гражданской войны. От решения вопроса обеспечения Красной Армии продовольствием зависело окончание войны: победит ли в ней Красная Армия или потерпит поражение.

11 января 1919 г. советское руководство устанавливает новое налоговое обложение крестьянства, названное в истории п р о д р а з в е р с т к о й, по которой крестьяне были обязаны сдавать государству по твердо установленным ценам все свои хлебные излишки[17]. Продразверстка означала замену натурального налога новым, более жестоким способом государственных заготовок хлеба. В мае 1919 г. продразверстка под давлением ВСНХ была поддержана Всероссийским съездом финансовых работников. В резолюции, которую принял съезд, говорилось: «Развитие и укрепление натурального обложения в форме предоставления государству части продуктов труда в натуральном виде и в форме трудовой повинности должно послужить основной целью советской налоговой политики, а в деле устранения денежного хозяйства – одной из главных задач Советской власти»[18]. Попытаемся дать определение этому платежу крестьян. Продразверстка – это система заготовок продовольственных продуктов, применявшихся большевистским руководством в период «военного коммунизма» и заключавшаяся в том, что государство изымало из крестьянских хозяйств все излишки хлеба, фуража и всех других продовольственных товаров сверх установленных норм на нужды личного потребления, прокорм скота и обсеменения. Советские историки, смешивая ложь с правдой, говорили о продразверстке как мощном орудии подавления и разгрома кулацкой контрреволюции в деревне[19]. На самом деле продразверстка охватывала все слои населения и являлась началом разгрома русского (российского) крестьянства, который продолжился в период коллективизации сельского хозяйства в 1928–1932 гг. Продразверстка придала особый характер периоду «военного коммунизма». Отметим два факта.

[14] *Ленин Н.* Очередные задачи советской власти. Екатеринбург, 1918. С. 13.

[15] См.: СУ РСФСР. 1918. № 80, ст. 841.

[16] См.: СУ РСФСР. 1918. № 82, ст. 864.

[17] См.: СУ РСФСР. 1919. № 1, ст. 10.

[18] *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 55.

[19] См.: История СССР: с древнейших времен до наших дней. Т. 7. С. 425, 426.

Первый факт. С продразверстки начинался голод во многих районах страны. Положение России становилось критическим вследствие обесценения денег в 1919–1920 годах, что крайне негативно влияло на денежное обращение. Это были такие финансовые недочеты, приведшие к тому, что удельный вес доходов – налогов советского бюджета упал, а поэтому в течение 1920 г. было отмечено взимание как прямых, так и косвенных налогов.

Второй факт: период «военного коммунизма» являлся настолько тяжелым и страшным, что из России в то время эмигрировали представители всех сословий. Более точное слово «бежали»: аристократия, дворянство, предприниматели, работники торговли, чиновники, рабочие и крестьяне. Историк И. Тэн называл якобинский режим «якобинским завоеванием». По очень точной аналогии режим, установленный Лениным после прихода к власти, можно назвать большевистским завоеванием.

Продразверстка была настолько тяжела, что голод в 1920–1921 гг. охватил значительную часть территории страны, где власть осуществляли большевики. Восстал Кронштадт, началась крестьянская война против большевиков в двух губерниях – в Тамбовской и Западносибирской – Тюменской. Известные слова А.С. Пушкина «русский бунт бессмысленный и беспощадный». Но И.Л. Солоневич, написавший книгу о сталинском СССР как о большом концлагере, поправил его: «Почему бессмысленный? Совсем не бессмысленный»[20].

Правительство, возглавляемое Лениным, было вынуждено отказаться от продразверстки, изобретателями которой были Ленин и Троцкий, похожей скорее всего на дань, означавшей изъятие у крестьян всех излишков (а иногда и больше) продовольствия. В соответствии с решением X съезда партии большевиков о переходе страны к новой экономической политике ВЦИК издал 21 марта 1921 г. Декрет о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом[21]. Вместо разверстки устанавливался для крестьянина умеренный по размерам налог, позволявший ему лучше рассчитывать свое производство. Замена продразверстки продналогом обеспечила возможность относительно быстрого восстановления и развития сельского хозяйства.

Бюджетное право в первые годы советской власти до НЭПа. Старое бюджетное право к моменту захвата власти большевиками перестало функционировать. Новое руководство не унаследовало «ни бюджета, ни бюджетного права»[22]. Но нужно сказать, что до 1918 г. продолжали действовать кредиты, ассигнованные по счетам Временного правительства в 1917 г., так как эти сметы не были отменены постановлениями нового правительства. Однако уже с начала 1918 г. подготовка бюджетной ведомости была признана необходимой обязанностью государства, и 28 января 1918 г. был издан первый акт советского бюджетного права, содержащий правила составления, рассмотрения и утверждения бюджета. Был составлен первый советский бюджет – «Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь-июнь 1918 года», которая была утверждена СНК 11 июля 1918 г. Этот бюджет положил начало системе полугодовых бюджетов, действовавших до 1919 г. Однако в 1920–1921 гг. происходит возврат к классическим годовым бюджетам. Следует обратить внимание на важный факт того времени. В Конституции РСФСР 1918 г. содержался раздел, посвященный бюджетному праву. Советское законодательство провозглашает гласность бюджета «как самоочевидное демократическое требование». Первый же бюджет Советского государства – на январь-июнь 1918 г.– полностью публикуется отдельной брошюрой вместе с объяснительной запиской к нему, которая называлась «Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь-июнь 1918 года»[23].

В период «военного коммунизма» бюджеты в организационном отношении имели особенности: 1) имела место натурализация бюджетов; 2) по постановлению ВЦИК от 18 июля государственные бюджеты сливались с местными; 3) бюджеты характеризовались постоянно увеличивавшейся дефицитностью и покрывавшейся за счет эмиссии[24]. В бюджетных отношениях господствовал беспорядок. Бюджеты на 1920–1921 гг. вовсе не были утверждены, к тому же к концу 1921 г. денежный бюджет стремительно стал отмирать. Только с объявлением в 1921 г. новой экономической политики (НЭП) началось возрождение бюджета. Несколько слов нужно сказать о бюджетной терминологии. До революции 1917 г. в официальной терминологии встречается исключительно термин «роспись» и не встречается слово «бюджет». Такое положение сохраняется и в первые годы советской власти, когда используется понятие «роспись общегосударственных доходов и расходов». Лишь в 1923–1924 гг. стал использоваться термин «Единый государственный бюджет».

---

[20] *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере // Газета «Парижские новости». 1936.

[21] См.: СУ РСФСР. 1921. № 26, ст. 147.

[22] *Жез Г.* Указ. соч. С. 30.

[23] Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь-июнь 1918 года. М., 1918. С. 34.

[24] См.: *Жез Г.* Указ. соч. С. 29, 30.

М е с т н ы е б ю д ж е т ы. Местное самоуправление, представленное местными Советами, имело действительные рычаги управления и право на свой собственный бюджет, хотя это право являлось зыбким, особенно в период «военного коммунизма».

Жизнь людей, граждан осуществляется на местах, в поселках, городках и городах, где они живут, а потому местные органы – Советы были призваны осуществлять финансово-бюджетную деятельность, обусловленную денежными потребностями. Бюджетные права местных Советов в первые месяцы советской власти вырисовывались только пунктирно[25]. Местные бюджеты на 1917 г. не были утверждены, а потому имел место безбрежный произвол. В ноябре 1917 г. СНК указал местным Советам, что они в качестве власти на месте обладают бюджетными правами, т.е. на собственные бюджетные средства, а потому просьбы к центральной власти о предоставлении денежных средств будут оставаться без удовлетворения[26]. Однако практика показывала, что нередко собираемые местными властями денежные средства расходовались без составления бюджета, смет, без нужного учета и контроля. Поэтому принимаются меры по упорядочению местных финансов и централизации налогового дела. 10 июля 1918 г. принимается Конституция РСФСР, ст. 81 которой устанавливает, что виды доходов и сборов, поступающих в распоряжение местных Советов, определяются Всероссийским съездом Советов или ВЦИК.

3 декабря 1918 г. СНК принимает Положение о денежных средствах и расходах местных Советов. Положением провозглашалось, что после его опубликования никаких других налогов, кроме тех, которые им предусмотрены, местные Советы устанавливать не могут[27]. В Положении говорилось, что местные Советы «располагают денежными средствами: 1) получаемыми от местных источников; 2) отпускаемыми центральной властью». По мнению проф. М.И. Пискотина, исследовавшего местные бюджеты первых лет советской власти, местные бюджеты все более теряли свое самостоятельное значение[28]. Постепенно дело шло к слиянию местных финансов с общегосударственными. Такое слияние было проведено в 1920 г.: ВЦИК по докладу Наркомфина 18 июня 1920 г. отменил разделение бюджета на общегосударственный и местный, а в дальнейшем включил местные расходы и доходы в общегосударственный бюджет.

Большевики, которые в Октябре 1917 г. вместе с Лениным пришли к власти, не имели опыта управления, который воспитывается и формируется веками. Отсюда – постоянные реорганизации в области государственного управления. В 1920 г. ВЦИК включил местные бюджеты в общегосударственные. Но НЭП заставил руководство страны иначе оценить местные органы власти с ее бюджетными правами.

Банковско-кредитная система в период «военного коммунизма» (1918–1921). Первые годы советской власти, начиная с Октября 1917 г. до НЭП, начавшегося в 1921 г.,– это история слома и ликвидации кредитной системы России, сформировавшейся окончательно во второй половине XIX в. и в первые два десятилетия XX в. Это – история, которая особенно проявилась в период «военного коммунизма» посредством национализации банковской системы и аннулирования финансовых обязательств прежних российских правительств. А.В. Пашин, написавший интересную работу о государственно-правовом регулировании кредитной системы России в 20-е годы, правильно указывает, что «во многом такой подход был обусловлен влиянием марксистской теории, основы которой были заложены еще в XIX веке»[29]. Марксистская теория обязывала революционеров осуществлять слом старой банковской системы, а это порождало хаос и через некоторое время принуждало восстанавливать поломанное заново, но с другими названиями.

Попытки банковских работников саботировать не совсем грамотные действия новой власти, как правило, жестко подавлялись. Фактически к 1920 – началу 1921 г. банковско-кредитная система царской России, отлично работавшая, была большевиками ликвидирована. Отличительной особенностью этого периода, по мнению А.В. Пашина, являлось установление Советским государством запрета расчетов между учреждениями и предприятиями через кассы наличными денежными средствами. В этот период особенностью Народного (государственного) банка являлась не банковско-кредитная функция, а функция национализации кредитной системы России в целом, ее валютных ценностей, ценных бумаг, золотого запаса, в частности[30]. По существу, данную функцию Народного банка можно было рассматривать как большевистский грабеж, означавший неуверенность верхушки большевистской партии в прочности своей власти.

[25] См.: *Ровинский Н.* Основные этапы развития бюджетной системы Союза ССР // Бюджетное законодательство за 20 лет. М., 1938. С. 3.

[26] См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 47.

[27] См.: СУ РСФСР. 1918. № 93. ст. 931.

[28] См.: *Пискотин М.И.* Бюджетные права местных Советов. М., 1961. С. 52.

[29] *Пашин А.В.* Государственно-правовое регулирование кредитной системы России в 1920-е годы. М., 2009.

[30] См.: там же.

Накоплением в Народном (государственном) банке всего золотого запаса, перевода в него всех денежных средств завершился процесс его национализации. Народный банк, в котором были объединены Государственный банк вместе с другими государственными и частными коммерческими банками, в январе 1920 г. стал отделом Наркомата финансов, его роль была еще более ограничена техническими бухгалтерскими операциями, а также, о чем говорилось выше, национализацией банковских ценностей. Возрождение в некоторой степени банковско-кредитной системы произошло с началом НЭПа.

Эпилог. Марксистская теория построения социалистического общества, навязанная России принудительными средствами (ЧК, армия) после захвата власти в Октябре 1917 г., к 1921–1922 гг. потерпела крах, и в первую очередь в области финансовой деятельности: эмиссионной, налоговой, бюджетной и банковской. Хаос в финансово-экономической жизни России начался после Февральской революции 1917 г. и быстрыми темпами возрастал с приходом к власти большевиков во главе с Лениным и Троцким. Это было талантливо зафиксировано в работе выдающегося экономиста и юриста-финансиста И.Х. Озерова «Экономический разгром России»[31].

Историки, объективно рассматривающие данное время, названное Лениным эпохой «военного коммунизма», справедливо полагают, что эта эпоха была скорее причиной, чем следствием Гражданской войны. Анализируя финансовую деятельность большевиков в течение первых четырех лет, можно думать, что новое руководство ставило перед собой следующие задачи:

1) осуществить «прямой переход к социализму», отменив частную собственность и национализировав все промышленные и торговые предприятия, как крупные, так и мелкие; кроме того, Ленин в качестве одной из задач при захвате власти считал также национализацию частных банков и превращение финансовых учреждений в орудие социалистического строительства;

2) заменить денежно-рыночные отношения административным распределением совокупного продукта в соответствии с количеством и качеством затраченного труда;

3) упразднить налоговый аппарат, прекратив взимание установленных предыдущей властью налогов; решая этот вопрос, большевики обманули себя, оставив новое правительство – Совнарком без традиционных бюджетных средств;

4) объединить все банковские коммерческие учреждения, как частные, так и государственные, с Государственным банком в один Народный банк, основной функцией которого являлось не обслуживание денежных потребностей населения, а национализация всех финансовых ценностей в одном месте. По существу, данную функцию Народного банка можно было рассматривать как грабительскую, понимаемую Лениным как принцип: «грабь награбленное»;

5) выделить в рамках всего взрослого населения страны «непроизводительные классы» и отнести к ним дворянство, предпринимателей – руководителей предприятий и банковских учреждений, зажиточное крестьянство (т.н. кулаков), профессорско-преподавательский состав, тех, кто занимал административные должности при старом режиме или осуждающих политику советской власти.

Все названные аспекты вместе взятые породили в эпоху «военного коммунизма» огромный поток эмиграции, хлынувший на Запад, в основном в Польшу, Германию, позже во Францию. Этот поток более чем в 4 млн человек[32] забрал с собой огромное число «старых» специалистов в области экономики, права, финансов, торговли и денежного обращения, которых длительное время не хватало новым правителям России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БРЭ. М., 2006. Т. 5.
2. *Белосельский З.* Петр Алексеевич Кропоткин. СПб., 1906. С. 42.
3. *Бланки О.* Инструкция к вооруженному восстанию // Историк-марксист. 1926. № 3.
4. *Будницкий О.В.* Другая Россия. Исследование по истории русской эмиграции. М., 2021.
5. *Горев Б.* Огюст Бланки. М., 1921. С. 28–30.
6. Денежное обращение в СССР в первые годы советской власти // БСЭ. 1-е изд. М., 1931. С. 286–290.
7. *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 55.
8. *Жез Г.* Общая теория бюджета / пер. под ред. Г.Г. Соловья и К.К. Шмакова; предисл. Г.Я. Сокольникова М., 1930. С. 5, 29, 30.
9. История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 1998. С. 289–291.
10. История СССР: с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7. С. 425, 426.
11. *Кроткова Н.В.* Скворцов-Степанов И.И. // Русская философия: энциклопедия. 4-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. М., 2022. С. 687.

[31] См.: *Озеров И.Х.* Экономический разгром России. М., 1917.

[32] См.: *Будницкий О.В.* Другая Россия. Исследование по истории русской эмиграции. М., 2021.

12. *Кроткова Н.В.* Скворцов-Степанов И.И. // Философский словарь / под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, С.М. Малков. 9-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 684.

13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XXIV. С. 29–34; т. XXXIII. С. 92.

14. *Ленин Н.* Очередные задачи советской власти. Екатеринбург, 1918. С. 13.

15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIX. С. 83; т. XXI. С. 249.

16. Общая роспись государственных доходов и расходов Российской Республики на январь-июнь 1918 года. М., 1918. С. 34.

17. *Озеров И.Х.* Экономический разгром России. М., 1917.

18. *Пашин А.В.* Государственно-правовое регулирование кредитной системы России в 1920-е годы. М., 2009.

19. *Пискотин М.И.* Бюджетные права местных Советов. М., 1961. С. 52.

20. *Ровинский Н.* Основные этапы развития бюджетной системы Союза ССР // Бюджетное законодательство за 20 лет. М., 1938. С. 3.

21. *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере // Газета «Парижские новости». 1936.

22. Шестой съезд РСДРП(б). Авг. 1917 г. / под ред. А.С. Бубнова, А.М. Кактыня и Г.И. Ломова. М., 1934. С. 243 (Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б) / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)).

REFERENCES

1. BRE. M., 2006. Vol. 5 (in Russ.).

2. *Beloselsky Z.* Peter Alekseevich Kropotkin. St. Petersburg., 1906. P. 42 (in Russ.).

3. *Blanki O.* Instructions for an armed uprising // Marxist historian. 1926. No. 3 (in Russ.).

4. *Budnitsky O.V.* Other Russia. Research on the history of Russian emigration. M., 2021 (in Russ.).

5. *Gorev B.* Auguste Blanki. M., 1921. P. 28–30 (in Russ.).

6. Monetary circulation in the USSR in the first years of Soviet power // BSE. 1st ed. M., 1931. P. 286–290 (in Russ.).

7. *Dyachenko V.P.* The History of Finance of the USSR (1917–1950). M., 1978. P. 55 (in Russ.).

8. *Zhez G.* General theory of the budget / transl. ed. by G.G. Solovey and K.K. Shmakov; preface by G. Ya. Sokolnikov. M., 1930. P. 5, 29, 30 (in Russ.).

9. History of state and law of Russia / ed. by Yu.P. Titov. M., 1998. P. 289–291 (in Russ.).

10. History of the USSR: from ancient times to the present day. M., 1967. Vol. 7. P. 425, 426 (in Russ.).

11. *Krotkova N.V.* Skvortsov-Stepanov I.I. // Russian Philosophy: encyclopedia. 4th ed., rev. and add. / under the general editorship of M.A. Maslin; comp. P.P. Apryshko, A.P. Polyakov, Yu.N. Solodukhin. M., 2022. P. 687 (in Russ.).

12. *Krotkova N.V.* Skvortsov-Stepanov I.I. // Philosophical Dictionary / ed. by A.A. Guseynov and Yu.N. Solodukhin; comp. P.P. Apryshko, A.P. Polyakov, S.M. Malkov. 9th ed., rev. and add. M., 2021. P. 684 (in Russ.).

13. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. XXIV. P. 29–34; vol. XXXIII. P. 92 (in Russ.).

14. *Lenin N.* The next tasks of Soviet power. Ekaterinburg, 1918. P. 13 (in Russ.).

15. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. XIX. P. 83; vol. XXI. P. 249 (in Russ.).

16. General list of state revenues and expenditures of the Russian Republic for January-June 1918. M., 1918. P. 34 (in Russ.).

17. *Ozerov I.H.* The economic defeat of Russia. M., 1917 (in Russ.).

18. *Pashin A.V.* State-legal regulation of the credit system of Russia in the 1920s. M., 2009 (in Russ.).

19. *Piskotin M.I.* Budgetary rights of local councils. M., 1961. P. 52 (in Russ.).

20. *Rovinsky N.* The main stages of the development of the budgetary system of the USSR // Budget legislation for 20 years. M., 1938. P. 3 (in Russ.).

21. *Solonevich I.L.* Russia in a concentration camp // Newspaper "Paris News". 1936 (in Russ.).

22. The Sixth Congress of the RSDLP(b). Aug. 1917 / ed. by A.S. Bubnov, A.M. Kaktynya and G.I. Lomov. M., 1934. P. 243 (Minutes of congresses and conferences of the All-Union Communist Party (b) / In-t Marx-Engels-Lenin at the Central Committee of the CPSU(b)) (in Russ.).

Сведения об авторе

БЕЛЬСКИЙ Константин Степанович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BELSKY Konstantin S. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 150–155
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 150–155

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г. Н. Д. Эриашвили

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: professor60@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется история развития и некоторые перспективы будущего федерализма Российской Федерации, в частности, после проведенного 1 июля 2020 г. Общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ, согласно которым в государстве была закреплена единая система публичной власти. В теории государства и права с учетом современной мировой практики унитаризм вполне может сочетаться с самостоятельностью субъектов, а федерализм – с сильной центральной властью. Автор статьи исследует вопросы оптимального возможного сочетания унитаризма и федерализма. В числе мер, необходимых к принятию в целях осовременивания (модернизации) федеративных отношений, могут быть: реформирование государственного устройства посредством перехода к модели унитарного федерализма; унификация практики разграничения полномочий и предметов ведения федерального центра и субъектов федерации; развитие местного самоуправления; повышение ответственности государственных органов и местного самоуправления за состояние социального самочувствия населения. Достижение оптимального варианта федеративного устройства в Российской Федерации предполагает необходимость предварительного всестороннего анализа состояния федерализма Российской Федерации, построенного на принципах, сформулированных в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., принципах, которые по своему характеру соответствовали интересам либерально-демократического переустройства Российской Федерации.

Ключевые слова: федерализм, унитаризм, федеративные отношения, демократия, правовое государство, федеративное устройство, конституция.

Цитирование: *Эриашвили Н.Д.* Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 9. С. 150–155.

DOI: 10.31857/S102694520022228-1

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF FEDERALISM IN THE CONDITIONS OF CENTRALIZATION OF STATE POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2022 N. D. Eriashvili

Kikot Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: professor60@mail.ru

Received 08.02.2022

Abstract. The article analyzes the history of development and some prospects for the future federalism of the Russian Federation, in particular, after the July 1, 2020 the All-Russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation, according to which a unified system of public power was fixed in the state. In the theory of state and law, taking into account modern world practice, unitarianism may well be combined with the independence of subjects, and federalism with a strong central government. The author of the article explores the issues of the optimal possible combination of unitarianism and federalism. Among the measures needed to be taken in order to modernize (modernize) federal relations, there may be: reforming the state

structure through the transition to a model of unitary federalism; unification of the practice of dividing powers and subjects of jurisdiction of the federal center and the subjects of the federation; development of local self-government; increasing the responsibility of state bodies and local self-government for the state of social well-being of the population. Achieving the optimal variant of the federal structure in the Russian Federation implies the need for a preliminary comprehensive analysis of the state of federalism of the Russian Federation, based on the principles formulated in the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, principles that by their nature corresponded to the interests of the liberal-democratic reorganization of the Russian Federation.

Key words: federalism, unitarianism, federal relations, democracy, legal state, federal structure, constitution.

For citation: *Eriashvili, N.D. (2022).* Theoretical and legal foundations of the development of federalism in the conditions of centralization of state power in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 150–155.

Российская Федерация представляет собой многонациональное и многоконфессиональное государство, основные черты государственного устройства которого сформировались ещё в Российской Империи. По причине уникальности процесса образования Российская Империя не могла быть не чем иным, как унитарным государством со сложной и гибкой структурой государственно-территориального устройства.

Российской Федерацией были восприняты (экстраполированы) от Российской Империи принципы равноправия всех национальностей и дружбы между народами – эти краеугольные начала федерализма. Другое дело, что форма абсолютизма исключала всякое разграничение полномочий между центром и регионами. Хотя пример Великого Княжества Финляндского и Царства Польского в период их вхождения в состав Российской Империи свидетельствует о допустимости идей федерализма в государственном устройстве[1].

Принципы федерализма ныне должны быть переориентированы на цели устойчивого развития и национальной безопасности государства безотносительно к тому, в какой мере в государственном управлении присутствуют элементы унитаризма и федерализма. Например, если говорить о характеристике советского федерализма в общем плане, то нужно отметить самые важные его черты, а именно то, что он складывался на основе добровольного вхождения образовавшихся на местах советских республик в Союз Советских Социалистических Республик (СССР), в его основании лежал принцип демократического централизма, действующий во всех сферах жизни и на всех уровнях государственного управления.

Демократический централизм с самого начала был призван исключить всякие сомнения в приверженности СССР принципу интернационализма и равноправия всех союзных республик, в том числе и тогдашней РСФСР, вокруг которой и происходило объединение национальных республик. В течение длительного периода существования СССР демократический централизм воспринимался как единственно возможный способ организации всей системы государственного управления и принцип федеративного устройства государства.

К моменту своего распада СССР включал 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей, автономных округов, 6 краев и 123 области. Это был сложный конгломерат, требующий особого внимания со стороны союзного центра в аспекте управления всеми социальными процессами в регионах, эффективного государственного управления на всех уровнях социальной организации.

Дело осложнялось тем, что в 1990-е годы Россия столкнулась с проявлениями и последствиями системного кризиса, охватившего все сферы общественной жизни, и особенно экономики, что вылилось в недовольство населения, в появлении центробежных тенденций на уровне союзных республик. Ничего не было сделано, чтобы изменить положение в экономике, и союзные республики одна за другой (в одиночку и группами) стали отпадать от СССР. Начавшийся процесс отделения республик завершился подписанием договора руководителей России, Украины и Белоруссии о ликвидации СССР и создании Союза Независимых Государств[2]. СССР был великой мировой державой, ядром мировой системы социализма. Распад СССР означал распад и Совета Экономической Взаимопомощи, и Варшавского военного блока, противостоявшего блоку НАТО. Российская Федерация в процессе оформления постсоветского пространства оказалась правопреемницей СССР во всех его международных договорах и обязательствах. Тем самым она восприняла историческую миссию России как евразийской державы, центра притяжения для тех государств евразийского континента, которых не устраивают глобалистские гегемонистские устремления англосаксонского мира во главе с США.

По прошествии определённого времени существующая в Конституции РФ формулировка права государственного самоопределения может быть истолкована национальными регионами как согласие федерального центра на передачу этого права на усмотрение республиканских конституций. Как это ни странно звучит, но нынешнее федеративное законодательство по этой причине можно трактовать в ущерб государственному суверенитету и территориальной целостности государства. В этом состоит один из недостатков современной модели российского федерализма, а фактически всей системы государственного устройства.

Перед Российской Федерацией стоит задача, напоминающая ситуацию выбора формы государственного устройства формирующегося Советского государства и принципа вхождения в его состав национальных окраин бывшей

[1] См.: Краткая история российского федерализма. URL: http://www.bestreferat.ru/referat-251736.html

[2] См.: постановление ВС РСФСР от 12.12.1991 г. «О денонсации договора об образовании СССР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 51, ст. 1799; Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 08.12.1991 г. // Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Вып. 1. С. 6–8, 11.

Российской Империи в 1922 г. Тогда решался вопрос, какой из принципов государственного устройства следует применить – автономизации или федерализации[3]. В ходе обсуждения этой проблемы победила позиция федерализма с его правом государственного самоопределения народов России вплоть до отделения, что и было реализовано в форме Союза Советских Социалистических Республик. Вариант автономизации мог вызвать негативное отношение со стороны национальных элит и спровоцировать сепаратистские настроения в национальных окраинах государства.

Необходимо учитывать, что эффективность системы государственного управления зависит не только от избранной формы государственного устройства, но и от того, насколько преобразования в сфере федеративных отношений будут увязаны, согласованы с мерами в других сферах социальной организации. Речь идёт о том, чтобы будущая реформа федерализма способствовала назревшим преобразованиям в экономической, социально-политической и культурно-духовной сферах, рассматривалась как важный фактор в области международных отношений. А этого невозможно добиться без решения вопроса о праве государственного самоопределения, включая запрет на отделение. Сегодня не может быть и речи о возвращении этого права. Поэтому, на наш взгляд, нужно искать другое решение, которое, не ущемляя прав национальных республик на самоопределение, могло бы обеспечить суверенитет и территориальную целостность государства.

Здесь мы должны исходить из того, что ни американский, ни индийский, ни канадский и никакой другой опыт не могут быть применены для Российской Федерации, в силу того что этот опыт формировался в совершенно других условиях места и времени, был чужд культурно-духовному укладу народов России. Конечно, сейчас можно критиковать тех, кто, делая исторический выбор в пользу федерализации в условиях революционного подъёма в мире, даже не могли предположить, что право на отделение когда-нибудь и кем-нибудь может быть востребовано (реализовано) на практике. Поэтому и возобладала концепция В.И. Ленина на государственное устройство СССР на основе федерализации, тем более что такой выбор диктовался тактическими задачами воссоединения российских земель после Гражданской войны 1917–1922 гг.

В реализации этой формы государственного устройства сыграло роль и то обстоятельство, что в государстве имелся фактор, позволявший целенаправленно проводить государственную политику в сфере межнациональных отношений, сообразуясь с политической реальностью, менять установки и направленность этой политики. Этот фактор – наличие правящей Коммунистической партии (РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС).

В Конституции СССР от 7 октября 1977 г. было указано: «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма...»[4]. Здесь можно добавить, что вызывает возражение не наличие правящей партии (такие партии есть везде), а отсутствие других партий в государстве (что объясняется полным господством в государстве коммунистической идеологии).

Следует сказать, что, несмотря на провозглашённые в Конституции СССР утопические цели построения коммунизма, сами принципы организации многонационального государства были реализованы в полной мере, что было следствием уверенной и последовательной политической линии в области межнациональных отношений. К сожалению, позитивный сценарий развития был радикальным образом отвергнут событиями 1990-х годов в силу указанных обстоятельств, остаётся только сожалеть о произошедшем.

Конечно, сейчас всем ясно, что нужно было не дожидаться того момента, когда импульсы распада дадут себя знать, а следовало бы своевременно вносить необходимые изменения в Конституцию СССР и в государственную политику. Это можно было осуществить в условиях складывания позитивного морально-психологического климата в отношениях между национальностями в СССР, в особенности, после победы советского народа в Великой Отечественной войне. Однако под влиянием общей эйфории от этих действительно великих успехов возобладало мнение о том, что в процессе строительства коммунизма в государстве все национальные проблемы будут решаться автоматически. Поэтому считалось, что нет необходимости будоражить общество преобразованиями в сфере государственного устройства. Руководством государства явно были недооценены исходящие извне угрозы национальной безопасности и государственной целостности. Сложившееся государственное устройство позволяло решать возникающие проблемы без принятия радикальных преобразований в области федерализма[5].

Российская Федерация как правопреемница Советского Союза столкнулась с реальными угрозами территориальной целостности государства, исходящими уже не извне, а изнутри, и в своей Конституции от 12 декабря 1993 г. при формулировании права субъектов Федерации на национальное самоопределение исключила право на отделение, признав вместо него конституционно-договорный принцип разграничения полномочий центра и субъектов Федерации, в соответствии с которым распределение полномочий определяется Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами. Это предполагало возможность решения вопросов суверенитета национальных республик посредством договорной практики (процедур заключения договоров субъектов Федерации с федеральным центром по вопросам разграничения их предметов ведения, прерогатив и полномочий). Но, как вскоре стало ясно, и эти меры оказались недостаточными и неспособными гарантировать прочность федеративного устройства государства. Нужны были изменения, способные минимизировать негативные последствия кризиса 90-х годов и предотвратить импульсы сепаратизма и распада теперь уже в условиях Российской Федерации. В том числе следовало задуматься о необходимости перемен, направленных на укрепление национальной безопасности, повышение оборонного потенциала и международного авторитета Российской Федерации.

[3] См., напр.: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111.

[4] См.: Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 616.

[5] См.: *Леонов Н.С.* Лихолетье. М., 2005. С. 296, 297.

В особенности это стало ясно в начале 2000-х годов, когда Российская Федерация заявила о своих национальных интересах, что послужило развёртыванию широкомасштабной гибридной войны Запада во главе с США против России. Одним из главных, если не самым главным, направлений в гибридной войне Запада против Российской Федерации является сфера межнациональных отношений. В центре внимания западных стратегов стало разжигание межнациональной розни, поддержка политического экстремизма и терроризма на территории Российской Федерации. В этих целях используются самые разные приёмы, в том числе спекуляции на некоторых недостатках российского федерального законодательства, и прежде всего положение о конституционно-договорном характере российского федерализма, с которым связано наибольшее количество неувязок в отношениях между федеральным центром и субъектами Федерации[6].

Урок, который можно вынести из истории федерализма в России, это вывод о том, что одновременно с тенденцией федерализации в политической практике неизбежно присутствовала тенденция унитаризации. Здесь мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что унитаризм оказывается не тождественным жёсткой централизации, не допускающей местной самостоятельности, так же, как и федерализм необязательно означает необратимую децентрализацию, исключающую все импульсы централизации. Как показывает жизнь, в России унитаризм вполне может сочетаться с самостоятельностью субъектов, а федерализм с сильной центральной властью.

Именно в этом может скрываться ключ к решению вопроса о реформе федерализма Российской Федерации, который состоит в определении оптимальной меры соотношения унитаризма и федерализма в государственном устройстве, такого их сочетания, которое единственно может обеспечить эффективное функционирование системы государственного управления во всех сферах жизни.

Весь вопрос в том, как обеспечить оптимальный вариант соотношения унитаризма и федерализма; какие меры необходимо принять в целях осовременивания (модернизации) федеративных отношений. В числе таких мер могут быть: реформирование государственного устройства переход к модели унитарного федерализма; унификация практики разграничения полномочий и предметов ведения федерального центра и субъектов Федерации; развитие местного самоуправления; повышение ответственности государственных органов и местного самоуправления за состояние социального самочувствия населения.

Достижение оптимального варианта федеративного устройства в Российской Федерации[7] предполагает необходимость предварительного всестороннего анализа состояния федерализма, построенного на принципах, сформулированных в Конституции РФ 1993 г., тех принципах, которые по своему характеру соответствовали интересам либерально-демократического переустройства Российской Федерации. Принципы федерализма должны быть переориентированы на цели устойчивого развития и национальной безопасности государства безотносительно к тому, в какой мере в государственном управлении присутствуют элементы унитаризма и федерализма.

Похожий принцип выстраивания государственно-территориального устройства имелся и в СССР, выступая в форме демократического централизма, который распространялся на все сферы жизни, включая и экономику, и политику. Как отмечалось в Конституции СССР, «организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципом демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело».

Как можно видеть, демократический централизм содержит всё-таки больше определённости, нежели имперский унитаризм, по крайней мере в отношении ответственности государственных органов за порученное дело. Дело в том, что советский унитаризм как способ политико-территориальной организации государственно-политической системы позволял оперативно концентрировать ресурсы государства и эффективно использовать их для решения актуальных тактических задач и стратегических целей, в наибольшей степени отвечал задачам обеспечения национальной безопасности. Это, однако, нисколько не мешало выстраиванию федеративных отношений в СССР. Провозглашённые в Конституции СССР принципы добровольности вхождения советских республик в Союз ССР и их равноправия одновременно означали коллективную ответственность за сохранение территориальной целостности и защиту государственного суверенитета. Коллективная же ответственность предполагает наличие сильного центра, который обладает делегированным ему союзными республиками правом на решение всех вопросов, относящихся к государственному суверенитету и сохранению территориальной целостности государства. Данные принципы вполне отвечали в то время ожиданиям населения всех территорий Российской Империи, а затем СССР, поскольку соответствовали сложившимся у народов представлениям о сильной государственной власти.

Действительно, сочетание в рамках российского федерализма двух принципов построения субъектов федерации – административно-территориального и национально-территориального – привело к ослаблению общегражданской идентичности населения, к размыванию общенационального гражданского патриотизма, к эксцессам противостояния между центром и регионами, к усилению центробежных, сепаратистских тенденций. Кроме этого такое устройство не оставляло места для самоопределения народа. Области и края в своих уставах не содержали даже намёков на право русского народа на национальное самоопределение, на защиту прав русских людей как представителей особой этнической общности. Фактически русский человек рассматривался как субъект, лишённый национальности.

Однако этой проблемой тогда пренебрегли, ограничившись наделением городов Москвы, Санкт-Петербурга, а с недавнего времени и Севастополя статусом городов федерального подчинения. Русский народ, проживающий вне городов

---

[6] См.: *Сидоренко А.В.* Российский федерализм: между территориальным и этническим измерением // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 7. С. 235–242.

[7] О федеративном устройстве Российской Федерации см.: *Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н.* О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83–89.

федерального подчинения и вне национальных республик на огромной территории государства, фактически оказался вне конституционного поля Российской Федерации.

1 июля 2020 г. состоялось общероссийское голосование по поправкам в Конституцию РФ, согласно которой была закреплена единая система публичной власти, организация которой отнесена к ведению Российской Федерации (п. «г» ст. 71). Публичная власть как разновидность социальной власти – это власть, выделенная от народа и в конституционно-правовом порядке наделенная народом правом на осуществление полномочий от своего имени. В качестве организационно-правового института публичная власть – это власть органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые образуют единую систему публичной власти.

Напомним, что до принятия поправок в Конституцию РФ 2020 года в ней использовались понятия в рамках различных проявлений как общей категории «власть»: «власть народа», «власть в Российской Федерации» (ст. 3), так и категории, отражающей формы ее осуществления: «государственная власть в Российской Федерации», «государственная власть в субъектах Российской Федерации» (ст. 10, 11).

Принятые конституционные поправки призваны сделать политическую систему Российской Федерации сбалансированной, с дифференцированной системой сдержек и противовесов между ветвями и уровнями государственной власти. Отдельного внимания заслуживает именно усиление роли субъектов Российской Федерации через повышение значимости института губернатора. Это идет в противовес с ранее доминирующей тенденцией на централизацию власти. Важное значение имеет усиление законодательной ветви власти через передачу Государственной Думе отдельных полномочий по утверждению Правительства РФ. Но это не означает перехода Российской Федерации к парламентской республике, так как глава государства сохраняет за собой статус ключевой фигуры в политической системе, и именно у него сконцентрированы ключевые функции.

Что касается закрепления ряда социальных обязательств в Конституции РФ в части зарплат и пенсий, то они не окажут существенного влияния на социально-экономическую ситуацию, так как эти нормы и в текущий момент находятся в рамках федеральных законов.

В ч. 1 ст. 67 Конституции РФ добавлена норма, согласно которой на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Кроме того, согласно ч. 2^1 ст. 67 Конституции РФ Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются.

В.А. Черепанов в своей книге «Теория российского федерализма» пишет: «Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила федеративное устройство, но не как способ решения национального вопроса, а как форму политико-территориального устройства государства»[8]. То есть фактически вопросы федеративного устройства решаются путём административного переустройства в отрыве от решения национального вопроса. Автор объясняет это тем, что «право... рассматривается как... государственная воля, воплощённая в федеральном законе, обязательность которого детерминирована в первую очередь властно-принудительной силой государства, а не общественными потребностями и интересами федеративных субъектов и народов, проживающих на их территории». Оставляя в стороне объяснительную часть этого утверждения, обратим внимание на то, что действительно в Конституции РФ отсутствует указание на связь федеративного устройства с национальной политикой, не предлагается конкретных способов совершенствования государственного устройства.

[8] *Черепанов В.А.* Теория российского федерализма: учеб. пособие. М., 2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая история российского федерализма. URL: http://www.bestreferat.ru/referat-251736.html
2. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111.
3. *Леонов Н.С.* Лихолетье. М., 2005. С. 296, 297.
4. *Сидоренко А.В.* Российский федерализм: между территориальным и этническим измерением // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 7. С. 235–242.
5. *Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н.* О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83–89.
6. *Черепанов В.А.* Теория российского федерализма: учеб. пособие. М., 2005.

REFERENCES

1. A brief history of Russian federalism. URL: http://www.bestreferat.ru/referat-251736.html (in Russ.).
2. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Salomatin A. Yu.* Review of the All-Russian scientific conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law" and "Legal policy and legal life" on the topic "Federalism: evolution and modern state" // State and Law. 2016. No. 12. P. 111 (in Russ.).
3. *Leonov N.S.* Likholetye. M., 2005. P. 296, 297 (in Russ.).
4. *Sidorenko A.V.* Russian federalism: between territorial and ethnic dimension // Izvestiya of Herzen RSPU. 2008. Issue 7. P. 235–242 (in Russ.).
5. *Sukhondyaeva T. Yu., Galuzo V.N.* On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // Online electronic popular scientific journal of private and public law. 2018. No. 1. P. 83–89 (in Russ.).
6. *Cherepanov V.A.* Theory of Russian Federalism: textbook. M., 2005 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич –
доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Authors' information

ERIASHVILI Nodari D. –
Doctor of Economics, PhD in Law, candidate of historical Sciences, Professor, Winner of the Russian Government prize in science and technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of Kikot Moscow State University of the Ministry of internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 156–161
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 156–161

ОБ ЭКОСИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К РАЗВИТИЮ АРКТИКИ В СВЯЗИ С НОВЕЙШИМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ

© 2022 г. М. С. Пермиловский

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

E-mail: permilovsky@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. В статье анализируются вопросы инвестиционного развития арктических территорий во взаимосвязи с прикладным содержанием экосистемного подхода в праве. Экосистемный подход является многоаспектным средством воздействия на связанные с окружающей средой общественные отношения. Будучи междисциплинарным доктринальным понятием, с развитием природоохранной культуры экосистемный подход приобрел правовое значение и стал использоваться в правовом регулировании. В статье проанализированы научные подходы к применению экосистемного подхода в арктическом праве.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционное право, экосистема, экосистемный подход, арктическое право, Арктика.

Цитирование: *Пермиловский М.С.* Об экосистемном подходе к развитию Арктики в связи с новейшим инвестиционным регулированием // Государство и право. 2022. № 9. С. 156–161.

DOI: 10.31857/S102694520014902-3

ON THE ECOSYSTEM APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC IN CONNECTION WITH THE LATEST INVESTMENT REGULATION

© 2022 M. S. Permilovskiy

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

E-mail: permilovsky@mail.ru

Received 11.05.2021

Abstract. The article analyzes the issues of investment development of the Arctic territories in relation to the applied content of the ecosystem approach in law. The ecosystem approach is a multidimensional means of influencing public relations related to the environment. Being an interdisciplinary doctrinal concept, with the development of environmental culture, the ecosystem approach acquired legal significance and began to be used in legal regulation. The article analyzes scientific approaches to the application of the ecosystem approach in Arctic Law.

Key words: investments, Investment Law, ecosystem, ecosystem approach, Arctic Law, Arctic.

For citation: *Permilovskiy, M.S. (2022).*On the ecosystem approach to the development of the Arctic in connection with the latest investment regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 156–161

Арктика является физико-географическим районом, характеризующимся, с одной стороны, значительным экономическим, экологическим и культурным потенциалом, по поводу которого развивается комплекс общественных отношений стратегического, экономического, экологического и социального характера на национальном и международном уровнях. С другой стороны, это регион, отличающийся хрупкостью экологической системы, удаленностью от инфраструктурно развитых территорий, суровыми климатическими условиями, обуславливающими большие затраты коммунальных и иных ресурсов для обеспечения нормальной жизнедеятельности северного населения по сравнению с аналогичными затратами, осуществляемыми в районах с умеренно-континентальным климатом. Вследствие таких особенностей арктических территорий многолетней проблемой является миграционный отток населения с Севера (к примеру, из Архангельской области[1]). Для улучшения жизни населения северных территорий требуются эффективные экономические, правовые, социальные и иные меры. Одной из таких мер является привлечение на Север дополнительных капиталовложений в создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию объектов транспортной, энергетической, коммунальной, социальной, цифровой инфраструктур. Одновременно инвесторы получают доступ к освоению углеводородных ресурсов в высоких широтах. В этом видится баланс между социальными (публичными) и экономическими (частными) интересами в Арктике.

В то же время активизация хозяйствования, как правило, влечет рост антропогенного воздействия на окружающую среду, вследствие чего повышаются риски негативного воздействия на нее. Для Арктики это чревато прежде всего загрязнением отходами производства и потребления. С учетом того, что население Севера претерпевает объективно неблагоприятные погодно-климатические факторы, дополнительное негативное воздействие на окружающую среду Арктики может ухудшить состояние здоровья и резистентность организма человека на Севере.

Учитывая это, необходим поиск баланса не только между социальными и экономическими интересами, но и между экономическими и экологическими интересами в Арктике. В этих целях предлагается проанализировать перспективы инвестиционного развития северных территорий.

В целях создания инвестиционного устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации принят Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»[2]. Таким образом, подтверждено научное мнение о том, что «новой тенденцией стало конструирование специального регулирования процессов социально-экономического развития отдельных территорий и крупных макрорегионов»[3].

Инвестиционная формула развития Арктического региона в общем виде заключается в следующем: инвестор за счет внебюджетных источников (в исключительных случаях с привлечением ассигнований бюджетов бюджетной системы Российской Федерации) обеспечивает создание (модернизацию) объектов инфраструктуры Арктической зоны Российской Федерации и получает доступ к осуществлению любой незапрещенной предпринимательской деятельности на Севере. Таким лицам предоставляется государственная поддержка инвестиционной деятельности в форме налоговых, административных и иных преференций (например, компенсация затрат по страховым взносам во внебюджетные фонды, упрощенная процедура контрольно-надзорных мероприятий, льготной порядок получения земель, находящихся в государственной (муниципальной) собственности).

Следующим этапом инвестиционного развития северных территорий является распространение опыта предоставления на Дальнем Востоке находящихся в государственной (муниципальной) собственности земель в безвозмездное пользование. Упрощенный порядок предоставления «арктического гектара» предлагается внесенным в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проектом федерального закона № 1153945–7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Как отмечают авторы проекта федерального закона, это необходимо для «вовлечения неиспользуемых земель в хозяйственный оборот и стимулирования освоения земельных участков»[4].

Анализ норм Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», а также норм об «арктическом гектаре» позволяет сформулировать вывод о декларативном или второстепенном характере экологических требований к хозяйственной и инвестиционной деятельности на арктических территориях. В указанном Федеральном законе, несмотря на его явно экономическую направленность, отсутствуют положения эколого-правового характера. Представляется, что для обеспечения баланса между экономическими и экологическими интересами (последние, в свою очередь, имеют не меньшее значение для жизнедеятельности населения арктических территорий, в частности для здоровья и укрепления резистентности организма человека на Севере, и так претерпевающего объективно неблагоприятные погодно-климатические факторы) необходимо введение экологических требований (стандартов) к любой деятельности в Арктической зоне.

В связи с этим необходимо изучить возможности применения экосистемного похода в арктическом правовом регулировании, в том числе в процессе управления арктическими территориями. Отмечается, что «использование экосистемного подхода в регулировании отношений по поводу природы уже сегодня обладает высоким

---

[1] См.: Закон Архангельской области от 13.02.2019 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов седьмого созыва. 2019. № 5.

[2] См.: СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503.

[3] *Емельянцев В.П., Валентей С.Д.* Арктика в ракурсе новейших законодательных инициатив // Журнал росс. права. 2020. № 2. С. 136–153.

[4] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1153945-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

потенциалом, имеет хорошую научную базу и может оказаться полезным»[5].

В настоящее время существуют разные точки зрения относительно понятия «экосистемный поход».

Определение понятия «экологическая система» раскрыто в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[6]. В данном случае экосистема фактически отождествляется с природой, где все живые и неживые элементы взаимодействуют между собой. Экосистема легально рассматривается исключительно в естественном контексте и относится к понятию «природный объект». «Наряду с естественными экосистемами,– пишет М.М. Бринчук,– существуют искусственные экосистемы. Например, агроэкосистема, основные функции которой поддерживаются агрономическими мероприятиями: вспашкой, селекцией, внесением удобрений и ядохимикатов»[7].

Интересен тот факт, что окружающая среда может считаться благоприятной только, если ее качество обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем. С учетом этого вполне обоснованными являются принципы приоритета сохранения естественных экологических систем и запрещения реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем (ст. 1, 3 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Экосистемный подход используется в законодательстве для развития рыболовства[8], лесного хозяйства[9], а также для достижения устойчивого природопользования, воздействующего в том числе на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов и среду их обитания[10].

По итогам анализа подзаконных нормативных правовых актов, где встречается упоминание об экосистеме или экосистемном подходе, положений, раскрывающих данные понятия, не выявлено. При этом отдельными авторами отмечается недостаточность использования экосистемного подхода в правовом регулировании[11]. Другие указывают на отсутствие «целостной стратегии развития природоресурсного законодательства, строящейся на сочетании экосистемного подхода к окружающей среде и дифференцированного подхода к охране и использованию отдельных природных ресурсов (недра, воды, лес, земля, животный мир)»[12]. Ссылаются на необходимость совершенствования механизмов управления природными ресурсами на основе экосистемного подхода[13].

Посредством экосистемного подхода должно обеспечиваться нормальное состояние природной среды, что гарантирует стабильность окружающей среды и жизнедеятельности[14]. Данный подход предлагается применять к исследованию: 1) биологического взаимодействия между всеми видами морских ресурсов[15]; 2) экологических условий окружающей среды[16]; 3) осуществления градостроительной деятельности, обеспечивающей устойчивое развитие территорий[17]; 4) мер по борьбе с климатическими изменениями[18]; 5) способов управления деятельностью в морской среде и исключительных экономических зонах[19]; 6) последствий недропользования (включая вопросы энергетической и экологической безопасности)[20]; 7) рационального использования природных ресурсов[21]; 8) системы международного водотока[22]; 9) вопросов землепользования[23];

---

[5] *Краснова И.О.* Конкретизация как способ совершенствования законодательства // Lex russica. 2016. № 6. С. 146–157.

[6] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

[7] *Бринчук М.М.* Экосистемный подход в праве // Экологическое право. 2008. № 1.

[8] См.: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 314 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие рыбохозяйственного комплекса”» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2160.

[9] См.: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2018 г. № 1989-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] См.: распоряжение Правительства РФ от 17.02.2014 г. № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2014. № 9, ст. 927.

[11] См.: *Краснова И.О.* Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы росс. права. 2019. № 8. С. 165–175.

[12] Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития / В.Б. Агафонов, В.К. Быковский, Г.В. Выпханова и др.; под ред. Н.Г. Жаворонковой. М., 2014.

[13] См.: *Торцев А.М.* Правовое регулирование хозяйственной деятельности в сфере использования водных биологических ресурсов // Экологическое право. 2020. № 5. С. 26–29.

[14] См.: *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. Размышления // Зеленый мир. 2006. № 19–20. С. 104.

[15] См.: *Matz N.* The Interaction between the Convention on Biological Diversity and the Un Convention on the Law of the Sea. In: *Ehlers P., Borgese E.M., Wolfrum R., Hoss C. (eds.).* Marine Issues: From a Scientific, Political and Legal Perspective, 2002.

[16] См.: *Доронина А.К.* Вопросы охраны окружающей среды Арктики в стратегических актах прибрежных арктических государств // Росс. юрид. журнал. 2016. № 5. С. 199–209.

[17] См.: *Романова О.А.* О правовых механизмах обеспечения экологических прав при осуществлении градостроительной деятельности: теоретические и практические аспекты // Lex russica. 2020. № 3. С. 33–44.

[18] См.: *Краснова И.О.* Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. 2018. № 2. С. 20–27; *Дудыкина И.П.* Зарубежные исследователи о правовых аспектах изменения климата в Арктике // Росс. юрид. журнал. 2017. № 2. С. 178–188.

[19] См.: *Cavalieri S., Kraemer R.A.* Transatlantic Policy Options to Address the Rapidly Changing Arctic // Environmental Security in the Arctic Ocean / ed. by P. Berkman, A. Vylegzhanin. Dordrecht, 2013. P. 285.

[20] См.: *Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.* Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования природопользования в Арктике // Lex russica. 2018. № 7. С. 114–124.

[21] См.: *Петрова Т.В.* Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // Экологическое право. 2016. № 3. С. 29–34.

[22] См.: *Случевская Ю.А.* Проблемы понятийного аппарата в международном водном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 134–139.

[23] См.: *Чуднова Е.И.* Стратегическое планирование в сфере использования земельного фонда: Россия и Шотландия, опыт сопоставления // Юрист. 2018. № 4. С. 33–39.

10) регулирования сельского хозяйства[24]; 11) модернизации российского законодательства в сфере защиты морской среды[25]; 12) понятия «право лесопользования»[26]; 13) способов решения «планетарных экологических проблем»[27].

А.В. Овлащенко и И.Ф. Покровский рассматривают экосистемный подход как критерий эффективности использования океанических ресурсов, а также в качестве интегрированного способа управления природными ресурсами и экономическим развитием[28].

С помощью экосистемного подхода предлагается проводить комплексную оценку ущерба, наносимого хозяйственной деятельностью ландшафтному разнообразию, и способов его компенсации[29].

Наряду с этим высказываются суждения о юридико-прикладном значении экосистемного подхода. Так, по мнению Д.К. Бекяшева, экосистемный подход – это принцип международного экологического права, в силу которого «государства в процессе принятия решений об использовании какого-либо природного ресурса должны руководствоваться требованиями, основанными на предупреждении и недопущении причинения вреда другим природным ресурсам, объектам и окружающей среде в целом»[30].

Отмечается также неэффективность использования экосистемного подхода в глобальных масштабах. Это связано с тем, что «в большинстве случаев границы экосистем не совпадают с границами национальных юрисдикций»[31]. Такая критическая оценка экосистемного подхода теоретически оправдана, однако указанные недостатки преодолимы за счет развития международного сотрудничества – одного из основных принципов международного права.

Учитывая плюсы и минусы экосистемного подхода в правовом регулировании, имеется ли реальная потребность в его использовании в арктическом праве? Утвердительные предложения уже сейчас высказываются в юридической науке. Имеются предложения использовать экосистемный подход в управлении деятельностью по освоению Арктики, который может быть противопоставлен «стратегии освоения ресурсов региона»[32]. С этим следует согласиться, тем более что арктические государства (прежде всего Канада и Королевство Норвегия) подтверждают готовность применять экосистемный подход к управлению северными (арктическими) территориями, в международном сотрудничестве по вопросам освоения Арктики[33].

Арктика представляет собой самостоятельную «особо уязвимую»[34] естественную экосистему. Активное хозяйственное освоение данного региона осуществляется в силу его стратегически выгодного географического расположения и экономического (прежде всего ресурсного) потенциала. В арктическом законодательном регулировании не используется экосистемный подход к вопросам регламентации хозяйственной деятельности на Севере. В то же время в общих стратегических подзаконных нормативных правовых актах, определяющих направления государственной политики Российской Федерации в Арктике, ставится задача по сохранению арктической экосистемы на основе развития особо охраняемых природных территорий и акваторий, комплексной системы обращения с отходами производства и потребления, международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и эффективного освоения природных ресурсов с соблюдением высоких экологических стандартов[35].

В целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и социально-экономического развития региона создана Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике[36]. Одной из функций данной Комиссии является подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности РФ по вопросам обеспечения экологической безопасности с учетом глобальных изменений климата, включая защиту населения от загрязнения компонентов природной среды, охрану экосистем Арктической зоны Российской Федерации, ликвидацию накопленного вреда окружающей среде, рациональное природопользование, развитие системы особо охраняемых природных территорий.

Таким образом, в настоящее время экосистемный подход к охране Арктической зоны Российской Федерации используется посредством подзаконных нормативных правовых актов. Представляется, что в течение срока реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике, определенного Указом Президента РФ, экосистемный подход к охране Арктической зоны Российской Федерации будет реализован на законодательном уровне (путем внесения изменений в действующие федеральные законы либо принятия базового федерального закона).

Идеи о принятии федерального закона «Об охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации»

---

[24] См.: *Селиванова К.А.* Аграрные экосистемы как объект правовой охраны // Экологическое право. 2016. № 5. С. 36–40.

[25] См.: *Борисов А.А., Цуранова А.И.* Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход // Журнал росс. права. 2014. № 6. С. 149–157.

[26] *Клюканова Л.Г.* О некоторых семантических характеристиках понятия «право лесопользования» как вида права природопользования и формы реализации права на доступ к природным ресурсам // Актуальные проблемы росс. права. 2016. № 2. С. 110–118.

[27] *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Перед главным вызовом цивилизации: взгляд из России. М., 2009.

[28] См.: *Овлащенко А.В., Покровский И.Ф.* Использование экосистемного подхода в морской деятельности: правовые вопросы и их дискуссионные моменты // Транспортное право. 2010. № 4. С. 16–23.

[29] См.: *Гафина Л.М.* Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 7–13; *Рыженков А.Я.* Актуальные проблемы реализации принципа сохранения биологического разнообразия // Власть Закона. 2017. № 1. С. 56–68.

[30] *Бекяшев Д.К.* Международно-правовые проблемы управления рыболовством. М., 2017.

[31] *Емельянцев В.П., Валентей С.Д.* Указ. соч.

[32] *Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.* Указ. соч. С. 114–124.

[33] См.: *Доронина А.К.* Указ. соч. С. 199–209.

[34] *Боголюбов С.А., Краснова И.О.* Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 6. С. 178–190.

[35] См.: Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 10, ст. 1317.

[36] См.: Указ Президента РФ от 25.08.2020 г. № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике» // СЗ РФ. 2020. № 35, ст. 5549.

нечасто высказываются в науке экологического права[37]. Но единая концепция проекта федерального закона ни в доктрине, ни в законодательной практике не вырабатывалась. Представляется, что за основу такого федерального закона может быть взята концепция Федерального закона от 2 апреля 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал»[38], нормы которого построены с учетом особого аксиологического (ценностного) значения экосистемы озера Байкал.

По итогам изучения вопросов инвестиционного и экосистемного развития арктических территорий формулируем несколько выводов.

Нормы законодательства носят явно экономический характер. Они направлены на создание правового механизма для хозяйственного и инвестиционного освоения арктических территорий. Особенности освоения Арктической зоны Российской Федерации и задачи, поставленные перед государственными органами и органами местного самоуправления по привлечению инвесторов на северные территории, указывают на необходимость дополнительной проработки эколого-правовых аспектов развития правового регулирования. В основе такой работы должен быть экосистемный подход. В законодательстве он раскрывается через понятие «экосистема», представляющее собой основу функционирования какой-либо части окружающей среды. С учетом этого экосистемный подход рассматривается в качестве способа экологизации правового регулирования тех общественных отношений, которые требуют высокой степени защиты от негативного воздействия хозяйственной или иной деятельности человека. В арктическим праве экосистемный подход предполагает осуществление правового регулирования, обеспечивающего экологическую безопасность Арктики с учетом глобальных изменений климата и эффективного освоения природных ресурсов региона с соблюдением высоких экологических стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бекяшев Д.К.* Международно-правовые проблемы управления рыболовством. М., 2017.
2. *Боголюбов С.А., Краснова И.О.* Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 6. С. 178–190.
3. *Борисов А.А., Цуранова А.И.* Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход // Журнал росс. права. 2014. № 6. С. 149–157.
4. *Бринчук М.М.* Экосистемный подход в праве // Экологическое право. 2008. № 1.
5. *Гафина Л.М.* Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 7–13.
6. *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Перед главным вызовом цивилизации: взгляд из России. М., 2009.
7. *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. Размышления // Зеленый мир. 2006. № 19–20. С. 104.
8. *Доронина А.К.* Вопросы охраны окружающей среды Арктики в стратегических актах прибрежных арктических государств // Росс. юрид. журнал. 2016. № 5. С. 199–209.
9. *Дудыкина И.П.* Зарубежные исследователи о правовых аспектах изменения климата в Арктике // Росс. юрид. журнал. 2017. № 2. С. 178–188.
10. *Емельянцев В.П., Валентей С.Д.* Арктика в ракурсе новейших законодательных инициатив // Журнал росс. права. 2020. № 2. С. 136–153.
11. *Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.* Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования природопользования в Арктике // Lex russica. 2018. № 7. С. 114–124.
12. *Клюканова Л.Г.* О некоторых семантических характеристиках понятия «право лесопользования» как вида права природопользования и формы реализации права на доступ к природным ресурсам // Актуальные проблемы росс. права. 2016. № 2. С. 110–118.
13. *Краснова И.О.* Конкретизация как способ совершенствования законодательства // Lex russica. 2016. № 6. С. 146–157.
14. *Краснова И.О.* Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы росс. права. 2019. № 8. С. 165–175.
15. *Краснова И.О.* Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. 2018. № 2. С. 20–27.
16. *Овлащенко А.В., Покровский И.Ф.* Использование экосистемного подхода в морской деятельности: правовые вопросы и их дискуссионные моменты // Транспортное право. 2010. № 4. С. 16–23.
17. *Петрова Т.В.* Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // Экологическое право. 2016. № 3. С. 29–34.
18. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития / В.Б. Агафонов, В.К. Быковский, Г.В. Выпханова и др.; под ред. Н.Г. Жаворонковой. М., 2014.
19. *Романова О.А.* О правовых механизмах обеспечения экологических прав при осуществлении градостроительной деятельности: теоретические и практические аспекты // Lex russica. 2020. № 3. С. 33–44.
20. *Рыженков А.Я.* Актуальные проблемы реализации принципа сохранения биологического разнообразия // Власть Закона. 2017. № 1. С. 56–68.
21. *Селиванова К.А.* Аграрные экосистемы как объект правовой охраны // Экологическое право. 2016. № 5. С. 36–40.
22. *Случевская Ю.А.* Проблемы понятийного аппарата в международном водном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 134–139.
23. *Торцев А.М.* Правовое регулирование хозяйственной деятельности в сфере использования водных биологических ресурсов // Экологическое право. 2020. № 5. С. 26–29.
24. *Чуднова Е.И.* Стратегическое планирование в сфере использования земельного фонда: Россия и Шотландия, опыт сопоставления // Юрист. 2018. № 4. С. 33–39.
25. *Cavalieri S., Kraemer R.A.* Transatlantic Policy Options to Address the Rapidly Changing Arctic // Environmental Security in the Arctic Ocean / ed. by P. Berkman, A. Vylegzhanin. Dordrecht, 2013. P. 285.
26. *Matz N.* The Interaction between the Convention on Biological Diversity and the Un Convention on the Law of the Sea. In: *Ehlers P., Borgese E.M., Wolfrum R., Hoss C. (eds.).* Marine Issues: From a Scientific, Political and Legal Perspective, 2002.

[37] См.: *Боголюбов С.А., Краснова И.О.* Указ. соч. С. 178–190.

[38] См.: СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2220.

REFERENCES

1. *Bekyashev D.K.* International legal problems of fisheries management. M., 2017 (in Russ.).
2. *Bogolyubov S.A., Krasnova I.O.* Law and nature conservation of the Russian Arctic // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 6. P. 178–190 (in Russ.).
3. *Borisov A.A., Tsuranova A.I.* Legal regulation of the use of natural resources: an integrated approach // Journal of Russ. law. 2014. No. 6. P. 149–157 (in Russ.).
4. *Brinchuk M.M.* Ecosystem approach in law // Environmental Law. 2008. No. 1 (in Russ.).
5. *Gafina L.M.* Legal protection of landscape diversity in the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. Ulyanovsk, 2008. P. 7–13 (in Russ.).
6. *Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S., Reif I.E.* Before the main challenge of civilization: a view from Russia. M., 2009 (in Russ.).
7. *Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S., Reif I.E.* Before the main challenge of civilization. A view from Russia. Reflections // Green World. 2006. No. 19–20. P. 104 (in Russ.).
8. *Doronina A.K.* Issues of environmental protection of the Arctic in strategic acts of coastal Arctic states // Russ. legal journal. 2016. No. 5. P. 199–209 (in Russ.).
9. *Dudykina I.P.* Foreign researchers on the legal aspects of climate change in the Arctic // Russ. legal journal. 2017. No. 2. P. 178–188 (in Russ.).
10. *Emeliantsev V.P., Valentey S.D.* The Arctic in the perspective of the latest legislative initiatives // Journal of Russ. law. 2020. No. 2. P. 136–153 (in Russ.).
11. *Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B.* Modern trends in legal support of strategic planning of environmental management in the Arctic // Lex russica. 2018. No. 7. P. 114–124 (in Russ.).
12. *Klyukanova L.G.* On some semantic characteristics of the concept of "the right of forest management" as a type of the right of nature use and the form of realization of the right to access to natural resources // Actual problems of Russ. law. 2016. No. 2. P. 110–118 (in Russ.).
13. *Krasnova I.O.* Concretization as a way to improve legislation // Lex russica. 2016. No. 6. P. 146–157 (in Russ.).
14. *Krasnova I.O.* The right to a favorable environment as Constitutional and Environmental Law // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 8. P. 165–175 (in Russ.).
15. *Krasnova I.O.* Modern trends in the development of International Environmental Law // Environmental Law. 2018. No. 2. P. 20–27 (in Russ.).
16. *Ovlashchenko A.V., Pokrovsky I.F.* The use of an ecosystem approach in marine activities: legal issues and their controversial moments // Transport Law. 2010. No. 4. P. 16–23 (in Russ.).
17. *Petrova T.V.* Rational use of natural resources: concept, principle, authority, direction of state environmental policy // Environmental Law. 2016. No. 3. P. 29–34 (in Russ.).
18. Natural resource legislation in the conditions of modernization of the Russian economy: modern problems of development / V.B. Agafonov, V.K. Bykovsky, G.V. Vypkhanova, etc.; ed. by N.G. Zhavoronkova. M., 2014 (in Russ.).
19. *Romanova O.A.* On legal mechanisms for ensuring environmental rights in the implementation of urban planning activities: theoretical and practical aspects // Lex russica. 2020. No. 3. P. 33–44 (in Russ.).
20. *Ryzhenkov A. Ya.* Actual problems of realization of the principle of conservation of biological diversity // The Power of Law. 2017. No. 1. P. 56–68 (in Russ.).
21. *Selivanova K.A.* Agrarian ecosystems as an object of legal protection // Environmental Law. 2016. No. 5. P. 36–40 (in Russ.).
22. *Sluchevskaya Yu.A.* Problems of the conceptual apparatus in International Water Law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 2. P. 134–139 (in Russ.).
23. *Tortsev A.M.* Legal regulation of economic activity in the field of use of aquatic biological resources // Environmental Law. 2020. No. 5. P. 26–29 (in Russ.).
24. *Chudnova E.I.* Strategic planning in the use of the land fund: Russia and Scotland, the experience of comparison // Lawyer. 2018. No. 4. P. 33–39 (in Russ.).
25. *Cavalieri S., Kraemer R.A.* Transatlantic Policy Options to Address the Rapidly Changing Arctic // Environmental Security in the Arctic Ocean / ed. by P. Berkman, A. Vylegzhanin. Dordrecht, 2013. P. 285.
26. *Matz N.* The Interaction between the Convention on Biological Diversity and the Un Convention on the Law of the Sea. In: *Ehlers P., Borgese E.M., Wolfrum R., Hoss C. (eds.).* Marine Issues: From a Scientific, Political and Legal Perspective, 2002.

Сведения об авторе

ПЕРМИЛОВСКИЙ Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; 163000 г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Authors' information

PERMILOVSKIY Mikhail S. – PhD in Law, associate Professor of the Department of International Law and Comparative Law of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; 17 Severnaya Dvina nab., 163000 Arkhangelsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 162–166
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 162–166

ЗАЩИТА ПРАВ ДОЛЖНИКА ПРИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧЕ ПРАВОВОГО ТИТУЛА

© 2022 г. А. В. Пушкина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.05.2022

Аннотация. В статье определяется, что обеспечительная передача правового титула относится к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств. Основное внимание уделено обеспечительной передаче права собственности. Рассматривается соотношение данного способа обеспечения с залогом. Оценивается, насколько корректно признание обеспечительной передачи права собственности сделкой, направленной на обход норм закона о залоге. Определено, что возможность защиты прав должника напрямую зависит то того, как оформлено титульное обеспечение. При некорректном оформлении оптимальным способом защиты прав должника является признание сделки обеспечительной продажи недействительной. Если используются законодательно урегулированные способы титульного обеспечения – сделки репо, обеспечительный факторинг, возвратный лизинг – можно применять иные механизмы защиты, предусмотренные для данных сделок. В перспективе в целях защиты прав должника можно было бы закрепить на законодательном уровне возникновение ограниченного вещного права на предмет обеспечения у должника и ограничение права собственности на предмет обеспечения у кредитора.

Ключевые слова: способы обеспечения исполнения обязательств, титульное обеспечение, *fiducia,* залог, обеспечительный факторинг, возвратный лизинг, притворная сделка.

Цитирование: *Пушкина А. В.* Защита прав должника при обеспечительной передаче правового титула // Государство и право. 2022. № 9. С. 162–166.

DOI: 10.31857/S102694520022229-2

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE DEBTOR IN THE SECURITY TRANSFER OF TITLE

© 2022 A. V. Pushkina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Received 16.05.2022

Abstract. The article defines that the security transfer of title refers to unnamed methods of securing the performance of obligations. The main attention is paid to the security transfer of ownership. The correlation of this method of collateral with collateral is considered. It is assessed how correct it is to recognize the security transfer of ownership as a transaction aimed at circumventing the norms of the law on pledge. It is determined that the possibility of protecting the rights of the debtor directly depends on how the title security is issued. In case of incorrect execution, today the best way to protect the debtor's rights is to recognize the secured sale transaction as invalid. If legally regulated methods of title security are used – repo transactions, security factoring, leaseback – other protection mechanisms provided for these transactions can be applied. In the future, in order to protect the rights of the debtor, it would be possible to enshrine at the legislative level the emergence of a limited real right to the subject of security for the debtor and the restriction of ownership of the subject of security for the creditor.

Key words: methods of ensuring the fulfillment of obligations, title security, *fiducia,* pledge, security factoring, leaseback, sham transaction.

For citation: *Pushkina, A.V. (2022).* Protection of the rights of the debtor in the security transfer of title // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 162–166.

Статья 329 ГК РФ перечисляет наиболее распространенные обеспечительные конструкции, однако допускает существование и иных обеспечительных механизмов, установленных участниками основного соглашения. К числу таких непоименованных способов обеспечения обязательства можно отнести и обеспечительную передачу правового титула.

В п. 2–4 ст. 329 ГК РФ названы признаки, которым должен соответствовать способ обеспечения исполнения обязательств. Пункт 2 устанавливает, что недействительность обеспечительного обязательства не влияет на действительность основного соглашения. Пункт 3 определяет, что при недействительности основного обязательства обеспечение не прекращается, а начинает обеспечивать реституционные требования. Пункт 4 носит диспозитивный характер и устанавливает, что прекращение основного обязательства автоматически прекращает обеспечение.

Некоторые исследователи отмечают, что данные признаки ~~более~~ актуальны для непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств, развитие которых происходит естественным образом. В тех способах, которые появились искусственно, то есть по воле законодателя, иногда встречаются не все из упомянутых признаков (например, для независимой гарантии не действует признак, закрепленный в п. 3 ст. 329 ГК РФ).

Представляется, что обеспечительная передача правового титула, отвечающая признакам, перечисленным в п. 2–4 ст. 329 ГК РФ, может быть отнесена законом или договором к числу способов обеспечения исполнения обязательств. Мыслима передача правового титула на следующие виды прав: вещные права; обязательственные права; корпоративные права; интеллектуальные права.

Смысл обеспечительной передачи правового титула в том, что одно из перечисленных выше прав передается в полном объеме кредитору по основному обязательству в целях обеспечения его исполнения. Если должник не исполняет основное обязательство, то данное право остается у кредитора, а если должник исполнит обеспечиваемое обязательство, переданное право возвращается обратно должнику.

Гражданский кодекс РФ предусматривает возможность обеспечительной передачи только некоторых обязательственных прав (гл. 43). Это – обеспечительный факторинг, то есть передача денежного требования фактору в целях обеспечения возврата суммы финансирования (по сути, займа), предоставленной фактором клиенту. Если должник исполняет денежное требование фактору до того, как клиент возвратил сумму финансирования, то данное исполнение будет засчитано в счёт долга клиента фактору, а остаток возвращён клиенту (в отличие от факторинга по модели купли-продажи, где вся маржа между размером финансирования и взысканным долгом идёт в счёт вознаграждения фактора). Если же сумма финансирования возвращена клиентом ранее, чем должник исполнил обязательство фактору, то требование подлежит возврату клиенту.

Существуют разные точки зрения по поводу того, как оформляется возврат денежного требования клиенту. Некоторые пишут о необходимости обратной уступки. Есть и позиция о том, что обеспечение как акцессорное обязательство и так прекращается, когда исполнено основное обязательство (так как должно срабатывать правило, закрепленное в п. 4 ст. 329 ГК РФ), т.е. право требования возвращается к клиенту на основании закона. Если должника не уведомляли о состоявшемся обеспечительном факторинге, такой способ возврата права требования удобен. Но в противном случае должника необходимо поставить в известность о возвращении права требования к первоначальному кредитору.

При рассмотрении обеспечительной передачи интеллектуальных прав исследователи отмечают, что данная конструкция теоретически возможна, но мало используются в обороте. Если говорить о корпоративных правах, то их обеспечительная передача нередко оформляется договором репо, предусмотренным ст. 51.3 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[1]. В.С. Ем давал следующее определение данного инструмента: «Договор репо – это сделка купли-продажи ценных бумаг, закрепляющая обязательство продавца выкупить их обратно в определенный срок по заранее зафиксированной цене»[2].

Допустимость обеспечительной передачи наиболее широкого вещного права – права собственности – теоретически обоснована в трудах С.В. Сарбаша[3], Т.Н. Ивановой, О.В. Монченко[4], И.И. Зикуна[5], Е.В. Галковой[6], Е.Р. Усмановой, А.В. Егорова[7], В.Г. Нестолия[8], С.В. Мышьякова[9] и других исследователей.

Титульное обеспечение нередко сравнивают с залогом. Во многих источниках древнейшей формой залога в римском праве называют *fiducia*. Так, И.Б. Новицкий писал: «Первоначальной формой залога была сделка fiducia cum creditore, состоявшая в следующем. Посредством манципации (или in iure cessio) должник передавал в обеспечение долга вещь на праве собственности с оговоркой, что в случае удовлетворения

---

[1] См.: СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5298.

[2] Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 2: Обязательственное право (автор гл. 30 – *В.С. Ем*).

[3] См.: *Сарбаш С.В.* Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1.

[4] См.: *Иванова Т.Н., Монченко О.В.* Обеспечительная передача права собственности: сравнительно-правовое исследование // Право и экономика. 2018. № 8. С. 5–16.

[5] См.: *Зикун И.И.* Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.

[6] См.: *Галкова Е.В.* Обеспечительная передача титула по германскому праву // Закон. 2016. № 11. С. 173–186.

[7] См.: *Егоров А.В., Усманова Е.Р.* Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.

[8] См.: *Нестолий В.Г.* Фидуциарный залог, или Обеспечительная купля-продажа (от нормативного регулирования к ситуационному управлению) // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 17–25.

[9] См.: *Мышьяков С.В.* Особенности титульного обеспечения как непоименованного способа обеспечения в российском гражданском праве // Юрист. 2021. № 7. С. 43–49. DOI: 10.18572/1812-3929--2021-7-43-49

по обязательству, обеспеченному залогом, заложенная вещь должна быть передана обратно в собственность должника»[10].

Однако И.А. Покровский[11] при анализе *fiducia* отмечал отсутствие у данной обеспечительной конструкции признаков залога. При *fiducia* кредитор получает полноценное право собственности на вещь, а должник, напротив, его утрачивает. Ни у кого не возникает права на чужую вещь, свойственного для залога, т.е. *fiducia* можно считать залогом только в широком, экономическом смысле, но не в юридическом.

Р. Зом[12], анализируя историю развития залога в римском праве, отмечал, что переход от залога с передачей права собственности к залогу, дающему право продажи вещи, произошёл под влиянием всё более развивающегося оборота.

Поскольку *fiducia* не давала надёжной защиты должнику, она быстро вышла из употребления. Особенно тяжелым для должников оказалось *lex commissoria*, т.е. условие о том, что при неисполнении обеспечиваемого обязательства предмет обеспечения остается в собственности у кредитора. В 326 г.н.э. использование *lex commissoria* было запрещено. И.С. Розенталь отмечал, что продажа залога вместо обращения его в свою пользу была значительным шагом вперед[13]. Запрет *lex commissoria* был воспринят и многими современными правопорядками.

Таким образом, обеспечительная передача права собственности была свойственна для первоначальных этапов развития цивилистики, когда ещё не возникла конструкция ограниченных вещных прав. Почему же обеспечительная передача правового титула возродилась в наше время?

Дело в том, что во многих странах для движимого имущества допускается только непосессорный залог, при котором залогодателю запрещено владеть предметом залога. Обеспечительная передача права собственности позволяет сохранить владение движимой вещью за должником, а титул на предмет обеспечения передать кредитору. При этом кредитор получает более сильное право, чем залогодержатель, а должник сохраняет владение вещью, что не допускается при залоге. В таких государствах, как ФРГ и Греция признается переход права собственности в качестве способа обеспечения исполнения обязательства именно вследствие запрета поссесорного залога движимого имущества.

Но запрет владения заложенным имуществом для должника – не единственная причина возрождения титульного обеспечения. Так, С.В. Сарбаш[14] приводит примеры стран, в которых допускаются одновременно и непосессорный залог, и обеспечительная передача права собственности.

В соответствии со ст. 338 ГК РФ заложенное имущество остается по общему правилу у залогодателя. Для того, чтобы должник сохранял владение движимой вещью, в российском праве не требуется вводить титульное обеспечение, это возможно и в рамках залоговых отношений. Однако обеспечительная передача права собственности в России более привлекательна для кредитора, чем залог, так как при этом отпадает необходимость в сложной процедуре обращения взыскания на заложенное имущество. Если должник не исполнил основное обязательство, то право собственности на предмет обеспечения просто остается у кредитора. А если не исполняется обязательство, обеспеченное залогом, то по общему правилу предмет залога должен быть продан с публичных торгов, что значительно сложнее.

До внесения изменений в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ[15] в залоговом праве был установлен запрет *lex commissoria*. Поэтому до снятия данного запрета суды нередко считали, что сделки по обеспечительной передаче права собственности совершаются с целью обойти эти правила.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 6 октября 1998 г. № 6202/97[16] была признана притворной сделкой продажа акций с целью обеспечить исполнение кредитного договора. По мнению Суда, данная сделка была совершена с целью прикрыть залог акций, и поэтому к отношениям сторон должны применяться правила о залоге. В течение длительного времени суды исходили из того, что обеспечительная продажа используется, чтобы не применять правила о залоге, и поэтому признавали её недействительной.

А.В. Габов считает, что «притворная сделка – частный случай обхода закона»[17]. Р.С. Бевзенко[18], напротив, полагает, что составы притворной сделки и сделки, совершенной в обход закона, отличаются друг от друга. Так, при квалификации сделки как совершенной в обход закона требуется определить императивную норму, которую стороны намеревались обойти, а для обоснования притворности сделки этого не нужно. Представляется, что если есть несколько одинаково правомерных механизма, приводящих к аналогичному правовому результату, то стороны вправе использовать любой из них. В этом случае нельзя вести речь ни о притворности сделки, ни о намерении обойти закон.

Судебная практика начала меняться в связи с корректировкой доктрины. При анализе Постановления Президиума ВАС РФ от 14 октября 2008 г. № 12886/07[19] Р.С. Бевзенко[20] отмечает, что суд уже не подвергал сомнению допустимость обеспечительной купли-продажи облигаций. Он объясняет это тем, что в 2008 г. уже было задумано реформировать залоговое право так, чтобы разрешить обращение предмета залога в собственность кредитора при неисполнении основного обязательства. Поскольку императивная норма Гражданского кодекса РФ о залоге, которую удавалось обходить при обеспечительной передаче права собственности, отходила в прошлое, позиция судов стала смягчаться.

---

[10] *Новицкий И.Б.* Римское право. 7-е изд., стереотип. М., 2002. С. 139.

[11] См.: *Покровский И.А.* История римского права. М., 2004 (Сер.: Классика российской цивилистики).

[12] См.: *Зом Р.* Институции. История и система римского гражданского права. Сергиев Посад, 1916. Вып. 1. С. 358.

[13] См.: Римское частное право: учеб. / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М, 2004 (автор главы – *И.С. Розенталь*).

[14] См.: *Сарбаш С.В.* Указ. соч.

[15] См.: СЗ РФ. 2013. № 51, ст. 6687.

[16] См.: Вестник ВАС РФ. 1999. № 1.

[17] *Габов А.В.* Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 56. DOI: 10.31857/S102694520013672-0

[18] См.: *Бевзенко Р.С.* Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 г. № 32-КГ17–33 // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 4–16.

[19] См.: Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.

[20] См.: *Бевзенко Р.С.* Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-2-9-87

Законодательство Российской Федерации не регулирует обеспечительную передачу права собственности, но и не запрещает её применение. Поэтому на практике использование данной конструкции оформляется по-разному. Отношение как доктрины, так и судов к титульному обеспечению неоднозначно. Так, В.С. Ем[21], анализируя зарубежный опыт, писал о возможности «гарантийной передачи права собственности» в континентальных правопорядках и «резервировании титула собственности» в странах общего права. Он отмечал, что такого рода сделки не известны российскому праву, а их ближайшими аналогами являются сделки под отлагательным условием и предварительные договоры.

Е.А. Суханов, рассуждая о пределах осуществления вещных прав, приводит в качестве примера предусмотренную германским правом обеспечительную передачу *(Sicherungsubereignung)* права собственности. Он отмечает, в данном случае «получатель кредита передает заимодавцу в обеспечение возврата своего долга не вещь (как в обычном залоге), а право собственности на нее, оставляя вещь в своем владении и пользовании»[22]. При этом право собственности кредитора на вещь ограничено «ожидаемым правом» *(Anwartschaftsrecht)* должника, которое считается хотя и «неполным», но особым, самостоятельным вещным правом.

Представляется, что для эффективного применения обеспечительной передачи права собственности можно заимствовать этот опыт. Должнику в перспективе следует предоставить ограниченное вещное право на предмет обеспечения, а право собственности кредитора необходимо будет ограничить. Если таких гарантий не появится, то для защиты прав должника так и будет использоваться признание совершенных сделок недействительными, что может дестабилизировать гражданский оборот.

В настоящее время такая практика широко применяется[23]. Титульное обеспечение нередко применяют мошенники, уговаривая собственника вместо залога продать им квартиры с условием обратного выкупа при возврате кредита. А затем обратной продажи не происходит, и первоначальный собственник квартиры обращается в суд за защитой своих прав. В такой ситуации проще всего защитить первоначального собственника путем признания данной сделки недействительной.

Так, апелляционным определением Московского городского суда от 8 апреля 2014 г. по делу № 33–7798/2014 было оставлено без изменения решение Тимирязевского районного суда г. Москвы о признании договора купли-продажи недействительным как притворной сделки. Суд выявил, что «воля сторон была направлена на создание иных правовых последствий, соответствующих сделке, которую стороны действительно имели в виду – договор займа с обеспечением исполнения обязательств по договору путем переоформления права собственности»[24]. Суд не отрицает возможности подобного способа обеспечения исполнения обязательства. Но после возврата суммы займа квартира не была возвращена заёмщику. В данном случае суды смогли защитить права должника путём признания сделки купли-продажи притворной. Учитывая, как была оформлена данная сделка, это было оптимальным способом в данной ситуации. Но, по сути, имело место неисполнение кредитором обязанности по обратной передаче предмета обеспечения.

Здесь можно было бы применить п. 4 ст. 329 ГК РФ о том, что обеспечение по общему правилу прекращается при прекращении основного обязательства. Когда должник возвратил сумму займа, основное обязательство прекратилось надлежащим исполнением. При этом должно автоматически прекращаться и акцессорное обязательство по титульному обеспечению. Р.С. Бевзенко предлагает использовать данный механизм для обеспечительного факторинга: «В соответствии с п. 4 ст. 329 ГК РФ (которая применяется к любым обеспечительным сделкам) обеспечение прекращается, если обеспеченный долг был исполнен должником»[25].

Много проблем на практике возникают из-за того, что не выработано оптимального способа оформления титульного обеспечения. Один из наиболее простых способов оформления обеспечительной передачи права собственности – это возвратный лизинг. Если лицо нуждается в кредитовании, то оно может продать свою вещь, а затем взять её у покупателя в аренду на условиях выкупного лизинга. Эффект будет тот же, что и при обеспечительной продаже права собственности. Однако данный механизм лучше проработан на практике, и существует правовое регулирование такого рода отношений. Поэтому права участвующих в сделке сторон будут лучше защищены, чем при других способах оформления титульного обеспечения.

На практике применяются различные способы оформления обязанности по возврату правового титула при исполнении основного обязательства. Нередко для этого используют предварительный договор купли-продажи. Однако практика показывает, что права должника в такой ситуации защитить бывает непросто. Иногда обязанность по возврату предмета обеспечения устанавливается в основном договоре займа. Но и такой способ оформления не всегда может корректно защитить должника. Тем более, что обычно не определяется, как будет компенсироваться разница между размером займа и ценой обеспечения в случае их неэквивалентности. Самое плохое – когда заключается договор купли-продажи предмета обеспечения отдельно от договора займа и даётся устное обещание о возврате обеспечения. В такой ситуации позиция должника будет очень слабая, и его вряд ли получится защитить.

* * *

Таким образом, чем грамотнее оформляется титульное обеспечение, тем больше правовых возможностей для защиты прав должника при их нарушении. Законодательно урегулированы такие способы титульного обеспечения, как договор репо, возвратный лизинг, обеспечительный факторинг. Чтобы не допустить ущемления прав должника, лучше всего использовать данные формы титульного обеспечения. Если же кредитор, заключая сделку по обеспечительной покупке предмета обеспечения, ставит перед собой цель обмануть должника и не возвращать право собственности, то оптимальным способом защиты прав должника является признание такого рода сделок недействительными. Альтернативой может стать предоставление должнику ограниченного вещного права на предмет обеспечения одновременно с ограничением права собственности кредитора. Но для этого потребуется вносить изменения в законодательство.

---

[21] См.: Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 2. Обязательственное право (автор гл. 30 – В.С. Ем).

[22] *Суханов Е.А.* Вещное право: науч.-познавательный очерк. М., 2017.

[23] См., напр.: определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: от 09.01.2018 г. № 32-КГ17-33; от 21.11.2017 г. 5-КГ17–197.

[24] См.: СПС «КонсультантПлюс».

[25] *Бевзенко Р.С.* Очерк теории титульного обеспечения. С. 9–87.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бевзенко Р.С.* Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 г. № 32-КГ17–33 // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 4–16.
2. *Бевзенко Р.С.* Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-2-9-87
3. *Габов А.В.* Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 56. DOI: 10.31857/S102694520013672-0
4. *Галкова Е.В.* Обеспечительная передача титула по германскому праву // Закон. 2016. № 11. С. 173–186.
5. *Егоров А.В., Усманова Е.Р.* Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.
6. *Зикун И.И.* Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.
7. *Зом Р.* Институции. История и система римского гражданского права. Сергиев Посад, 1916. Вып. 1. С. 358.
8. *Иванова Т.Н., Монченко О.В.* Обеспечительная передача права собственности: сравнительно-правовое исследование // Право и экономика. 2018. № 8. С. 5–16.
9. *Мышьяков С.В.* Особенности титульного обеспечения как непоименованного способа обеспечения в российском гражданском праве // Юрист. 2021. № 7. С. 43–49. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-43-49
10. *Нестолий В.Г.* Фидуциарный залог, или Обеспечительная купля-продажа (от нормативного регулирования к ситуационному управлению) // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 17–25.
11. *Новицкий И.Б.* Римское право. 7-е изд., стереотип. М., 2002. С. 139.
12. *Покровский И.А.* История римского права. М., 2004 (Сер.: Классика российской цивилистики).
13. Римское частное право: учеб. / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М, 2004 (автор главы – *И.С. Розенталь*).
14. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 2: Обязательственное право (автор гл. 30 – *В.С. Ем*).
15. *Сарбаш С.В.* Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1.
16. *Суханов Е.А.* Вещное право: науч.-познавательный очерк. М., 2017.

REFERENCES

1. *Bevzenko R.S.* Security purchase and sale and collateral. Comment to the Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.01.2018 No. 32-KG17–33 // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 8. P. 4–16 (in Russ.).
2. *Bevzenko R.S.* An essay on the theory of title security // Herald of Civil Law. 2021. No. 2. P. 9–87. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-2-9-87 (in Russ.).
3. *Gabov A.V.* Sham transactions in domestic law: history and modernity // State and Law. 2021. No. 2. P. 56. DOI: 10.31857/S102694520013672-0 (in Russ.).
4. *Galkova E.V.* Security transfer of title under German law // Law. 2016. No. 11. P. 173–186 (in Russ.).
5. *Egorov A.V., Usmanova E.R.* Pledge and title security: theoretical and practical comparison of constructions // Herald of Civil Law. 2014. No. 4. P. 56–127 (in Russ.).
6. *Zikun I.I.* The construction of title security in Civil Law: the main problems // Herald of Civil Law. 2016. No. 2. P. 37–78 (in Russ.).
7. *Zom R.* Institutions. The history and system of Roman Civil Law. Sergiev Posad, 1916. Issue 1. P. 358 (in Russ.).
8. *Ivanova T.N., Monchenko O.V.* Security transfer of property rights: comparative legal research // Law and Economics. 2018. No. 8. P. 5–16 (in Russ.).
9. *Myshyakov S.V.* Features of title security as an unnamed method of security in Russian Civil Law // Lawyer. 2021. No. 7. P. 43–49. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-43-49 (in Russ.).
10. *Nestoliy V.G.* Fiduciary pledge, or Security purchase and sale (from regulatory regulation to situational management) // Bulletin of Arbitration Practice. 2019. No. 2. P. 17–25 (in Russ.).
11. *Novitsky I.B.* Roman Law. 7th ed., stereotype. M., 2002. P. 139 (in Russ.).
12. *Pokrovsky I.A.* History of Roman Law. M., 2004 (Ser.: Classics of Russian Civil Law) (in Russ.).
13. Roman Private Law: studies / V.A. Krasnokutsky, I.B. Novitsky, I.S. Peretersky, etc.; ed. by I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M, 2004 (the author of the chapter – *I.S. Rosenthal*) (in Russ.).
14. Russian Civil Law: textbook: in 2 vols. / V.V. Vitryansky, V.S. Em, N.V. Kozlova et al.; ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M., 2011. Vol. 2: Law of obligations (author ch. 30 – *V.S. Em*) (in Russ.).
15. *Sarbash S.V.* Security transfer of title // Herald of Civil Law. 2008. No. 1 (in Russ.).
16. *Sukhanov E.A.* Property law: scientific and cognitive essay. M., 2017 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПУШКИНА Анна Викторовна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PUSHKINA Anna V. –
PhD in Law, senior research, Procedural Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 167–173
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 167–173

ОТСТУПНОЕ КАК СПОСОБ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2022 г. Ю. С. Овчинникова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: domosedka@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности отступного как способа прекращения обязательства. Автор исходит из того, что отступное представляет собой замену исполнения с целью прекращения обязательства. Особое внимание в работе уделяется вопросу о том, какая конструкция более применима к отступному – реальной или консенсуальной сделки. Автор формулирует вывод о целесообразности применения реальной конструкции для сбалансированности законных интересов сторон. В статье также делается вывод о том, что ненадлежащим образом исполненное отступное не может прекращать первоначальное обязательство. По этому поводу рекомендовано внести соответствующие изменения в законодательство.

Ключевые слова: отступное, обязательство, договор, юридический факт, реальная сделка, консенсуальная сделка, интерес, кредитор, должник, исполнение.

Цитирование: *Овчинникова Ю.С.* Отступное как способ прекращения обязательства: новые тенденции // Государство и право. 2022. № 9. С. 167–173.

DOI: 10.31857/S102694520022206-7

COMPENSATION AS A WAY TO TERMINATE AN OBLIGATION: NEW TRENDS

© 2022 Yu. S. Ovchinnikova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: domosedka@mail.ru

Received 18.04.2022

Abstract. The article discusses the features of the compensation as a way to terminate the obligation. The author proceeds from the fact that the compensation is a substitute for performance in order to terminate the obligation. Particular attention is paid to the question of which construction is more applicable to the compensation – a real or consensual transaction. The author formulates a conclusion about the expediency of using a real design to balance the legitimate interests of the parties. The article also concludes that an improperly executed indemnity cannot terminate the original obligation. In this regard, it is recommended to make appropriate changes to the legislation.

Key words: compensation, obligation, contract, legal fact, real transaction, consensual transaction, interest, creditor, debtor, performance.

For citation: *Ovchinnikova, Yu. S. (2022).* Compensation as a way to terminate an obligation: new trends // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 167–173.

Актуальность избранной темы обусловлена процессами реформирования гражданского законодательства, активным развитием судебной практики по прекращению гражданско-правовых обязательств[1], а также условиями меняющейся правовой среды в связи с введением санкционного режима рядом государств. Кроме того, существуют проблемы, которые касаются понимания сути и целей применения отступного как одного из эффективных способов прекращения обязательств. В данной ситуации востребованы теоретическое осмысление происходящих в науке, законодательстве и правоприменительной практике явлений и выработка обоснованных научных рекомендаций.

Гражданско-правовое обязательство представляет собой явление динамичное, нередко меняющееся в процессе исполнения по воле сторон и обладающее чертами, которые его индивидуализируют (по предмету, объекту, субъектному составу и т.п.). Вместе с тем существуют признаки постоянного характера, которые представляют собой сущность обязательства и проявляются при его прекращении. Так, содержанием любого обязательства, как известно, являются корреспондирующие права и обязанности. В связи с этим можно согласиться с позицией некоторых ученых, что прекращение обязательства представляет собой разрыв между субъективными правами и обязанностями, которые составляют содержание обязательства[2]. Данная связь может прерываться по различным основаниям. Так, в частности, при невозможности исполнения может быть прекращена обязанность должника по обязательству – в этом случае прекращается и корреспондирующее право кредитора.

Прекращение обязательств можно подразделить на два вида: как юридический факт, совершаемый по соглашению его субъектов, и при отсутствии соглашения[3]. Так, основаниями прекращения обязательств по соглашению являются отступное, новация, прощение долга, в некоторых случаях – зачет, а при отсутствии соглашения – невозможность исполнения, смерть гражданина, ликвидация юридического лица, принятие соответствующего акта государственным органом.

Отступное как один из способов прекращения обязательства представляет собой *замену исполнения (datio in solutum)*[4] в отличие от ситуаций, когда обязательство прекращается исполнением. По действующему законодательству такая замена возможна только с согласия кредитора (ст. 409 ГК РФ), что исторически сложилось еще со времен римского права.

Некоторые ученые считают, что отступное не является обязательством, так как по признакам не подходит под понятие, которое закреплено в п. 1 ст. 307 ГК РФ, поскольку должник имеет право замены исполнения, а кредитор -обязанность принять исполнение по договору[5]. Однако существует и другая аргументированная позиция, с которой можно согласиться. Смысл ее в том, что, поскольку у сторон в отступном есть права и обязанности, соответственно, присутствует и правовая связь[6].

Немало научных дискуссий в последнее время возникает вокруг вопроса: стоит ли относить соглашение об отступном к реальной или консенсуальной сделке?[7] Если более точно вопрос можно поставить так: влечет ли прекращение первоначального обязательства соглашение об отступном (в случае, если признать данную сделку консенсуальной) или передача отступного (если признать сделку реальной)? В частности, И.Н. Лукьянова[8], А.Я. Рыженков[9] относят отступное к реальному договору. На той же позиции стоят законодатель (ст. 409 ГК РФ) и судебная практика – исходя из смысла Обзора практики применения арбитражными судами ст. 409 ГК РФ[10].

Применение конструкции реального договора возможно по следующей причине. Отступное, действительно, представляет собой правовую связь между сторонами, которая состоит в праве должника на замену исполнения и обязанности кредитора принять соответствующее исполнение. Вместе с тем для возникновения данной правовой связи (субъективного права и обязанности) недостаточно заключение договора, необходимо также предоставление отступного. То есть только с момента предоставления отступного право должника на замену исполнения и обязанность кредитора его принять приобретают юридическую силу. Сложный юридический состав (заключение соглашения и исполнение отступного) объясняется тем, что целью данного договора является прекращение первоначального обязательств, которое как юридический факт наступает только благодаря предоставлению отступного. Таким образом, специфика отступного как договора состоит в том, что он не имеет самостоятельного значения без первоначального обязательства и заключается ради прекращения последнего.

Однако ряд ученых считают, что, напротив, отступное может быть только консенсуальной сделкой. Данная позиция аргументируется, прежде всего, необходимостью защиты интересов кредитора.

Так, М.А. Егорова отмечает, что конструкция реальной сделки, предложенная Высшим Арбитражным Судом РФ и реализуемая на практике, ущемляет законные интересы кредитора[11]. Данную позицию можно изложить следующим образом: во-первых, именно воля кредитора имеет в данном случае основное значение, поэтому конструкция отступного должна быть направлена на защиту прежде всего его интересов. Это связано с тем, что права и законные

---

[1] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса РФ о прекращении обязательств» // Росс. газ. 2020. 25 июня.

[2] См.: *Соломин С.К.* Понятие прекращения обязательства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2014. № 2 (12).

[3] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 298.

[4] См.: Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2013. С. 163.

[5] См.: *Бабаев М.М.* Отступное и новация в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.

[6] См.: *Рыженков А.Я.* Отступное как юридический факт в гражданском праве // Нотариус. 2021. № 8.

[7] См.: *Серкова Ю.А.* К вопросу о юридической конструкции консенсуальных и реальных договоров // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3.

[8] См.: *Лукьянова И.Н.* Сделки, направленные на прекращение обязательств // Труды ИГП РАН. 2016. № 5. С. 24.

[9] См: *Рыженков А.Я.* Указ. соч. С. 10.

[10] См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 102 от 21.12. 2005 г. № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

[11] См.: *Егорова М.А.* Недостатки правового регулирования соглашений о предоставлении отступного // Росс. юстиция. 2012. № 4. С. 2–5.

интересы кредитора нарушены неисполнением обязательства; во-вторых, поскольку первоначальное обязательство исполнено не было, оно может быть преобразовано в новое требование кредитора – о предоставлении отступного, что возможно только при консенсуальной конструкции отступного; и наконец, реальная конструкция отступного ставит кредитора в невыгодное положение. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, в этом случае он не имеет права требования отступного и, с другой – удовлетворение его интересов зависит от предоставления должником отступного. Той же точки зрения придерживается Е.А. Кириллова[12].

Однако с приведенной выше позицией о необходимости применения консенсуальной конструкции отступного едва ли можно согласиться. Вопрос можно рассмотреть посредством применения категории «интерес» в гражданском праве. Можно согласиться с учеными, которые считают, что интерес представляет собой осознанную социальную потребность субъекта[13]. Можно добавить, что данная социальная потребность в гражданском праве выражается в законных интересах в сфере частной жизни, нематериальных благ, обязательственных прав и т.д.

В обязательстве интерес кредитора, если является правомерным, сосредотачивается на надлежащем исполнении последнего. В случае неисполнения обязательства возможны варианты – в частности заключение соглашения об отступном. Данное соглашение, как уже упоминалось, представляет собой замену исполнения с целью прекращения обязательства и по содержанию состоит в уплате денежных средств, передаче иного имущества (ст. 409 ГК РФ), а также, что не запрещено нормами Гражданского кодекса РФ, в производстве работ или оказании услуг.

В данном случае для определения подходящей конструкции отступного, важно выявить, в чем состоит собственно интерес или иначе- потребность кредитора в обязательстве. Если рассматривать отступное как консенсуальную конструкцию, то логично, что основным интересом кредитора является право требования определенных действий (например, по передаче имущества), предусмотренных в соглашении. В этом случае договор об отступном прекращает обязательство и у кредитора появляется новое право требования. Если говорить о реальной конструкции, то обязательство прекращает не факт заключения соглашения об отступном, а его исполнение. Соответственно, у кредитора отсутствует право требования и интерес сосредоточен на его исполнении. При этом различны и последствия – при неисполнении отступного в первом случае (консенсуальная конструкция) кредитор не вправе требовать исполнения первоначального обязательства с момента заключения соглашения об отступном, так как данный договор прекращает обязательство. Во втором случае (реальная конструкция) при неисполнении договора об отступном кредитор вправе требовать исполнения первоначального обязательства, равно как и мер ответственности при нарушении последнего.

Таким образом, вопрос состоит в том, что для кредитора более актуально и может составлять его интерес в отступном- право требования или реальное исполнение данного договора? Для ответа на данный вопрос желательно рассмотреть аспект доверительных отношений в обязательствах.

Существуют, как известно, т.н. фидуциарные или иначе – доверительные правоотношения в гражданском праве. Происхождение данного понятия от *fides*[14], что означало личную связь между сторонами обязательства в римском праве, которая определяла его содержание. Доверительные отношения отличаются, как правило, личным и длящимся характером, особым взаимодействием участников[15]. В целом можно признать, что вопрос доверительных отношений в науке гражданского права недостаточно исследован и отсутствуют критерии выделения фидуциарных договоров среди других правоотношений. Некоторые авторы считают, что к таким договорам могут относиться только обязательства по предоставлению услуг, в частности речь идет о договоре доверительного управления имуществом[16].

Возможно, что более правильным в данном случае является междисциплинарный подход, когда аспект доверительных отношений рассматривается с точки зрения не только права, но и социологии, и психологии. Так, в частности, согласно исследованиям ученых в области психологии[17], доверие в деловых партнерских отношениях предполагает прежде всего уверенность в партнере (контрагенте) и является при этом решающим фактором для дальнейшего развития сотрудничества.

Исходя из этого, можно сказать, что поскольку первоначальное обязательство выполнено не было, уровень доверия к деловому партнеру (должнику) существенно снизился и право требования к нему едва ли может составлять интерес кредитора при отступном. При этом, напротив, реальное исполнение отступного, которое прекращает обязательство, может составлять значительно больший интерес для кредитора. Это связано с тем, что кредитор при реальной сделке оказывается в достаточно выгодном положении, поскольку «засчитывается» или иначе – полностью прекращает обязательство только надлежащим образом исполненное отступное. В противном случае (при неисполнении отступного) первоначальное обязательство не прекращается. В этом случае кредитор по-прежнему имеет право требования исполнения первоначального обязательства.

По поводу аргумента сторонников консенсуальной конструкции о том, что удовлетворение интересов кредитора зависит от предоставления должником отступного, можно сказать следующее. Кредитор, как известно, заключая соглашение об отступном, действует добровольно, выражает намерение[18] и имеет возможность оценить ситуацию. Следует заметить, что в большинстве случаев замена исполнения вполне эквивалентна первоначальному обязательству.

Таким образом, можно прийти к выводу, что реальная конструкция отступного способствует «сбалансированности» интересов должника и кредитора. Должник получает шанс замены исполнения ради того, чтобы не нести

---

[12] См.: *Кириллова Е.А.* Отступное как один из видов прекращения обязательств: анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 // Юрист. 2021. № 7.

[13] См.: *Михайлов С.В.* Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 21.

[14] См.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1997. С. 508.

[15] См.: *Буркова Л.В.* К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2011. Сер. 1.

[16] См.: *Белоусова Е.В.* Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011.

[17] См.: *Балакшин М.И.* Доверие как основание развития деловых партнерских отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

[18] См.: *Халфина Р.О.* Договор в английском гражданском праве. М., 1959. С. 134.

ответственность за неисполнение первоначального обязательства, а кредитор – возможность получить реальное исполнение по отступному. Особенно наглядно это можно проследить в правоотношениях по банкротству[19]. Так, прекращение обязательства посредством отступного возможно при банкротстве на основании решения собрания кредиторов. При этом именно собрание кредиторов определяет основные положения договора об отступном, а именно состав передаваемого имущества, порядок предоставления отступного и т.п. Отступное предоставляется кредиторам пропорционально размерам погашаемых требований.

Правовая природа отступного представляется значительно яснее при анализе исторического аспекта данного вопроса. Так, в дореволюционном-гражданском праве отступное нередко рассматривалось как разновидность задатка[20], при этом заключалось особое соглашение об отступном. Разница состояла в том, что в отличие от собственно задатка, отступное прекращало обязательство, а не служило способом его обеспечения. В этом случае, если сторона, которая дала задаток, «отступала» от обязательства, или иначе – не исполняла или отказывалась от него, она теряла задаток и обязательство, соответственно, прекращалось. Напротив, если «отступала» от обязательства получившая задаток сторона, она обязана была возвратить его другой стороне договора в двойном размере и обязательство также прекращалось. Отсюда происходит термин «отступное», обозначающий один из способов прекращения обязательства.

В проекте Гражданского уложения (ст. 61) отступное рассматривалось вне связи с задатком. Стороны договора имели право на заключение соглашения, которое предусматривало возможность «отступления» от договора посредством уплаты определенной денежной суммы – отступного. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. отступное вновь приобретает значение разновидности задатка. Так, согласно ст. 143 Кодекса задаток является отступным в том случае, когда это предусмотрено сторонами. В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. не упоминается об отступном как способе прекращения обязательства.

В Гражданский кодекс РФ 1994 г. вновь введен данный способ прекращения обязательства. Регулирование отступного до и после изменений 2015 г., по сути, не изменилось. Отступное, как вытекает из ст. 409 ГК РФ и п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6[21], может выражаться в различных формах: предоставление имущества, осуществление услуг, выполнение работ. При этом в качестве предмета отступного может выступать и недвижимое имущество и, соответственно, договор будет считаться исполненным с момента передачи недвижимости[22].

Немало вопросов возникает в связи с частичным прекращением первоначального обязательства посредством отступного. Так, вполне логичной представляется ситуация, при которой, согласно п. 1 ст. 407 ГК РФ и сложившейся судебной практики, отступное прекращает первоначальное обязательство частично[23]. Это происходит, например, в тех случаях, когда первоначальное обязательство исполняется должником не полностью и в связи с неисполнением другой части обязательства стороны договариваются на отступное. Другой вариант – стороны изначально договариваются о прекращении посредством отступного только части обязательства. При этом если в соглашении об отступном нечетко выражена воля сторон относительно того, прекращается ли обязательство полностью или частично, действует презумпция полного прекращения обязательства. Таким образом, стороны как свободные субъекты могут действовать в своем интересе и выбирать условие отступного – полное или частичное прекращение первоначального обязательства. Стороны могут договориться также о том (и это достаточно распространенная практика), что само отступное выполняется по частям, например, посредством поставки партий товара. Несомненно, все перечисленные варианты подразумевают надлежащее исполнение отступного должником.

Иначе ситуация складывается, когда отступное исполняется должником ненадлежащим образом. Следовательно, *необходимо различать случаи, когда отступное выполнено по частям, но надлежащим образом, т.е. в соответствии с условиями договора и ненадлежащим образом, в нарушение условий договора, в частности сроков*. Однако такое разграничение не проводилось в Информационном письме Президиума ВАС РФ, согласно которому при наличии соответствующих условий в договоре в случае предоставления отступного по частям, первоначальное обязательство прекращается также по частям (вне зависимости от того, выполнено оно надлежащим образом или нет) – в пропорциональном отношении к предоставленному отступному. Такая позиция ВАС РФ противоречила принципу разумности и справедливости в гражданском праве и нарушала баланс интересов сторон отступного.

Дело в том, что ненадлежащим образом выполненное отступное не может признаваться фактом, который прекращает первоначальное обязательство. Объяснить это можно тем, что отступное по своей сути представляет собой дополнительный шанс для должника – не нести ответственность и прекратить обязательство. Не стоит при этом забывать, что должник не выполнил первоначальное обязательство, отчего кредитор оказался в невыгодном положении– следовательно, именно отступное по соглашению сторон призвано сбалансировать интересы кредитора и должника, уравновесить ситуацию с позиции справедливости. Однако если признать ненадлежащим образом выполненное отступное фактом, который прекращает первоначальное обязательство, то утратится смысл отступного и, несомненно, существенно пострадают интересы кредитора.

Так, например, между обществом с ограниченной ответственностью (услугодатель) и акционерным обществом (услугополучатель) был заключен договор об оказании маркетинговых услуг, который оплачен не был[24]. Стороны

---

[19] См.: Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 142.1 // Росс. газ. 2002. 2 нояб.

[20] См.: *Шилохвост О.Ю.* Отступное как способ прекращения обязательств в гражданском праве России: дис. ... канд юрид. наук. М., 1999.

[21] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Росс. газ. 2020. 25 июня.

[22] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.01.2021 г. № 14-кг20–12-к1, 2–3663/2019.

[23] См.: п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 102 от 21.12.2005 г. № 102.

[24], См.: п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 102 от 21.12.2005 г.

заключили соглашение об отступном, суть которого состояла в том, что акционерное общество предоставляет 50 т стали партиями по 10 т в течение 5 месяцев. Акционерное общество поставило только первую партию стали, в остальной части соглашение об отступном исполнено не было. В связи с этим общество с ограниченной ответственностью обратилось с иском к акционерному обществу. В обосновании иска было указано, что поскольку отступное в полном объеме исполнено не было, первоначальное обязательство не прекратилось и, соответственно, акционерное общество должно оплатить маркетинговые услуги. При этом ответчик в возражениях к иску отметил, что истец вправе требовать только исполнения по отступному, а не предоставления первоначального обязательства-в связи с тем, что в ст. 409 ГК РФ не указано, что именно предоставленное в полном объеме отступное прекращает обязательство. Суд иск удовлетворил частично, а именно по первоначальному обязательству взыскал с ответчика 20% от причитающейся истцу денежной суммы – пропорционально предоставленному отступному.

Данное решение соответствовало вышеназванной позиции Президиума ВАС РФ, что в случае предоставления отступного по частям первоначальное обязательство прекращается частично – пропорционально исполнению по отступному. Проблема состоит в том, что, как уже было отмечено, Президиум ВАС РФ не разграничил ситуации, при которых частичное предоставление отступного соответствует условиям договора, а при каких является ненадлежащим исполнением. Однако позиция Президиума ВАС РФ представляется неверной – в приведенном примере речь идет о ненадлежащем исполнении, следовательно, первоначальное обязательство не может быть прекращено (ни полностью, ни частично).

Таким образом, только выполненное надлежащим образом отступное может признаваться основанием для прекращения первоначального обязательства – исходя из цели и правовой природы данного способа прекращения обязательств. Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что регулирование по ст. 409 ГК РФ является неудовлетворительным, поскольку не раскрыта суть данного способа прекращения обязательства. Речь идет о необходимости указания в норме ст. 409 ГК РФ о том, что не соглашение, а именно надлежащее исполнение отступного должником прекращает первоначальное обязательство.

Немаловажным является вопрос о применении отступного. Как уже упоминалось, действия по предоставлению отступного могут осуществляться в любом виде: это могут быть работы, услуги, предоставление имущества. Встает вопрос: во исполнение какого договора (первоначального обязательства) может заключаться договор по предоставлению отступного? Существует точка зрения, с которой можно согласиться, что, по сути, первоначальным обязательством может быть любой договор, применение отступного в котором не противоречит сути правоотношений[25]. По своей квалификации такие соглашения могут относиться как к возмездным, так и безвозмездным, а также являться односторонне или двусторонне обязывающими. Так, отступное как способ прекращения обязательства может использоваться в безвозмездных договорах, в частности дарение (консенсуальный), хранение, поручение, безвозмездное пользование имуществом. Односторонне обязывающими договорами, в которых может применяться отступное, являются, например, заем (реальный) и рента. Отступное может прекращать и внедоговорные обязательства, в частности деликтные – в том случае, если это не противоречит соответствующим императивным нормам.

В настоящий момент отступное может эффективно применяться в том числе в сфере страховых правоотношений. В период введения и действия санкций исполнение гражданско-правовых обязательств в целом и страховых, в частности, подвержено дополнительным рискам. Так, речь идет о рисках повышения цен на комплектующие изделия при ремонте, что имеет большое значение при ремонте автомобилей по страхованию ОСАГО (страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств) и КАСКО (добровольное страхование транспортных средств). Проблемы возникают, прежде всего, при выполнении тех договоров страхования, которые заключены до введения санкций, поскольку они не учитывают соответствующие риски. В этой ситуации страховщики зачастую недобросовестно отказываются осуществлять ремонт транспортных средств, одним словом – не выполняют обязательство надлежащим образом, заменяя без согласия страхователей и пострадавших такой способ исполнения страховой выплатой. Одним из вариантов разрешения конфликта и учета интересов сторон в данном случае могло бы послужить отступное как способ прекращения страхового правоотношения. При этом желательно, чтобы в законодательство о страховании были введены механизмы защиты интересов страхователей как слабой стороны соглашения об отступном, которые не позволяли бы введение обременительных или иначе – невыгодных условий.

Некоторые авторы ошибочно относят схожие правоотношения к отступному. Так, например, в качестве примера приводятся положения в соглашении супругов о разделе совместного имущества при расторжении брака (ст. 38 СК РФ), в которых каждому из супругов выделяется конкретное имущество, имеющее значение отступного[26]. Однако такой вывод ошибочный по той причине, что в соглашении о разделе совместного имущества супругов могут устанавливаться иные, чем в законе, правила раздела имущества, но при этом отсутствует замена исполнения, которая является основным квалифицирующим фактором отступного. По той же причине нельзя отнести к отступному выкуп постоянной ренты, что иногда ошибочно происходит на практике (ст. 592 ГК РФ). Дело в том, что в Гражданском кодексе РФ предусмотрено субъективное право плательщика ренты на ее выкуп. Следовательно, можно сказать, что выкуп постоянной ренты является одним из способов надлежащего исполнения обязательства, а не отступным.

Договор об отступном может предусматривать два варианта: предоставление отступного непосредственно в момент заключения соглашения или в будущем, когда моменты заключения соглашения и предоставления отступного не совпадают. В связи с этим вопросы вызывает и еще одна позиция относительно отступного как способа прекращения обязательства. Так, согласно п. 3 активно обсуждаемого среди юристов[27] Постановления Пленума Верховного Суда

[25] См.: *Шилохвост О.Ю.* Указ. соч.

[26] См.: *Тальчиков С.А.* Отступное как способ прекращения обязательства: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Право, экономика, управление». Чебоксары, 2020. С. 140–144.

[27] См.: *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 О прекращении обязательств: комментарий отдельных разъяснений» // Арбитражные споры. 2020. № 4.

РФ от 11 июня 2020 г. в случаях, когда момент предоставления отступного и заключения договора не совпадают, могут применяться правила об альтернативных и факультативных обязательствах (ст. 320, 320.1 ГК РФ). Соответственно, если речь идет о факультативном обязательстве, должник вправе либо исполнить обязательство, либо предоставить отступное. В случае альтернативного обязательства, наоборот, кредитор вправе выбрать – требовать исполнения первоначального обязательства или предоставления отступного. Однако проблема состоит в том, что в указанном Постановлении отсутствует разъяснение, о каком виде правовых отношений идет речь. Иначе проблему можно сформулировать следующим образом: из текста Постановления Пленума Верховного Суда РФ сложно сделать вывод, возможность выбора вариантов поведения предусматривается в самом соглашении об отступном, которое становится альтернативным или факультативным обязательством, или же речь идет о факультативном (альтернативном) обязательстве, которое не является отступным, но предполагает отступное в качестве одного из вариантов действий. Первый вариант (выбор в самом соглашении об отступном) вносит неопределенность в данные правоотношения, поскольку отступное не предполагает выбор – исполнить первоначальное обязательство или отступное. Это связано с тем, что отступное по своей правовой природе – именно *замена* исполнения с целью прекращения обязательства, а не предоставленная договором возможность выбора между первоначальным обязательством и отступным. При этом второй вариант представляется вполне корректным. Речь идет о заключении факультативного или альтернативного обязательства с возможностью выбора вариантов поведения – исполнение первоначального обязательства или отступного.

Таковы основные проблемы и тенденции развития правоотношений об отступном как способе прекращения обязательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев М.М.* Отступное и новация в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.
2. *Балакшин М.И.* Доверие как основание развития деловых партнерских отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
3. *Белоусова Е.В.* Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011.
4. *Буркова Л.В.* К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2011. Сер. 1.
5. *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1997. С. 508.
6. *Егорова М.А.* Недостатки правового регулирования соглашений о предоставлении отступного // Росс. юстиция. 2012. № 4. С. 2–5.
7. *Кириллова Е.А.* Отступное как один из видов прекращения обязательств: анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 // Юрист. 2021. № 7.
8. *Лукьянова И.Н.* Сделки, направленные на прекращение обязательств // Труды ИГП РАН. 2016. № 5. С. 24.
9. *Михайлов С.В.* Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 21.
10. Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2013. С. 163.
11. *Рыженков А.Я.* Отступное как юридический факт в гражданском праве // Нотариус. 2021. № 8. С. 10.
12. *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 О прекращении обязательств: комментарий отдельных разъяснений» // Арбитражные споры. 2020. № 4.
13. *Серкова Ю.А.* К вопросу о юридической конструкции консенсуальных и реальных договоров // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3.
14. *Соломин С.К.* Понятие прекращения обязательства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2014. № 2 (12).
15. *Тальчиков С.А.* Отступное как способ прекращения обязательства: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Право, экономика, управление». Чебоксары, 2020. С. 140–144.
16. *Халфина Р.О.* Договор в английском гражданском праве. М., 1959. С. 134.
17. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 298.
18. *Шилохвост О.Ю.* Отступное как способ прекращения обязательств в гражданском праве России: дис. ... канд юрид. наук. М., 1999.

REFERENCES

1. *Babaev M.M.* Compensation and innovation in the Civil Law of Russia: abstract ... PhD in Law. M, 2010. P. 24 (in Russ.).
2. *Balakshin M.I.* Trust as the basis for the development of business partnerships: abstract ... cand. psychological sciences. M., 2011 (in Russ.).
3. *Belousova E.V.* Legal regulation of fiduciary contracts under the Civil Law of Russia: abstract ... PhD in Law. Vladikavkaz, 2011 (in Russ.).
4. *Burkova L.V.* On the issue of the fiduciary (trust) nature of civil legal relations // Herald of the Adygea State University. 2011. Ser. 1 (in Russ.).
5. *Dozhdev D.V.* Roman Private Law. M., 1997. P. 508 (in Russ.).
6. *Egorova M.A.* Disadvantages of legal regulation of agreements on the provision of compensation // Russ. justice. 2012. No. 4. P. 2–5 (in Russ.).
7. *Kirillova E.A.* Compensation as one of the types of termination of obligations: analysis of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2020 No. 6 // Lawyer. 2021. No. 7 (in Russ.).
8. *Lukyanova I.N.* Transactions aimed at termination of obligations // Proceedings of the ISL of the RAS. 2016. No. 5. P. 24 (in Russ.).
9. *Mikhailov S.V.* Category of interest in Russian Civil Law. M., 2002. P. 21 (in Russ.).
10. Roman Private Law: textbook / ed. by I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M., 2013. P. 163 (in Russ.).
11. *Ryzhenkov A. Ya.* Compensation as a legal fact in Civil Law // Notary. 2021. No. 8. P. 10 (in Russ.).
12. *Sergeev A.P., Tereshchenko T.A.* Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2020 No. 6 “On termination of obligations: comment of separate clarifications” // Arbitration disputes. 2020. No. 4 (in Russ.).

13. *Serkova Yu.A.* On the question of the legal construction of consensual and real contracts // Actual problems of Economics and Law. 2013. No. 3 (in Russ.).

14. *Solomin S.K.* The concept of termination of an obligation // Herald of the Tomsk State University. Law. 2014. No. 2 (12) (in Russ.).

15. *Talchikov S.A.* Compensation as a way of termination of the obligation: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international with the participation of "Law, economics, management". Cheboksary, 2020. P. 140–144 (in Russ.).

16. *Khalfina R.O.* Contract in English Civil Law. M., 1959. P. 134 (in Russ.).

17. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law. M., 1995. P. 298 (in Russ.).

18. *Shilokhvost O. Yu.* Compensation as a way to terminate obligations in Russian Civil Law: dis. ... PhD in Law. M., 1999 (in Russ.).

Сведения об авторе

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна –
кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

OVCHINNIKOVA Yulia S. –
PhD in Law, researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka, 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 174–186
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 174–186

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2022 г. А. И. Каплунов*, В. Ю. Ухов**

Санкт-Петербургский университет МВД России

**E-mail: and-kaplunov@yandex.ru;*
***E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru*

Поступила в редакцию 13.04.2022 г.

Аннотация. 25 марта 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание международной научно-практической конференции («Сорокинские чтения»), посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ Ю.Е. Аврутина в связи с 75-летием со дня рождения. На пленарном заседании были представлены материалы изданного к дню конференции сборника и состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам модернизации публичного управления, административного и административно-процессуального права, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.

Ключевые слова: публичное управление, административное и административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность, полицейская и иная правоохранительная деятельность.

Цитирование: *Каплунов А.И., Ухов В.Ю.* Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права // Государство и право. 2022. № 9. С. 174–186.

DOI: 10.31857/S102694520022230-4

ACTUAL PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW

© 2022 A. I. Kaplunov*, V. Yu. Ukhov**

St. Petersburg University of the Russian interior Ministry

**E-mail: and-kaplunov@yandex.ru;*
***E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru*

Received 13.04.2022

Abstract. March 25, 2022 in the Saint-Petersburg University of MIA of Russia held a plenary meeting of the International Scientific-Practical Conference ("Sorokin readings"), dedicated to the memory of Yuri E. Avrutin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation in connection with the 75th anniversary of his birth. At the plenary session, the following were presented to materials published to the day of the conference the collection and held an exchange of views on the problems of modernization of Public Administration, Administrative and Administrative Procedural Law, on theoretical and applied problems of improving legislation on administrative offenses and administrative-jurisdictional activities, security and public order, development of the police and other law enforcement activities.

Key words: Public Administration, Administrative and Administrative Procedure Law, legislation on administrative offences, administrative-jurisdictional activity, activities of police and other law enforcement agencies.

For citation: *Kaplunov, A.I., Ukhov, V. Yu. (2022).* Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No.9, pp. 174–186.

25 марта 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 13-я по счету научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая восьмой год подряд проходит под официальным названием «Сорокинские чтения». Первые девять лет она проводилась в статусе «ежегодной Всероссийской», с 2019 г. стала международной. В этом году конференция посвящена памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ Юрия Ефремовича Аврутина в связи с 75-летием со дня рождения. В подготовке материалов международной конференции и в пленарном заседании в режиме видеоконференцсвязи приняли участие коллеги из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Шракбека Кабылбаева и Академии МВД Республики Узбекистан.

Пленарное заседание конференции открыл **М.В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ**, который отметил роль и значение Сорокинских чтений как постоянной научной площадки, на которой учёные-административисты и практические работники, прежде всего из органов внутренних дел, обсуждают актуальные проблемы совершенствования административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, поблагодарил всех, кто принял участие в подготовке материалов сборника конференции и особенно участников пленарного заседания из Российской Федерации и зарубежных стран.

В пленарном заседании конференции очно приняли участие руководители, профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты и аспиранты кафедр административно-правовых дисциплин из ведущих образовательных организаций и научные сотрудники из научно-исследовательских учреждений страны и системы МВД России: Института государства и права Российской академии наук (**С.В. Запольский, В.М. Редкоус**), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (**А.В. Калмыкова**); Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (**Б.В. Россинский, С.А. Старостин, Е.А. Лебедева, А.В. Сладкова, Н.Н. Бакурова**), Воронежского государственного университета (**Ю.Н. Старилов**), Российского государственного университета правосудия (**А.И. Стахов**), Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (**Д.Б. Миннигулова),** Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **(В.П. Уманская)**, Всероссийского государственного университета юстиции (**О.В. Чумакова**), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (**А.В. Мартынов, В.В. Черников, М.Д. Прилуков, Е.В. Ширеева**), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (**О.В. Гречкина**), Южно-Уральского государственного университета (**Э.Л. Лещина, А.А. Шмидт**), Оренбургского государственного университета (**Л.И. Носенко**), Саратовской государственной юридической академии **(Ю.Н. Мильшин)**, Академии управления МВД России, г. Москва **(А.М. Кононов)**, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (**Ю.И. Попугаев**), Омской академии МВД России (**О.И. Бекетов, М.А. Бучакова, О.А. Дизер**), Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск (**Н.Н. Цуканов, П.Ю. Овсянников, И.В. Кудашова, Н.А. Дудина**, **М.В. Куцкель**), Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск (**Е.Г. Усов**), Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина **(О.А. Дизер, А.Н. Александров, С.Н. Котарев)**, Научно-исследовательского института ФСИН России (**Л.В. Павлова, А.С. Дугенец**).

В режиме видеоконференцсвязи на пленарном заседании выступили зарубежные участники из Академии МВД Республики Узбекистан (**С.Т. Ахмедова**), Академии МВД Республики Беларусь (**Д.В. Гвоздев**), Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Шракбека Кабылбаева (**А.С. Смышляев, С.В. Корнейчук**), а также **В.А. Зюзин** (Российский государственный университет правосудия).

К началу работы конференции были изданы в электронном виде на CD-диске её материалы, включающие тезисы **152** докладов и научных сообщений, в подготовке которых приняли участие **166** авторов из **49** научных и образовательных организаций, в том числе **восемь** авторов из четырех зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики), **23** доктора юридических наук, **89** кандидатов юридических наук, **восемь** сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Доклады и научные сообщения сгруппированы в *четыре логико-тематических раздела* и охватывают широкий спектр актуальных проблем современного состояния и перспектив развития административно-правового регулирования в различных сферах публичного управления, совершенствования административно-правовых (материальных и процессуальных) средств обеспечения прав и законных интересов субъектов административно-правовых отношений, укрепления

правопорядка и законности, противодействия административной деликтности.

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании, а также тезисов выступлений, включённых в сборник материалов конференции.

Б.В. Россинский, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, своё выступлении на тему ***«Государственное управление и публичная власть»*** обратил внимание, что в соответствии со ст. 12 Конституции РФ «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Такая норма является детализацией не вызывающего возражений положения, что «в Российской Федерации признаётся и гарантируется местное самоуправление». Однако бездумное, однобокое восприятие этой нормы зачастую приводило к значительному ухудшению процесса государственного управления на территории страны, ибо во многих субъектах Российской Федерации складывались достаточно сложные отношения между руководителями органов исполнительной власти субъектов Федерации и главами органов местного самоуправления, муниципальных администраций. Ведь столь резкая редакция указанной нормы позволяло трактовать её как призыв к разрыву органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Если переходить на язык теории систем, то такое положение противоречило многим принципам функционирования системных образований, обусловливало возможность потери (да зачастую и реальную потерю) прямых и обратных системных связей, приводило к значительному снижению управленческой устойчивости как муниципальных образований, так и всей государственной системы. Данное обстоятельство, может быть, не очень заметное для подсистемы законодательных (представительных) органов государственной власти (местного самоуправления), является принципиальным для подсистемы исполнительных органов, которая по своей управленческой природе является вертикальным, субординационным образованием. Естественно, существовавшее искусственное разъединение государственных органов и органов местного самоуправления негативно сказывалось прежде всего на функционировании системы органов исполнительной власти. Разрыв как прямых, так и обратных связей между органами исполнительной власти и исполнительными органами муниципальных образований имел негативные последствия и для местного самоуправления, и для государственного управления в целом.

В этой связи для обеспечения эффективной реализации функций государственного управления невозможно переоценить роль введённой третьей части ст. 132 Конституции РФ, о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Развитие этого конституционного положения, нашедшее отражение в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», свидетельствует, что федеральные органы осуществляют свои полномочия на территориях субъектов Российской Федерации не только во взаимодействии с государственными органами субъектов Федерации, но и с действующими на этих территориях органами местного самоуправления. Полномочия исполнительных органов субъектов Российской Федерации, определённые вышеуказанным Федеральным законом, позволяют увязывать их деятельность с федеральными органами и органами местного самоуправления, дают возможность органам исполнительной власти в полном объеме реализовывать присущие им формы и методы работы.

Возникающая при этом модель управления сферами и отраслями хозяйства страны, соответствующая архитектоника каналов прямой и обратной связи, обусловливающие как эффективное использование протекающих по ним информационных потоков, так и благодаря этому соблюдение принципов и закономерностей функционирования системных образований, свидетельствует, что публичная власть должна явиться мощной подсистемой всей системы государственного управления.

А.П. Шергин, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, в докладе на тему ***«Административное право – материнская отрасль российского права»***, обращаясь к творческому наследию д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Ю.Е. Аврутина, подчеркнул, что его роль предопределена не только большим вкладом ученого в науку административного права, но и особым его отношением к формированию, развитию и перспективам этой отрасли российского права. Он по праву был и остается преданным рыцарем административного права, последовательно отстаивавшим его приоритетную роль в отечественной правовой системе. Эту роль Юрий Ефремович видел в том, что «ведущей социальной ценностью, воспроизводство, охрана

и защита которой должна обеспечиваться посредством государственного управления, является конституционное право человека на *достойную жизнь* (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ)». Причем не имитация управления, а реальное достижение этой стратегической цели, по мнению ученого, должно быть мерилом эффективности государственного управления. Эти суждения в полной мере можно отнести и к административному праву, нормы которого формируют модель организации и деятельности государственного управления. Свои задачи оно осуществляет в рамках системы права, взаимодействуя с другими отраслями права. Поэтому важно определить не только собственно предметную сущность административного права, но и исследовать его роль в общей правовой системе.

В докладе рассмотрены тенденции современного отраслеобразования и роль материнских отраслей права в формировании новых правовых образований, выявлена роль административного права в выполнении этой функции. Исходной гипотезой исследования является утверждение, что наряду с регулированием управленческих отношений административное право выполняет функцию материнской отрасли российского права, реализация которой приводит к возникновению новых отраслей российского права. Основное внимание уделено двум проблемам – предпосылке материнской функции рассматриваемой отрасли права и механизму ее осуществления.

Предпосылки формирования материнского статуса административного права лежат в самой сути этой отрасли права, ее ведущей роли в общей системе российского права, взаимодействии с другими отраслями права. К ним отнесены: объективная организационная потребность, определяющая назначение и сущность административного права; концентрация административно-правовых норм, регулирующих крупные блоки общественных отношений, в виде институтов, подотраслей права, которые могут в последующем развитии обретать статус самостоятельных отраслей права; доминирование в административном праве императивного метода, который вносит в механизм административно-правового регулирования большую определенность в отношениях субъектов и необходимую жесткость; наличие самой обширной нормативной базы в виде нормативных правовых актов обеспечивает легитимность административного права, его устойчивость и условия последующего развития, включающего и воспроизводство других самостоятельных правовых образований. Важную роль в подготовке нормативных предпосылок для формирования дочерних отраслей играет систематизация норм, регулирующих новые общественные отношения.

Исследование механизма реализации рассматриваемой функции административного права предполагает выделение парной по отношению к материнской категории – дочерней отрасли права, нормы которой формировались и развивались в рамках материнской отрасли права и из которой она отпочковалась Такое новое правовое образование должно отвечать двум требованиям: быть результатом развития материнской отрасли и обладать признаками самостоятельной отрасли права. Обращено внимание на то, что среди ученых нет единой позиции по формированию новых отраслей российского права. Если признание наличия материнских отраслей права практически не подвергается сомнению, то вопросы расширения системы права, критерии отраслеобразования являются предметом многолетних дискуссий, в ходе которых тенденция увеличения количества отраслей права оценивается неоднозначно. Динамизм современных общественных процессов обусловливает дальнейшую дифференциацию отраслей российского права, появление новых обособленных правовых образований. Поэтому поиск критериев выделения самостоятельных отраслей права остается востребованной задачей юридической науки.

Большой интерес вызвал доклад **В.В. Черникова, профессора кафедры административного и финансового права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, советника компании «КонсультантПлюс», д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ,** посвященный ***вкладу проф. Ю.Е. Аврутина в разработку системы гарантий прав человека в законодательстве о полиции и направлениям ее дальнейшего развития.*** По оценке В.В. Черникова, величие и уникальность проф. Ю.Е. Аврутина как ученого состоит в том числе в его причастности к творению законодательной базы полицейской деятельности. Будучи членом рабочей группы по подготовке проекта Федерального закона «О полиции», он конструировал конкретные нормы-гарантии, которые затем восприняты законодателем.

Анализ действующей системы гарантий соблюдения прав человека в полицейском праве, проведённый докладчиком в развитие творческого наследия Ю.Е. Аврутина, позволил ему сформулировать несколько выводов о состоянии этой системы и ее качестве. Первый: **полицейское законодательство содержит довольно широкий круг гарантий прав человека**. В Законе о полиции они представлены палитрой самых разнообразных правовых средств: гарантии-принципы, гарантии – обязанности, гарантии-запреты, гарантии –ограничения, гарантии-стимулы, гарантии-санкции, гарантии-дозволения и другими. В этом большая заслуга проф. Ю.Е. Аврутина. Именно благодаря ему и проф. Ю.П. Соловью в Законе появились формулировки

данных норм. И эта система сдержек позволяет строить полицейские отношения на основе уважения человека, соблюдения его прав. Профессор В.В. Черников привел цифру, что только благодаря ведомственному и судебному контролю в 2021 г. отменено более 834 тыс. протоколов об административных правонарушениях.

Но, по мнению докладчика, **система сдержек полицейского усмотрения не безупречна, она далека от законченности**. Существует много пробелов. Так, в КоАП РФ четко не прописаны основания и процедуры признания лица потерпевшим, содержатся неясности в вопросе допуска адвокатов к задержанному лицу, не предусмотрена активная роль прокурора и защитника как гарантов прав человека на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении и отсутствует ряд других норм-гарантий. По мнению докладчика, **не всегда эффективны действующие механизмы реализации гарантий прав человека в полицейской работе**. К сожалению, такой упрек можно адресовать даже к конституционным гарантиям. Так, по сути, человек мало защищён от полицейской пытки. И только совсем недавно в Государственную Думу внесен соответствующий законопроект о введении в Уголовный кодекс РФ специального состава преступления. В.В. Черников признал, и это следующий его вывод, что **законодатель запаздывает в настройке системы гарантий в связи с появлением у полиции новых полномочий**. В качестве примера назван Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”», который обосновано предоставил полиции право вскрытия транспортных средств, но не обозначил ни одной гарантии для предотвращения субъективного усмотрения полицейских в осуществлении таких действий. Еще один вывод докладчика созвучен выводу проф. Ю.Е. Аврутина, сказанному 10 лет назад: **необходима постоянная конституционализация правового регулирования деятельности полиции.** По оценке докладчика, такой доктринальный, научный, законодательный и практический поиск особенно важен сегодня, когда роль полицейского начала в обеспечении внутренней безопасности страны в силу ряда известных обстоятельств будет усиливаться.

С.Т. Ахмедова, профессор кафедры административного права Академии МВД Республики Узбекистан, д-р юрид. наук, проф., свое выступление посвятила ***вопросу совершенствования административного законодательства Республики Узбекистан*,** в котором отметила, что в последние годы в Узбекистане проводятся широкомасштабные реформы во всех сферах жизнедеятельности людей. Глубокие изменения в экономической, социально-правовой сфере, обновление всей системы текущего законодательства во всех областях, равно как и введение совершенно нового механизма деятельности государственных органов и их взаимодействия с общественными структурами путём повышения активной и созидательной роли органов самоуправления непосредственным образом отразились и на особенностях нормативного содержания административного законодательства.

Совершенствуется административное законодательство, дополняются и изменяются нормы Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности, утвержденного Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII.

Только за последние месяцы, например, в соответствии с законами о внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности расширены составы административных правонарушений, за которые предусмотрена административная ответственность, в частности, за правонарушения, зафиксированные Единой автоматизированной информационной системой Государственного таможенного комитета Республики Узбекистан, а также за совершение некоторых правонарушений в транспортной и финансовой и других сферах. Новыми нормами расширены административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел по отдельным правонарушениям, наделены таковыми полномочиями пограничные войска Службы государственной безопасности Республики Узбекистан и др.

О совершенствовании административного законодательства Узбекистана также свидетельствует и введение института примирения по делам об административных правонарушениях. Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым 4 октября 2021 г. подписан Закон РУз «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности», в соответствии с нормами которого впервые в судебной практике Узбекистана по делам об административных правонарушениях введён институт примирения.

Отметим, что судебный институт примирения по уголовным делам в Узбекистане был введен Законом РУз от 29 августа 2001 г. и уже испытан судебной практикой, что явилось эффективным средством в либерализации уголовно-правовых отношений.

С января 2022 г. по 12 видам административных правонарушений (такие как клевета, оскорбление и др.), предусмотренных Кодексом Республики Узбекистан об административной ответственности, применяется институт примирения.

В истории Узбекистана подобное использовалось в разбирательстве между правонарушителем и потерпевшим, например, в мусульманском праве примирительные вопросы решались так: если лицо, совершившее преступление, выплатило (жертве) соответствующую сумму возмещения ущерба (товон тулаш), потерпевшая сторона имела право просить от суда освобождения виновного от наказания[1].

Давние и благородные ценности узбекского народа, основанные на принципах гуманизма, отражены в национальном законодательстве. Институт примирения в законодательстве Узбекистана является ярко выражающим эти ценности.

А.С. Смышляев, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Костанайской академии МВД Республики Казахстан, д-р философии (PhD), в своем выступлении на тему ***«О некоторых вопросах совершенствования административного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия коррупции»*** отметил, что в 2021 г. Антикоррупционной службой Республики Казахстан был выработан ряд инициатив, направленных на совершенствование отдельных норм Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП РК), предусматривающих юридическую ответственность за коррупцию.

Первая инициатива коснулась расширения перечня субъектов административных коррупционных правонарушений, предусмотренных ст. 680, 681 КоАП РК и включения в него субъектов квазигосударственного сектора. Данное предложение, безусловно, было поддержано автором, поскольку оно способствует неотвратимости наказания за совершенное правонарушение и защите интересов государства.

Вторая инициатива предусмотрела установление административной ответственности лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, приравненных к ним лиц, должностных лиц, а также лиц, являющимися кандидатами, уполномоченными на выполнение указанных функций, за непринятие и (или несоблюдение) антикоррупционных ограничений, а также непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Такой подход является нецелесообразным, поскольку в отношении вышеуказанных субъектов применяется дисциплинарная ответственность. К примеру, в соответствии с п. 4 ст. 12 Закона РК «О противодействии коррупции» непринятие антикоррупционных ограничений данными лицами влечет отказ в приеме на должность либо увольнение с должности (освобождение от должности), а их несоблюдение в случаях отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения является основанием для прекращения ими государственной службы или иной соответствующей деятельности.

Третья инициатива коснулась установления административной ответственности рассматриваемых субъектов за несообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном коррупционном правонарушении, а также непринятие или принятие недостаточных мер по поступившему сообщению о коррупционном правонарушении в соответствии с законами Республики Казахстан.

Данная позиция не поддерживается автором, так как ст. 24 Закона РК «О противодействии коррупции» уже предусмотрена обязанность вышеуказанных лиц по сообщению в уполномоченные государственные органы информации об известных им фактах коррупционных правонарушений. Соответственно, за нарушение данной нормы Закона в отношении виновных лиц применяется дисциплинарная ответственность. Такой механизм вполне соответствует соразмерности наказания, а также обеспечивает на должном уровне профилактику коррупционных правонарушений.

В связи с этим нет необходимости в установлении административной ответственности за рассматриваемые дисциплинарные проступки.

Четвертая инициатива предполагает установление административной ответственности руководителей государственных органов за допущение дальнейшей работы лиц, ранее совершивших коррупционные преступления.

Данная позиция также не поддерживается автором, поскольку формулировка «а также допущение их дальнейшей работы» является абстрактной. Конечно, такая правовая регламентация позволит увеличить срок давности привлечения лица к административной ответственности, так как придает данному правонарушению длящийся характер ввиду длительного невыполнения руководителем обязанности по установлению и увольнению лиц, ранее совершивших коррупционные преступления.

Однако в дальнейшей практике могут возникать проблемы, связанные с установлением вины руководителя в совершении правонарушения. Объясняется это тем, что виновными в таком случае могут являться подчиненные ему сотрудники (руководители низшего звена, работники кадровых подразделений), которые будут умышленно скрывать

[1] См.: *Абдурасулова К.Р.* Ярашилганлиги муносабати билан жиноий жавобгарликдан озод килиш институти: кечиримлилик ва багрикенгликнинг ёркин ифодаси // Хусусий айблов ва ярашув институтларини такомиллаштириш чоралари. Т., 2015. С. 74–78.

данную информацию от руководителя организации, либо не установят ее ввиду бездействия.

Поэтому вполне достаточно в таких ситуациях ограничиваться применением дисциплинарной ответственности к руководителю за ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, вплоть до освобождения от занимаемой должности.

Таким образом, по итогам проведенного анализа вышеизложенных инициатив автором предлагается следующее: включить в диспозиции ст. 680, 681 КоАП РК формулировку «субъекты квазигосударственного сектора»; ограничиться действующим механизмом привлечения к дисциплинарной ответственности уполномоченных должностных лиц за совершение вышеуказанных видов противоправных деяний; предусмотреть более точную регламентацию административной ответственности за укрытие административного коррупционного правонарушения, исключив при этом применение ст. 680 КоАП РК.

В.Е. Севрюгин, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, в докладе на тему ***«О современном понимании и сущности административного процесса как юридической категории»*** отметил, что российское законодательство закрепляет различные по своему содержанию виды юридических процессов: гражданский, уголовный, административный, арбитражный, конституционный, налоговый, бюджетный, регистрационный и др. В связи с этим в научной и учебной литературе по общей и отраслевой теории права получило широкое распространение мнение о том, что каждому виду государственно-властной деятельности присущ свой, специфический вид процесса и, соответственно, свои подходы и особенности к определению его понятия и сущности.

Отсутствие в правовой науке общепризнанного определения понятия и сущности юридического процесса, его содержания и функций является серьезным препятствием на пути выработки единого подхода к его толкованию, определению его роли и места в структуре права, в механизме правового регулирования.

Сложившаяся в постсоветский период негативная тенденция, сдерживающая поступательное развитие и формирование новой модели административного процесса в направлении создания самостоятельной отрасли российского права, связана с многими негативными факторами. Во-первых, это отсутствие методологической концепции исследований юридического процесса в целом и административного процесса, в частности, в связи с недостаточной изученностью факторов процессуализации правового регулирования.

Во-вторых, отсутствие необходимого, отвечающего потребностям времени и демократическим принципам правового государства, доктринального обеспечения административного процесса.

В-третьих, отсутствие единого критерия, препятствующего выработке единого подхода о ключевых понятиях, правовой природе, содержании и структуре административного процесса и соответствующей отрасли административно-процессуального права.

В-четвертых, общая недооценка роли, места и значения административного процесса, ведет и уже привела к противоречивости и хаотичности правового регулирования в важнейших социально значимых областях государственного управления.

В-пятых, недоразвитость и не совершенство административно-процессуального регулирования уже со всей очевидностью снижает эффективность организации и функционирования всей системы исполнительной власти. В результате чего демократические принципы социального правового государства перестали действовать в системе административно-правовых отношений, поскольку не находят адекватной институализации и прямого правового действия.

В-шестых, по многим сопоставимым показателям (обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание эффективного механизма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц от неправомерного вмешательства органов и должностных лиц официальной власти, обеспечение законности в сфере публичного управления) административное право и административный процесс не отвечают современным требованиям и стандартам демократического правового государства.

Как указал В.Е. Севрюгин, без предварительного решения вышеназванных проблем трудно рассчитывать на повышение эффективности и качества государственного управления так же, как и на эффективность функционирования всей системы исполнительной власти страны.

А.И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, в своём выступлении на тему ***«О правовой природе и процессуальных формах административного процесса»,*** опираясь на научное наследие В.Д. Сорокина и Ю.Е. Аврутина, обратил внимание на то, что методология исследования природы процессуальной деятельности должна базироваться на анализе не только отраслевого предмета правового регулирования, но и трех

типов единого метода материально-правового регулирования (гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового), каналами реализации которых являются разновидности юридического процесса в форме гражданского, административного и уголовного процессов, в основе которых лежит состязательный или следственный тип юрисдикционного процесса, либо правонаделительный тип юридического процесса.

В соответствии с национальной доктриной административного процесса его правовая природа как вида юридического процесса на отраслевом уровне обусловлена тем, что он является каналом реализации административно-правового типа регулирования общественных отношений в сфере государственного управления, в котором доминирует *предписание* (обязанность, функциональная обязанность). Административный процесс обеспечивает *исполнение* субъектом государственного управления (органами исполнительной власти и их должностными лицами) возложенных на него *обязанностей* и включает процессуальные формы реализации предписаний, т.е. порядка принятия субъектом государственного управления при исполнении возложенных обязанностей властных решений (властных велений), обязательных для объекта государственного управления. Данный вид процессуальной деятельности регламентируется административно-процессуальным законодательством, речь о котором идёт в п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ.

Административный процесс, осуществляемый субъектом публичного управления, включает административные производства, которые могут быть сгруппированы в зависимости от специфики реализации на отраслевом уровне основных типов материально-правового регулирования административно-правовых отношений, т.е. в зависимости от их правовой природы.

Так, административно-процессуальной формой исполнения, возложенных на органы исполнительной власти ***обязанностей*** в рамках нормотворческой деятельности являются *правотворческие производства*. Административно-процессуальными формами позитивного правоприменения, обеспечивающими реализацию ***дозволений***, являются *правонаделительные (сервисные) административные производства*. Правоохранительная деятельность органов исполнительной власти, обеспечивающая соблюдение ***запретов***, включает *юрисдикционные* административные производства, направленные на применение наказаний (взысканий).

В свою очередь, процессуальная природа т.н. административного судопроизводства также обусловлена не *предметом*, а ***методом*** правового регулирования, представленным гражданско-правовым типом регулирования общественных отношений, каналом реализации которого является состязательный тип юрисдикционного юридического процесса, который по своей природе является гражданским процессом. Следовательно, о процессуальном законодательстве, регламентирующем данный вид судопроизводства, речь идет в п. «о» ст. 72 Конституции РФ.

Нельзя не заметить, что с момента закрепления в Конституции РФ политико-правового решения о создании административного судопроизводства происходит последовательное и настойчивое наступление на отечественную административно-процессуальную доктрину и предпринимаются попытки её трансформировать, а точнее, подогнать под западноевропейские взгляды (подходы), и уже началась модернизация процессуального законодательства под западноевропейские стандарты, в основе которой лежит внешняя идейно-ценностная экспансия и игнорирование мнения подавляющего большинства отечественных цивилистов и административистов о процессуальной природе административного судопроизводства. Начинаешь задумываться, насколько такого рода вектор теоретико-правового совершенствования отечественной административно-процессуальной доктрины, а по сути, отказ от неё соответствует национальным интересам Российской Федерации.

Представители научно-педагогической школы не рассматривают существующие зарубежные подходы к пониманию и содержанию административного процесса, а также самой идеи «административного судопроизводства» и его процессуальной идентификации как единственно правильные. Закрепленная Кодексом административного судопроизводства РФ модель административного судопроизводства является одной из возможных и весьма неудачных, на что уже обращается внимание в юридической литературе. В современных условиях защита «научного суверенитета» становится все более актуальной.

О.В. Гречкина, профессор кафедры административного и информационного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д-р юрид. наук, проф., в своем выступлении на тему ***«О подведомственности и подсудности дел об административных правонарушениях»*** отметила, что административно-деликтное законодательство формирует комплекс материальных и процессуальных норм о системе органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, и составляет правовую основу института субъектов административной юрисдикции.

Нормы КоАП РФ о процессуальной компетенции субъектов административной юрисдикции, определяющие предметную подведомственность и подсудность дел об административных правонарушениях, содержательно определяют множественность субъектов

административной юрисдикции. Это судьи, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, федеральные органы исполнительной власти.

Рассуждая об условиях и порядке рассмотрения дел, Ю.Е. Аврутин под процессуальной формой советует понимать «только судебный порядок рассмотрения дел, вытекающих из административных и иных публичных отношений», само производство предлагает рассматривать как «процедурно-процессуальную форму реализации административной ответственности государственными органами и судами»[2]. Очевидно, что современные тенденции развития законодательства об административных правонарушениях свидетельствуют об усилении роли судов в качестве субъектов административной юрисдикции. При этом значительное расширение роли судей в сфере административной юрисдикции детерминировано не только исключительной компетенцией по применению практически всех видов наказаний, но и расширением возможности передачи в юрисдикцию судей большинства административных правонарушений, предусматривающих наказание в виде предупреждения и административного штрафа[3].

Существуют предложения о переориентации процессуальной части нового Кодекса на передачу полномочий по применению наказаний административным органам во внесудебном порядке и формировании иной системы административных наказаний, которые правомочны будут назначать административные органы или специально созданные административно-юрисдикционные органы.

Несомненно, реформировать законодательство необходимо, но делать надо обдуманно и последовательно. Во-первых, действительно, рассмотрение отдельных категорий дел передать в подведомственность административных органов.

Во-вторых, немаловажным условием для разрешения данной проблемы является расширение возможностей применения наказания в виде предупреждения, которое могут также назначать административные органы.

В-третьих, в целях оптимизации процессуальной деятельности судебных органов предусмотреть расширение пределов подведомственности дел об административных правонарушениях мировым судьям, а пересмотр судебных решений мировых судей по делам об административных правонарушениях – сохранить за районными судами.

Внесение в Кодекс изменений должно быть обдуманным, последовательным устранением рудиментов предыдущего нормативного регулирования, что в результате позволит снизить загруженность судей при рассмотрении дел определенных категорий, передать их в юрисдикцию административных органов и в то же время сохранить гарантии последующего судебного контроля как способа защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц.

А.И. Стахов, зав. кафедрой административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой, главный научный сотрудник (руководитель направления) Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф., в своём выступлении на тему ***«Дела об административных правонарушениях как индифферентная категория юридических дел, разрешаемых в ходе административного процесса»*** обозначил свою позицию, согласно которой дела об административных правонарушениях являются собирательной категорией административных дел, разрешаемых органами публичной администрации и судами в разнообразных процессуальных формах, предусмотренных Конституцией РФ, КоАП РФ и АПК РФ, а именно посредством административного производства либо административного судопроизводства установленного вида.

Основанием дел об административных правонарушениях является ряд взаимосвязанных, но при этом разнообразных юридико-фактических ситуаций, по поводу которых возникают, изменяются и прекращаются данные юридические дела в ходе административного процесса, осуществляемого компетентными органами публичной администрации (уполномоченным должностным лицом) либо компетентным судом (уполномоченным судьей).

Предмет дел об административных правонарушениях составляет комплекс неоднородных юридико-фактических вопросов, разрешаемых по существу данных дел компетентными органами публичной администрации (уполномоченным должностным лицом) либо компетентным судом (уполномоченным судьей).

Исходя из анализа оснований дел об административных правонарушениях, предлагается систематизировать данные дела **в зависимости от компетенции органа, разрешающего дело по существу**, следующим образом: 1) дела об административных правонарушениях, отнесенные к компетенции публичной администрации или иначе – **внесудебные дела об административных правонарушениях**; 2) дела об административных правонарушениях,

[2] См.: *Аврутин Ю.Е.* О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного судопроизводства: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 28 ноября 2014 г.) / отв. ред. Ю.П. Соловей. -Омск, 2015. С. 23.

[3] См.: *Россинский Б.В.* Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49.

отнесенные к компетенции судов – **судебные дела об административных правонарушениях**.

Исходя из анализа предмета дел об административных правонарушениях, будет логичным систематизировать данные дела **по существу разрешаемого вопроса** следующим образом: 1) **дела о назначении административных наказаний**. В том числе дела о назначении внесудебных административных наказаний; дела о назначении судебно-административных наказаний; 2) **дела об урегулировании административно-наказательных споров**. В том числе, дела о внесудебных административно-наказательных спорах; дела о судебных административно-наказательных спорах; 3) **дела о понуждении к исполнению административных наказаний**. В том числе дела о понуждении к исполнению внесудебных административных наказаний и дела о понуждении к исполнению судебных административных наказаний, отнесенные ст. 32.2. КоАП РФ к компетенции приставов-исполнителей.

Предложенное категорирование дел об административных правонарушениях позволяет в научно-практических целях различать с достаточной определенностью индифферентные виды административного процесса, в том числе **внесудебный административный процесс по делам об административных правонарушениях** и **судебный административный процесс по делам об административных правонарушениях.**

В рамках внесудебного административного процесса по делам об административных правонарушениях **объединяются разнородные виды административно-процессуальной деятельности публичной администрации по противодействию административным правонарушениям.** В рамках судебного административного процесса по делам об административных правонарушениях **объединяются различные виды административно-принудительного и административно-защитного правосудия, подчиненные единой цели – противодействию административным правонарушениям**.

Обобщая изложенное, выступающий сформулировал вывод о том, что выдвинутые подходы к обоснованию индифферентного категорирования дел об административных правонарушениях и обособлению соответствующих индифферентных видов административного процесса соответствуют ст. 10, 18, 46, 72, 118, 126 Конституции РФ и поэтому: 1) предопределяют формирование особенной части административно-процессуального права; 2) служат надежным ориентиром для приведения в полное соответствие с Конституцией РФ действующей редакции КоАП РФ; 3) обеспечивают научное сопровождение комплексной систематизации КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ.

С.В. Корнейчук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, в своём выступлении на тему ***«Особенности квалификации административного правонарушения, связанного с сообщением ложной информации о факте коррупционного правонарушения»*** отметил, что впервые административная ответственность за сообщение заведомо ложной информации о факте коррупционного правонарушения появилась в Казахстане с момента вступления в силу Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 г.

Действующая ст. 439 КоАП РК, предусматривающая административную ответственность за заведомо ложную информацию о факте коррупционного правонарушения, редко применяется на практике, поэтому часто эксперты кодифицированного административного законодательства и практические сотрудники правоохранительных органов высказывают мнение об исключении из КоАП РК этой нормы.

Статья 439 КоАП РК и ст. 419 УК РК являются конкурирующими нормами деликтного законодательства, и с целью исключения ошибок при квалификации заведомо ложных сведений о факте коррупционного правонарушения диспозицию статьи административного правонарушения следует дополнить словами: «...если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния».

Объективная сторона первой части исследуемой статьи выражена одним противоправным действием в форме сообщения органу, ведущему борьбу с коррупцией, заведомо ложной информации о факте коррупционного правонарушения. Сообщение о заведомо ложных показаниях, не связанных с фактом коррупционного правонарушения при рассмотрении дела об административном правонарушении, следует квалифицировать по ст. 659 КоАП РК, которая предусматривает административную ответственность за заведомо ложные показания органу (должностному лицу) при рассмотрении дела о административном правонарушении.

Заслуживает внимание содержание примечания к ст. 659 КоАП РК, которое содержит правовое положение об освобождении лиц, давших ложные показания органу (должностному лицу), если они добровольно заявили о ложности данных ими показаний до вынесения решения по делу об административном правонарушении. По мнению выступающего, аналогичный порядок освобождения от административной ответственности должен быть предусмотрен и в ст. 439 КоАП РК.

Распространение заведомо ложной информации о факте коррупционного правонарушения, не содержащего признаков уголовно наказуемого

деяния, не может быть квалифицировано как клевета, предусмотренная ч. 3 ст. 73–3 КоАП РК.

На основании вышеизложенного обосновано:

1) при принятии информации о факте коррупционного правонарушения следует предупреждать лицо, оказывающего содействие в противодействии коррупции, о возможной административной ответственности за заведомо ложную информацию;

2) в ст. 439 КоАП РК следует предусмотреть примечание следующего содержания: «Лица, сообщившие ложную информацию о факте коррупционного правонарушения, освобождается от административной ответственности, если они в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении до вынесения решения по делу раскаялись и заявили о ложности данной ими информации компетентным органам»;

3) с целью исключения ошибок при квалификации заведомо ложных сведений о факте коррупционного правонарушения диспозицию ст. 439 КоАП РК следует дополнить словами: «...если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния».

Н.Н. Цуканов, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе, д-р юрид. наук, доц., в своем выступлении сообщил ***об опыте совместной работы с Ю.Е. Аврутиным*** в составе рабочей группы МВД России над проектом Федерального закона «О полиции» в 2010 г. Докладчиком отмечена удивительная работоспособность Юрия Ефремовича, его готовность к изнурительному творческому поиску, умение чувствовать, фиксировать, очень точно передавать тонкое, почти незаметное, но важное, незаменимое в научно-правовом смысле. Все эти качества, умноженные на привычку Ю.Е. Аврутина смотреть на проблему гораздо шире и глубже, существенным образом повлияли и на ход работы всей рабочей группы и в целом на текст итогового Федерального закона от 8 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

По прошествии 11-летнего периода применения очевидно, что указанный документ не является идеальным. Нет сомнений, что формулировки многих положений, регламентирующих права и обязанности полиции, не отражают многообразия практических ситуаций, связанных с их реализацией. Хотя вряд ли при регулировании столь широкого перечня весьма специфических общественных отношений идеальный закон вообще возможен, в том числе и потому, что законодатель обязан соблюдать и разумную долю осторожности. В реальной жизни, казалось бы, перспективные с научной точки зрения формулировки нередко преломляются в правоприменительной среде и с учетом ее особенностей и условий в определенных ситуациях могут иметь эффект, существенно отличающийся от запланированного, иногда диаметрально противоположный.

Разработчиками законопроекта (и эта идея была поддержана Ю.Е. Аврутиным) была предпринята попытка систематизировать перечень оснований применения отдельных мер принуждения. Яркий тому пример – ст. 14 Федерального закона «О полиции» в части оснований задержания, применяемого полицией. Такой подход в целом полезен, поскольку способствует формированию у правоприменителя привычки шире смотреть на предоставленный ему нормативный инструментарий. Однако имеется и оборотная сторона, поскольку даже в этой части было бы неправильно рассматривать Закон о полиции в качестве усеченной версии полицейского кодекса. Это могло бы привести к правоприменительным ошибкам, так как во многих случаях в текст включены нормы-напоминания, лишь ориентирующие правоприменителя, но не предоставляющие ему дополнительных возможностей, например, п. 1, 5 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О полиции». Важно помнить и то, что отдельные положения данного Закона могут быть недостаточно согласованы с иными нормативными правовыми актами. Например, в ст. 15, 15.1 указанного Закона прямо говорится об открытом характере закрепленного перечня оснований, и если не принимать это во внимание, неизбежно возникают сложности с толкованием ч. 2 ст. 53 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Тем не менее Федеральный закон «О полиции» – документ, позволяющий эффективно решать множество проблемных вопросов. Докладчик на собственном опыте убедился в этом в период прохождения службы в органах Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, сотрудники которой не имели аналогичного нормативного правового акта. В результате чего многие вопросы, привычно решаемые сотрудниками органов внутренних дел, в деятельности подразделений наркоконтроля вовсе не имели надлежащего нормативного решения. И важнейшую роль в создании этого документа сыграл именно Ю.Е. Аврутин.

«Нет сомнений, – отметил Н.Н. Цуканов, – уже сама возможность общения и тем более совместной работы с таким замечательным, талантливым ученым, каким был Юрий Ефремович Аврутин,– большая жизненная удача. Я был знаком с Юрием Ефремовичем – мне повезло».

И.Ф. Амельчаков, начальник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, канд. юрид. наук, доц.; О.А. Дизер, заместитель

начальника того же института, д-р юрид. наук, доц., в тезисах своего выступления на тему ***«Совершенствование административно-правовой защиты государственной безопасности»*** указали, что происходящие в последние годы в мире преобразования позволяют заново оценить роль государства в обеспечении безопасности от внешних угроз. К числу основных угроз национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере отнесены ряд факторов, среди которых возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов и возникновение и эскалация конфликтов вблизи Государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств – участников Содружества Независимых Государств. При этом государственная и общественная безопасность выступает одним из стратегических национальных приоритетов обеспечения и защиты национальных интересов. Важным средством их защиты выступает наличие отвечающего современным реалиям комплекса правовых мер, в том числе и административно-правовых. От их своевременного принятия и закрепления, в свою очередь, напрямую зависят вопросы охраны признаваемых в обществе ценностей и обеспечения прав и свобод отдельных граждан Российской Федерации.

Авторы полагают, что именно реализации вышеуказанных стратегических национальных приоритетов призваны служить нормы, дополнившие КоАП РФ в соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Указанным нормативным правовым актом КоАП РФ дополнен рядом норм, предусматривающих административную ответственность, в том числе и за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 20.3.3).

Целью принятия указанного нормативного правового акта следует считать укрепление авторитета Российского государства в лице органов публичной власти (в данном случае Вооруженных сил РФ) посредством введения административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Административная ответственность по ст. 20.3.3 КоАП РФ за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности имеет определенные особенности.

К числу таковых можно отнести конструкцию объективной стороны состава правонарушения.

Применительно к рассматриваемому составу дискредитацию можно рассматривать как подрыв доверия – умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к Вооруженным Силам РФ и их использованию в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

К публичным действиям можно отнести, в частности, инициативную демонстрацию в общественных местах средств наглядной агитации (плакатов и транспарантов), содержащих лозунги различного характера, участие в публичных мероприятиях в том числе с вышеуказанными средствами, дача интервью средствам массовой информации, в том числе иностранным. Публичные действия, направленные на дискредитацию, в большинстве выявленных фактов совершения правонарушений по ст. 20.3.3 КоАП РФ выражались, как правило, в форме одиночных пикетов[4].

Призывы при этом могут распространяться любым способом (устно, письменно с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет). Главным критерием в данном случае является публичность.

Закрепление рассмотренных норм в административном законодательстве, как представляется, является актуальной, необходимой и своевременной мерой, преследующей главным образом цели реализации государственного курса на минимизацию ущерба национальным интересам Российской Федерации от внешних угроз.

Л. В. Павлова, начальник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе НИИ ФСИН России, канд. юрид. наук, доц., в своем выступлении на тему ***«О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка»*** акцентировала внимание на том, что одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации в последнее десятилетие является обеспечение благополучного и безопасного детства. По состоянию на 1 января 2020 г. в Российской Федерации проживает более 30 млн детей, что составляет 20.6% от населения страны.

Анализ нормативных правовых документов, регулирующих защиту прав детей в различных отраслях жизни и направленных на предотвращение таких

[4] См.: URL: https://www.interfax.ru/russia/827204 (дата обращения: 07.03.2022).

негативных социальных явлений как совершение ими правонарушений, роста детской беспризорности и безнадзорности, раннее приобщение детей к алкоголю и наркотикам, применение насилия к детям, нарушение их прав и свобод, показал, что они не являются действенным механизмом в предупреждении вышеперечисленных явлений. Более того, сегодня отсутствуют должные координация и взаимодействие между субъектами в сфере защиты прав детей, что отрицательно сказывается на предотвращении различных негативных социальных явлений.

В связи с этим выступающая отметила, что всё многообразие субъектов, обеспечивающих защиту прав ребенка необходимо объединить в систему, в которой должен быть уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, выполняющий координирующую роль и способный системно решать актуальные вопросы в сфере защиты прав детей, исключить несогласованность в подходах различных ведомств в решении узловых вопросов, касающихся института семьи и детства.

Далее было обращено внимание на недостатки, имеющиеся в работе органов опеки и попечительства, обусловленные существующей системой управления, организацией их деятельности, устаревшими подходами в работе с семьёй, деформацией приоритетов, которые не обеспечивают профилактическую работу и надлежащую защиту семьи, материнства, отцовства и детства, и сформулирован вывод о необходимости дальнейшего реформирования их деятельности.

Кроме того, анализ статистических данных разных ведомств показал, существенную разницу в показателях по одному направлению деятельности (например, касающиеся вопроса отобрания детей у родителей при непосредственной угрозе их жизни и здоровью и др.), что объясняется не только неэффективностью межведомственного взаимодействия, а главное, не отражает действительного положения дел в данной сфере. Статистические данные являются основой для принятия решений, направленных на эффективную реализацию прав ребенка, поэтому формы статистических данных необходимо привести к единообразию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврутин Ю.Е.* О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного судопроизводства: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 28 ноября 2014 г.) / отв. ред. Ю.П. Соловей. Омск, 2015. С. 23.
2. *Россинский Б.В.* Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49.
3. *Абдурасулова К.Р.* Ярашилганлиги муносабати билан жиноий жавобгарликдан озод килиш институти: кечиримлилик ва багрикенгликнинг ёркин ифодаси // Хусусий айблов ва ярашув институтларини такомиллаштириш чоралари. Т., 2015. С. 74–78.

REFERENCES

1. *Avrutin Yu.E.* On the correlation of administrative process, administrative proceedings and proceedings in cases of administrative offenses // Actual problems of administrative proceedings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, November 28, 2014) / ed. by Yu.P. Solovey. Omsk, 2015. P. 23 (in Russ.).
2. *Rossinsky B.V.* Is the final differentiation of administrative proceedings and proceedings in cases of administrative offenses // Journal of Administrative Proceedings. 2016. No. 1. P. 49 (in Russ.).
3. *Abdurasulova K.R.* Institute for freedom from criminal liability in connection with reconciliation: Yorkin expression of forgiveness and bagrickenness // Measures to improve institutions of private prosecution and reconciliation. T., 2015. P. 74–78.

Сведения об авторах

КАПЛУНОВ Андрей Иванович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

УХОВ Владимир Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Authors' information

KAPLUNOV Andrey I. –
Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative Law of the St. Petersburg University of MIA of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., 198206 St. Petersburg, Russia

UKHOV Vladimir Yu. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of St. Petersburg University of MIA of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., 198206 St. Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 187–190
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 187–190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ИСТОРИЯ СУДА И ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: монография / В.А. Кряжков, М.А. Митюков. Москва: Норма, 2022. – 632 с.

© 2022 г. О. В. Брежнев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.

Аннотация. Материал представляет собой рецензию на монографию В.А. Кряжкова и М.А. Митюкова «История конституционного правосудия в России», изданную в рамках общей серии «История суда и правосудия в России». Отмечается, что монография представляет собой фундаментальный научный труд, в котором на основе анализа обширного круга источников исследуются основные этапы истории конституционного правосудия не только в организационном плане, но и с точки зрения накопления знаний об этом институте и их трансформации в конкретные законопроекты.

Ключевые слова: история, Конституция, правосудие, судоустройство, судопроизводство, суд, контроль, надзор, проекты, идеи.

Цитирование: *Брежнев О.В.* Конституционное правосудие в исторической ретроспективе История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. История конституционного правосудия в России / В.А. Кряжков, М.А. Митюков // Государство и право. 2022. № 9. С. 187–190.

DOI: 10.31857/S102694520022211-3

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

HISTORY OF COURT AND JUSTICE IN RUSSIA: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. HISTORY OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA: monograph / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov. Moscow: Norma, 2022. – 632 pp.

© 2022 O. V. Brezhnev

Lomonosov Moscow State University

E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Received 10.08.2022

Abstract. The material is a review of the monograph by V.A. Kryazhkov and M.A. Mityukov "History of constitutional justice in Russia", published as part of the general series "History of court and justice in Russia". It is noted that the monograph is a fundamental scientific work, which, based on the analysis of a wide range of sources, explores the main stages in the history of constitutional justice, not only in organizational terms, but also in terms of the accumulation of knowledge about this institution and their transformation into specific bills.

Key words: history, Constitution, justice, judiciary, legal proceedings, court, control, supervision, projects, ideas.

For citation: *Brezhnev, O.V. (2022).* Constitutional justice in historical retrospective
History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 187–190.

Монография В.А. Кряжкова и М.А. Митюкова представляет собой фундаментальный научный труд, посвященный исследованию становления и развития конституционного правосудия в нашей стране.

Прежде всего хотелось бы отметить несколько особенностей данной работы. Во-первых, монография, с одной стороны, органично связана с предшествующими многочисленными научными работами ее авторов, являющихся известными российскими учеными-юристами. Она в известной мере обобщает и систематизирует их взгляды на различные исторические и современные аспекты развития института конституционного правосудия. С другой стороны, в процессе такого обобщения сформулированы и новые выводы, определены подходы, даны оценки тем или иным фактам, введены в научный оборот новые документы, касающиеся истории конституционного правосудия. Это свидетельствует о существенном вкладе В.А. Кряжкова и М.А. Митюкова в исследование соответствующей проблематики.

Во-вторых, конституционное правосудие понимается авторами как комплексный правовой институт, включающий судоустройственные, материально-правовые и судопроизводственные отношения в области судебного конституционного контроля (с. 6). Это позволило им рассмотреть в работе развитие соответствующего института в органичном единстве материально-правовой и процессуальной составляющих статуса органов, осуществляющих данную деятельность.

В-третьих, история конституционного правосудия рассматривается в тесной связи с развитием иных конституционно-правовых институтов (парламентаризм, федерализм, разделение властей, судебная власть и др.), а также в контексте социально-политических процессов, которые имели место в нашей стране в различные исторические периоды. Это помогло авторам монографии более полно раскрыть смысл тех или иных реформ, новаций, выявить историческую обусловленность отдельных законодательных новелл в исследуемой сфере.

В-четвертых, следует выделить подход, который во многом определяет сюжетное своеобразие этого исследования: история конституционного правосудия понимается В.А. Кряжковым и М.А. Митюковым не только как история становления и развития тех органов, которые осуществляли полномочия по конституционному контролю и конституционному надзору, но и (а может быть, в первую очередь) как история развития знаний в соответствующей области, их накопления, трансформации, нормативно-правового выражения (с. 6, 103). Данный подход имеет принципиальное значение: он позволил существенно «раздвинуть» хронологические рамки исследования, показать развитие *идей* конституционного правосудия, которые затем воплощались в конкретные проекты, законы, являлись предметом научных и общественных дискуссий, а также осветить те этапы истории конституционного правосудия, которые ранее не были предметом специальных исследований (период зарождения идей конституционного правосудия (конец XVIII – начало XX в.), учреждение Конституционного Суда РФ, второй этап его развития, роль Конституционного Совещания (1993 г.) в сохранении и совершенствовании этого института) (с. 8).

Наконец, в-пятых, примечательная особенность монографии (свойственная и иным работам М.А. Митюкова) – *персонифицированный* взгляд на историю конституционного правосудия. Иными словами, развитие данного института рассматривается через дискуссии, проекты, мнения конкретных ученых, политиков, судей, события, участниками которых являлись эти персоналии, включая самого автора (например, разработка и принятие обоих законов о Конституционном Суде, формирование его состава в 1991 и 1994–1995 гг.). Эта особенность работы делает ее весьма привлекательной для читателя, в известной мере сближая ее в некоторых частях по жанру с исторической мемуаристикой, но в то же время не лишая качеств научного труда с присущим ему высоким уровнем обобщения нормативного и фактического материала.

По структуре рецензируемая монография состоит из *введения, 7 разделов, 24 глав* и *заключения*.

Раздел I «Источники. Историография конституционного правосудия в России» содержит скрупулезный анализ научных работ, рассматривающих проблемы становления конституционного правосудия в России. Соответствующие источники разделены по блокам: дореволюционный, советский, отечественный (с. 11).

В книге приводятся малоизвестные факты, например, о реализации идей конституционного контроля в государственно-правовой практике Белых движений (с. 21, 22), об отношении к рассматриваемому институту в эмигрантской научной литературе (с. 22–27). Весьма полно проанализирована советская историография, выделены ее основные «хронологические отрезки»: начиная от полного отрицания возможности специализированной правовой охраны Конституции (1918–1923 гг.) и завершая периодом образования Конституционного Суда РСФСР (1990–1991 гг.). Интересна полемика вокруг идеи создания специального органа конституционного контроля в 1960–1980 гг. (с. 36–48) с учетом того, что образование Конституционного Суда предусматривалось даже одним из проектов (1964 г.) Конституции СССР (с. 39).

Раздел II «Истоки конституционного правосудия в России» разделяет историю исследуемого института на несколько этапов: зарождение идей конституционного правосудия в России (конец XVIII – начало XX в.); участие Верховного Суда СССР в «подсобной» роли в конституционном контроле; осуществление конституционного контроля в «квазипарламентских» формах; правовая охрана Конституции посредством специализированного конституционного надзора (1988–1991 гг.); создание и деятельность Конституционного Суда РФ (с. 103–108). Причем последний этап включает два периода: с момента учреждения соответствующего органа и до принятия действующей Конституции РФ; со времени вступления в силу Конституции РФ и обусловленного ею Федерального конституционного закона

«О Конституционном Суде Российской Федерации» и до настоящего времени (с. 108).

Весьма подробно в монографии изложен материал, относящийся к «воззренческо-проектным» этапам истории отечественного конституционного правосудия, начиная с анализа Наказа Екатерины II 1767 г., в котором высказывалась мысль о необходимости создания «своеобразного института охраны законов» (с. 112, 113), и завершая исследованием воззрений на рассматриваемые проблемы деятелей Советского государства в 1917–1923 гг., отличавшихся крайне нигилистическим отношением к судебному конституционному контролю как откровенно буржуазному институту, ограничивающему полновластие представительных органов (с. 124–127).

Раздел III «Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.» посвящен исследованию материально-правовых и процессуальных аспектов полномочий Верховного Суда СССР в сфере правовой охраны Конституции СССР, которыми он был наделен Конституцией СССР 1924 г., и особенностям их реализации. Появление соответствующих полномочий изначально было связано с образованием СССР и необходимостью разрешения конституционных конфликтов на разных уровнях власти с учетом специфики советского федерализма.

В рецензируемой работе подробно освещены дискуссии, сопутствовавшие осуществлению Верховным Судом СССР исследуемых полномочий: они нередко сопровождались обвинениями в следовании принципу разделения властей, чуждому для Советского государства, в неоправданном «подражании» американской модели конституционного контроля и т.д. На все эти зачастую необоснованные суждения отвечал тогдашний Председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров, подробно разъясняя вопросы о правовой природе соответствующих полномочий (с. 152–154, 170, 171, 177 и др.).

В целом деятельность Верховного Суда СССР в сфере правовой охраны Конституции СССР обоснованно характеризуется в монографии как «подсобная (вспомогательная)» по отношению к реализации полномочий Президиумом ЦИК СССР, который выполнял функцию конституционного контроля. Верховный Суд СССР являлся своего рода «юридическим консультантом» Президиума ЦИК СССР, осуществляя полномочия, связанные с последующим конституционным надзором.

В ***разд. IV «Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (1930-е – начало 1990-х годов)»*** исследуются взгляды отечественных ученых, политиков на вопросы организации конституционного контроля в СССР в рассматриваемый исторический период. Следует отметить весьма примечательный факт, который заключается в том, что предложения о создании специализированного органа по правовой охране Конституции СССР иногда высказывались и обычными гражданами в их обращениях в рамках проводившегося всенародного обсуждения проекта Конституции СССР, впоследствии принятой в 1977 г. (с. 237, 238, 257–259).

Особое внимание в данном разделе уделено созданию и деятельности Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991 гг.). Будучи несудебным органом, данный Комитет был наделен отдельными надзорными и отчасти контрольными полномочиями в отношении проверки конституционности нормативных актов союзных органов власти, а также ограниченными полномочиями по «наблюдению» за соответствием Конституции СССР и законам СССР конституций и законов союзных республик. Подробно анализируются решения этого органа и их влияние на законодательную и правоприменительную деятельность, показано, в чем состоял «кризис конституционного надзора» в СССР в начале 90-х годов (с. 306–313).

Раздел V «Создание Конституционного Суда России и его деятельность на первом этапе (1990–1993 годы)» рассматривает законодательные нормы, дискуссии, фактические обстоятельства, связанные с учреждением Конституционного Суда РФ (с. 314–330), принятием первого Закона о Конституционном Суде РФ (с. 330–350), формированием состава Суда (с. 350–354). Здесь же содержится и анализ практики Конституционного Суда, относящейся к первому периоду его деятельности. Рассмотрены, в частности, постановления по делам: о создании МБВД России; о референдуме в Татарстане 1992 г.; о ликвидации организационных структур КПСС; о действиях и решениях Президента РФ, связанных с изданием Указа от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», и др. Как справедливо отмечает В.А. Кряжков, в деятельности Конституционного Суда РФ того периода «как в зеркале отражаются противоречия развития государства и общества, которые Суд в меру своего опыта и возможностей стремился разрешать имеющимися средствами в целях обеспечения верховенства и прямого действия Основного закона страны» (с. 382).

Раздел VI «Модернизация статуса и деятельности Конституционного Суда РФ (1993–2000-е годы)» охватывает анализ событий, связанных с подготовкой проекта новой Конституции РФ, и, в частности, дискуссиями об организационно-правовой форме конституционного правосудия на заседаниях Конституционного Совещания (с. 386–407), разработкой и принятием в 1994 г. Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», включая вопросы статуса и предназначения данного органа (с. 433–443), его компетенции (с. 443–461), права на законодательную инициативу (с. 461–468), института посланий Конституционного Суда (с. 468–475), принципов конституционного судопроизводства (с. 475–479), учреждения палат Конституционного Суда (с. 479–488).

В рецензируемой работе содержится обстоятельный анализ практики Конституционного Суда РФ (1995–2000 гг.), выделены правовые позиции, касающиеся различных сфер нормативного регулирования, показано их значение (с. 508–523).

Особое внимание уделено рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с модернизацией конституционного правосудия в XXI в. (с. 530–595). Освещены вопросы, касающиеся в т.ч. реформ конституционного судопроизводства 2001, 2010, 2014 гг. и, конечно, 2020 г., связанной с произошедшими изменениями Конституции РФ. При этом высказана справедливая критика ряда новаций, особенно в части организации конституционного правосудия и статуса судей Конституционного Суда РФ.

Раздел VII «Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: становление и состояние накануне упразднения» раскрывает основные этапы истории регионального конституционного правосудия: создание конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (с. 596–598), их деятельность после принятия Конституции РФ 1993 г. (с. 598–601), постепенное упразднение после внесения конституционных изменений 2020 г.

(с. 601–608). Сделан общий вывод о том, что институт конституционных (уставных) советов не является равноценным упраздняемым конституционным (уставным) судам: данная реформа снижает уровень регионального конституционного контроля (надзора) и защиты прав и свобод граждан (с. 608).

* * *

В заключение отметим, что знакомство с монографией В.А. Кряжкова и М.А. Митюкова заставляет размышлять и над проблемами более общего характера, касающимися особенностей конституционного развития России и реализации тех правовых идеалов, к достижению которых стремились наши предки много десятилетий назад. И в этом смысле, несомненно, рецензируемая работа получит отклик у читателей.

Сведения об авторе

БРЕЖНЕВ Олег Викторович –
доктор юридических наук, профессор кафедры административного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119234
г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 51

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. История конституционного правосудия в России / В.А. Кряжков, М.А. Митюков. М., 2022. С. 6, 8, 11, 21–27, 36–48, 103–108, 112, 113, 124–127, 152–154, 170, 171, 177, 237, 238, 257–259, 306–350, 382, 386–407, 433–488, 508–523, 530–608.

REFERENCES

1. History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov. M., 2022. P. 6, 8, 11, 21–27, 36–48, 103–108, 112, 113, 124–127, 152–154, 170, 171, 177, 237, 238, 257–259, 306–350, 382, 386–407, 433–488, 508–523, 530–608.

Authors' information

BREZHNEV Oleg V. –
Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law of Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskiye Gory, bld. 51, 119234 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 9, с. 191–194
STATE AND LAW, 2022, No. 9, pp. 191–194

HISTORY OF COURT AND JUSTICE IN RUSSIA: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. HISTORY OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA: monograph / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov. Moscow: Norma, 2022.– 632 pp.

© 2022 T. M. Khramova[1, *], A. A. Troitskaya[2, **]

[1]HSE University, Moscow
[2] Lomonosov Moscow State University

**E-mail: t.syrunina@gmail.com*
***E-mail: stephany@mail.ru*

Received 02.09.2022

Abstract. The review discusses a recent publication dedicated to the history of the Russian Constitution Court, its formation and evolution. The book is one-of-a-kind in the sense that it meticulously reveals the stages of transformation of constitutional justice in Russia. The authors present a rich historical and legal material – from the Orders of Catherine II, inspired by the ideas of the Enlightenment, until the aftermath of the constitutional reform 2020 – in a lively and thrilling manner. A balanced academic approach has enabled the authors to demonstrate the whole variety of viewpoints that exist in the literature regarding various aspects of the formation, organization and performance of the Constitutional Court of the Russian Federation. Overall, the book shows the specific features of the Russian model of constitutional justice, its role in the legal order and the peculiarities of its interaction with other actors. The book raises questions regarding the meaning and consequences of numerous transformations of the system of constitutional review that have taken place in Russia. Particularly, it identifies the risks associated with the large-scale reform of 2020, and highlights the challenges that the Constitutional Court of the Russian Federation is facing in the aftermath of the latest transformation.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, historiography of constitutional justice, the Supreme Court of the USSR, the Committee for Constitutional Supervision of the USSR, constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation, constitutional reform.

For citation: *Khramova, T.M., Troitskaya, A.A. (2022).* History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 191–194.

DOI: 10.31857/S102694520022212-4

ИСТОРИЯ СУДА И ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: монография / В.А. Кряжков, М.А. Митюков. Москва: Норма, 2022.– 632 с.

© 2022 г. Т. М. Храмова[1, *], А. А. Троицкая[2, **]

[1]Высшая школа экономики, г. Москва
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**E-mail: t.syrunina@gmail.com*
***E-mail: stephany@mail.ru*

Получено в редакцию 02.09.2022 г.

Аннотация. В рецензии представлено издание, посвященное истории становления и развития отечественного конституционного контроля. Рецензируемая книга – единственный в своем роде труд, максимально полно описывающий основные этапы эволюции конституционного правосудия в России. Живым и интересным языком авторы раскрывают богатый историко-правовой материал – от Наказов Екатерины II, вдохновленных идеями Просвещения, и до последствий конституционных изменений 2020 г. Взвешенный академический подход позволил авторам показать все многообразие позиций, существующих в науке относительно различных аспектов формирования, организации и деятельности Конституционного Суда РФ и прийти к обоснованным выводам о специфике российской модели конституционного правосудия, её укорененности в правовом порядке и особенностях взаимодействия с иными субъектами конституционно-правовых отношений. Книга заставляет задуматься о смыслах и последствиях преобразований института конституционного контроля в России, в частности о масштабных изменениях, запущенных конституционной реформой 2020 г., и о тех вызовах, с которыми предстоит иметь дело в условиях обновленной конфигурации Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, историография конституционного правосудия, Верховный Суд СССР, Комитет конституционного надзора СССР, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, конституционная реформа.

Цитирование: *Khramova, T.M., Troitskaya, A.A. (2022).* History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov // Государство и право. 2022. № 9. С. 191–194.

The role of the constitutional review in the democratic legal order is vital. Its significance is determined by the essential role that constitutional courts play in ensuring the supremacy of the national constitution and protection of fundamental human rights from violations by the current ruling majority. A constitutional court ensures that the constitution preserves its key features (supremacy, direct effect, the basis for current legislation, etc.), and creates the prerequisites for the constitution to have a real impact on the political and legal systems. The general idea that the meaning of the basic law shall be determined by a body of constitutional review is firmly rooted in the majority of modern legal orders. However, the effectiveness of such a review model may be compromised by the existing rules of constitutional interpretation, the regulation of the powers of constitutional review bodies, the distortion of the system of checks and balances, etc.

The Constitutional Court of the Russian Federation has its specific characteristics – in terms of both formation and functioning. The Russian legal scholarship has produced many studies devoted to its operation, but, admittedly, to a great extent, they focus on the formal aspects of the Court's status (peculiarities of the formation of the Court, its powers, the role in the system of separation of powers, the status of judges) or its decisions in specific areas. The demand for academic research that looks into the essence of constitutional justice is becoming more and more noticeable[1].

The book of V.A. Kryazhkov and M.A. Mityukov is one of the few fundamental works in the field of constitutional justice in Russia. In is written for the audience who strives to understand why constitutional review functions in a peculiar way in Russia, and for this purpose, connects the history of its development with its present features and challenges. The publication is unprecedented, in the sense that the authors have set and brilliantly fulfilled the task of interdisciplinary – historical and constitutional – analysis of the origins, formation and development of judicial constitutional review in Russia.

The book consists of seven sections, encompassing 24 chapters. The sections are devoted to the historiography of constitutional justice in Russia (Section 1); its origins in late 18th – early 20th centuries (Section 2); judicial constitutional supervision in 1924–1933 (Section 3); views, projects and institutional prerequisites for constitutional review in the 1930^{s} – early 1990^{s} (Section 4); the creation of the Constitutional Court of Russia and its activity during the first years (1990–1993) (Section 5); modernization of the status and the performance of the Russian Constitutional Court (1993–2000^{s}) (Section 6); constitutional justice in the federated units of Russia (Section 7). This reasonable structure, aimed at achieving an ambitious academic task, is explained in the very beginning of the book, and the authors strictly follow their plan.

The authors have meticulously thought through the methodology of their study. Along with the formal legal method, they make use of an interdisciplinary approach which enables them to combine the research tools and apparatus of political science, sociology and psychology of law. The legal analysis is also enriched by the appropriate use of comparative and historical research methods.

As a result, the authors have managed to present an impressive coverage of the history of constitutional justice in Russia – from the Orders of Catherine II, inspired by the ideas of the Enlightenment, to the extensive constitutional reform 2020. This overview has provided the authors with the evidence that "the ideas of judicial constitutional review have taken over two centuries to form and become an integral part of Russian constitutionalism" (p. 112). The book does not simply point out, but lucidly explains the theoretical and practical significance of the constituent elements of this process: government (official) projects, constitutional ideas of the late 18th century, projects of the Decembrists and liberal constitutionalists of the late 19th – early 20th centuries, political discussion and normative design of the system of constitutional supervision in the Soviet Russia, prerequisites for the institutionalization of constitutional review in the end of the 20th century, reforms of the Russian Constitutional Court.

Noteworthy, the authors devote their attention to the struggle of ideas related to the rise of constitutional review in the country.

[1] See, for example: Konstitutsionnyy Sud Rossii: Osmysleniye Opyta [The Constitutional Court of Russia: reflections on the experience] / ed. A. Medushevsky. M., 2022; *Kravets I.A.* Konstitutsionnoye Pravosudiye. Teoriya Sudebnogo Konstitutsionnogo Prava i Praktika Sudebnogo Konstitutsionnogo Protsessa [Constitutional Justice: Theory of Judicial Constitutional Law and Practice of Judicial Constitutional Process]. M., 2017.

One of the most valuable features of this book is that in addition to the voices of the epochs, it reproduces the voices of specific people – scholars, politicians, judges and even ordinary citizens. It must be admitted that such an approach (presenting historical eras, large-scale phenomena, significant events through the "eyes" of actual participants) plays a special role in historical studies. Having adopted this approach to constitutional scholarship, the authors have managed to publish a volume rich in theoretical insights, as well as personal reflections and comments of the observers.

Moreover, the book presents an overview of little-known facts, observations and viewpoints. For example, the authors devote considerable attention to such topics as: attempts to maintain the participation of the Supreme Court in constitutional supervision in the preparation of the Stalinist Constitution of 1936 (p. 231); the work of the Constitutional Commission of 1962–1964 years (p. 237); the ideas of guarding the constitution during the drafting of the Basic Law of 1977 (p. 260). The volume offers an extensive and thorough coverage of the creation of the Constitutional Court of the Russian Federation in 1991 and its subsequent reforms. The relevant sections are all the more interesting to read as they refer to well-known personalities, many of whom are still alive. This transition from the past to the present reveals a stunning connection between times and constitutional ideas.

The authors maintain a balanced approach, presenting the whole variety of viewpoints and explaining the contribution of various scholars, including those who had worked under the difficult conditions of ideological restrictions (p. 236), to the development of domestic constitutional justice and strengthening the authority of the Court itself. Noticeably, the authors do not shy away from expressing their professional opinion, but at the same time leave enough space for the audience to comprehend the processes and draw its own conclusions. The authors by no means avoid the uncomfortable moments in the history of the Constitutional Court, highlighting both its strengths and weaknesses and describing the challenged it has faced.

Here are some highlights of the broad range of topics the book touches upon: the relationship between politics and law in the operation of bodies of constitutional review (p. 119 et seq.), the problematic relationship between the political regime and methods of protecting the constitutional order (p. 169, 184, etc.); the history of the struggle of various agencies in an attempt to escape from oversight (p. 343); the problem of extra-jurisdictional powers of the Court (p. 383); arguments favouring different models of constitutional justice (pp. 403–405, etc.); the concept of multi-scale verification (with the involvement of international legal principles, p. 460); organization of the Court's effective operation (pp. 488 et seq.); the significance of dissenting opinions of the judges (p. 509).

The study of V.A. Kryazhkov and M.A. Mityukov enriches our understanding of the models and types of constitutional review and allows to step outside the usual scheme which includes the American and European (with Austrian and French varieties) models. The problems and challenges of the Court's configuration and performance identified in the book have not only historical significance, but are still relevant and will remain vital in the coming years.

The authors' theoretical findings rely on a broad range of judgments, including decisions adopted by the Supreme Court of the USSR during the period when it had the verification powers (until 1933), decisions of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR and judgments of the first Constitutional Court (1992–1993). Undoubtedly, the actual powers of the "prototypes" of the bodies of constitutional control that existed in difficult historical circumstances were, to put it mildly, quite modest. The authors demonstrate this idea in relation to the Committee of Constitutional Supervision of the USSR by referring to discussions about its inefficiency, partisanship, imperfection of the procedure and mechanism for the execution of decisions. Institutional features and the political context inevitably put this body "far from being considered a "third power" in the country" (p. 304). And yet, the experience of predecessors demonstrates a huge potential for the protection of human rights, which, in principle, is accessible to the bodies of constitutional review and which has been at times implemented in Russia.

The authors ask themselves and the reader questions that may be viewed as starting points for further research. One of the fundamental issues prompting a genuine academic interest is the question of the periodization of the organizational and substantive transformations of the Constitutional Court and its practice in post-Soviet Russia (pp. 108, 109). Since the "transitional" stage that preceded the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, the Constitutional Court has gone through periods of stabilization and reform. Nowadays, in the aftermath of constitutional reform 2020, we are witnessing a qualitative transition to a new stage directed towards an uncertain future.

Chapter 22 quite specifically outlines the risks of recent large-scale changes in the foundations of the organization of the Constitutional Court, as well as some stages of constitutional proceedings, related to the complication of access to the Court, the reduction of guarantees for its independence, openness and impartiality. In an effort to "improve ... [the Court], to fit [it] into the changing political and legal context" (p. 539), the legislator – consciously or unconsciously – distorted the fragile balance that generally allowed the Russian Constitutional Court to serve as a check and fill one of the "corners" in the triangle of public power. The leveling of the dissenting opinions of the justices, the transition to a predominantly written procedure, the addition of powers that provoke the Court's involvement in political processes, the arbitrary reduction in the number of judges (from 19 to 11), the growing hierarchy within the justices of the Court and some other "modifications" call into question the very possibility of maintaining high standards of constitutional justice in Russia today and in the future. The extensive review of the constitutional and subsequent legislative changes presented by the authors provides food for thought and leads to pessimistic intermediate conclusions, which are increasingly confirmed in the post-reform practice of the Court.

Thus, after reading the book, the scholar is left with a full range of emotions – from optimistic satisfaction about the successes in the development of constitutional justice in Russia to a strange, poignant feeling of the constant vulnerability of the idea of constitutional review in the past and at present. The authors do not speak directly about the crisis of constitutional justice; rather, this revelation becomes evident from the systemic interpretation of the ideas discussed in the book. The path of the Constitutional Court of the Russian Federation was not strewn with roses. At virtually no point in time has constitutional justice been mainstream. It has rather been a tiny stream making its way through the environment either completely unsuitable, or only conditionally suitable for it. It developed during the times of global upheavals and serious transformations, that often occurred during a constitutional revolution, when "social, political, economic, ideological and legal values faced a radical change" (p. 370).

In the light of the above, a lot about constitutional justice in Russia becomes comprehensible from new angles. Firstly, the history of constitutional justice in Russia described in the book is

a story if not of unconditional success, then at least of noticeable progress. There are some questionable trends and controversial decisions of the Court, but in the long term, the development, implementation and rooting of a number of valuable constitutional ideas in Russia are quite evident. Then, the role of all subjects of constitutional relations becomes multidimensional and vital for the successful functioning of the body of constitutional review. Constitutional review, as the authors rightly point out, is vulnerable to political influence. It is important to take this aspect into account and be fully aware of it to achieve positive change. And finally, the key idea is that the society needs to preserve the Constitutional Court of the Russian Federation, so that it does not become "an outgoing reality", and does not follow the path of the constitutional (charter) courts of the federated units of Russia. The Constitutional Court of Russia is a rooted reality, and the authors of the book have done a fantastic job to prove this statement.

REFERENCES

1. History of court and justice in Russia: in 9 vols / res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov. M., 2022. P. 108, 109, 112, 119, 169, 184, 231, 236, 237, 260, 304, 343, 370, 383, 403–405, 460, 488, 509, 539 (in Russ.).
2. *Kravets I.A.* Constitutional Justice: Theory of Judicial Constitutional Law and Practice of Judicial Constitutional Process. M., 2017 (in Russ.).
3. The Constitutional Court of Russia: reflections on the experience / ed. A. Medushevsky. M., 2022 (in Russ.).

СПИСОК ЛИЕРАТУРЫ

1. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. История конституционного правосудия в России / В.А. Кряжков, М.А. Митюков. М., 2022. С. 108, 109, 112, 119, 169, 184, 231, 236, 237, 260, 304, 343, 370, 383, 403–405, 460, 488, 509, 539.
2. Конституционный Суд России: осмысление опыта / ред. А. Медушевский. М., 2022.
3. *Кравец И.А.* Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практики судебного конституционного процесса. М., 2017.

Authors' information

Khramova Tatiana M. –
PhD in Law; Deputy Head of the Center for Transformation of Legal Education, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"; 3 B. Trekhsvyatitelsky lane, 109028 Moscow, Russia

TROITSKAYA Alexandra A. –
Doctor of Law, Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

Сведения об авторах

ХРАМОВА Татьяна Михайловна –
кандидат юридических наук, заместитель заведующего центром трансформации юридического образования Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 109028 г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

ТРОИЦКАЯ Александра Алексеевна –
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)